



/ Майк Дункан

БУРЯ ПЕРЕД БУРЕЙ

История падения
Римской
республики

«История Рима» Майка Дункана
остается одним из популярнейших
исторических подкастов
на планете.



Увлекательная
история
начала
конца Римской
империи

Annotation

В книге «Буря перед бурей» Майк Дункан мастерски описывает события в Римской республике между 146–78 гг. до н. э., оживляя кровавые битвы, политические махинации и человеческую драму, которые подготовили почву для падения великой империи.

Римская республика была одним из самых выдающихся достижений в истории цивилизации. Начав с небольшого города-государства в центральной Италии, Рим постепенно занял большие территориальные владения в Европе и Средиземноморье, наполненные мелкими тиранами, варварскими вождями и деспотическими царями. На протяжении веков римская модель правления оставалась удивительно прочной и не имеющей себе равных в истории Древнего мира.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

-
- [Майк Дункан](#)
 -
 -
 - [Хронология. 146–78 до н. э.](#)
 - [От автора](#)
 - [Пролог. Триумф Римской республики](#)
 - [Глава 1. Звери Италии](#)
 - [Глава 2. Пасынки Рима](#)
 - [Глава 3. Кинжалы на форуме](#)
 - [Глава 4. Продажный город](#)
 - [Глава 5. Победные трофеи](#)
 - [Глава 6. Золотая серьга](#)
 - [Глава 7. Мариевы мулы](#)
 - [Глава 8. Третий основатель Рима](#)
 - [Глава 9. Италия](#)
 - [Глава 10. Руины Карфагена](#)
 - [Глава 11. Ботинки с шипами](#)
 - [Глава 12. Гражданская война](#)
 - [Глава 13. Диктатор на всю жизнь](#)
 - [Благодарности](#)

- [Примечания](#)
 - [Литература](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)
 - [29](#)
 - [30](#)
 - [31](#)
 - [32](#)
 - [33](#)
 - [34](#)

- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)

- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)

- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)
- [132](#)
- [133](#)
- [134](#)
- [135](#)
- [136](#)
- [137](#)
- [138](#)
- [139](#)
- [140](#)
- [141](#)
- [142](#)
- [143](#)
- [144](#)
- [145](#)

- [146](#)
- [147](#)
- [148](#)
- [149](#)
- [150](#)
- [151](#)
- [152](#)
- [153](#)
- [154](#)
- [155](#)
- [156](#)
- [157](#)
- [158](#)
- [159](#)
- [160](#)
- [161](#)
- [162](#)
- [163](#)
- [164](#)
- [165](#)
- [166](#)
- [167](#)
- [168](#)
- [169](#)
- [170](#)
- [171](#)
- [172](#)
- [173](#)
- [174](#)
- [175](#)
- [176](#)
- [177](#)
- [178](#)
- [179](#)
- [180](#)
- [181](#)
- [182](#)

- [183](#)
- [184](#)
- [185](#)
- [186](#)
- [187](#)
- [188](#)
- [189](#)
- [190](#)
- [191](#)
- [192](#)
- [193](#)
- [194](#)
- [195](#)
- [196](#)
- [197](#)
- [198](#)
- [199](#)
- [200](#)
- [201](#)
- [202](#)
- [203](#)
- [204](#)
- [205](#)
- [206](#)
- [207](#)
- [208](#)
- [209](#)
- [210](#)
- [211](#)
- [212](#)
- [213](#)
- [214](#)
- [215](#)
- [216](#)
- [217](#)
- [218](#)
- [219](#)

- [220](#)
- [221](#)
- [222](#)
- [223](#)
- [224](#)
- [225](#)
- [226](#)
- [227](#)
- [228](#)
- [229](#)
- [230](#)
- [231](#)
- [232](#)
- [233](#)
- [234](#)
- [235](#)
- [236](#)
- [237](#)
- [238](#)
- [239](#)
- [240](#)
- [241](#)
- [242](#)
- [243](#)
- [244](#)
- [245](#)
- [246](#)
- [247](#)
- [248](#)
- [249](#)
- [250](#)
- [251](#)
- [252](#)
- [253](#)
- [254](#)
- [255](#)
- [256](#)

- [257](#)
- [258](#)
- [259](#)
- [260](#)
- [261](#)
- [262](#)
- [263](#)
- [264](#)
- [265](#)
- [266](#)
- [267](#)
- [268](#)
- [269](#)
- [270](#)
- [271](#)
- [272](#)
- [273](#)
- [274](#)
- [275](#)
- [276](#)
- [277](#)
- [278](#)
- [279](#)
- [280](#)
- [281](#)
- [282](#)
- [283](#)
- [284](#)
- [285](#)
- [286](#)
- [287](#)
- [288](#)
- [289](#)
- [290](#)
- [291](#)
- [292](#)
- [293](#)

- [294](#)
 - [295](#)
 - [296](#)
 - [297](#)
 - [298](#)
 - [299](#)
 - [300](#)
 - [301](#)
 - [302](#)
 - [303](#)
 - [304](#)
 - [305](#)
 - [306](#)
 - [307](#)
-

Майк Дункан

Буря перед бурей. История падения Римской республики

© 2017 by Mike Duncan

© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2021

* * *

Посвящается Бранди с благодарностью за все

Хронология. 146–78 до н. э.

146 г. до н. э.

Эмилиан подвергает разграблению Карфаген.

Муммий подвергает разграблению Коринф.

Сенат аннексирует Грецию и Африку.

139 г. до н. э.

Вводится тайное голосование в выборные органы.

137 г. до н. э.

Нумантинская война

Вводится тайное голосование в судебные органы.

135 г. до н. э.

Начало Первого восстания рабов на Сицилии.

134 г. до н. э.

Эмилиан отправляется в Нуманцию.

Смерть царя Аттала Пергамского.

133 г. до н. э.

Тиберий Гракх становится консулом.

Принятие *Lex agraria* (Аграрного закона).

Падение Нуманции.

Начало восстания Аристоника.

Смерть Тиберия Гракха.

132 г. до н. э.

Посмертный суд над Тиберием Гракхом.

Конец Первого восстания рабов.

131 г. до н. э.

Вводится тайное голосование в законодательные органы.

130 г. до н. э.

Конец восстания Аристоника.

129 г. до н. э.

Смерть Сципиона Эмилиана.

125 г. до н. э.

Фульвий Флакк поднимает вопрос о римском гражданств.
Восстание во Фрегеллах.

124 г. до н. э.

Луций Опимий подвергает Фрегеллы разграблению.

123 г. до н. э.

Гай Гракх впервые избирается консулом.

122 г. до н. э.

Гай Гракх повторно избирается консулом.
Основание города Аквы Секстиевы^[1].

121 г. до н. э.

Сенат издает первый *senatus consultum ultimum* (сенатусконсульт).
Самоубийство Гая Гракха.
Битва на реке Изер в Галлии.

119 г. до н. э.

Преследование Гая Карбона и его самоубийство.
Гай Марий становится трибуном.

118 г. до н. э.

Основание города Нарбо^[2].

117 г. до н. э.

Попытка Мария стать эдилом оканчивается провалом.
Смерть нумидийского царя Мисипсы.
Убийство Югуртой Гиемпсала.

116 г. до н. э.

Адгербал обращается к Сенату за помощью.
В Нумидию отправляется делегация во главе с Опимием.
Марий избирается претором, но подозревается в фальсификации выборов.

115 г. до н. э.

Марий исполняет обязанности претора.

114 г. до н. э.

Скордиски наносят поражение Катону.
Марий обуздывает разбойников в Испании.

113 г. до н. э.

Югурта нападает на Адгербала.
Наступление с севера кимвров.
Кимвры наносят поражение Гнею Карбону в битве при Норее.

112 г. до н. э.

Югурта осаждает Цирту.
Югурта убивает Адгербала.
Солдаты Югурты устраивают италикам резню.
Рим объявляет Югурте войну.

111 г. до н. э.

Луций Бестия ведет легионы в Нумидию.
Бестия и Скавр заключают с Югуртой мир.
Меммий вызывают Югурту в Рим.
Преследования Гнея Карбона и его самоубийство.

110 г. до н. э.

Югурта убивает Массиву.

109 г. до н. э.

Югурта побеждает римлян и проводит их под ярмом.
Учреждение комиссии Мамилиана.
Первая Нумидийская кампания Метелла.

Кимвры возвращаются и предъявляют претензии на земли в Италии.

Кимвры побеждают легионы под командованием Силана.

108 г. до н. э.

Мария избирают консулом.

Суллу избирают квестором.

Марий вводит практику набора солдат из всех классов общества.

Югурта и мавританский царь Бокх вступают в союз.

107 г. до н. э.

Марий впервые становится консулом.

Нумидийская кампания Мария.

Тигурины наносят легионам поражение в Галлии.

106 г. до н. э.

Цепион возвращает сенату контроль над судами.

Цепион «теряет» Толозское золото.

Марий наносит поражение Югурте и Бокху под Циртой.

Рождение Цицерона.

Рождение Помпея Великого.

105 г. до н. э.

Сулла склоняет Бокха выдать римлянам Югурту.

Кимвры громят легионы в битве при Араузионе.

Мария во второй раз избирают консулом.

104 г. до н. э.

Победа Мария над Югуртой.

Марий реформирует галльские легионы.

Начало Второго восстания рабов на Сицилии.

Сенат освобождает Сатурнина от исполнения обязанностей.

103 г. до н. э.

Марий в третий раз становится консулом.

Сатурнин выделяет ветеранам Мария землю.

Маллий и Цепион отправляются в изгнание.

Лукулл побеждает армию рабов на Сицилии.

102 г. до н. э.

Марий в четвертый раз становится консулом.

Лукулл распускает сицилийские легионы.

Кимвры, тевтоны и амвроны движутся на юг.

Марий побеждает тевтонов и амвронов в Битве при Аквах Секстиевых.

Кимвры успешно вторгаются в Италию.

101 г. до н. э.

Марий в пятый раз становится консулом.

Марий побеждает кимвров в битве при Верцеллах.

Аквилий громит армию повстанцев на Сицилии.

Сторонники Сатурнина убивают Нония.

100 г. до н. э.

Шестой консульский срок Мария.

Сатурнин во второй раз становится трибуном.

Метелл отправляется в изгнание.

Сторонники Сатурнина убивают Меммия.

Сенат издает второй *senatus consultum ultimum* (сенатусконсульт).

Смерть Сатурнина и Главция.

Рождение Юлия Цезаря.

98 г. до н. э.

Марий встречает царя Митридата VI Понтийского.

Метелла, находящегося в изгнании, призывают обратно.

Суллу избирают претором.

95 г. до н. э.

Сулла усаживает на трон Каппадокии царя Ариобарзана.

Митридат и армянский царь Тигран вступают в союз.

Рождение Катона Младшего.

94 г. до н. э.

Сцевола и Рутилий реформируют органы управления в Азии.

Сулла встречается с парфянским послом.

92 г. до н. э.

Суд над Рутилием и его изгнание.

91 г. до н. э.

Марк Друз Младший становится трибуном.

Митридат вторгается в Вифинию, а Тигран в Каппадокию.

Друз поднимает вопрос о римском гражданстве.

Убийство Друза.

Начало Союзнической войны.

90 г. до н. э.

Восставшие италики учреждают в Корфинии свою столицу.

Комиссия Ворена в судебном порядке преследует всех, кто повинен в подстрекательстве италиков.

Гай Марий возглавляет легионы в Северной Италии.

Аквилый препровождает Никомеда и Ариобарзана в их царства.

Lex Julia (Закон Юлия) распространяет римское гражданство на италиков, которые не воевали в легионах.

89 г. до н. э.

Закон Плавтия Папирия распространяет римское гражданство на всех италиков.

Никомед Вифинский вторгается в Понт.

Митридат вторгается в Каппадокию.

Помпей Страбон захватывает Аускул^[3].

Сулла проводит успешную кампанию на юге Италии.

Суллу и Помпея избирают консулами.

88 г. до н. э.

Смерть Попедия Силона.

Окончание Союзнической войны.

Сульпиций предлагает предоставить италийцам избирательные права.

Сульпиций вверяет Марию командование силами на востоке.

Марш Суллы на Рим.

Марий бежит в Африку.
Митридат вторгается в Азию.
По приказу Митридата италийцы подвергаются массовому истреблению.

87 г. до н. э.

Цинна впервые становится консулом.
Сулла отбывает на восток и осаждает Афины.
Цинна предлагает наделить италийцев равным правом голоса, за что его изгоняют из Рима.
Армия Цинны окружает Рим.
Смерть Помпея Страбона.
Армия Цинны входит в Рим.
Марий устанавливает господство террора.

86 г. до н. э.

Седьмой консульский срок Мария.
Второй консульский срок Цинны.
Смерть Гая Мария.
Сулла подвергает разграблению Афины.
Сулла побеждает понтийскую армию в битве при Херонее.
Флакк и Сципион Азиатский возглавляют поход легионов на восток.
Сулла побеждает понтийскую армию в битве при Орхомене.

85 г. до н. э.

Третий консульский срок Цинны.
Фимбрия убивает Флакка.
Лукулл позволяет Митридату бежать.
Сулла и Митридат заключают мирное соглашение.
Сулла вынуждает Фимбрию покончить с собой.

84 г. до н. э.

Четвертый консульский срок Цинны.
Цинну убивают мятежные солдаты.
Сулла наводит порядок в провинции Азия.
Сенат и Сулла обсуждают вопрос его возвращения.

83 г. до н. э.

Сулла возвращается в Италию.

К Сулле присоединяются Метелл Пий, Помпей и Красс.

Начало гражданской войны.

82 г. до н. э.

Начало осады Пренесте.

Сулла обращается к римлянам.

Сулла одерживает победу в битве у Коллинских ворот.

Окончание гражданской войны.

Сулла становится диктатором.

81 г. до н. э.

Сулланские проскрипции.

Сулла реформирует Конституцию республики.

80 г. до н. э.

Сулла отказывается от диктаторства и становится консулом.

79 г. до н. э.

Сулла уходит со всех постов.

78 г. до н. э.

Смерть Суллы.

РЕСПУБЛИКАНСКАЯ ИМПЕРИЯ
ОКОЛО 100 Г. ДО Н. Э.



РИМСКАЯ ИТАЛИЯ

ОКОЛО 100 Г. ДО Н. Э.

ЦИЗАЛЬПИЙСКАЯ
ГАЛЛИЯ



От автора

Ни один период в истории не изучался с такой тщательностью, как падение Римской республики. Имена Цезаря, Помпея, Цицерона, Октавиана, Марка Антония и Клеопатры являются одними из самых известных в истории не только Рима, но и всего человечества. Каждый год преподносит нам новую книгу, художественный фильм или телевизионное шоу о жизни этого прославленного поколения, последнего в Римской республике. Для их перманентного преобладания есть весьма веские причины: этот период оживляют собой удивительные личности и невероятные события. Особенно увлекательно это для тех из нас, обитателей современного мира, кто, опасаясь хрупкости наших собственных республиканских институтов, воспринимает восхождение кесарей в качестве поучительной истории. Знаменитое высказывание Бена Франклина о том, что Конституционный конвент породил «республику... которую еще нужно сохранить», звенит всем последующим поколениям предупреждающим звоночком.

Но вот о том, как Римская республика до этого дошла, оказавшись на грани катастрофы, – вопрос, на сегодняшний день значимый больше, чем когда-либо, – написано гораздо меньше, что весьма удивительно. Бушующий огонь, вполне естественно, требует к себе внимания, но чтобы не дать ему разгореться в будущем, надо спросить себя, с чего он начался. В истории не было революций, которые взяли бы ниоткуда, и начинать с политической системы Юлия Цезаря, разрушенной единственно силой амбиций, было бы, конечно, неразумно. Значительную часть масла, вспыхнувшего в 40–30 гг. до н. э., в огонь подлили за сто лет до этого. О жизненно важном поколении предшественников Цезаря, Цицерона и Антония – братьев-революционеров Гракхов; упрямого, амбициозного Мария и Суллы, снискавшего своей дерзостью недобрую славу, – все забывают. Мы очень долго отказывали себе в не менее живой, волнующей, хаотичной, пугающей и захватывающей истории последнего поколения Республики. О ней как раз повествует эта книга.

Впрочем, она служит не только средством заполнить пробел в нашем знании римской истории. Когда я писал «Историю Рима», мне

снова и снова задавали одни и те же вопросы: «А Америка тоже Рим? А Соединенные Штаты движутся по сходной исторической траектории? И если да, то на каком этапе римской хронологии на данный момент они сейчас находятся?» Попытки проводить прямые сравнения между Римом и Соединенными Штатами всегда чреваты опасностями, но из этого еще не следует, что в рассмотрении данного вопроса нет никакого смысла. По меньшей мере, нам будет полезно определить, на каком отрезке тысячелетней истории Рима мы можем отыскать аналогичный исторический контекст.

Давайте в данном русле объясним следующий момент. Мы находимся не на первом этапе, когда разношерстная толпа изгнанников, инакомыслящих и бродяг приезжает на новое место и основывает там постоянное поселение. Подобное соответствовало бы ранней стадии колонизации. Сегодня мы переживаем революционный этап, когда группка недовольных аристократов свергает монархию и учреждает республику. Он соответствует периоду отцов-основателей, стоявших у истоков США. Фазу великих завоеваний, когда череда войн с другими могущественными державами устанавливает международную военную, политическую и экономическую гегемонию, мы тоже не переживаем. Она соответствовала бы XX веку с его глобальными конфликтами Первой и Второй мировой войн, равно как и холодной войны. Наконец – несмотря на заявления некоторых истеричных комментаторов – наша республика не рухнула и не оказалась в руках диктатора. Пока ничего такого еще не случилось. Это означает, что если США и находятся на определенном участке римской хронологической шкалы, то он, должно быть, соответствует периоду между великими завоевательными войнами и восхождением кесарей.

Более углубленное изучение этого периода обнаруживает эпоху, наполненную историческими отголосками, которые кажутся странно знакомыми современному читателю. Окончательная победа над Карфагеном в Пунических войнах привела к растущему экономическому неравенству, нарушению привычного образа жизни, нарастающему политическому противостоянию, попранию неписаных правил политического поведения, приватизации армии, буйной коррупции, к социальным и этническим предубеждениям на местах, сражениям за возможность получить гражданские и избирательные права, непрекращающимся и затяжным военным конфликтам,

использованию насилия в качестве политического инструмента, а также к появлению ряда элит, которые были настолько одержимы своими привилегиями, что напрочь отказывались вовремя реформировать систему, дабы ее спасти.

Эти отголоски, конечно же, могут быть чистой воды совпадением, однако великий греческий биограф Плутарх считал, что «при существовании ограниченного числа элементов, из которых сотканы события, в условиях действия одних и тех же факторов одни и те же эпизоды должны повторяться снова и снова». И если истории полагается обладать тем или иным активным значением, то мы должны определить место для определения таких связанных элементов, изучения периодически повторяющихся факторов и извлечения уроков из жизни наших предшественников. Римская империя всегда по праву считалась и будет считаться явлением поистине удивительным – и эта книга, в первую очередь, представляет собой повествование об одной из эпох в ее истории. Но если наш собственный век несет в себе ряд названных выше ограниченных элементов, то данный период римской истории вполне заслуживает глубокого изучения, созерцания и раздумий.

Майк Дункан, Мэдисон, штат Висконсин

Октябрь 2017 г.

Пролог. Триумф Римской республики

«Кто это здесь настолько слабоумен или ленив, что даже не желает знать, как и каким образом практически весь обитаемый мир за пятьдесят три года был завоеван и оказался в единоличной власти Рима?»^[4]

Полибий

Проконсул Публий Корнелий Сципион Эмилиан стоял под стенами Карфагена и взирал на объятый пламенем город. После долгой кровопролитной осады римляне проломили стены и пронзили сердце своего величайшего врага. Карфагеняне оказали яростное сопротивление, вынуждая врагов завоевывать город улица за улицей, но после недели боев те взяли верх. После последовательного разграбления города Эмилиан приказал его разрушить, а оставшихся в живых жителей либо продать в рабство, либо переселить в глубь территории – подальше от их прибыльной гавани на побережье Северной Африки. И Карфагена, долго являвшегося одним из важнейших городов Средиземноморья, не стало.

Тем временем, в семистах милях к востоку консул Луций Муммий стоял под стенами греческого города Коринфа. Пятьдесят лет Рим пытался контролировать греческую политическую жизнь, избегая прямого правления страной. Но постоянные волнения, беспорядки и бунты то и дело требовали его вмешательства. Наконе, в 146 г. до н. э. сенат отправил Муммия раз и навсегда положить этим мятежам конец. Проломив стены Коринфа, он наказал взбунтовавшийся город в пример другим. Как и в случае с Карфагеном, легионы разграбили все его богатства, здания сровняли с землей, а жителей продали в рабство.

Разрушив в 146 г. одновременно Карфаген и Коринф, Римская республика предприняла окончательный шаг к своей имперской судьбе. Теперь Рим считал себя не просто одной из могущественных сил Средиземноморского региона, а силой *единственной*. Но пока римская имперская власть достигала зрелости, сама республика гнила изнутри. И триумф Римской республики заодно стал началом ее конца.

Путь Рима к триумфу начался за шесть веков до этого в центре Италии. По официальной легенде, волчица нашла брошенными на берегу реки Тибр братьев-близнецов Ромула и Рема, а затем вскормила своей грудью, тем самым вернув их к жизни. Достигнув совершеннолетия, близнецы решили основать город на том месте, где их обнаружили. Однако спор о том, где располагать городские межевые вехи, привел к ссоре: Ромул убил Рема и стал единоличным основателем нового города Рима. В качестве даты основания легенда называет 21 апреля 753 г. до н. э.

Вполне очевидно, что популярная история о Ромуле и Реме представляет собой миф, но из этого еще не следует, что в ней все чистый вымысел. Археологические находки свидетельствуют о том, что впервые люди пришли сюда примерно в 1200 г. до н. э., а постоянные поселения появились в начале 900-х гг. до н. э., что примерно соответствует времени, которое указано в легенде. Но в отличие от мифа, расположение Рима обусловлено не столько случайной встречей с дружелюбными волками, сколько стратегической экономикой. Рим возвышается на семи холмах, властвующих над одной из безопасных переправ через реку Тибр. Большинство жителей Рима на первом этапе были земледельцами, но положение города позволяло им контролировать реку, открыть рынок и защитить себя в случае нападения. Вскоре их небольшая община добилась стабильности и процветания.

Первые 250 лет своего существования Рим представлял собой лишь одно из многих царств Италии. Поскольку письменных упоминаний о той эпохе не сохранилось, историки более позднего римского периода, объясняя развитие города на раннем этапе, полагались на устное предание о «Семи римских царях». Хотя свидетельств тому почти не было, римляне верили, что большая часть их ключевых общественных институтов своими корнями уходила в эту полумифическую монархию. Ромул, первый царь, создал легионы, сенат и Народное собрание. Второй, Нума, ввел институт духовенства и религиозные обряды. Шестой, Сервий Тулий, реформировал комиции, провел первую перепись и организовал граждан в местные трибы для голосования. Но хотя впоследствии римляне и приписывали царям закладку общественно-политических основ города, с другой стороны,

монархии считались проклятием для римского характера. Римское царство внезапно рухнуло в 509 г., когда ряд сенаторов изгнали из города Луция Тарквиния Гордого, последнего единовластного правителя, заменив монархию республикой.

Эта республика отнюдь не представляла собой свободную, ничем не ограниченную демократию. Семейства, способные проследить свое происхождение до первых сенаторов, назначенных Ромулом, и известные как *патриции*, монополизировали все должности в религии и политике, причем как по обычаю, так и по закону. Все остальные, не входившие в этот узкий аристократический клан, назывались плебеями. Плебейам, всем без исключения, будь то бедный крестьянин, процветающий торговец или богатый землевладелец, путь во власть был закрыт. Времени, чтобы они стали бороться за равные права, потребовалось совсем немного. Как говорил историк Аппиан, «плебеи и римский сенат часто конфликтовали друг с другом относительно одобрения законов, ликвидации долгов, распределения земель или избрания магистратов»^[5]. Непрерывная борьба патрициев с плебсом получила известность как конфликт сословий.

По прошествии пятнадцати лет с момента основания Республики, долговой кризис среди самого неимущего плебса привел наконец к серьезному противостоянию. Простолюдины, в ярости от оскорбительного для них произвола патрициев, отказались вступать в ряды войск, когда их призвали встретиться лицом к лицу с надвигающейся иноземной угрозой. Вместо этого плебеи в массовом порядке собрались на холме за городской чертой и поклялись с места не сойти до тех пор, пока им не предоставят возможность избирать собственных магистратов. Сенат уступил и учредил Собрание плебеев, народный орган, доступ в который патрициям был закрыт. Это собрание избирало трибунов, призванных защищать простолюдинов от произвола патрициев. Любой гражданин, в любое время и по любым причинам мог искать у трибуна убежища. Этих магистратов под священной присягой объявили *неприкосновенными* – в черте города Рима на них не мог посягнуть даже консул. Они встали на страже против тирании сенаторов-аристократов.

Но хотя напряженность между патрициями и плебеями помогла очертить на первом этапе республику, римская политика отнюдь не сводилась к сословному вопросу. Римские семьи были организованы в

сложные системы, связывавшие патронов и их клиентов, верхушкой в которых являлась элита в виде патрициев, а дальше в массовом порядке шли тесно связанные с ними клиенты-плебеи. Патроны могли рассчитывать на политическую и военную поддержку клиентов, в то время как те, в свою очередь, могли надеяться на финансовую и правовую помощь патронов. Поэтому хотя конфликт между патрициями и плебеями время от времени и приводил к яростным столкновениям, тесные узы между патронами и клиентами подразумевали, что римская политика сводилась не столько к классовой войне, сколько к противостоянию кланов.

Однако в действительности римлян связывало вместе не что-то другое, а неписанные правила поведения в политике и обществе. У них никогда не было ни изложенной на письме конституции, ни исчерпывающего свода письменных законов – ни то, ни другое им попросту не требовалось. Вместо этого они окружали себя неписаными правилами, традициями и взаимными ожиданиями – кодексом, известным как *mos maiorum*^[6]. Даже если политические противники соревновались друг с другом в борьбе за богатство и власть, присущее каждому из них уважение к силе отношений между клиентом и патроном, к суверенитету собраний и мудрости сената, не позволяло им заходить слишком далеко. Когда под конец II в. до н. э. республика стала разваливаться, виной тому стало вырождение не буквы закона, а уважения к общепринятым узам *mos maiorum*.

Римляне порой хоть и были внутренне разделены, но перед лицом внешней угрозы всегда выступали единым фронтом. Ромул с самого начала наделил их боевым духом, и редко год проходил без конфликта с очередным соседом. Время от времени эти периодические стычки выливались в полномасштабные войны. С 343 г. до н. э. римляне ввязались в продолжительный конфликт с самнитами, кочевым народом, который обитал в горах и на холмах центральной части Италии. Затянувшись на последующие пятьдесят лет, Самнитские войны, в конечном итоге, втянули в коалицию против Рима всю остальную Италию. А когда Рим в 295 г. до н. э. одержал над ней победу, римляне стали непререкаемыми хозяевами полуострова.

Но эта победа лишь породила еще более масштабный конфликт: Пунические войны. Пока Рим в 300-х гг. до н. э. набирал силу, в

Северной Африке поднимался процветающий город Карфаген. К тому времени, когда римляне завоевали Италию, карфагеняне уже вторглись на остров Сицилия и вскоре намеревались двинуться на Испанию. Две эти перспективные империи неизбежно столкнулись, и в последующие сто лет Рим сражался с Карфагеном за контроль над западным Средиземноморьем.

В 218 г. до н. э., когда в Италию вторгся великий карфагенский полководец Ганнибал, Рим чуть было не потерпел поражение, но его упрямые граждане наотрез отказались сдаться. По сути, некоторое время спустя они смогли распространить этот конфликт на все Средиземноморье. Пытаясь перекрыть пути снабжения Ганнибала, сенат послал легионы атаковать карфагенские земли в Испании. А когда выяснилось, что Ганнибал стремился заключить союз с царем Филиппом V Македонским, в Грецию по приказу сената отплыл флот. Наконец, Сципион Африканский, который стал великим героем той войны, вторгся в Северную Африку, на родину карфагенян. Там в 202 г. ему удалось разбить Ганнибала в битве при Заме, заставив врага сдаться.

Пройдя через трудности Пунических войн, Рим из обычного регионального игрока превратился в *доминирующую* силу во всем Средиземноморье. Однако сенат не желал устанавливать прямой имперский контроль над территориями, оказавшимися теперь в его власти. Окончательное соглашение с Карфагеном оказалось на удивление мягким и терпимым. Да, оно включало в себя несколько пунктов о наказании – карфагеняне должны были ежегодно выплачивать репарации, им запрещалось выдвигать на позиции армию и флот – но во всем остальном они сохранили за собой не только традиционные территории в Африке, но и возможность ими самостоятельно управлять. Кроме того, сенат не желал принимать никакого участия в управлении греками и македонцами. Успешно удержав Македонию от войны, римский флот пересек Адриатику и вернулся обратно. Поначалу Грецию планировалось предоставить грекам, но царь Филипп V, к ужасу сената, преднамеренно нарушил одно из своих обязательств по договору, и Риму снова пришлось отправить на восток свои легионы. В 197 г. до н. э. Филипп заплатил за свой провокационный просчет – в решающей битве при Киноскефалах легионы его разгромили. Филипп согласился ограничиться Македонией

и не доставлять больше никаких проблем. И хотя Греция теперь была полностью в их власти, в 196 г. до н. э. «сенат Рима и Тит Квинкий, римский генерал, одержав победу над царем Филиппом и македонцами, постановили и предписали освободить эти территории, избавить их от выплаты податей и разрешить жить по их собственным законам»^[7]. Римляне пришли не завоевать греков, а освободить.

Сенат воздержался от прямого имперского управления «цивилизованными» греками и карфагенянами, при аннексии «нецивилизованной» Испании его члены особо не сомневались. После Пунических войн Рим, привлеченный прибыльными месторождениями серебра, оставил свои легионы в Испании, дабы гарантировать, что оно потечет в его храмы. Поведение римлян в Испании в изобилии было наполнено лицемерием, грабежами и периодическим насилием. Вскоре это привело к чередованию циклов мятежей и их умиротворения, что, в свою очередь, сподвигло сенат создать на побережье страны две постоянные провинции: Испанию Ближнюю и Испанию Дальнюю. В 197 г. до н. э. они присоединились к Сицилии и Корсике в качестве первых заморских территорий Римской империи.

Вот каким был мир, в котором в 185 г. до н. э. родился Публий Сципион Эмилиан. Его, сына древней патрицианской семьи, усыновил бездетный глава рода Сципионов, в законном порядке превратив наследника в великого Публия Корнелия Сципиона Африканского. Такого рода усыновления представляли собой распространенный способ укрепления альянсов в кругах римской аристократии, и Эмилиан вырос в самой могущественной семье самого могущественного в мире города. Воспитанный в надежде на блестящую публичную карьеру, Эмилиан никогда не сомневался, что его удел – быть великим лидером. Со временем ему предстояло послужить во всех трех основных имперских сферах Рима – а затем стать одним из главных творцов окончательного триумфа империи.

Первый опыт Эмилиан получил в Греции, когда его родной отец, Луций Эмилий Павел, взял семнадцатилетнего сына в поход, чтобы тот посмотрел, как римляне ведут войну. В июне 168 г. до н. э. его легионы уничтожили македонцев, свергнув их молодого и амбициозного царя Персея, который попытался избавиться от гегемонии Рима. Эмилиан наблюдал, как его отец захватил сокровищницу македонского царя,

обратил в рабство триста тысяч человек и буквально стер с карты мира Македонское царство. Все бывшие владения великого Александра Македонского теперь разделились на четыре небольших республики.

Но после столь безжалостного урегулирования вопроса сенат вновь вернулся к своей привычке либерального правления. Он потребовал от жителей четырех новых македонских республик продолжать платить подати, но вдвое меньше по сравнению с тем, что они выплачивали своим бывшим царям. И если человек сумел пережить войну и не попасть в рабство, то при римлянах его ждала весьма приятная жизнь.

В разгар всех своих завоеваний Эмилий Павел также взял в заложники тысячу известных греков в виде гарантии хорошего поведения их родственников. Среди них оказался блестящий политик и ученый по имени Полибий. Будучи общественным лидером из города Мегалополиса, он когда-то посоветовал придерживаться нейтралитета в отношении римлян, которые вели с Македонией войны, чего оказалось вполне достаточно, чтобы выставить себя в глазах окружающих опасным элементом и тем самым привлечь к себе внимание. И хотя теперь Полибия собирались отправить в изгнание, в действительности его злключения обернулись счастливым случаем. Когда верховное римское командование проезжало через Мегалополис, юный Эмилиан взял у Полибия почитать несколько книг, и на фоне их последующих дискуссий между ними завязались узы дружбы. Павел добился, чтобы Полибия отправили в изгнание в Рим, где ему предстояло обучить сына полководца риторике, истории и философии.

Под руководством Полибия Эмилиан проникся новым греко-римским духом, получившим в те времена самое широкое распространение. Поток хлынувших в Италию образованных греческих рабов привел к тому, что целое поколение молодых аристократов без остатка погрузились в греческую литературу, философию и искусство. Ряд более консервативных римлян негодовали из-за подобного перенимания греческих идей, полагая, что те подрывают строгие добродетели, что характерны для их предков. Однако молодые лидеры наподобие Эмилиана хоть и упивались греческой культурой, но при этом никогда не ставили под сомнение право Рима управлять миром. К тому же, если консервативная мораль и агонизировала, то Сципиона Эмилиана, считавшего, что покорности надо учить с кнутом в руке,

отнюдь нельзя было заподозрить в мягкотелости. В будущем ему предстояло возвыситься до самых высот, чтобы стать этой самой рукой с кнутом, причем в тот самый момент, когда народы, страдающие под римским правлением, станут бунтовать и сенат, наконец, решит преподать Средиземноморью урок повиновения.

Отбывая в Риме ссылку, он стал восхищаться республикой – или как минимум пришел к убеждению, что римское могущество неотразимо и что его греческим собратьям к этому лучше привыкнуть. Деятельно наблюдая за миром, Полибий без конца делал заметки и состоял в обширной переписке, что позволяло ему тщательно исследовать этих непонятных италиков-варваров, теперь превратившихся в повелителей вселенной. В конечном счете, Полибий написал историю Рима, поведав в ней как и почему римляне так стремительно и высоко вознеслись. В ней он утверждал, что помимо очевидной воинской доблести, они жили при политическом устройстве, сумевшем достичь идеального баланса трех классических форм правления: монархии – правления одного; аристократии – правления нескольких; и демократии – правления многих.

В соответствии с политической теорией Аристотеля, каждая форма правления обладала собственными достоинствами, но при этом неизбежно скатывалась к своей самой деспотичной ипостаси до тех пор, пока ее не свержали. Таким образом, монархия становилась тиранией, только чтобы быть свергнутой просвещенной аристократией, которая, в свою очередь, регрессировала до репрессивной олигархии, пока последнюю не сокрушала народная демократия, открывавшая путь к анархии, и так по кругу – опять к руке монархии, чтобы стабилизировать ситуацию. Полибий полагал, что римлянам удалось разорвать этот порочный круг и, таким образом, двинуться дальше, пока другие города рушились под зыбучими песками своих неадекватных политических систем.

Монархический элемент римского политического устройства представляли консулы, наделенные исполнительной властью. Благодаря враждебному отношению римлян к царям, они избирали не одного консула, а двух, которые делили между собой всю полноту военной, политической и религиозной власти. Для снижения риска тиранического захвата власти, каждый из них обладал правом накладывать на решение коллеги вето. Но что еще важнее, срок

пребывания в этой должности составлял всего один год, по истечении которого консулам полагалось возвращаться в ранг рядовых граждан, а на их место приходила пара других.

В то же время, практичные римляне создали чрезвычайный институт, именовавшийся диктатурой. В периоды кризиса консулы могли передать полномочия одному-единственному человеку, получавшему всю полноту власти, чтобы избавить Рим от опасности. Причем угроза совсем не обязательно должна была исходить извне: первый диктатор был назначен не из-за какого-то враждебно настроенного соседа, а из-за восстания плебеев в стенах самого города. И поскольку римляне питали непримиримую ненависть к царям, сенат разрешил любому гражданину в любое время убить другого гражданина, пойманного на жажде монаршей власти. За всю историю существования этого института, насчитывавшую без малого пятьсот лет, римские диктаторы ни разу не отказались сложить с себя полномочия.

Аристократический элемент, конечно же, представлял собой сенат. Если изначально Ромул организовал сто стариков, выступавших в роли государственного совета, то во времена Полибия палата насчитывала их уже триста. Набирая своих членов из самых богатых и могущественных семей Рима, сенат превратился в центральный политический институт республики. Включая в себя бывших магистратов, он выступал в роли основного советника ежегодно избираемых лидеров. Консулы очень редко воплощали в жизнь ту или иную политику без коллективного одобрения сената.

Наконец, демократический элемент обнаруживался в Собраниях, открытых для всех римских граждан. Во времена Полибия существовало три основных типа собраний, также называемых комициями: Центуриатные комиции, избиравшие высших магистратов; Трибутные комиции, избиравшие младших магистратов, принимавшие законы и выносившие судебные решения; и Плебейские комиции, во многом наделенные теми же полномочиями, что и Трибутные, но избиравшие трибунов и открытые только для урожденных плебеев. Демократический элемент в римском политическом устройстве зачастую недооценивается, однако комиции обладали невероятным могуществом. Только собрание могло ввести в действие закон или же вынести гражданину смертный приговор. Причем если гражданин мог

всегда обжаловать в собраниях приговор, то *сами* они никогда и ни к кому не апеллировали. (Поскольку греческие и римские литературные источники не всегда содержат однозначные указания на то, о каком именно собрании идет речь, впредь мы будем называть их здесь просто «собранием» или «народным собранием»).

В приведенном Полибием толковании между вышеназванными элементами римского политического устройства поддерживался баланс, который не позволял одному из них занять доминирующее положение. Но хотя он и был одаренным теоретиком, к середине 100-х годов до н. э., когда он писал свою историю, этот баланс, вызывавший у него восхищение, уже был нарушен. После Пунических войн сенат стал гораздо сильнее, чем в 400-х годах до н. э., во времена Первой сецессии плебеев. В период того конфликта ежегодная смена верховного военного командования стала препятствием на пути планирования боевых операций, и сенат коллективно возглавил процесс выработки и реализации политики. Кроме того, он научился продвигать в трибуны своих послушных клиентов. К окончанию Пунических войн консулы, трибуны и комиции не столько контролировали сенат, сколько выступали в роли его продолжения. Поэтому хотя Полибий и восхвалял баланс политического устройства Рима, сенатская аристократия уже скатывалась в репрессивную олигархию.

Один из инструментов власти сената сводился к непрерывному контролю избрания высших магистратов. К середине 200-х гг. до н. э. конфликт сословий уничтожил большинство различий между патрициями и плебеями. Но когда рушится одна аристократическая элита, рядом всегда оказывается другая, чтобы занять ее место, опять порождая новые различия: любой род, патрицианский или плебейский, среди предков которого когда-либо числился консул, теперь считался *nobile*, т. е. «благородным» или «знатным». Тех же, у кого консулов в роду не было, иронично называли *novus homo*, т. е. «новыми людьми». Эта новоявленная патрицианско-плебейская знать упорно трудилась над тем, чтобы их семьи и далее монополизировали институт консулов, практически никогда не допуская к нему «новых людей». Луций Муммий относился к тем, кто ощущал влияние этого скатывания в олигархию. Он являлся молодым человеком с амбициями. И принадлежал к «новым людям».

О первом этапе жизни Муммия практически ничего не известно – тайной остается даже дата его рождения, которую можно вычислить лишь приблизительно в промежутке между 200 и 190 гг. до н. э. Если он следовал стандартным жизненным путем, то, получив воспитание и образование, в возрасте восемнадцати – двадцати двух лет поступил в легионы, десять лет пребывания в которых представляли собой предварительное условие для того, чтобы занять публичную должность, и прослужил этот срок в качестве кавалерийского офицера в различных провинциальных гарнизонах. По завершении этого срока он получил право начать свое восхождение по *cursus honorum*, т. е. по «пути чести», который представлял собой восходящую лестницу выборных магистратур.

Первым шагом на этом пути была должность *квестора*. Собрание каждый год избирало квесторов, поручая им республиканские финансы, бухгалтерию и учет. Выступая обычно в роли помощника одного из высших магистратов, квесторы проводили этот год в его канцелярии, изучая приемы управления Римом. Избравшись квестором, человек получал право стать членом сената – хотя молодых чиновников, которым едва перевалило за тридцать, во время важных дебатов там обычно никто и никогда не видел и не слышал. По всей видимости, на этот год Муммия, как квестора, определили в государственную казну в Риме, либо отправили в провинцию – на Сицилию, Сардинию или в Испанию.

Ступенькой выше квесторов располагались *эдилы*. Каждый год собрание избирало четырех эдилов, поручая им надзор за общественными работами и играми. Для начинающего политика год в должности эдила представлял собой прекрасную возможность добиться известности и популярности, устраивая роскошные игры или осуществляя надзор над каким-нибудь резонансным проектом наподобие новой дороги или акведука. Для финансирования подобных работ амбициозные молодые люди нередко влезали в огромные долги – прекрасно понимая, что политический успех в будущем предоставит им возможность быстро и сполна расплатиться с кредиторами.

Когда бывшие квесторы и эдилы приближались к сорокалетнему рубежу, им позволялось выдвигать свои кандидатуры на должность *преторов*, тем самым пересекая черту между низшими и высшими магистратами. Поскольку двое ежегодных консулов не могли везде

поспеть, собрание каждый год выбирало четырех преторов, наделяя их всей полнотой власти в отсутствие высших должностных лиц. Преторы помогали, взваливая на себя ответственность за управление на местах, военные операции и судебные разбирательства. В 153 г. до н. э., наверняка с помощью своих знатных покровителей, которые посчитали, что молодой чиновник подает надежды, Муммий сумел обеспечить свое избрание претором. С учетом его статуса, который определял принадлежность к «новым людям», это была та вершина, до которой он мог надеяться возвыситься. Консульский пост для *novus homo* в конечном итоге был закрыт.

Но нарушить порядок, в соответствии с которым ни один «новый человек» не избирался консулом вот уже целое поколение, ему помог кризис в Испании. Сенат поручил Муммию задачу восстановить порядок в Дальней Испании, ходившей ходуном от восстания коренных лузитан. Вступив во внутренние районы провинции, Муммий тут же установил местонахождение основной массы лузитан и обратил их в бегство, но подразделения его армии, преследуя бунтовщиков, настолько оторвались друг от друга, что в результате стороны поменялись местами. Муммию пришлось отступить обратно до самого побережья. Не растеряв ни капли мужества, он перегруппировал свои силы и одержал над лузитанами несколько побед. К концу года Муммий уже владел большим количеством рабов и устраивал грабежи. За эти успехи сенат и народ Рима удостоили Муммия триумфом – оказав весьма редкую честь, которой практически никогда не удостоивался «новый человек».

Триумф был не просто почестью, он представлял собой вершину римского политического великолепия. Возвращавшийся с войны полководец мог войти в город вместе со своим войском и трофеями, а затем двинуться по ритуальному пути в храм Юпитера на Капитолийском холме. По дороге граждане Рима могли созерцать золото, серебро, драгоценности, экзотические предметы материальной культуры, добычу и рабов, захваченных легионами во время кампании. По окончании шествия генерал-триумфатор нередко устраивал банкеты и игры – чем экзотичнее и памятнее, тем лучше. Каждый римский предводитель не стеснялся в средствах, чтобы удостоиться триумфа, только вот оказывали его далеко не каждому. И раз уж Муммий решил

выставить свою кандидатуру на должность консула, значит, его имя было широко известно.

Если «новому человеку» Муммию, чтобы двигаться по «пути чести», требовалось постоянно прилагать упорные усилия, то знатный патриций Сципион Эмилиан попросту поднимался все выше, ни о чем особо не заботясь. Около 155 г. до н. э. его избрали квестором, но эта должность стала единственной, которую он получил до того, как стать консулом. В 151 г. до н. э. он добровольно вызвался сопровождать консула в Испанию, где вспыхнули новые мятежи, требуя дальнейшего военного вмешательства. Там Эмилиан, за храбрость и мужество, заслужил себе хорошую репутацию. Однажды он получил награду за то, что первым забрался на вражескую стену; в другой раз спас три когорты попавших в западню легионеров; затем одолел в бою один на один хвастливого испанского воителя. Таким послушным списком обладал лихой юный герой, подвигами которого восхищались римляне.

Популярность Эмилиана все возрастала, его судьба вновь привлекла к себе внимание тогда, как после пятидесятилетней спячки вновь пробудился великан Карфаген. Когда в 152 г. до н. э. стареющий Катон Старший отправился туда вынести третейское решение по какому-то спору, его потрясло, каким великолепным и богатым с момента окончания Пунических войн стал этот город. Увидев, что он вновь обрел былую самоуверенность, Катон, возвратившись домой, тут же выступил за войну, пока Карфаген опять не превратился для Рима в угрозу. Каждую речь, с которой он впоследствии обращался к Сенату – независимо от вопроса, – Катон заканчивал своей знаменитой фразой: «В довершение всего, Карфаген должен быть разрушен»^[8]. В конечном итоге, Сенат поддался на его недовольное ворчание и в 150 г. до н. э. нашел повод для нападения. Но карфагеняне обладали весьма внушительными оборонительными сооружениями, и римляне, вместо того чтобы быстро захватить город, увязли в осаде, которая впоследствии затянулась на два года.

Поскольку гражданам Рима была обещана быстрая и не доставляющая хлопот война, они, видя, что Сенат не в состоянии довести начатое до конца, все больше проявляли нетерпение и в 148 г. до н. э. занялись поисками нового лидера. Так как в тот момент близились выборы консула, в Риме стало развиваться движение за избрание на этот пост популярного Сципиона Эмилиана. Но на этом

пути существовало препятствие: Эмилиан был слишком молод для этой должности и на иерархической лестнице магистратов никогда не поднимался выше квестора. В соответствии как с буквой, так и с духом закона, он не имел права выдвигать свою кандидатуру на высшую должность в государстве. Однако собрание, обладавшее огромным могуществом, проголосовало простым большинством за приостановку действия квалификационных требований, избрало Эмилиана консулом и отправило его в Карфаген. Прибыв весной 147 г. до н. э. на место, тот взялся за работу и последовательно взял город в осаду. Для этого он отгородил стеной порт, не давая карфагенским кораблям ускользнуть от римской блокады, и провел комплекс осадных работ, чтобы, в конечном итоге, поставить город на колени.

Когда через год после неординарного избрания Эмилиана консулом Луций Муммий приготовился сделать невозможное, пришел черед еще одного неординарного избрания. В 146 г. до н. э. Муммий, держась на плаву благодаря тому, что его триумф еще не стерся из памяти, при поддержке знатных покровителей выдвинул свою кандидатуру на выборах консула. С тех пор как знать согласилась впустить в свой организм хоть каплю новой крови, сменилось целое поколение, но Муммий, как считалось, был достоин такой чести. Выиграв выборы, он стал первым почти за сорок лет консулом из числа «новых людей».

Новоявленного консула сенат отправил в Грецию, где гегемонии Рима вновь бросили вызов. После победы над Македонией в 168 г. до н. э. он и далее играл важную, но при этом опосредованную роль в греческих делах, выступая в ипостаси беспристрастного третейского судьи при разрешении политических и экономических споров между различными городами и царствами. Но хотя восток Греции действительно нередко стремился привлечь Рим в качестве наставника и арбитра, из этого еще не следовало, что сенатские постановления пользовались неизменным уважением. В 148 г. до н. э. посланники Ахейского союза – альянса городов центральной части Греции – обратились к Риму с прошением воспрепятствовать недовольным членам выйти из него. Но когда сенат своим решением постановил, что при желании сделать это может любой город, предводители Ахейского союза развязали войну, дабы помешать воплотить его волю в жизнь. Об этой попытке, заранее обреченной на провал, географ Павсаний сказал, что «храбрость в сочетании со слабостью следует назвать безумием»^[9].

В тот самый момент, когда в Греции назревала война, некий претендент на македонский трон, будто ему этого было мало, начал кампанию по восстановлению Македонского царства. Когда весть об этой угрозе достигла Рима, сенат отправил туда претора Квинта Цецилия Метелла, который быстро расправился с армией неприятеля – во веки веков заслужив себе прозвище «Македонский». После этого мятежа Рим решил, что македонских бунтов с него достаточно. Вместо того, чтобы возвратить местным жителям суверенитет, сенат аннексировал весь регион, создав в нем новую провинцию Римской республики под названием Македония.

Но если македонцы были повержены, то ахейцы дальше на юге Греции все еще держались. Прибыв весной 146 г. до н. э., Муммий обнаружил, что последние из их непримиримых рядов укрылись в Коринфе. Он взял на себя командование осадой и приготовился к решающему, массированному штурму. Понимая, что устоять перед этим нападением им не удастся, большинство коринфян бежали через задние ворота. Муммий позволил жителям уйти, а когда город практически опустел, приказал своим легионам проломить вход. Выполняя, по всей видимости, предписания сената, он велел своим людям собрать все ценное, что только можно будет найти, убить или поработить всех, кто попадется им на пути, а сам город последовательно разрушить.

Получив весть об уничтожении Коринфа, сенат выслал в Грецию комиссию, чтобы раз и навсегда решить вопрос на востоке страны. После всех притязаний на греческую свободу, что затянулись на пятьдесят лет, римляне, наконец, сдались. Грецию объединили с Македонией в рамках единой провинции Македония. Свобода Греции приказала долго жить. Теперь ею правил Рим.

А в Северной Африке римляне готовились одержать решающую победу над своим величайшим врагом. После года тщательной подготовки, весной 146 г. до н. э. Эмилиан повел свои войска на окончательный штурм Карфагена. Легионы пробили стены и хлынули в город, но чтобы сломить сопротивление его последних защитников, потребовалась неделя жестоких боев практически за каждый дом. Когда же Карфаген, наконец, пал, Эмилиан, вероятно, действовал, повинаясь тем же инструкциям, которые были даны Муммию. Лишив город всех его богатств, он обратил в рабов всех оставшихся в живых защитников,

а население принудительно изгнал в глубь континента. После чего приказал поджечь Карфаген. Вскоре прибыла комиссия сената, чтобы присоединить эту территорию к римским владениям и создать новую провинцию под названием Африка.

Но Сципион Эмилиан, стоя и взирая на горевший Карфаген, размышлял о судьбе города, когда-то такого могущественного. Переполняемый чувствами, он заплакал. Друг и наставник Полибий подошел к нему и спросил, что его так опечалило – разве может человек рассчитывать на более блестящий результат? На что Эмилиан ответил: «Славный момент, Полибий; но меня терзает ужасное предчувствие, что когда-нибудь такой же приговор судьба вынесет и моей стране»^[10]. Затем, в соответствии с римской традицией, процитировал строку из Гомера: «Придет день, когда священная Троя погибнет, а Приама и его народ убьют»^[11]. Эмилиан знал, что на свете нет могущества, способного длиться вечно, что все империи обязаны пасть и что смертные не в состоянии что-либо с этим поделать.

Глава 1. Звери Италии

Те, кто ворует личную собственность, проводят жизнь в кандалах; те же, кто ворует собственность общественную, – в богатстве и роскоши^[12].

Катон Старший

Тиберий Семпроний Гракх смотрел на полыхавший Карфаген. В 146 г. до н. э., еще юношей, он принял участие в своей первой кампании, служа под началом прославленного военачальника Сципиона Эмилиана, – для потомка знатного рода командировка вполне типичная. А Гракхи действительно были знатным родом. После того, как прадед Тиберия первым возвысился до благородного сословия, семья постоянно повышала свой статус. Выше всего удалось подняться отцу Тиберия, которого Ливий называл «самым способным и энергичным молодым человеком того времени, далеко оставившим позади остальных»^[13]. За свою легендарную карьеру Гракх Старший дважды избирался консулом и удостоился двух триумфов. Хотя отец умер, когда Тиберию было всего десять лет, мальчик был прекрасно осведомлен о его подвигах и знал, что ему предстоит многое сделать, чтобы быть его достойным.

Корнелия, мать Тиберия, была одной из самых почтенных матрон в римской истории. Как дочь Сципиона Африканского, она обладала огромным влиянием в разросшемся семействе Сципионов. После смерти в 154 г. до н. э. ее мужа, Гракха Старшего, Корнелия видимо твердо решила больше не выходить замуж, – даже отклонила предложение, сделанное ей египетским царем, – вместо этого посвятила себя Тиберию и второму сыну Гаю. Она содействовала их образованию и нанимала признанных греческих наставников, чтобы познакомить мальчиков с самыми передовыми теориями того времени. В одной сомнительной, но впечатляющей истории богатая и знатная женщина как-то продемонстрировала Корнелии гарнитур из прекрасных драгоценностей. Та же в ответ показала на Тиберия с его младшим братом Гаем и сказала: «А это *мои* драгоценности»^[14].

Достигнув совершеннолетия, Тиберий, своим достоинством и умом, внушал восхищение. Он обладал «блестящим интеллектом, честными намерениями и... высшими добродетелями, на которые только способен человек благодаря природе и тренировкам»^[15]. Тиберий, великодушный человек и красноречивый оратор, двигался по правильному пути, чтобы соответствовать высоким стандартам, заданным его отцом, и стать лидером своего времени.

Чтобы все семейное достояние оставалось под одной крышей, Корнелия устроила брак своей дочери Семпронии с приемным племянником Эмилианом – хотя лично ей тот не нравился. Корнелия считала его слишком надменным и сомневалась, что он заслуживает чести возглавлять семью. По сути, она прилагала значительные усилия над тем, чтобы помешать Эмилиану затмить собой ее сокровища. Корнелия играла на амбициях сыновей, напоминая, что римляне зовут ее приемной матерью Эмилиана, но пока еще не матерью Гракхов.

Несмотря на всю эту семейную драму, Эмилиану пришлось взять сводного брата Тиберия в Африку на осаду Карфагена. Там юноша познал основы воинской жизни. По всем свидетельствам, в качестве солдата он зарекомендовал себя хорошо, заслужил уважение мужчин и даже получил желанную награду за то, что первым взобрался на вражескую стену. Когда Карфаген в 146 г. до н. э. пал, Тиберий Гракх оказался на месте событий, чтобы посмотреть, как он горит.

Когда сын вернулся из Северной Африки, Корнелия с помощью ловких маневров женила его на дочери Аппия Клавдия Пульхра. Новоявленный тесть Тиберия принадлежал к одной из самых знатных в республике патрицианских семей и недавно был назначен *princeps senatus*, т. е. сенатским принцепсом, заняв престижную должность, дававшую ему возможность возглавить список сенаторов и право первого слова в ходе любых дебатов. Но без проблем брак не обошелся: Клавдий был яростным противником Сципиона Эмилиана и Тиберий теперь оказался меж двух огней. Но надо сказать, что в свои двадцать с небольшим лет он уже занимал прекрасное положение, чтобы взлететь намного выше отца. Юноша получил прекрасное образование, обладал прекрасными связями, его уже признавали человеком «большой силы характера, достоинства и красноречия»^[16].

Но в отличие от большинства римлян, признания Тиберий добился не на полях сражений, воюя с внешними врагами, а на форуме,

противостоя внутренней угрозе нараставшего экономического неравенства.

После Второй Пунической войны, окончившейся в 202 г. до н. э., экономика всей Италии познала невероятный подъем. Легионы, покорившие Испанию, Грецию и Северную Африку, вернулись домой с беспрецедентными богатствами. Один из проконсулов привез из этой кампании как минимум 137,420 фунта необработанного серебра, 600 000 серебряных и 140 000 золотых монет. Отец Тиберия возвратился с 40 000 фунтами необработанного серебра. Это было сумасшедшее богатство, немыслимое для суровых и бережливых римлян на заре республики. Но к концу II века до н. э. Рим с вкусил средиземноморского изобилия.

Свои деньги римские нувориши тратили на различные предметы роскоши: тонкой работы ковры, серебряную утварь с орнаментом, резную мебель, драгоценности из золота, серебра и слоновой кости. Результат притока этих материальных ценностей беспокоил некоторых бдительных сенаторов. Еще в 195 г. до н. э. Катон Старший предупреждал коллег: «Мы забрались в Грецию и Африку, наполненные всеми соблазнами порока, и прибрали к рукам сокровища царей... Боюсь, что не столько мы завладеем ими, сколько они нами»^[17]. Каждые несколько лет Сенат пытался обуздать эту хвастливую демонстрацию богатства, но вводимые в результате ограничения никогда не выполнялись и проходили незамеченными: «по роковому стечению обстоятельств, народ Рима в тот самый момент приобрел вкус к пороку и получил привилегию ему попустительствовать»^[18].

Но вся эта история сказочных богатств, ведущих к моральному разложению, касалась лишь небольшого количества знатных семей, контролировавших военные трофеи. Для большинства римских граждан завоевание Средиземноморья означало не процветание, но лишения. На заре республики служба в легионах не имела никакого отношения к способности гражданина заботиться о своей собственности – войны всегда велись недалеко от дома, сооседствуя с периодами сева и сбора урожая. Но когда Пунические войны, продолжавшиеся не один год, рассеяли легионы по всему Средиземноморью, граждан набирали в войско для участия в походах за тысячи миль от родных краев. Из-за этих бесконечных войн семьи из

низшего сословия несли на себе «бремя воинской службы и нищеты»^[19], а принадлежавшая им земля впадала в состояние крайнего запустения. По возвращении домой демобилизованному солдату, чтобы восстановить землю до прежнего плодородного состояния, чаще всего требовалось время, деньги и силы, которыми он, как правило, не располагал.

Состоятельные знатные семьи еще больше усугубляли резкое деление на богатых и бедных. Подыскивая, во что бы вложить недавно обретенные капиталы, они обнаруживали тысячи заброшенных наделов, которые только и ждали, чтобы их подобрать. Иногда обнищавшие семьи продавали их с охотой, радуясь получить хоть что-то за землю, работа на которой теперь стала для них роскошью. Но упрямцев зачастую можно было вынудить отказаться от земли лишь угрозами. А когда эти небольшие наделы, недавно перешедшие к новым владельцам, слились воедино, образовав участки значительно большей площади, аграрный ландшафт Рима изменился – на смену мелким, независимым крестьянским хозяйствам пришли крупные владения, которые контролировали немногочисленные семьи.

Положение этих обездоленных граждан, вероятно, не было бы столь плачевным, получи они возможность работать на этих коммерческих предприятиях. Но непрерывная череда победоносных войн за пределами страны обеспечила приток рабов, хлынувших в Италию сотнями тысяч. Те самые знатные семьи, которые скупили землю, стали покупать рабов для работы в своих широко разросшихся владениях. Спрос на свободную рабочую силу упал в тот самый момент, когда бедные римские семьи согнали с их земель. Как отмечал по этому поводу историк Аппиан, «таким образом, несколько человек чрезвычайно обогатились, в то время как остальное население Италии ослабело под гнетом бедности, податей и воинской повинности»^[20].

С экономическими реалиями Тиберий в жизни впервые столкнулся достаточно рано. Если верить памфлету, сочиненному впоследствии его братом, «во время поездки по Тоскане Тиберий наблюдал нужду ее обитателей, в то время как землю возделывали, равно как и ухаживали за стадами, варвары-рабы»^[21]. По мнению Гая, именно в тот момент Тиберий впервые всерьез осознал необходимость проведения экономических и социальных реформ. Эта сомнительная история наверняка представляет собой эпизод искусной пропаганды, но в то же

время указывает на то, что бедные семьи были лишены традиционного для них уклада жизни, игравшего для них первостепенную роль.

Некоторые из таких граждан, оставшихся не у дел, отправились в города в поисках наемного труда – единственно чтобы обнаружить, что рабы монополизировали этот рынок и там. В итоге большинство оставалось в родных деревнях, образуя новый класс безземельных крестьян, продолжавших работать на своей земле, но в роли уже не владельцев, а нанимателей и исполщиков. Новым землевладельцам такое решение было по душе – крестьян-арендаторов можно было использовать для выращивания низкорентабельных зерновых, а рабов приберечь для получения урожая более прибыльных культур, таких как оливки или виноград. У землевладельцев, склонных к политике, был дополнительный стимул бороться за аренду земли, ведь крестьяне оставались их клиентами, голоса которых учитывались в собрании. Эта новая порода арендаторов-крестьян была навсегда привязана к своим землевладельцам, и выход из этой ситуации мог предложить только кто-то со стороны.

Обострение подобной социально-экономической дезорганизации представляло собой испанское болото, в котором увязли и римляне. Когда в 146 г. до н. э. пали Карфаген и Коринф, могущество которых казалось незыблемым, однако присланные в Испанию полководцы из жадности творили злодеяния, что приводило к упорному сопротивлению со стороны местных жителей. Поэтому каждый год сенат был вынужден набирать новых рекрутов и отправлять их на Иберийский полуостров для участия в кампаниях, продолжительность которых никто предсказать не мог. Там им предстояло сражаться с врагом, специализировавшимся на стычках, которые приводили в упадок боевой дух. В качестве награды за службу эти новобранцы по возвращении домой обнаруживали, что их хозяйства разорены.

Когда непопулярность войн в Испании стала нарастать, потенциальные рекруты решили бросить консулам вызов. В отсутствие других возможностей они опять же обратились за помощью к трибунам. Те были древними стражами плебеев, однако в последнее столетие их поглотил сенат. Но поскольку граждане опять страдали от деспотичного произвола знати, трибуны вспомнили о своем священном мандате защищать простолюдинов от злоупотреблений. В 151 г. до н. э. и 138 г. до н. э. слишком агрессивный призыв в войска заканчивался

тем, что трибуны держали консулов под арестом до тех пор, пока те не шли на попятный. У трибунов были все права бросить консулов в тюрьму, но это все равно был скандальный вызов власти знати.

Чтобы успокоить потенциальных рекрутов, сенат предпринял попытку сделать жизнь в легионах чуть менее суровой. Службу ограничили шестью годами, а солдат наделили правом оспаривать взыскания, наложенные командирами. Но это, в конечном итоге, почти никак не подняло боевой дух легионеров в Испании. В 140 г. до н. э. ветеранов, прослуживших шесть лет, демобилизовали, а вместо них набрали неопытных новобранцев. Эти новоявленные солдаты «в отсутствие убежищ испытали на себе суровые холода; не привыкшие к воде и климату страны, заболели дизентерией, многие из них умерли»^[22]. Такие сведения вряд ли разместить на плакате с рекламой воинского призыва.

Увидев, что их избирателей сгоняют с земли или насильно отправляют воевать в испанской трясине, трибуны стали предпринимать первые шаги с тем, чтобы усмирить власть знати. В истории республики граждане всегда голосовали вслух – могущественным патронам полагалось пребывать в полной уверенности, что клиенты выразили свою волю как им было велено. В 139 г. до н. э. один из трибунов провел провокационный закон, настаивавший на тайном голосовании на выборах. Два года спустя действие этого документа распространилось и на судебные органы. Чтобы ощутить последствия данных реформ, понадобилось время, но одобрение тайного голосования оказалось сокрушительным ударом по основам сенатской олигархии.

Внимательно наблюдая за состоянием дел в Италии в 130-х гг. до н. э., некоторые представители знати могли заметить и более серьезную проблему. Для зачисления в легионы рекруты должны были обладать определенным минимумом собственности, но когда богатые стали сгонять бедных с их земли, граждан, отвечающих этим минимальным требованиям, стало меньше. С подобными кризисами римляне сталкивались и раньше, в ответ снижая упомянутые минимальные требования, чтобы наберечь больше людей. Однако к середине II в. до н. э. очень многие не могли соответствовать даже самым минимальным стандартам для прохождения воинской службы. Поэтому консулам, чтобы вести войны, приходилось полагаться на

ограниченные внутренние человеческие ресурсы, сокращавшиеся все больше и больше, и на провинциальные гарнизоны.

На фоне водоворота этих социально-экономических проблем, в 137 г. до н. э. Тиберия Гракха избрали квестором. Теоретически это должно было стать первым рутинным шагом на его продвижении по «пути чести», но на деле чуть не обернулось крахом его публичной карьеры, едва эта карьера началась. Получив назначение в войско под командованием консула Гая Гостилия Манция, весной 137 г. до н. э. Тиберий высадился в Испании, чтобы продолжить войну с нумантинцами – кельтиберским племенем, которому удалось устоять против любых попыток римлян их усмирить. По прибытии на место Тиберий оказался причастен к одному из самых досадных поражений из всех, какие когда-либо наносились легионам. Консул Манций был гораздо более искусным ученым, нежели солдатом, и опытные нумантинские воины на фоне его неуклюжих маневров могли без труда заткнуть его за пояс. После череды бездарно проведенных боевых столкновений, Манций под покровом темноты решился на стратегический отход, но когда взошло солнце, обнаружил, что его армия окружена.

Нумантинские предводители, в прошлом уже становившиеся жертвами римского коварства, потребовали, чтобы на переговоры прислали юного Тиберия Гракха. Лет за тридцать до этого, при посредничестве отца Тиберия, служившего тогда в Испании, с нумантинцами был подписан справедливый мирный договор, фамилию Гракха они хорошо запомнили и теперь полагали, что сын, как и отец, тоже будет вести честную игру. Во время своего первого похода, когда над тридцатью тысячами человек нависла угроза, Тиберий, в результате переговоров, добился соглашения, которое обеспечивало легионам безопасный выход из района боевых действий в обмен на обещание мира в будущем.

В тех обстоятельствах Тиберий мало что еще мог сделать, когда до Рима докатилась весть об этой капитуляции, сенаторы взялись наперегонки голосить, не жалея унижительных слов. Сенат вызвал в Рим Манция вместе со всем его высшим командованием для того, чтобы объяснить это трусливое поражение. И хотя тот в смущении попытался оправдать свое поведение, сенаторы грубо и оскорбительно

поставили его на место, лишили звания консула и приказали отвезти к нумантинским вратам в кандалах в знак того, что Рим отвергает подписанный договор. В ответ нумантинцы отослали Манция обратно, сопроводив посланием о том, что «брешь в доверии к нации нельзя заделать кровью одного человека»^[23].

Тиберий и другие младшие офицеры избежали официального порицания за роль, сыгранную ими в этом скандале, но от яростного словесного осуждения это их отнюдь не уберегло. Он не надеялся, что по возвращении домой его будут чествовать как героя, но накал брани в его адрес со стороны сената казался непропорциональным его «преступлению». Он ведь не сделал ничего плохого, лишь спас несколько десятков тысяч человек от верной смерти – или, может, Сенат полагал, что он предпочтет массовое самоубийство? Но когда Тиберий вышел из здания, где тот заседал, его, на контрасте с фарисейской яростью местных стариков, встретили приветственные возгласы членов семей спасенных им людей.

Когда он зализал свои политические раны, впереди его ждал путь искупления, вымощенный сенаторами, решившими возродить сословие граждан – мелких крестьян. Эти реформаторы как раз стряпали новый закон под названием *Lex Agraria*, который, как они надеялись, сможет переломить продолжавшуюся уже не первое десятилетие тенденцию к нарастанию экономического неравенства. Они полагали, что наткнулись на гениальный метод перераспределения земель богачей в пользу бедных, не нарушая железобетонные права на частную собственность, определенные римским правом. И желали сосредоточить свои усилия исключительно на *ager publicus*, незаконно занятых состоятельными скваттерами.

Как вы, вероятно, уже догадались, бросив взгляд на латынь, *ager publicus* представляли собой не что иное, как общественные земли. Завоевая Италию, римляне обычно подвергали конфискации треть территории побежденного врага, обращая ее в общественные земли, принадлежавшие государству. На заре республики на таких землях обустранивались римские колонии, но во времена Тиберия их, как правило, сдавали в аренду частным нанимателям, которые обрабатывали их, отдавая взамен часть урожая. Желая помешать богатым семьям монополизировать государственные земли, собрание

приняло закон, в соответствии с которым ни одна из них не могла взять в аренду больше пятисот *югеров* (около трехсот акров) общественных земель. Но в большинстве случаев этот запрет попросту игнорировали. Магистраты, которым поручалось следить за соблюдением введенного предела, сами были состоятельными землевладельцами, занимавшими лишние общественные земли, поэтому все сговорились никого за такой проступок не ловить.

Правовое обоснование *Lex Agraria* представлялось простым: запрет на аренду свыше пятисот югеров планировалось неукоснительно соблюдать. И каждого уличенного в том, что он занял общественную землю сверх законной нормы, заставлять возвращать излишек государству. Впоследствии его следовало поделить на небольшие наделы и распределить между безземельными гражданами. Поскольку весь смысл реформы сводился к возрождению класса мелких землепашцев, в правовом акте содержалась норма о том, что полученные таким образом наделы нельзя ни дробить, ни продавать. Авторы *Lex Agraria* не хотели отдавать земельный надел бедняку только для того, чтобы потом он, передумав, продал ее обратно богачу.

Как ни странно, сенаторы, которые готовили этот закон о радикальной реформе, были не заурядными агитаторами, околавившимся на задних скамьях, а одними из самых могущественных людей в Риме. Во главе их группировки стоял тесть Тиберия Аппий Клавдий Пульхр, на тот момент сенатский принцепс. К нему присоединились и два прославленных брата: состоятельный ученый и законовед Публий Лициний Красс Муциан и Публий Муций Сцевола, один из самых уважаемых теоретиков права своего поколения. К группе реформаторов Клавдия примкнули и другие видные сенаторы, равно как и восходящие политики из числа молодых представителей знати. Был среди них и Тиберий Гракх.

Для историков один из самых противоречивых аспектов *Lex Agraria* заключается в том, кто именно, в соответствии с законом, получал право на надел земли – только римские граждане или также их союзники из числа италиков, которые не имели гражданства. Италики в значительной степени составляли собой личный состав легионов, и Тиберий лично тревожился за их положение, «сокрушаясь, что народ, столь доблестный в войне и связанный с римлянами кровными узами, постепенно скатывался в нищету и становился все малочисленнее, без

всякой надежды отыскать против этого средство»^[24]. Но каковы бы ни были первоначальные намерения, свидетельств о том, что италиков, в конечном счете, включили в программу перераспределения земель, не существует. Борьба за принятие *Lex Agraria* стала одной из первых проверок готовности римлян обращаться с италиками как с равными, хотя этот момент и не представляется очевидным.

Кроме того, историки до сих пор спорят о мотивах, которыми руководствовались авторы закона. Они могли действовать, исходя из благородных принципов, и попросту хотели возродить класс граждан-крестьян, пополнив резервы живой силы для службы в легионах. Но могло быть и так, что этот правовой акт задумали лишь для того, чтобы пополнить ряды политических сторонников их авторов тысячами новых клиентов. По традиции тот, кому поручалось распределение земель, включал получавшие их семьи в перечень своих клиентов. И именно здесь может обнаружиться источник непримиримой оппозиции данному закону. Ведь *Lex Agraria* предлагал взять всех обнищавших ипольщиков, изначально привязанных к своему землевладельцу, и заставить их присягнуть на политическую верность фракции Клавдия – что представляло собой недопустимое смещение баланса власти в сенате.

Столь противоречивый и влекущий за собой такие серьезные последствия закон готовился не по велению импульса. Клавдий, Сцевола и Муциан не один год тщательно изучали римское право, устанавливая, как будет производиться контроль за его соблюдением и кто будет рассматривать спорные претензии. Но после окончательной разработки законопроекта им оставалось лишь дожидаться надлежащего часа и поручить нужному человеку его представить. С этой целью Клавдий приглядывался к своему талантливому зятю Тиберию, который на тот момент как раз пытался отмыться от позора нумантинского дела.

Пока авторы *Lex Agraria* ждали удобного момента, чтобы представить свой законопроект, в Испании продолжалась война, далекая от всякой популярности. Два года после того, как сенат отверг подписанный Тиберием договор, тянулись бои, в которых ни одна из сторон не обладала решающим перевесом, – гибли больше людей, разрушалось больше крестьянских хозяйств, все больше семей покидали родные места – без ощутимой выгоды и ясной цели. Народ

Рима уже был сыт этим всем по горло и поэтому, как и в случае с конфликтом против Карфагена, обратился к Сципиону Эмилиану, чтобы раз и навсегда положить войне конец. Но столкнулся с той же проблемой, что и тогда: формально Эмилиан не имел права выставять свою кандидатуру. Если за пятнадцать лет до этого вопрос сводился к чрезмерной молодости кандидата, то теперь препятствием служил принятый недавно закон, запрещающий человеку, за свою карьеру уже послужившему консулом, избираться еще раз. Но подобно тому, как собрание когда-то приостановило действие возрастного ценза, позволив Эмилиану выдвинуть свою кандидатуру на должность консула в 147 г. до н. э., в отношении запрета повторно избираться на этот пост для него тоже сделали исключение.

Учитывая способность Эмилиана добиваться от собрания особого к нему отношения, в последующие годы его карьера стала образцом для амбициозных политиков. Он продемонстрировал, с какой легкостью можно манипулировать этим сборищем для удовлетворения личных устремлений – принуждая его приостанавливать действие неудобных для него норм. Но этот опасный пример стал не единственным, который подал Эмилиан. В ходе избирательной кампании 134 г. до н. э. он пообещал набрать рекрутов из своих многочисленных клиентов. В Риме Сципионы тогда были центром политического притяжения, поэтому многие друзья и союзники с готовностью согласились сопровождать Эмилиана в Испанию, в том числе и младший брат Тиберия Гай. Создав личный легион из четырех тысяч человек, он мог отправиться в Испанию, не прибегая к принудительному набору на воинскую службу. На тот момент это была положительная и желанная реакция на ситуацию, требовавшую немедленного вмешательства, но тем самым он создал прецедент знатного вельможи, собравшего под своими знаменами личную армию из собственных клиентов – легион, преданность которого могущественному вельможе могла перевесить его преданность сенату и народу Рима.

Но с точки зрения Клавдия отъезд Эмилиана в Испанию означал, что его блистательного политического оппонента как минимум год не будет в Риме. Убрав с дороги главного соперника, он не стал терять даром времени и поручил своему зятю Тиберию Гракху протащить *Lex Agraria* в сенате до того, как его кто-то сможет остановить.

Через несколько месяцев после отъезда Эмилиана в Испанию, Тиберий Гракх выставил свою кандидатуру на выборах трибуна. Эта должность слегка недотягивала до его ранга, и если бы не нумантинское дело, подпортившее ему виды на будущее, Тиберий, скорее всего, принял бы участие в выборах сразу эдила, чтобы подготовить на будущее неизбежное избрание претором, а затем и консулом. Но с учетом того, что ему предстояло отмыться от позора испанского фиаско, он вполне мог использовать этот год в должности трибуна и дерзко вернуться на передний край римской политики.

Перед его вступлением в должность реформаторы Клавдия предложили *Lex Agraria* на рассмотрение коллегам по сенату, но натолкнулись на невероятное сопротивление. Занимая в течение многих лет *ager publicus*, эти богатые землевладельцы стали считать данные общественные земли своей личной собственностью. Они вкладывали в них средства, улучшали, закладывали под займы, отдавали в качестве приданого и завещали наследникам. Желая ослабить их сопротивление, авторы пошли на ряд уступок: предложили за захваченные общественные земли компенсацию, обеспечили чистым правовым титулом оставшиеся пятсот югеров и подняли верхнюю планку для больших семей. Но даже с такими послаблениями значительная часть сената намеревалась во что бы то ни стало отклонить законопроект. О том, чтобы конфисковать их земли и передать их ленивой толпе, попросту не могло быть и речи. С учетом враждебной позиции большинства сената, Клавдий решил отойти от традиций предков и поручил Тиберию представить законопроект непосредственно Собранию, лишив сенаторов возможности официально высказать свое мнение. Закона, гласящего, что законопроект *в обязательном порядке* надо представить сначала сенату, и только потом собранию, не существовало – просто раньше всегда делалось только так и не иначе. Провокационная уловка Тиберия всех взбудоражила и взвинтила. В декабре 134 г. до н. э., вскоре после вступления в должность, он предстал перед собранием и заявил о намерении принять закон о перераспределении общественных земель, занятых богачами, в пользу бедных.

По римским правилам, после представления законопроекта до голосования по нему должно было миновать три рыночных дня. Поскольку рынок торговал примерно раз в неделю, то промежуток

между этими двумя событиями составлял от восемнадцати до двадцати четырех календарных дней. Такая отсрочка давала тем, кто обладал правом голоса, время, чтобы приехать в Рим и проголосовать. И поскольку Тиберий вызвал волну неподдельного негодования, за эти три недели обедневшие граждане, которые лишились земель, хлынули в Рим, «будто реки в океан, готовый все в себя принять»^[25]. Чтобы поддержать законопроект, среди прочих приехали и италики, не имевшие права голосовать. Но даже лишенные голоса, они могли выразить свою физическую и моральную поддержку закону о перераспределении земель. В эти недели Тиберий постоянно обращался к гражданам на форуме, чтобы задействовать и консолидировать их энергию. И планировал, что когда дойдет до голосования, в собрании у него будет значительное, энергичное большинство.

По прошествии трех рыночных дней Тиберий созвал на Капитолийском холме собрание, чтобы рассмотреть *Lex Agraria*. Все пространство заполнили собой те, кто обладал правом голоса, придав площади перед храмом Юпитера «облик моря, покрытого штормовыми волнами»^[26]. Перед официальным представлением Тиберий выступил в защиту *Lex Agraria*, произнеся речь всей своей жизни. Гракхов учили лучшие ораторы Средиземноморья, а непоколебимое спокойствие и достойное поведение на сцене он довел до совершенства. Тиберий не расхаживал по трибуне и не бил себя в грудь. Лишь совершенно неподвижно стоял, давая неотъемлемой силе своих аргументов без остатка завладеть вниманием аудитории. По утверждениям Плутарха, Тиберий спокойно встал посреди форума и бесстрастно произнес речь в защиту рядовых граждан Рима.

«У каждого дикого зверя, который бродит по Италии, есть своя пещера или логово, чтобы в нем укрыться, — сказал он, — люди, сражающиеся и умирающие за Италию, наслаждаются общим воздухом и светом... но не более того; бездомные и лишенные крова, они скитаются со своими женами и детьми»^[27]. Взывая к воображению италиков, покинувших родные места из-за нищеты и войн, он сказал: «Своими лживыми устами командиры призывают солдат защищать в бою от врага святилища и могилы... но они сражаются и умирают за других, живущих в богатстве и роскоши»^[28]. Для среднего римлянина эти разрушительные войны обернулись недопустимой иронией: «и хотя

их именуют повелителями мира, у них в собственности нет ни клочка земли»^[29].

Доведя собрание до слез, Тиберий попросил секретаря перед голосованием зачитать законопроект, ничуть не сомневаясь в своей победе. Но оказалось, что сенатские оппоненты *Lex Agraria* эти три недели тоже не сидели сложа руки. Зная, что голосование им не выиграть, они призвали в свои ряды Марка Октавия, такого же трибуна, как Тиберий, чтобы никаким образом не допустить никакого волеизъявления. Одним из мощнейших инструментов, имевшихся в распоряжении трибуна, было право вето – буквально означавшее «я запрещаю». Любой трибун мог наложить вето на что угодно, в любое время и по какой угодно причине, отменить его не было дано никому, даже другому трибуну. Поэтому, когда секретарь встал, чтобы в соответствии с процедурой зачитать закон, Марк Октавий выступил вперед и запретил это делать своим вето. Весь процесс застопорился. Голосование нельзя было начинать, пока секретарь не зачитает законопроект, поэтому пока Октавий будет настаивать на своем вето, о волеизъявлении не могло быть и речи. Когда заседание зашло в тупик, Тиберий объявил в его работе на день перерыв.

Не в состоянии сломить противодействие великодушному законопроекту, Тиберий и его сторонники из лагеря Клавдия решили, что лучшим средством в сложившейся ситуации будет сплотить простолудинов, на которых они опирались, превратив богачей в негодяев. Перед следующим голосованием Тиберий отозвал из законопроекта дружественные уступки, чтобы *Lex Agraria* стал «привлекательнее для большинства и суровее для злодеев»^[30]. Если повезет, давление со стороны народа вынудит Октавия отозвать наложенное им вето и обеспечит голосование за законопроект, в котором они одержат уверенную победу.

В перерыве между двумя заседаниями собрания Тиберий и Октавий каждый день являлись на форум и устраивали публичные дебаты о достоинствах *Lex Agraria*. Форум не очень большой, и речи на нем можно было произносить с нескольких трибун – как во время музыкальных фестивалей используется несколько сцен, – поэтому их аудитории нередко сталкивались друг с другом. В столь ограниченном пространстве Тиберий и Октавий зачастую даже лично вступали друг с другом в перепалку. Тиберий, в душе которого все больше нарастало

отчаяние, пообещал заплатить достойную цену и купить все общественные земли, которыми завладел Октавий, если тот прекратит противиться законопроекту, – намекая, что своими корнями его противодействие уходит не в возвышенное гражданское чувство, а в банальный корыстный интерес. Но Октавий упорно отказывался сдаваться.

Когда традиционные дебаты и убеждение так и не смогли вывести их из безвыходного положения, Тиберий решил прибегнуть к радикальному средству. Он пообещал налагать вето на любые общественные дела до тех пор, пока Октавий не пойдет на попятную. Затем отправился в храм Сатурна и запер собственной печатью государственную казну, чтобы «нельзя было делать никаких привычных дел: чтобы магистраты не могли выполнять свои традиционные обязанности, чтобы остановили свою деятельность суды, чтобы нельзя было заключить никаких соглашений, чтобы царили хаос и беспорядок»^[31]. После этого Тиберий еще больше накалил и без того напряженную атмосферу. Ссылаясь на доклады о том, что враги собрались его убить, он стал носить короткий меч, пряча его под накидкой, и постоянно ходил в окружении тысяч верных последователей.

Но когда собрание созвали во второй раз, чтобы рассмотреть *Lex Agraria*, Октавий остался непреклонен. Он опять наложил на прочтение законопроекта свое вето, и сессия, в конечном итоге, вылилась в лавину взаимных угроз. Два сенатора вышли вперед и потребовали от сцепившихся трибунов представить их дело на рассмотрение палаты. Тиберий все еще лелеял надежду, что сенат может пойти на ту или иную сделку. В том, что за закон проголосуют подавляющим большинством, если дело дойдет до голосования, никто не сомневался. Отзывая в прошлом свое вето при рассмотрении народных законопроектов, трибуны при этом выражали символически свое неодобрение, но ни один из них ни разу не противился воле народа до упора. Традиционной силой «обычая предков» Октавий должен был обеспечить голосование по *Lex Agraria*. Никогда раньше трибун не препятствовал с таким упрямством столь ясно выраженным народным устремлениям. Сенат наверняка вынудит Октавия прекратить сопротивление.

Но вместо того, чтобы выступить в роли посредников, собравшиеся сенаторы, воспользовавшись возможностью, стали осыпать Тиберия оскорблениями – в точности как после нумантинского дела. Письменных свидетельств о том, кто и что говорил, не сохранилось, но Аппиан пишет, что «богатые отругали»^[32] Тиберия. Они не только не надавили на Октавия, чтобы тот пошел на компромисс, но и активно присоединились к нападкам на Гракха. Противившиеся законопроекту сенаторы наверняка злобствовали по поводу его содержания, по поводу политической тактики Тиберия и, не исключено, его личного характера. Заседание закончилось безрезультатно, дилемма так и не была решена, а сам Тиберий злился больше, чем когда-либо до этого.

Не в состоянии добиться успеха традиционными мерами, к следующему собранию он подготовил беспрецедентный законопроект. Утверждая, что трибун, который бросает вызов воле народа, был уже совсем не трибун, Тиберий обратился к собранию с предложением сместить Октавия с должности. Закона, гласящего, что трибуна нельзя уволить со своего поста, не существовало, но это шло вразрез со всеми традициями предков. До этого ни один трибун не обращался к собранию с ходатайством отстранить коллегу от исполнения обязанностей. Это было неслыханно. Но стараниями Тиберия здание собрания вновь заполнили его сторонники, зловеще окружившие возвышение и бросая вызов каждому, кто мог бы встать на пути их предводителя.

Не желая, чтобы из-за него вспыхнул бунт, Октавий предпочел роли непоколебимого самоубийцы ампула принципиального мученика и не стал налагать вето на голосование по его отстранению от должности. Собрание, если у его членов было такое желание, могло его сместить, и Тиберий призвал всех обладающих правом голоса подготовиться к голосованию. При волеизъявлении римляне делились на тридцать пять триб, каждая из которых обладала одним коллективным голосом. Отдельные члены трибы по очереди подходили к урне и бросали в нее свои бюллетени. По окончании они подсчитывались и те, которых было больше, определяли коллективный голос всей трибы. Затем процедура повторялась для следующей трибы и так до тех пор, пока большинство триб не выражали свое согласие.

Когда проголосовала первая триба, глашатай объявил результат: один голос за смещение. Понимая, что своими действиями он подстрекает к беспрецедентному удару по коллеге-трибуну, Тиберий после этого первого раунда голосования остановил всю процедуру и попросил Октавия отозвать свое вето. Но тот отказался. Когда бюллетени сложили следующие шестнадцать кланов, выяснилось, что все они высказались за отстранение строптивного трибуна от должности. На пороге победы, Тиберий опять остановил голосование и дал Октавию последний шанс уступить. И снова получил отказ. Тогда бросил свои шары восемнадцатый клан. Когда дело было сделано, глашатай объявил, что большинство проголосовало «за»: Октавия сместили с его поста. Лишившись звания трибуна, он больше не мог пользоваться защитой, гарантированной ему должностью, и оказался под угрозой зловеще надвигающейся толпы. Бежать ему удалось лишь благодаря горстке друзей, сумевших пробиться сквозь сборище народа и вывести его из здания собрания.

Отстранение Октавиана от должности ознаменовало собой решающий перелом в битве за *Lex Agraria*. Пока Тиберий не совершил свой роковой шаг, ему в значительной степени оказывали поддержку коллеги-трибуны и сторонники в сенате. Но после этих безрассудных нападков на другого трибуна, он стал чем-то вроде ядовитой змеи для элиты, консервативной по своей природе. Его тесть Клавдий по-прежнему был на его стороне, но многие другие, в теории выступающие за реформу, перед лицом столь яростного сопротивления с радостью отложили бы голосование, давая страстям немного улечься, чтобы предпринять новую попытку через год-два. Однако Тиберий не мог позволить себе проиграть. От одобрения *Lex Agraria* зависела вся его будущая карьера, и он был готов на что угодно, чтобы этот законопроект провести. На тот момент его тактика сработала. Тиберий Гракх выиграл битву. Устранив с дороги Октавиана, собрание подавляющим большинством одобрило *Lex Agraria*. Противоречивый законопроект теперь стал законом.

Lex Agraria предусматривал создание комиссии из трех человек, которым поручался надзор над общественными землями, определение их собственников и раздел. Желая гарантировать надлежащее исполнение этой программы (а заодно монополизировать политические

заслуги за перераспределение земли), Тиберий убедил собрание избрать первыми тремя членами данной комиссии его самого, его тестя Клавдия, а также брата Гая, которому на тот момент был двадцать один год. Пока все шло хорошо. Однако вскоре Тиберий понял, что принять закон это одно, а воплотить его положения в жизнь – совсем другое.

Не в состоянии воспрепятствовать превращению законопроекта в закон, сенатские консерваторы нанесли ответный удар, припрятав в рукаве ряд собственных козырей. Теперь оппозицию возглавлял *pontifex maximus* (великий понтифик, глава коллегии понтификов) Публий Сципион Назика, выходец из более консервативной ветви клана Сципионов. Обладая общественными землями, значительно превышавшими положенные пятьсот югеров, он придумал против комиссии оскорбительный ход. Ассигнование фондов финансирования труда людей и приобретения всего необходимого для надзора за реформой, реализация которой требовала небольшой армии секретарей, мелких чиновников, землемеров, архитекторов, а также повозок и мулов, возлагалось на сенат. По настоянию Назики, сенат проголосовал за выделение на эти цели совсем незначительной суммы, способной покрыть разве что ежедневные расходы самих членов комиссии. Эта точно рассчитанная скупость превратила Тиберия в капитана корабля без весел. Его такой оборот вывел из себя, но делать было нечего.

Вскоре после нанесения ему этого удара скоропостижно скончался один из ближайших соратников Тиберия, причем возникли подозрения, что его смерть была насильственной. Гракх, которого все больше охватывала паранойя, и без того уже окружил свою семью неофициальной когортой друзей и клиентов, выступавших в роли ее постоянной личной стражи, – а сейчас он нуждался в охране больше, чем когда-либо. То ли разыгрывая перед толпой спектакль, то ли действительно опасаясь за свою жизнь, Тиберий облачился в траурные одежды и привел на Собрание детей, «умоляя народ позаботиться о них и их матери, утверждая, что уже распрощался с жизнью»^[33].

Но тут вмешалась судьба, изменив ход истории Рима, и государственную политику, как бывало уже не раз, определили события далеко за пределами берегов Италии. В данном случае таким событием, случившимся в далеких краях, стала смерть царя Аттала III Пергамского. Пергам был греческим царством, расположенным на побережье Эгейского моря на территории нынешней Турции. Сыновей

у Аттала не было, и он, опасаясь, что после его смерти между потенциальными наследниками вспыхнет яростная борьба за трон, завещал все свое царство вместе с сокровищницей народу Рима.

О смерти Аттала Рим узнал вскоре после принятия *Lex Agraria*, причем об условиях завещания Тиберию сообщили одним из первых. Его отец когда-то входил в состав сенатского посольства, закрепившего союз между Римом и Пергамом, поэтому конвой, привезший в город последнюю волю царя, остановился в доме Гракхов. Опережая на шаг врагов, Тиберий созвал комиций и заявил, что поскольку «наследником в завещании Аттала указан народ Рима»^[34], то распоряжение царской сокровищницей и управление новой провинцией в будущем должно быть возложено на Комиций. Следующим шагом он провозгласил, что часть сокровищницы царя Аттала следует направить не только на финансирование работы земельной комиссии, но даже на выделение новым собственникам начального капитала.

Эта дерзкая, тщательно продуманная уловка привела сенатских консерваторов в ярость. В соответствии со всеми традиционными канонами, именно сенат обладал полной свободой действий в распоряжении государственными финансами и определении внешней политики. Полибий, прекрасно разбиравшийся в республиканском политическом устройстве, утверждал, что сенат «контролирует казну, все доходы и регулирует расходы»^[35], а также «самостоятельно отправляет в страны за пределами Италии посольства для... урегулирования разногласий»^[36]. Народ, по его словам, «не имеет к этому ни малейшего отношения»^[37]. Предъявляя права на Пергам, Тиберий попытался бросить вызов одновременно и одной, и другой прерогативам. Собравшийся на заседание Сенат объявил Тиберия безрассудным демагогом, стремящимся стать тираничным деспотом.

Немного погодя, желая то ли получить правовой иммунитет, гарантированный его должностью, то ли не допустить скатывания земельной комиссии в продажность и лживость (а может и то и другое вместе), Тиберий сделал еще одно шокирующее заявление о намерении повторно участвовать в выборах. В Риме не существовало закона, запрещавшего трибуну избираться на следующий срок, но на фоне всепоглощающей силы обычая предков подобная претензия выглядела беспрецедентной. Для его политических врагов это было железобетонным доказательством стремления Тиберия сделаться

тираном. Контролируя государственные финансы, распределение собственности, внешнюю политику и отстаивая право на постоянное переизбрание, Тиберий Семпроний Гракх де-факто станет царем.

К несчастью для него самого, перед приближавшимися летними выборами 133 г. до н. э. его политическое могущество опустилось до небывало низкого уровня. Во время баталий за аграрный закон он мог рассчитывать, что на его стороне выступит монолитная масса обладающих правом голоса крестьян. Вполне возможно, что Тиберию с таким трудом удавалось вновь мобилизовать своих сторонников на участие еще в одном спорном голосовании из-за того, что на тот момент как раз была в разгаре жатва. Но с равной долей вероятности всему виной могли быть консерваторы, которые решили любой ценой не допустить его переизбрания. Стоило им дать понять, что они больше не выступают против и что перераспределение земель будет идти своим чередом и дальше, независимо от того, станет Тиберий трибуном или нет, как грядущие выборы тут же потеряют свою актуальность и многие избиратели, имеющие право голоса, останутся дома.

В отсутствие привычного фундамента сторонников, за необходимыми ему голосами Гракх обратился к городским избирателям. Поскольку земельная реформа никогда не представляла интереса для плебеев в городах, Тиберий расширил свою предвыборную платформу, включив в нее дальнейшие ограничения в отношении воинской службы, право оспаривать вынесенные судьями вердикты и запрет сенаторам входить в состав судебных жюри. На позднем этапе существования республики последний пункт стал одним из крупнейших фронтов политических сражений, хотя на тот момент представлял собой лишь бессодержательное предложение, над которым еще никто не работал.

В духе все того же драматизма, перед выборами Тиберий вновь облачился в траурные одежды и повсюду появлялся вместе с детьми, вымаливая у своих сторонников обещания позаботиться о них, если с ним что-то случится. А ночь накануне финального волеизъявления спал в окружении вооруженной личной стражи.

На следующий день с самого раннего утра сторонники Тиберия заполнили пространство вокруг храма Юпитера на Капитолийском холме, чтобы гарантированно взять под свой контроль площадку для

голосования. Когда в сопровождении личной стражи явился он сам, толпа встретила его одобрительными возгласами и аплодисментами. А его противники, по прибытии на место, даже не смогли пробиться сквозь плотный строй сторонников Гракха. Услышав обращенный к трибам призыв голосовать, он так и не сумел пройти к урнам, избиратели из противоположного лагеря попытались проложить себе путь силой, после чего в толпе вспыхнула потасовка. Из-за этой стычки голосование немедленно приостановили.

Тем временем в храме Фидес, буквально за углом Капитолийского храма, на свое заседание собрался сенат. Распространился слух, что Тиберий вознамерился сместить всех остальных трибунов и готовился стать единовластным монархом. В то утро сенат возглавлял не кто иной, как консул Муций Сцевола – один из авторов *Lex Agraria*. Назика и другие яростные противники потребовали от него что-нибудь предпринять, но консул ответил, что «не станет прибегать к насилию и ни одного гражданина не предаст смерти без суда; однако если народ, убежденный или принужденный Тиберием, проголосует за какое-то беззаконие, то такое голосование он посчитает принудительным»^[38].

Взбешенному Назике этого оказалось недостаточно, поэтому он в ответ встал и сказал: «Пусть те, кто спасет нашу страну, последуют за мной»^[39]. После чего надел официальное одеяние великого понтифика и возглавил толпу его единомышленников – сенаторов и клиентов. Все вместе они двинулись к храму Юпитера. Поскольку носить оружие в Померии – в священных границах города – было запрещено, Назика с его сторонниками в основном вооружились ножками от столов и другими импровизированными дубинками. И хотя предстоящее нападение никто заранее не планировал, было очевидно, что они, дабы разогнать толпу, желавшую сделать Тиберия Гракха римским царем, намеревались воспользоваться силой.

Тем временем Тиберия, стоявшего на трибуне, предупредили о приближавшей толпе. Его люди развернулись и приготовились к бою, но дрогнули, увидев толпу с участием сенаторов, возглавляемую самим великим понтификом. Хотя Тиберий уже начал отступать, люди Назики все равно агрессивно ринулись вперед и набросились на толпу. Как только их стали бить и награждать тумаками, сторонники Тиберия, естественно, дали отпор. Практически все жертвы в последовавшей стычке понесла одна сторона – люди Тиберия были без оружия и для

шайки Назики каждый из них представлял легкую добычу. Многих из них, зажатых в угол на ограниченном пространстве перед храмом Юпитера, затоптали ногами, было немало и таких, кто разбился насмерть, упав с крутых склонов Капитолийского холма. Когда улеглась пыль, на земле остались лежать три сотни трупов.

Главной целью этого нападения, конечно же, был сам Тиберий, и реакционным сенаторам понадобилось совсем немного времени, чтобы обнаружить свою жертву. У входа в храм Юпитера Гракх споткнулся о труп человека, павшего до этого, и не успел даже встать, как на него напали сенатор и один из других трибунов. Хотя сам Тиберий тоже был трибун, что теоретически гарантировало ему неприкосновенность, эта парочка забила его до смерти ножками от скамьи. Как писал историк Аппиан, «вот как, оставаясь по-прежнему трибуном, умер Гракх, сын того самого Гракха, который дважды был консулом, и Корнелии, дочери того самого Сципиона, который отнял у Карфагена его превосходство. Он лишился жизни вследствие самого замечательного плана, реализованного с чрезмерной жестокостью; и это ужасное преступление, первое из всех, совершенных в народном собрании, впоследствии редко оставалось без параллелей, повторявшихся время от времени»^[40].

Это был один из самых кровавых дней во всей политической истории Рима, хотя Плутарх и преувеличивает, утверждая, «что после упразднения монаршей власти это был первый в Риме бунт, приведший к кровавой бойне и смерти граждан»^[41]. Но при реализации римской политики, по крайней мере на памяти живущих, к насилию никто не прибегал. И вот теперь сотни граждан сложили головы на Капитолийском холме. Кто бы как ни относился к Тиберию Гракху и его *Lex Agraria*, зрелище наверняка было шокирующим. Основной причиной кризиса 133 г. до н. э. стали опасные взаимные маневры на грани войны. Тиберий проигнорировал сенат, Октавий наложил вето на прочтение закона, после чего Тиберий заморозил все общественные дела. А когда Октавий проявил несгибаемость, Тиберий отстранил его от должности, в ответ на что сенат отказал земельной комиссии в финансировании деятельности, а Тиберий после этого завладел средствами, полученными Римом по пергамскому завещанию, и выставил свою кандидатуру на повторные выборы. Кульминация же всего этого наступила в тот момент, когда Назика возглавил

вооруженную толпу, чтобы убить триста человек. За несколько быстро пролетевших месяцев банальный законопроект о перераспределении земли вылился в кровавую бойню.

Извиняться за это нападение сенат не стал. В традиционных погребениях Тиберию и его погибшим сторонникам отказали, побросав их тела в Тибр. Само по себе это было шокирующим оскорблением традиций. Гракхи все еще оставались могущественным, знатным семейством, и отказывать их сыну в надлежащих похоронах было чревато религиозными и социальными последствиями. Но теперь всем рассказывали, что Тиберий пытался провозгласить себя царем – в нарушение величайшего запрета политических должностей. И сенат постановил, что не может позволить себе похороны, способные вылиться в новую, кровавую революцию.

На фоне этих нарушений обычаев предков, совершаемых направо-налево, «в Риме начиналась кровавая бойня и наступало право меча»^[42]. Окончательный триумф грубой силы представлял собой урок, усвоенный всеми без исключения. Как позже отмечал греческий историк Веллей Патеркул, «Прецеденты отнюдь не заканчиваются там, где начинаются, и какой узкой ни была бы тропинка, по которой им приходится пробираться, они создают для себя проторенный тракт, чтобы разгуливать по нему совершенно свободно... и никто не считает для себя зазорным то, что выгодно для других»^[43].

Глава 2. Пасынки Рима

Из-за того, что власти придерживающиеся действуют мерзко и жестоко, характер их граждан воспламеняется и выливается в безрассудные действия... и если им отказывают в добром отношении, они, заслуживая его, восстают против тех, которые ведут себя, словно бесчеловечные деспоты^[44].

Диодор

132 г. до н. э. начался с усилий сената похоронить революцию Тиберия Гракха. Им была создана специальная комиссия, преследовавшая цель наказать тех, кто поддерживал незаконные притязания Тиберия на монархию. В то же время легитимность этого чрезвычайного трибунала вызывала вопросы. По древнему Закону двенадцати таблиц, «законы о смертной казни гражданина может принимать... исключительно комиций»^[45]. Ни сенат, ни консулы не имели права выносить собственной властью гражданам смертные приговоры – но все равно выносили.

Простой народ от этого дерзкого нарушения закона был в ярости, которая усилилась еще больше, когда выяснилось, что преследованию подвергнутся только представители низшего сословия и проживавшие в Риме иностранцы. Сенаторов из числа аристократов, принимавших участие в этом деле – к примеру, авторов *Lex Agraria*, – даже не призвали к ответу, хотя они и сыграли в разразившемся кризисе главную роль. В последующие несколько недель над рядовыми гражданами Рима нависла зловещая тень трибунала. Их тащили к консулам даже за малейшую причастность к движению Гракха. Некоторых казнили, многих других отправляли в изгнание.

Если тот факт, что многих сенаторов не привлекли к ответственности, для многих был неприятен, то Сципион Назика, по-прежнему разгуливавший на свободе, выглядел откровенным святотатством. Ведь этот человек, ни много ни мало, организовал убийство трибуна, пользовавшегося неприкосновенностью. И то, что

это до сих пор не повлекло за собой никаких последствий, было в прямом смысле преступлением против богов. Поэтому Марк Фульвий Флакк, сенатор из числа молодых реформаторов и союзник Гракхов, объявил о намерении отдать Назику под суд. Что бы ни думал сенат о поведении Назики, ему нельзя было допустить, чтобы разгневанная толпа устроила травлю великого понтифика. К счастью, подходящее решение нашлось само по себе. После смерти Тиберия сенат, вернув себе контроль над Пергамским царством, назначил Назику в посольство, которому предстояло отправиться в Пергам, оценить ситуацию и запустить процесс присоединения. Понтифик пришел в ярость от того, что его манипуляциями выставили за дверь, причем через черный ход, но все же выполнил волю коллег. Назика уехал на Восток и прожил там достаточно, чтобы стать свидетелем масштабного восстания рабов, а потом мучительно умереть «без всякого желания возвращаться на неблагодарную родину»^[46].

Разрядив обстановку одного кризиса, сенат также отказался разжечь вместо него другой. Понимая, что в этих абсурдных репрессиях нельзя заходить дальше определенного предела, его члены не предприняли ни малейших попыток отменить *Lex Agraria* или же распустить земельную комиссию. То ли осознав, наконец, эффективность проводимой реформы, то ли понимая, что замораживание этого процесса приведет к восстанию, сенат разрешил комиссии продолжить работу. Занять место Тиберия в ней, наряду с Клавдием и юным Гаем Гракхом, поручили Муциану – одному из авторов *Lex Agraria*. И перераспределение общественных земель пошло дальше своим чередом.

Пока в Риме разворачивались все эти события, Сципион Эмилиан пребывал на другом конце света и доводил до конца завоевание Нуманции. Прибыв на место за полтора года до этого, он обнаружил испанские легионы деморализованными, бездеятельными и страдавшими от недостатка дисциплины. Эмилиан привел их в порядок и взялся ежедневно муштровать, чтобы вернуть в боевую форму. После целого года такой подготовки он мобилизовал всю мощь человеческих ресурсов Рима, и весной 133 г. до н. э. жалкий город Нуманцию, который на тот момент защищали 8000 человек, взяли в осаду свыше 60 000 солдат из Италии, Африки и Испании. Перед лицом столь

численного перевеса врага, нумантинцы смирились с поражением: «Отчаявшись бежать, они, в приступах ярости и гнева, убивали себя, свои семьи и родной город, действуя ядом, мечом и всепожирающим огнем»^[47]. Когда немногочисленные, израненные защитники, оставшиеся в живых, вышли в ворота, Эмилиан приказал заковать их в цепи, а Нуманцию сровнять с землей.

Он рассчитывал, что эта новость наделает в Риме много шума, но вскоре после падения Нуманции до него дошла весть, что на родине разразился крупный политический кризис. После того, как Тиберий Гракх добился одобрения противоречивого земельного законопроекта, его, вместе с тремя сотнями сторонников, убили и бросили в Тибр. Никакого дипломатического ответа на это известие Эмилиан не дал. Поскольку официально считалось, что Тиберий устроил заговор с тем, дабы стать царем, Эмилиан вместо этого привел очередную гомеровскую мудрость: «И так погибают все, отваживающиеся на такие преступления»^[48]. Но когда мощную колкость Эмилиана получили дома, по улицам пополз недовольный шепот. Может, Эмилиан, сам санкционировал убийство трибуна – причем, ни много ни мало, его собственного шурина. Тот самый народ, который в виде исключения обеспечил Эмилиану два консульских срока, теперь видел в нем лишь еще одного представителя неприкасаемой знати.

Но о перемене настроений в Риме он ничего не знал и по-прежнему полагал, что благодаря последним победам его звезда теперь засияет ярче, чем когда-либо. А возвратившись в 132 г. до н. э. домой, был шокирован оказанным ему приемом. Вместо восторженных толп его встретили злобные и хмурые взгляды жителей Рима. Огорченный до глубины души Эмилиан едва узнал тот самый народ, который всего два года назад избрал его консулом.

Имей он возможность щедро раздарить трофеи, захваченные во время завоевания Нуманции, для него все могло бы обернуться по-другому. Но на его беду, раздаривать было нечего. По сравнению с триумфом после разграбления Карфагена, победа Эмилиана над Нуманцией была делом поистине жалким. Мало богачей. Мало рабов. Ничего красивого, экзотического или невиданного, что можно было бы выставить на всеобщее обозрение. Было крайне досадно осознавать, что Рим, загубив в Испанских войнах великое множество жизней, мог

похвастаться самое большое немногочисленными безделушками да горсткой костлявых испанцев.

Вскоре после жалкого триумфа Эмилиана, в 131 г. до н. э. трибуном был избран восходящий политик, сторонник Гракхов, Гай Папирий Карбон. Этот страстный, молодой реформатор представил законопроект, который позволит расширить практику тайного голосования на все законодательные органы. В случае его одобрения, работа по переводу римского голосования от публичного к закрытому волеизъявлению будет завершена – ведь избрание всех выборных, судебных и законодательных органов будет проводиться тайно. Кроме того, Карбон представил законопроект, предусматривавший подтверждение задним числом легитимности переизбрания Тиберия на второй срок, чтобы лишить состоятельности аргумент консерваторов о том, что убийство трибуна было оправданно, так как он нарушил закон.

Считая, что ситуация складывается слишком уж в пользу простолудинов, Эмилиан на форуме выступил против законопроекта Карбона. Он сказал, что традиционный запрет на повторное избрание на должность согласуется с республиканскими добродетелями, – его заявление наверняка поразило толпу своим лицемерием, поскольку Эмилиан сам был исключением из этого правила. Во время одного из появлений консула на публике, Карбон сам вышел вперед и спросил его, что в действительности он думает об убийстве Тиберия. На что Эмилиан ответил: «Если он хотел захватить государство, то его убили по справедливости»^[49]. А когда присутствовавшие встретили его слова враждебно, консул ответил тем же. Взирая на злобную толпу, он видел перед собой не истинных римлян, а пришлый сброд, который пора было объявлять вне закона: иммигрантов, вольноотпущенников и рабов, которые понятия не имели, что означают римская добродетель и достоинство. «Как меня, – взревел он, – человека, столько раз без страха слышавшего боевой клич врага, могут задеть вопли таких как вы, кому Италия стала всего лишь приемной матерью?»^[50] Не удивительно, что его за это лишь еще больше освистали, и Эмилиану пришлось в гневе покинуть форум. Норма, подтверждающая право переизбираться, не прошла, но борьба за нее нанесла репутации Эмилиана непоправимый ущерб.

В определенном смысле, консул был прав в отношении толпы, с которой столкнулся в тот день на форуме. На первом этапе римской истории разницы между *plebs urbana*, жителями самого города, и *populus Romanus*, гражданами Рима, не существовало. Жители города были гражданами Рима, а граждане Рима, в свою очередь, были жителями города. Но к концу II в. до н. э. Рим стал крупнейшим городом Средиземноморья, значительно опередившим все остальные. Если другие города могли похвастаться десятками тысяч жителей, то счет его населения шел на сотни тысяч. Как крупнейший и могущественнейший город Средиземноморья, Рим стал центром притяжения мигрантов. В растущий метрополис то и дело переезжали италийцы, которые не имели римского гражданства, а за ними греческие философы, испанские ремесленники, торговцы из Северной Африки, сирийские посланники и галльские наемники. К 130 г. до н. э. Рим превратился в многоязычную мешанину всех известных в мире племен и народностей.

Как и в случае с крестьянами из деревень, массовый наплыв также сыграл роковую роль в плане трансформации городского населения. Состоятельные римляне покупали умелых ремесленников по всему Средиземноморью и усаживали за работу – производить товары на продажу. Но в отличие от собратьев, не обладавших особыми профессиональными навыками, эти умелые рабы оставались невольниками лишь в течение определенного времени. Хозяева позволяли им выкупить свободу и начать собственное дело при поддержке бывших владельцев. Эти клиенты-вольноотпущенники позволяли сенаторам участвовать в коммерческих начинаниях, теоретически для них запретных. Сенаторы использовали своих вольноотпущенников в качестве юридического фасада, поручая им заведовать жилыми домами, точками на рынках, а также осуществлять торговлю с заморскими партнерами. Кроме того, вольноотпущенники помогали превращать сенатскую собственность в коммерческие предприятия, помогая сенаторам, занимавшимся этим бизнесом, самым грязным из грязных, сохранять чистоту рук.

В отличие от итальянских крестьян, представлявших большинство, городские плебеи жили исключительно наемным трудом. Поскольку Рим стал крупнейшей «клиринговой палатой» имперской коммерции, они, главным образом, трудились в рознице и вообще в торговле. В

доках, лавках и на складах каждый день бурлила жизнь. Наряду с наемными работниками, над важными общественными проектами, такими как дороги и акведуки, работали и рабы. По завершении старых проектов всегда затевались какие-либо новые. С учетом того, что вся экономика Рима строилась строго на наличности – вся еда, постой, топливо продавались и покупались за звонкую монету, – отчаянной нищеты в городе не было никогда. Если у человека не было денег на жизнь, он либо уезжал в деревню, либо умирал на какой-нибудь глухой аллее. Бедность влекла за собой роковые последствия.

В политическом отношении, со времен на тот момент уже забытого Конфликта сословий, *plebs urbana* не обладал коллективной политической идентичностью. И хотя демократические собрания дейс Рима, свели лишь в четыре из них. Поэтому хоть они зачастую и превышали числом всех остальных избирателей Собрания, коллективных голосов в сумме у них было только четыре. Как продемонстрировал кризис, разгоревшийся вокруг *Lex Agraria*, физический контроль зала заседаний собрания представлял собой критически важную часть побед в политических баталиях. Постоянное присутствие там *plebs urbana* подразумевало, что как бы кто ни заглушал их избирательные голоса, их подлинные голоса звучали громко и четко – в чем Сципион Эмилиан убедился, когда они освистали его за резкие замечания в адрес Тиберия Гракха.

Когда городские плебеи вновь обрели политический голос, выяснилось, что они могут потребовать честолюбивых политиков прислушаться к важным для них нуждам. Перераспределение земель не обладало в их глазах особой привлекательностью – они являлись торговцами, ремесленниками, купцами, но не крестьянами. Но вот что действительно представлялось для них важным, так это бесперебойные поставки дешевого зерна. Не в состоянии сам себя накормить, *plebs urbana* надеялся, что окрестные деревни будут производить зерно, не позволяя ему умереть с голоду. Любому перспективному римскому политику рано или поздно предстояло узнать, что в действительности *plebs urbana* стремился к продовольственной безопасности. Городские плебеи прекрасно понимали, что поставки могут вдруг сократиться из-за непогоды, проблем с транспортировкой, неурожая. Или, к примеру, из-за массового восстания рабов на Сицилии.

Во времена Гракхов зерно на пропитание Рима в основном поступало с Сицилии. Отвоёванная в 241 г. до н. э., она стала первой заморской провинцией Рима. Этот невероятно плодородный остров представлял собой безбрежную, щедрую землю, только и ждавшую, чтобы дать урожай. Туда хлынул поток римских хозяев, привезших с собой рабов, которых «гнали стадами, как многочисленные отары скота»^[51]. Условия работы в сицилийских владениях были ужасные, рабов «подло наказывали и били без всякой на то причины»^[52]. Они терпели такую нужду, что ради выживания были вынуждены разбойничать, охотясь на коренных сицилийцев, которых, как и их итальянских собратьев, тоже душили без конца разраставшиеся владения, использовавшие труд рабов. Рекой лились жалобы, но островом управляла лишь горстка молодых римских магистратов – и пока все богатели от прибылей, для изменения этой жестокой системы практически не было причин.

Лишившись всякой надежды, сицилийские рабы стали готовить восстание. Его главным предводителем выдвинулся сириец по имени Евн. На Сицилию он приехал красноречивым, харизматичным аферистом. Выдавая себя за пророка и мастерски владея искусством выдувать ртом огонь, он околдовал хозяев острова сказками о том, как в один прекрасный день станет их царем. В 135 г. до н. э. с ним тайно связались несколько рабов. Собираясь убить своих хозяев, они обратились к пророку Евну за советом. Тот сказал, что боги благоприятствуют их заговору, и вскоре под его началом уже оказалось четыреста вооруженных человек. В ту ночь они совершили жестокое нападение на город Энна. Нарушая свои торжественные обещания, Евн, одержав победу, отнюдь не проявил великодушия. Сгнав жителей Энны в одном месте, он отобрал искусных кузнецов, а остальных казнил. Когда во все стороны разлетелась весть об этом нападении, вспыхнул всеобщий мятеж. За несколько недель к восстанию примкнули десять тысяч рабов. И тогда Евн исполнил собственное пророчество – водрузил на голову украденную диадему и провозгласил себя царем Антиохом Сицилийским.

Буквально через несколько недель после восстания Евна на острове вспыхнул еще один бунт. Услышав о поднятом Евном мятеже, киликийский раб по имени Клеон поднял собственное восстание, собрав под своими знаменами пятьсот человек. Армия Клеона

захватила южный порт Агригентум и разграбила его. Некоторые сицилийцы, оказавшись в кольце врага, надеялись, что две армии рабов переругаются и уничтожат друг друга, – но к их ужасу, Клеон вместо этого преклонил перед «царем Антиохом Сицилийским» колени. После объединения войско рабов стало непобедимым.

Сенат предполагал, что восстание вскоре выдохнется, но сколько бы новых отрядов ни посылали на Сицилию, ни один из них так и не возвратился. Чтобы вернуть контроль над провинцией, сенат послал туда претора, а когда у него ничего не получилось, на следующий год отправил еще одного. Но к этому времени число восставших рабов достигло уже двухсот тысяч и ни одна сила в Риме, казалось, не могла их победить. И не только рабов. Многие обнищавшие сицилийские крестьяне стали совершать набеги на богатые владения – их на это толкнули жадность, отчаяние и жажда мести. Воцарилась анархия.

Поэтому сенату, все силы которого поглощали испанская трясина и неожиданно разразившаяся революция Гракха, заодно пришлось решать вопрос с затянувшимся восстанием сицилийских рабов. Вся эта ситуация приводила его в отчаяние, он прекрасно понимал, что за его стенами, на улицах Рима, сбой в поставках продовольствия приводит *plebs urbana* в ярость. В 132 г. до н. э., когда восстание продолжалось целых три года, если считать с первого бунта, сенат послал на Сицилию консула Публия Рупилия. Доведя до конца работу трибунала по расследованию деятельности Гракха, Рупилий далее отправился подавить еще один мятеж.

Если он и преуспел там, где другие римские военачальники потерпели провал, то только потому, что к тому времени Сицилия уже была разорена. О своих плугах восставшие рабы, вполне естественно, забыли, и на пашнях острова, равно как и на его пастбищах, царило запустение. На момент прибытия Рупилия в 132 г. до н. э. главная житница Рима превратилась в пустошь. В столь кошмарных условиях ему не составило особого труда найти в каждом удерживаемом рабами городе пару отчаявшихся душ, согласных открыть ворота в обмен на снисхождение и еду. Когда римляне встали под стенами Энны, Клеон отвел войско рабов в поле, но сам погиб в ходе последовавшего сражения, а его армия была разбита. После этого Рупилий нашел предателя, который с готовностью согласился открыть ворота Энны, и царь Антиох бежал через задние ворота. Несколько дней спустя его

нашли прятавшимся в пещере вместе с «поваром, цирюльником, человеком, который тер его мочалкой в ванне, и шутом, веселившим на банкетах»^[53]. Рупилий бросил «царя» в темницу на съедение вшам, где тот умер. Три года спустя события, получившие известность как Первое Сицилийское восстание рабов, завершились.

К концу восстания рабов сенат был на седьмом небе от счастья, а если добавить сюда еще победу в Нуманции и устранение угрозы в виде Тиберия Гракха, то благородные предводители Рима наверняка готовились насладиться толикой мира и покоя. Однако спустя несколько месяцев после победы на Сицилии поступило сообщение о том, что на Востоке Рим столкнулся с новым массовым восстанием. Посольство, отправленное для аннексии Пергама, обнаружило, что многие его жители отнюдь не горят желанием превращать свое независимое царство в обыкновенную провинцию разраставшейся Римской империи.

Изначально провинция рассматривалась римлянами как общая сфера деятельности, которой тот или иной магистрат правил от имени Рима. Это могла быть географическая зона; территория, выделенная для военных нужд; или же правовая юрисдикция. Но по мере того, как Рим в своей имперской ипостаси все больше брал на себя ответственность, провинции, которыми правили ежегодно переизбираемые магистраты, стали все больше приобретать постоянные географические границы. К 146 г. до н. э. сенат ежегодно назначал магистратов в такие провинции как Сицилия, Сардиния, Ближняя и Дальняя Испания, Македония и Африка. Этих провинциальных магистратов можно было с полным основанием назвать правителями провинций, хотя сами римляне предпочитали данным термином не пользоваться. На первом этапе существования Римской империи задача наместника, в основном, сводилась к обеспечению военной безопасности. Политическая сфера ограничивалась заключением союзов с местными городами и кланами, а экономическая – сбором податей и выплатами за военную оккупацию.

Управляла провинцией небольшая группа чиновников. Прибывая на место, новый претор или консул привозил с собой прислугу по дому, а также команду неофициальных советников, называемых *легатами*, набирая их из числа друзей и членов семьи. Кроме того, правителю определяли квестора – молодого человека, впервые поступившего на

общественную службу, которому доверяли провинциальную казну. Для одних молодых квесторов это оборачивалось сплошной нервотрепкой, другим давало возможность продемонстрировать свою добродетель, третьим – брать взятки и извлекать другие незаконные доходы.

Никогда не стремясь подчеркивать административное присутствие Рима, наместники провинций, главным образом, опирались на местных правителей и на существующие общественно-правовые институты. С аристократами упомянутого города обходились уважительно, стараясь их ассимилировать, их детей отправляли в Рим в качестве заложников, где с ними не только хорошо обращались, но и давали всестороннее образование по римскому образцу. Что же касается практического управления, то местные законы, установленные в обществе обычаи и институты сохранялись – конечным источником власти теперь был Рим, а не местный царский двор.

Хотя формально администрация была немногочисленной, а официальные обязанности подданного республики не ложились тяжким бременем, это еще не означало, что жителям провинций приходилось легко. Достигая пика своей карьеры, каждый наместник, чтобы взлететь до вершин, обрстал довольно значительными долгами. Считалось, что управление провинцией как раз и позволяет восстановить пошатнувшиеся финансы. Однако времени у заступающего на должность правителя было совсем немного, а поскольку великие войны и завоевания на тот момент уже оставались в прошлом, он нередко тянул деньги с различных кланов и городов за то, чтобы не начинать с ними войну. До отъезда каждый из них стремился заполучить как можно больше денег. К несчастью для жителей провинций, следующий правитель приезжал, находясь точно в таком же положении, и весь цикл повторялся.

Поскольку подобные злоупотребления со стороны правителей часто приводились в качестве причины восстаний, в 149 г. до н. э. – в момент активной аннексии центрального Средиземноморья – Рим учредил первый постоянный суд, известный как *quaestio de repetundis*: коллегия, которая рассматривала дела о вымогательстве и получении магистратами взяток. Сфера ее деятельности сводилась к расследованию и наказанию римских чиновников, использовавших свою власть для получения незаконных доходов с жителей провинций. Однако членов жюри в этот суд, вполне естественно, набирали

исключительно из числа сенаторов – можете сами представить, насколько часто они объявляли виновным кого-то из своих своевольных коллег.

Провинции Азия самой судьбой предназначалось стать одной из самых прибыльных в империи – и в этом качестве заодно рассадником вымогательства и злоупотреблений. Но перед тем, как приступить к эксплуатации новой провинции, ее сначала надо было организовать – что оказалось делом совсем не простым. Прибыв в 132 г. до н. э., Сципион Назика и другие сенаторы, его коллеги по посольству, обнаружили, что далеко не каждый в Пергаме считал себя собственностью римского народа.

После смерти Аттала III некий претендент на трон по имени Аристоник отверг передачу царства Риму и заявил о своих притязаниях на корону. Он обращался ко всем и каждому за поддержкой, но большинство богатых прибрежных городов поддерживали с Римом хорошие отношения и поэтому не видели особого интереса в том, чтобы присоединиться к восстанию. В глубине континента Аристонику повезло больше: он набрал армию рабов, пообещав им свободу в обмен на службу. Создав из обнищавших крестьян и занятых в земледелии рабов войско, он пообещал, что после победы над Римом они все будут равны в вольном утопическом городе, названном им Гелиополисом – Городом Солнца.

Поэтому сразу после усмирения Испании и Сицилии сенату пришлось обратить взоры в другую сторону и заняться Азией. Командование походом поручили новому консулу Муциану, недавно назначенному в земельную комиссию. Это назначение, обещавшее огромные восточные богатства, Муциан активно лоббировал, но по прибытии на место все пошло не по плану. Он повел свои легионы во внутренние гористые районы Анатолии, но вскоре понял, что Аристоник его постоянно переигрывает. После последнего унижительного удара Муциан сам оказался во вражеском плену. Когда его схватили, консул пришел в ярость, начал провоцировать взявших его солдат и «выбил палкой глаза варвару, который его охранял»^[54]. Страж, «испытывая нестерпимую боль и пылая от гнева, заколол его ударом меча в бок»^[55].

После провала Муциана, в 130 г. до н. э. пришлось высылать еще одну армию, тоже во главе с консулом. Она успешно взяла столицу Аристоника в кольцо осады и вынудила Гелиополис сдаться. Большинство жителей либо убили, либо вновь обратили в рабство, Аристоника заковали в цепи и впоследствии, во время триумфального шествия в Риме, выставили напоказ. А когда шествие закончилось, палач задушил его в тюремной темнице. Вместе с ним умерла и мечта об утопии без рабов.

Поскольку все эти сражения и осады длились долгие месяцы и годы, к реорганизации старого Пергамского царства и созданию на его месте новой провинции Азия римляне приступили лишь в 129 г. до н. э. Для контроля над всеми предусмотренными процедурами сенат отправил Манья Аквиллия с комиссией из десяти человек. Но Аквиллий своим характером снискал себе дурную репутацию. Поскольку отдельные города все еще противились римской оккупации, он, не желая терять времени на операции по зачистке, обратился «к порочной практике отравления источников»^[56], чтобы поставить последние очаги сопротивления на колени. Этот метод вряд ли можно отнести к инструментам почетного завоевания.

Но поскольку Рим теперь твердо взял бразды правления в свои руки, провинцию Азия Аквиллий и новое сенатское посольство усмирили. Однако процесс ее организации затянулся, ведь послам необходимо было определить границы между царскими владениями и городами, которые, по завещанию Атталы, должны были остаться вольными. Первым полагалось стать общественными землями, управляемыми государством, в то время как вторые подлежали освобождению от уплаты податей. Когда определение границ было завершено, Аквиллий решил воспользоваться возможностью, чтобы немного заработать на стороне. В награду за помощь в обуздании Аристоника, он за взятки отдал царям соседних стран прибыльные территории. В частности, Аквиллий подарил царю Митридату V Понтийскому Фригийское царство, совершив подозрительную сделку, которую впоследствии будут оспаривать даже после смены поколений.

Но поскольку Азия, наконец, вошла в римскую овчарню, республике вскоре пришлось стать свидетельницей поступления в Италию новых огромных богатств. Азия стала гораздо более доходным имперским владением; как в частный, так и в общественный сектор из

нее потекли деньги, еще больше усиливая растущее неравенство, и без того уже подрывавшее стабильность республики.

Книги по истории преисполнены именами видных римских политиков и военачальников, по той простой причине, что именно о них писали историки из числа их соотечественников — создавая впечатление, что все без исключения римляне были интриганами, жаждавшими триумфа. В действительности же огромное количество состоятельных римских граждан не проявляли ни малейшего интереса к безумным махинациям, преследовавшим цель отхватить консульскую должность и добиться триумфа, которые без остатка поглотили прославленные знатные дома. А поскольку заниматься коммерцией членам сената запрещалось, у далеких от политики богачей оставалась масса возможностей заняться в растущей империи бизнесом и нажить колоссальный капитал, избегая пафоса высокой политики.

Семьи сторонившихся политики богачей в Риме относили к классу эквитов. Изначально так называли тех, кто был достаточно богат, чтобы снарядить в поход боевого коня и затем снабжать его всем необходимым. На заре Рима это позволяло влиться в ряды кавалерии, откуда и название «эквиты» (в переводе с латыни *equites* означает «конница»). Но во времена Гракхов к числу эквитов, в общем случае, относили сословие семей, состояние которых превышало четыре тысячи сестерциев. С технической точки зрения их было бы корректно назвать «средним классом» Рима — со своими накоплениями они занимали промежуточное положение между сенаторами-олигархами и массой зажиточных крестьян. А поскольку капиталы эквитов были весьма значительными, они входили в экономическую элиту.

На пересечении частного и государственного секторов располагалась особая группа эквитов, которых называли *publicani*, т. е. «публиканами». Республике приходилось выполнять множество обязательств — от оснащения всем необходимым армий до содержания храмов, строительства дорог и акведуков. А поскольку сенаторам путь в коммерцию был заказан, кому-то приходилось заниматься вопросами логистики. Первый подписанный публиканом договор был предельно прост: кормить священных гусей — особую стаю птиц, которым, как полагали суеверные римляне, покровительствовали боги. Однако к моменту начала Пунических войн публиканы решали уже

значительную часть государственных вопросов. Легионам, которые насчитывали почти пятьдесят тысяч человек, постоянно требовались обувь, туники, лошади, попоны, оружие. В одном из заказов значились 6000 тог, 30 000 туник и 200 нумидийских лошадей, причем все это следовало доставить в Македонию. Этим надо было кому-то заниматься. Такие люди покупали доли в предприятиях, а затем отстаивали на аукционах право выполнить тот или иной заказ. По мере того, как республиканская империя углублялась и ширилась – прибыли от выполнения государственных контрактов были просто огромные, – капиталы ряда публиканов превышали даже состояния некоторых мелких сенаторов.

Выгоднее всего было управлять принадлежавшими государству копиями. Первые копи перешли под контроль римского государства во время Пунических войн после того, как Рим вытеснил из Испании Карфаген. Обнаружив, что карфагеняне открыли богатые залежи серебра, римляне объявили эти копи общественными землями, принадлежавшими государству. Каждые пять лет контракты на эксплуатацию этих копей выставлялись на аукцион, и, хотя истинные цифры представить очень трудно, прибыли превышали доходы от любых операций, которыми когда-либо приходилось заниматься римлянам. Условия труда на этих копиях были ужасны. Диодор писал, что рабы «день и ночь истощали в рудниках под землей свои тела... умирая в больших количествах от невероятных мук, которые им приходилось терпеть... Ведь в их трудах не разрешалось ни отдохнуть, ни сделать передышку, и они, принуждаемые ударами надзирателей, терпели свое бедственное положение, проводили свою жизнь столь ужасным образом»^[57]. Работа несла гибель, но прибыли были баснословные.

Вторыми по уровню доходов значились контракты на сбор податей. Напрямую римские наместники в провинциях подати не собирали. Вместо этого вкладчики из числа публиканов образовывали предприятия и покупали пятилетние контракты, предлагая внушительные суммы наличными за право собирать то, что принадлежало Риму. Разница между этими суммами и тем, что им удавалось собрать, и составляла их прибыль. Созданная ими система так и напрашивалась на злоупотребления, ведь публиканы располагали полным арсеналом средств, которые позволяли им выбить как можно

больше средств – больше даже положенного по закону. Поскольку контроль в провинциях был ограничен, сборщики податей из числа публиканов вскоре снискали себе дурную славу – там, где они появлялись, больше не было ни закона, ни свободы. Но, несмотря на репутацию невероятно алчных скупцов, публиканы по-прежнему оставались единственной прослойкой, которая в действительности могла нести на себе бремя имперской логистики. И раз в республике не было действенной бюрократии, этим кому-то приходилось заниматься.

Бурное развитие этих корпораций публиканов отнюдь не приводило сенат в восторг. Самим сенаторам запрещалось участвовать в бизнесе, поэтому они, считая коммерцию ниже достоинства уважаемого человека, не доверяли публиканам, считая их алчными паразитами. После завоевания Македонии в 168 г. до н. э. сенат преднамеренно вывел обширные копи, леса и инфраструктуру этого края из зоны действия публиканов. Это была осознанная попытка воспрепятствовать дальнейшему укреплению господства публиканов, но так продолжалось недолго. Пять лет спустя провинцию все равно открыли и из нее полились деньги. После этого, куда бы ни отправился Рим, вслед за ним неизменно следовали публиканы. А их поведение в богатой провинции Азия впоследствии стало одной из дополнительных причин грядущего конфликта.

Пока Азия демонстрировала себя главным источником конфликта за пределами Рима, работа земельной комиссии, которая выявляла в общественно-политическом ландшафте Италии все больше скрытых проблем, сеяла семена еще более масштабных противоречий внутри него самого.

Во II веке до н. э. Италия представляла собой не единое государство, а скорее пеструю конфедерацию городов, каждый из которых обладал собственными общественными и политическими правами, в зависимости от того, как и когда ему пришлось оказаться под покровительством Рима. Верхушку иерархии правового положения жителей занимали, конечно же, римляне, в полной мере обладавшие римским гражданством. Никакого имущественного ценза, чтобы быть гражданином, не существовало – и богатейший сенатор и нищий обладали совершенно одинаковыми правами гражданства, которые, взятые вместе, составляли их *libertas*, т. е. гражданские свободы.

Главными из этих свобод считались право голосования и право на защиту от произвола высших чиновников.

Ступенькой ниже от полноправных римских граждан, в иерархии правового положения жителей располагались общины или отдельные лица, которые обладали так называемым Латинским правом. После односторонней аннексии Лация в 338 г. до н. э. сенат не стал предоставлять своим новым жителям в полном объеме гражданство, вместо этого наделил рядом прав, позволявших им строить свою жизнь почти на тех же принципах, что и истинные римляне. Латиняне могли вступать в брак, подписывать договоры и затевать земельные тяжбы с полноправными римскими гражданами. У них даже было право голоса в комиции, хотя сенат сделал все, чтобы его ограничить: всех латинян собрали в одну-единственную из тридцати пяти голосовавших триб.

Со временем концепция Латинского права вышла за свои первоначальные этнические рамки. Когда Рим стал учреждать по всей Италии свои колонии, колонистов свели до ранга жителей, обладавших лишь Латинским правом, взамен предоставив бесплатный земельный надел и место во вновь образованной провинции. Отдельные обитатели Италии тоже могли удостоиться Латинского права особым постановлением сената или высшего магистрата – зачастую в награду за доблесть, проявленную на поле боя, или же за исключительные услуги, оказанные Риму. Вскоре Латинское право стало признаком не столько этнической, сколько социальной принадлежности.

Наконец, в самом низу иерархии располагались *foederati* или *socii*, в совокупности известные как «союзники». Распространив свое влияние на всю Италию, Рим заставил покоренные города и народы подписать с ним договоры о взаимопомощи, обязывавшие обе стороны защищать друг друга. Однако формально эти побежденные города избежали аннексии, оставшись единственно «союзниками» Рима. Большинство жителей Италии были лишь союзниками, обладавшими ограниченными гражданскими и политическими правами. С другой стороны, и ответственность на них возлагалась не такая уж большая. Рим не требовал от них регулярной выплаты податей, а право управлять своими городами предоставлял местным магистратам. Он настаивал только на одном – чтобы они предоставляли солдат для пополнения легионов. Такие иерархические, конфедеративные отношения,

определявшие римскую Италию, работали более-менее терпимо в течение двух столетий. Но на горизонте уже маячил их конец.

К 129 г. до н. э. из первоначального состава земельной комиссии остался лишь один юный Гай Гракх. Тиберий погиб на Капитолийском холме, а его преемника Муциана убили в Азии. Место последнего занял Марк Фульвий Флакк, тот самый друг семьи Гракхов, который помог отослать из Рима ненавистного Назику. Теперь, когда ему перевалило далеко за тридцать, Флакк, став членом земельной комиссии, усиленно готовился выставить свою кандидатуру на выборах консула. Затем в 129 г. до н. э. умер старый сенатский принцепс Клавдий и его заменил Гай Папирий Карбон – трибун, внесший в 131 г. до н. э. законопроект о тайном голосовании и схлестнувшийся с Эмилианом в вопросе о легитимности насильственной смерти Тиберия. Поэтому дело, в котором фракцию Гракхов когда-то обошли видные политические деятели постарше, теперь оказалось в руках молодых отчаянных голов.

Проблема обновленной земельной комиссии заключалась в том, что все общественные земельные участки, которые можно было без труда выявить и поделить, уже были выявлены и поделены. Оставались лишь спорные владения. В каждом случае, когда вокруг межи разгорался конфликт, комиссии, чтобы оценить притязания сторон, приходилось проводить тщательнейшее расследование. Если хозяева не могли предъявить правовые акты на владение, а продавцы представить доказательства получения денег, процесс практически замирал. Нередко обе стороны демонстрировали враждебность, и тогда работа комиссии существенно замедлялась.

Больше всего враждебность порождали границы между римскими общественными землями и участками в собственности итальянских союзников. Отделить *ager publicus*, которые принадлежали сенату и народу Рима, от территорий города-союзника было практически невозможно. Состоятельные италики с тем же рвением, что и их римские братья, присоединяли общественные земли к своим угодьям, в то время как бедным пастухам оставалось довольствоваться прокормом стад своего скота на общественных землях. Появление членов римской земельной комиссии, выискивавших участки для конфискации, грозило урезать очень многим источники существования, но италикам, не способным самостоятельно постоять за себя в римском

судопроизводстве, для отстаивания своих интересов требовался покровитель в Риме. Такого покровителя они нашли в лице Сципиона Эмилиана, который на тот момент опять вышел на сцену, дабы совершить последний акт своей долгой, легендарной карьеры.

Вступая в борьбу на стороне италиков, Эмилиан руководствовался различными и далеко не всегда благородными резонами. Во-первых, это в огромной степени повышало его престиж. На фоне аристократического презрения, которое он продемонстрировал к судьбе Тиберия, простой люд от него отвернулся, поэтому теперь он занял новую позицию, позволявшую ему расширить базу политической поддержки. Во-вторых, выступая против земельной комиссии, Эмилиан рассчитывал помириться с коллегами по сенату. Он всю свою жизнь в грош не ставил все их традиции, но если бы ему удалось уничтожить презренную аграрную комиссию, они отплатили бы ему немалой толикой доброжелательности. Наконец, сенат мог продемонстрировать коллективное желание хотя бы для виду принять жалобы италиков всерьез. К полной интеграции Италии он не стремился, но выказывая по отношению к ее жителям симпатию, мог заручиться их поддержкой, чтобы навсегда избавиться от призывов к более радикальным реформам.

В 129 г. до н. э. Эмилиан произнес в сенате речь, утверждая, что члены комиссии нарушали заключенные соглашения, а поскольку границы с союзниками представляли собой вопрос внешней, а не внутренней политики, то споры между комиссией и италиками полагалось разбирать консулу. Сенат согласился и принял в поддержку рекомендаций Эмилиана соответствующее постановление. Оно не обладало прямой силой закона, однако на тот момент, когда в комиссии заправляли трое относительно молодых политиков, вес мнения сената одержал верх. А поскольку к тому времени почти все доступные земли граничили с владениями италиков, из-за постановления сената работу аграрной комиссии пришлось остановить, хотя и со скрипом. Формально распускать ее никто не стал, но ее способность действовать самым роковым образом урезали до предела.

После этого Эмилиан перенес дебаты на форум, разглагольствуя перед толпой и пытаясь заложить фундамент для значительного пересмотра, а то и полной отмены *Lex Agraria*. Но его и на этот раз встретил *plebs urbana*, в ярости от того, что он принял сторону

италиков. Послышались крики, что Эмилиан «решил полностью отменить закон Гракха и с этой целью намеревался разжечь вооруженный конфликт, чтобы затем устроить кровавое побоище»^[58]. Вскоре и без того высокий градус враждебности толпы повысился еще больше, из толпы стали доноситься крики «Убить тирана!». Но Эмилиан проявил твердость и сказал: «Вполне естественно, что те, кто враждебно настроен к нашей стране, хотят сначала покончить со мной; потому как невозможно, чтобы пал Рим, пока стоит Сципион; как невозможно Сципиону жить, когда падет Рим»^[59]. Но хотя он чуть ли не бросил толпе вызов, провоцируя ее атаковать, ничего такого не последовало и по окончании дебатов друзья проводили его домой.

Когда они убедились, что дома он в полной безопасности, Эмилиан сказал им, что планирует провести вечер за работой над важной речью, которую ему предстоит произнести на следующий день. Но наутро Эмилиан из дома так и не вышел. Сципион Эмилиан умер на пике своей политической карьеры в возрасте пятидесяти шести лет.

В атмосфере, окружавшей его внезапную смерть, не заподозрить ее насильственный характер было невозможно. С течением лет в список подозреваемых вошла вся семья Гракхов: Гай, его сестра Семпрония, а также их мать Корнелия Африкана. У всех троих были веские причины считать бывшего родственника врагом. В то же время под подозрение попали и двое других членов земельной комиссии, Флакк и Карбон, потому как и у того и у другого, в прошлом с Эмилианом были стычки. Но по какой-то причине сенат не проявил особого интереса к этому делу и не стал копать глубоко: «Хотя он (Эмилиан) был и великий человек, расследование причин его смерти не проводилось»^[60]. Вполне возможно, что Эмилиан умер естественной смертью, а время его кончины было просто совпадением. Этого нам уже никогда не узнать.

Легендарная, содержащая в себе множество противоречий карьера Публия Сципиона Эмилиана послужила образцом для подражания будущим поколениям римлян. Он воплощал собой новый дух и новое осмысление значения слова «римлянин». Эмилиан принял для себя греческую философию и чувствовал себя комфортно в роскошном окружении. Эта новая порода римской знати ненавидела старых ворчунов, таких как Катон Старший, и не видела причин отказываться от хорошего вина и элегантного разговора. С течением лет

мировоззрение Сципиана и его близкого круга возобладало в среде высшей римской знати, которая вскоре стала отправлять своих сыновей в Грецию как нечто само собой разумеющееся. Эмилиан даже ввел в привычку ежедневно брить лицо, что для римской аристократии стало стандартом на следующие триста лет. На политическом фронте Эмилиан придумал механизм использования комиция для преодоления неудобных препятствий. За свою карьеру этот человек дважды становился консулом, причем оба раза особым решением Народного собрания. В качестве консула он командовал легионами в двух войнах, причем и в первый, и во второй раз получал это назначение не жеребьевкой, а специальным голосованием комиция. Это был яркий пример, который взяли на вооружение представители всех будущих династий на позднем этапе существования Римской республики. Комиций обладал невероятным могуществом – голос объединенного народа мог возобладать в любом вопросе. И человек, контролировавший это Народное собрание, мог делать что угодно.

Кроме того, Эмилиан создал опасный прецедент, используя огромное полчище своих клиентов для создания личного легиона. В эпоху, раздираемую ожесточенными баталиями по поводу мобилизации, Эмилиан без труда собрал войско, чтобы завоевать Нуманцию, – призвав своих людей отплатить за оказанные когда-то им самим услуги и выполнить данные в свое время обязательства, он набрал целых шестьдесят тысяч человек. Он представлял собой живое доказательство того, на что способен харизматичный генерал с хорошими связями. И Марий, и Сулла, и Цезарь в своей деятельности руководствовались теми же базовыми принципами, что и Эмилиан: собрать личную армию, а затем использовать Народное собрание, чтобы в законодательном порядке предать оппонентов забвению.

Но хотя его карьера была обращена в грядущее, сам Эмилиан покинул этот мир как анахронизм. Будущее определяли отнюдь не благородные принцы, днем правившие миром, а вечером устраивавшие дебаты по вопросам греческой философии. В нем правили люди куда более жесткие. Публиканы-дельцы гнали корабль империи к берегам их собственных прибылей. У обнищавших крестьян отнимали их земли. Городские ремесленники периодически сталкивались с нехваткой хлеба. Итальянские союзники досадовали на недостаток гражданских прав. Тысячи рабов постоянно находились на грани бунта. Следующее

поколение предстояло определять тем, кто попытается обуздать эти силы, чтобы держать под контролем республику. Но как отмечал сам Эмилиан, «те, кто навел внешний лоск для политической конкуренции или гонки за славой, будто актеры на сцене, в обязательном порядке пожалеют о своих поступках, ведь им придется либо прислуживать тем, кем они предполагали править, либо оскорблять тех, кому им хотелось понравиться»^[61].

Глава 3. Кинжалы на форуме

Граждан не называли «плохими» или «хорошими» в зависимости от их поведения в обществе, потому что в этом отношении все они были порочны. Но самых богатых и способных больше других причинить вред считали «хорошими», по той причине, что она защищали существующее положение дел^[62].

Саллюстий

Гаю Гракху приснился сон. В этом сне к нему явился призрак его покойного брата Тиберия и сказал: «Сколько ни пытайся отворотить судьбу, тебе все равно предстоит умереть той же смертью, что и я»^[63]. В другой версии сна Тиберий спрашивал его: «Чего ты колеблешься, Гай? Выхода ведь все равно нет; нам обоим была судьбой предопределена одна жизнь, и одна смерть – поборников народа»^[64]. Гаю нравилось рассказывать о своем сне, от которого создавалось впечатление, что он не просто очередной политик, потакающий собственным амбициям, а человек, призванный служить обществу некой высшей силой. Но как бы он ни напускал на себя смирение, совершенно ясно, что еще с юного возраста Гай мечтал стать величайшим из рода Гракхов.

Хотя они выросли в одном доме, хотя их воспитывала та же самая мать, а учили одни и те же наставники, вряд ли можно было вообразить двух более разных людей, чем Тиберий и Гай. О различии их характеров много писал Плутарх. Там, где Тиберий проявлял «спокойствие и доброту»^[65], Гай был «яростен и взвинчен»^[66]. Выступая на публике, Тиберий полагался на спокойное сопереживание, в то время как Гай непомерно источал свою харизму.

В последний раз Гай видел старшего брата весной 134 г. до н. э. В свой первый поход в Испанию двадцатилетний юноша отправился с верой в то, что их род находится на пороге своего величия. Старший брат готовился представить *Lex Agraria* и рывком выдвинуть следующее поколение Гракхов на передний край римской политики. Однако в Испании Гаю пришлось узнать, что все пошло не по плану.

Тиберий хоть и провел *Lex Agraria*, но заплатил за победу своей жизнью.

В 132 г. до н. э. Гай возвратился в Рим. С момента смерти Тиберия не прошло и года, поэтому младший брат не только считал себя главой семьи, но и надеялся возглавить основанное старшим братом политическое движение. Первый шаг к публичному поприщу он сделал несколько месяцев спустя, когда его вызвали в суд защищать друга их семьи. О силе красноречия Гая тут же стали слагать легенды. Он ввел новую форму сценической риторики, став первым римлянином, который во время выступления энергично расхаживал по помосту и срывал с плеча тогу. Даже Цицерон – неумолимый критик Гракхов – признавал, что Гай был искуснейшим оратором своего поколения. «Как же велик был его гений! Как огромна энергия! Как стремительно красноречие! Поэтому все вокруг печалились, что всем этим прекрасным качествам и талантам не сопутствуют ни характер получше, ни более благие намерения»^[67]. Гай также приложил руку, чтобы изменить «аристократическую манеру произнесения речей на демократическую, чтобы ораторы обращались к народу, а не к сенату»^[68]. Записи той первой великой речи до нас не дошли. Достоверно известно только одно: на фоне выступления Гая «другие ораторы выглядели ничуть не лучше детей»^[69]. На тот момент ему было всего лишь двадцать три года.

Годом позже Гай опять прибегнул к своему ораторскому таланту, дабы защитить наследие семьи. Он публично поддержал предложенный Карбоном законопроект, призванный легитимизировать задним числом попытку Тиберия избраться на второй срок. И хотя документ так и не был одобрен, выступления Гая дали понять политической элите, что Тиберий отнюдь не стал единственным Гракхом, с которым им придется считаться. В действительности сила Гракха стала раздражать ведущих представителей знати, в среде которых царило единодушное мнение о том, что его нельзя подпускать к должности трибуна.

Они были совершенно правы, потому как Гай не только видел сны, в которых к нему приходил покойный брат, но и лелеял собственные мечты. За последние сто лет республика претерпела множество изменений, не предприняв ни одной исчерпывающей попытки переделать государственный корабль, чтобы выжить в новых водах, по которым он теперь плыл. В сфере, где Тиберий предложил один-

единственный аграрный закон, чтобы сгладить последствия растущего экономического неравенства, Гай грезил о целом пакете реформ, направленных на улучшение тех аспектов имперской экспансии Рима, которые больше всего дестабилизировали обстановку. У Гая Гракха была мечта, из-за которой ему пришлось разделить жизнь брата и умереть защитником народа.

Когда Гай сложил вместе первые фрагменты своего пакета реформ, ему стало ясно одно: будущее Рима было за Италией. Делая первые наброски *Lex Agraria*, его брат, вероятно, понимал, что восстановить здоровье Римской республики можно только восстановив здоровье не только римских граждан, но и всех италиков. Пришло время отказаться от практики считать чужеземцами италийских союзников, которые на самом деле давно стали неотъемлемыми членами римского общества. В своем вольном виде возглавляемая Римом конфедерация, связывавшая последние двести лет воедино весь полуостров, себя исчерпала. И теперь, когда полным ходом развивалось окружавшее Италию со всех сторон Средиземноморье, полуостров пора было объединить.

После смерти Тиберия Марк Фульвий Флакк, с которым Гай работал в земельной комиссии, стал для него кем-то вроде старшего брата. Если младший Гракх только-только начинал свою политическую карьеру, то Флакк уже стоял на пороге получения консульской должности. И когда пришло время выставить свою кандидатуру, он выдвинул провокационную идею, вероятнее всего предварительно обсудив ее с Гаем: сделать каждого италика полноправным римским гражданином. Это предложение хоть и влекло за собой в долгосрочной перспективе серьезные последствия, в основе его лежал самый практичный и неотложный вопрос урегулирования споров с земельной комиссией. Флакк полагал, что «итальянских союзников следует сделать римскими гражданами, чтобы они из благодарности... перестали ссориться из-за земли»^[70]. И хотя главная роль в этом деле отводилась благодарности, еще важнее представлялось то, что после принятия италиками гражданства появится возможность разрешить проблему, которая застопорила работу аграрной комиссии. И Флакк, и Гай считали, что на такую сделку италики пойдут.

Вполне естественно, что предлагать наделить италиков всеми правами римского гражданства было радикальной идеей, от которой у

консервативной части знати по спине ползли мурашки. Сама мысль о том, что те, кому полагалось им подчиняться, станут с ними равны, была для них невыносима. В то же время Флакк столкнулся с другой проблемой в виде городских плебеев, ревностно охранявших свои гражданские привилегии. Стараясь не допустить одобрения этого предложения, сенат убедил одного из трибунов в период подготовки к выборам консула изгнать из Рима всех, у кого не было гражданства. Если Флакк собирался победить на избранной им почве, то ему придется убедить в этом римских граждан. Периодически повторявшиеся изгнания чужаков на позднем этапе существования республики стали ее характерной чертой, и Цицерон, осуждая подобную практику, говорил: «Возможно, для тех, кто не является гражданином, и неправильно обладать правами и привилегиями гражданства...»^[71], но изгонять из Рима чужаков «противоречит законам человечности»^[72].

Однако Флакк все равно выиграл выборы консула и в январе 125 г. до н. э. раскрыл свой план предоставления гражданства всем италикам. Но хотя он и был теперь консулом, впереди его ждала другая проблема – ему будет очень трудно убедить проголосовать за закон комиций, тем более что к тому времени в городе остались одни только римляне. Сказать, как разворачивались бы события, если бы законопроект действительно поставили на голосование, очень трудно, но к счастью для сената, у его членов появилась возможность отвлечь внимание Флакка. В Рим, с жалобой на постоянно грабившие их галльские племена, прибыла делегация союзнического города Массилия (ныне французский Марсель). Сенат поручил Флакку расправиться с врагом. То ли чувствуя, что законопроект все равно не пройдет, то ли ставя военную славу выше социальных реформ, тот уехал в Галлию и возвратился только по истечении срока своего пребывания на консульском посту. Вместе с этим истек и срок рассмотрения законопроекта о предоставлении гражданства италикам. Это был первый шаг в долгой и мучительной борьбе за предоставление им полноценных прав римских граждан, которая не завершилась и тридцать лет спустя – вопрос закрыли только тогда, когда сотни тысяч сложили головы, а сама республика чуть не погибла в огне гражданской войны.

Когда законопроект о предоставлении италикам гражданства приказал долго жить, как минимум одному городу эта весть пришлось не по душе. В конце 125 г. до н. э. восстали Фрегеллы. Эта бывшая колония, основанная в 328 г. до н. э. в разгар Самнитских войн, впоследствии сохраняла верность Риму во время длительной борьбы с Ганнибалом. По сути, город прославился своим примерным служением в войнах с карфагенянами. Чтобы остановить наступление Ганнибала в 211 г. до н. э., его жители разрушили один из ключевых мостов, а потом отказывались капитулировать даже когда Ганнибал в наказание разорил их крестьянские хозяйства. За непоколебимую преданность сенат включил Фрегеллы в число городов, «помощь и поддержка которых способствовали господству Рима»^[73].

О подробностях восстания во Фрегеллах практически ничего не известно, но оно считалось не настолько опасным, чтобы требовать к себе внимания консула. Вместо него сенат в начале 124 г. до н. э. отправил подавлять бунт претора Луция Описия. Как нередко случалось с римскими предводителями, Описий был устроен по особо бесчеловечному образцу. Он принялся грабить и уничтожать Фрегеллы, чтобы «от города, который еще вчера озарял своим блеском всю Италию, остались только разбитые фундаменты»^[74]. Вполне возможно, что жестокость этого грабежа представляла собой прямое предупреждение всем остальным италийцам, которым в будущем могло вздуматься пойти по стопам Фрегелл. Последующие поколения римлян включают разрушенные Фрегеллы в череду уничтоженных городов, оголенных свидетелей самодовольства разраставшейся империи Рима: «Народ Рима разрушил Нуманцию, сровнял с землей Карфаген, уничтожил Коринф и сокрушил Фрегеллы»^[75]. Но когда Описий вернулся в Рим, в просьбе о триумфе сенат ему отказал. Его члены чувствовали, что если задача сводилась единственно к тому, чтобы запугать италиков, то тыкать их постоянно носом было все же чересчур.

Как оказалось впоследствии, беспощадное подавление Описием Фрегелл стало лишь первым примером хладнокровной тактики, к которой он прибегал, защищая существующий порядок. В 121 г. до н. э. его избрали консулом, и он сыграл главную роль в решающем поединке революции Гракха – революции, вспыхнувшей с новой силой после разграбления Фрегелл и его возвращения домой.

Когда разыгрывалась эта драма, Гая Гракха в Риме не было. В 126 г. до н. э. он был избран квестором и получил назначение на остров Сардиния, где продолжил зарабатывать себе репутацию. Зима 126–125 гг. до н. э. выдалась особенно суровой, поэтому legionеры сильно страдали от недостатка продовольствия и теплой одежды. Римский наместник силой реквизирует у сардинских городов все необходимое, чтобы одеть и накормить людей, но когда жители Сардинии отправили в Рим посольство с жалобой, сенат постановил реквизиции прекратить и приказал наместнику наладить снабжение каким-то иным образом. Решить вопрос этим самым «иным образом» поручили Гаю Гракху, который совершил поездку по острову и, в полной мере задействовав всю силу своего убедительного красноречия, сумел уговорить сардинцев добровольно наладить снабжение.

Уверившись в его правоте, жители острова без всякого принуждения пошли на сотрудничество. Узнав об успешной операции Гая, сенат не столько поздравил его, сколько забеспокоился по поводу того, что может произойти, когда его фирменное, убедительное красноречие вновь заявит о себе на форуме. Поэтому его члены сговорились как можно дольше продержать младшего Гракха на Сардинии. Для консула было совершенно нормально по истечении срока его полномочий занять должность проконсула и оставить при себе всех своих людей. В итоге сенат продлил срок пребывания сардинской миссии на год, и Гай остался на острове. Но по прошествии этого времени сенат продлил его еще раз, что уже выходило за все общепринятые рамки. После Пунических войн в подобном многократном продлении срока пребывания не было необходимости – а в случае с мирной, покоренной Сардинией решение и вовсе выглядело в высшей степени необычно.

Гай подозревал, что вся эта волокита была продиктована не столько необходимостью пребывания на Сардинии консула, сколько желанием держать вдали от Рима его самого. Поэтому в ответ на эти совершенно необычные приказы Гай предпринял не менее необычный поступок. Игнорируя все обычаи предков, которые предписывали каждому подчиненному оставаться с командующим все время пребывания миссии в провинции, он попросту упаковал вещи и весной 124 г. до н. э. возвратился в Рим. После его неожиданного появления в городе весной 124 г. до н. э. сенат пришел в ярость. А вид радостных

толп граждан, встречавших Гракха в гавани восторженными возгласами, еще больше испортил его членам настроение.

Но хотя их план запретить Гая на Сардинии провалился, это еще не означало, что консерваторы собирались без боя позволить ему с ликованием прорваться в трибуны. Сразу по возвращении Гая поволокли к цензорам, пожелавшим призвать его к ответу за то, что он бросил командира. Защищая себя от этого обвинения, Гай произнес одну из самых известных своих речей. Чувствуя, что недруги пытаются опорочить его честь, он стал отстаивать свое поведение на Сардинии, сказав, что пока другие использовали в провинции свои должности для угнетения местных жителей и собственного обогащения, «я, покинув Рим, привез из провинции пустой кошелек, который, когда я туда уезжал, был полон денег; другие возвращаются домой, наполнив деньгами кувшины, которые они взяли с собой в провинцию, полные вина»^[76]. Это был язвительный ответ тем, кто обвинял его самого в нарушении общественной морали, – многие из них действительно во время службы в чужих краях без конца пили вино, наполняя пустые бутылки богатствами.

Но могущество цензоров, желавших наказать Гая за предполагаемое нарушение закона, было ограничено. В то же время не исключено, что моральное порицание попросту преследовало цель создать фундамент для более серьезных обвинений – обвинений, которые могли относиться к юрисдикции уголовного суда. Воскресив, будто по взмаху волшебной палочки, теорию итальянских заговоров, враги Гая обвинили его в подстрекательстве и помощи в подготовке восстания во Фрегеллах. Прои탈лийские настроения Гая к тому времени были уже хорошо известны, и сенаторы из числа консерваторов попытались выдать их за подлинное предательство сената и народа Рима. Обвинения, конечно же, были смехотворны, потому как Гай все время, пока длился бунт, оставался на Сардинии, но благодаря им его окутало облако скандала, вынуждая его прибегнуть к ответу. В хрониках об этом говорится очень мало, но известно, что Гай с успехом отверг обвинения и начал готовиться к назначенному ему избранию трибуном.

Выборы трибунов 123 г. до н. э. выдались особенно агрессивными, ведь основная масса знати мобилизовала своих клиентов помешать

избранию Гая. Но перед популярностью фамилии Гракхов и силой красноречия Гая ничто не могло устоять. С окрестных деревень в Рим стали стекаться толпы граждан. Людей было так много, что за несколько дней до выборов им уже негде было встать на постой. Даже открытое для всех Марсово поле вскоре до такой степени заполнило толпа, что людям приходилось располагаться даже на крышах.

Пока Гай участвовал в кампании по выборам трибуна, в комиций, наконец, представили законопроект, предусматривавший ратификацию колонизации Азии, подготовленный когда-то Аквилием. На тот момент после смерти царя Атталы прошло десять лет, а азиатская провинция только сейчас была готова к ратификации. Неожиданная задержка в этом деле возникла после того, как в Рим просочились вести о позорном поведении Аквилия. Помимо прочего, его обвинили в том, что он за взятку провел границу в пользу царя Митридата V Понтийского. И поскольку эти обвинения были на сто процентов справедливыми, все говорило о том, что его признают виновным. Но жюри присяжных Аквилия оправдало. Частично этому поспособствовало несравненное красноречие Марка Антония – восходящей молодой звезды, защищавшего Аквилия в суде. Но свою роль сыграли и деньги, которые тот заплатил членам жюри, – в конечном итоге, он использовал полученную когда-то взятку, чтобы подкупить других и, таким образом, избавиться от обвинений во взяточничестве.

Когда скандал затих и окончательный законопроект о ратификации создания провинции Азия поступил в Народное собрание, Гай выступил категорически против. История умалчивает, что было тому причиной, то ли установленный Аквилием административный режим вызывал у него какие-то особые возражения, то ли что-то еще, но это, вероятно, и не важно. Гай не только хотел использовать вопрос Азии для того, чтобы разнести в пух и прах коррупцию в сенате, но и вынашивал собственные планы в отношении обустройства провинции и желал обеспечить себе незапятнанную репутацию, чтобы их реализовать.

Но хотя проблема Азии и представляла собой благодатную почву для нападок на сенат, у Гая была другая тема, которую он мог использовать по максимуму, – трагическая история его брата. «На ваших глазах, – сказал он, – эти люди забили Тиберия до смерти

дубинками, его труп протащили по городу и бросили в Тибр... а друзей, которых там схватили, предали смерти без всякого суда»^[77]. Хотя его речь и содержала в себе значительную долю преднамеренных манипуляций, считать ее чистой воды цинизмом нет никаких причин. Ни один римлянин не пренебрег бы возможностью уладить вопрос семейной чести, особенно в подобной публичной манере.

В день выборов Гай без труда одержал победу, в декабре 124 г. до н. э. вступил в должность и бесспорно стал «первейшим из трибунов»^[78] – благодаря силе своей репутации и могуществу амбиций.

Размах и глубина его пакета реформ были поистине беспрецедентны. После тщательной подготовки, которая наверняка продолжалась не один год, в 123 г. до н. э. Гай Гракх приступил к исполнению обязанностей трибуна, вооружившись многогранной платформой, задуманной так, чтобы обладать привлекательностью в глазах различных групп населения. Одобренный в полном объеме, его пакет реформ обуздал бы власть сената и восстановил конституционный баланс, описанный Полибием. Позже говорили, что когда Гай довел дело до конца, «после него не осталось ничего непотревоженного, ничего нетронутого, ничего ненарушенного, одним словом, не осталось ничего, что было раньше»^[79].

Но прежде чем приступать к исполнению амбициозных общественно-политических реформ, Гаю необходимо было уладить некоторые семейные дела. Первый представленный им законопроект был нацелен непосредственно на Октавия, того самого трибуна, упрямство которого так поспособствовало гибели Тиберия. Гай представил законопроект, запрещающий человеку, смещенному с должности комицием, в дальнейшем служить магистратом. В случае его одобрения, на публичной карьере Октавия можно было бы поставить крест. Но тут самым примечательным образом вмешалась Корнелия, и Гай отозвал свой законопроект. Некоторые историки считают это дело заранее срежиссированным спектаклем, призванным выставить Гракхов в благожелательном свете и под шумок утвердить принцип, в соответствии с которым Народное собрание при желании может сместить магистрата – что на тот момент еще не было установлено законом.

После этого Гай нацелился на гонителей сторонников его брата. Он заявил, что чрезвычайный трибунал 132 г. до н. э. нарушил принцип

верховенства Народного собрания при вынесении смертных приговоров. Желая избежать повторения чего-либо подобного в будущем, Гай представил законопроект, провозглашавший, что учреждать суд сенат может только по получении разрешения комиция. У его членов больше никогда не будет возможности еще раз создать репрессивный трибунал 132 г. до н. э. При этом новый закон не просто гарантировал нелегитимность подобных судов в будущем, но и шел дальше, имея обратную силу. Никаких запретов на придание закону обратной силы не было, и человека вполне могли признать виновным в преступлении, которого в те времена, когда он его предположительно совершил, попросту не существовало. К их числу, например, можно было отнести Рупилия и Лената, возглавивших трибунал 132 г. до н. э. К тому моменту, когда Гай стал продвигать свой обладавший обратной силой закон, Рупилия уже не было в живых, но вот его коллега Ленат здравствовал и преуспевал. Когда закон был принят, опечаленные друзья проводили Лената до врат Рима и он отправился в изгнание.

Покончив с семейными делами, Гай моментально переключился на реализацию своих реформ. Первым делом необходимо было возобновить работу земельной комиссии. Формально она по-прежнему существовала, Гай, Флакк и Карбон оставались ее членами, но ее работа была на долгие годы парализована сенатским постановлением, отнесшим спорные вопросы с италиками к юрисдикции консулов. Флакк попытался обойти эту проблему, наделив италиков правами полноправных римских граждан, а когда у него это не получилось, комиссия осталась «на мели». Гай пошел напролом и пересек красную правовую черту, представив законопроект, наделявший комиссию конечной юрисдикцией при решении любых спорных вопросов касательно границ. Сельская беднота, которая всегда составляла собой костяк поддержки Гракхов, пришла в восторг от мысли о том, что теперь можно будет выявить и поделить еще больше общественных земель.

Но теперь Гай хотел не просто наделить безземельных плебеев небольшими личными наделами, а создать совершенно новые сообщества. Он планировал создать в Италии целую систему новых колоний, простирающихся от Этрурии на севере до Тарента на юге. Предполагалось, что все они будут располагаться в хороших гаванях и способствовать развитию внешней торговли внутренних районов

Италии с остальным миром. Чтобы заселить их, Гаю потребуются не только безземельные крестьяне, но и богатые эквиты, которым в новых колониях предстояло возглавить сословие купцов. С учетом прибылей как от торговли, так и от реализации государственных заказов, предусматривавших строительство улиц, дорог и портов, его проект колонизации обладал привлекательностью в глазах всех и каждого. Он даже мечтал о заморской экспансии, нацелившись на крупный порт побежденного Карфагена в качестве прекрасного места для создания постоянной колонии.

Кроме того, Гай приступил к воплощению в жизнь масштабного проекта по улучшению и строительству в Италии дорог, впервые в истории используя для этого единые методики и спецификации, благодаря чему проложенные им тракты прославились своей практичностью и элегантностью. Все они были одинаковой ширины и одинаково приподняты над землей, каждый оборудовался отличными дренажными системами. Гай также приказал бригадам рабочих устанавливать через каждую милю каменные столбы, чтобы путникам было легче отсчитывать расстояние. В долгосрочной перспективе эти дороги должны были помочь улучшить линии сообщения, наладить снабжение и торговлю. Что же касается краткосрочных политических выгод, то проект обещал прибыли подрядчикам из числа публиканов и постоянную работу жителям деревень.

Поскольку все эти дорожные работы предполагалось производить в сельской глубинке, городским плебейм Рима проект практически ничего не давал. Поэтому Гай, дабы заручиться их поддержкой, пообещал им то, к чему они всегда стремились: стабильные поставки дешевого зерна. В тот самый момент, когда он только вступал в должность, нашествие саранчи уничтожило урожай в Северной Африке, тем самым породив нехватку продовольствия в Риме. Гай представил законопроект, предписывавший государству приобретать хлеб, создавать его запас, а затем продавать гражданам по фиксированной цене.

Позже Цицерон заклеил этот проект, назвав его явной попыткой заручиться политической поддержкой – из тех, к которым прибегают попрошайки, – и сказал, что лучшие люди того времени «высказывались против него, полагая, что в конечном итоге он отвратит простолудинов от усердного труда и позволит предаваться лени»^[80].

Однако отличительным признаком имперской муниципальной политики впоследствии стало отнюдь не пособие в виде бесплатной выдачи зерна. Его попросту предлагали по фиксированной цене, чтобы создать некую видимость стабильности. Этот законопроект настолько полюбился городскому плебсу, что дальнейшее развитие системы субсидирования зерна стало его главным политическим требованием в последующие сто лет.

После этого Гай представил на рассмотрение ряд мер, направленных на исправление положения после тридцати лет жалоб на разорительную стоимость службы в легионах. Государство снабжало солдат оружием, снаряжением и одеждой, но потом публиканы, которые выполняли его заказы, вычитали эти затраты из их денежного содержания — для легионеров, и без того обнищавших, это было пагубное бремя. Гай провел закон, прекращавший практику вычета государством этих затрат. Как и в случае с развитием системы зерновых субсидий, для перехода от армии, рекрутируемой на время военного похода, как было в разгар республиканского периода, до легионов Августа, содержащихся на постоянной основе, потребовалось целых сто лет, но закон Гая, переложивший затраты с карманов граждан на государственную казну, стал большим шагом.

Наконец, он увенчал пакет своих реформ двумя важными законодательными инициативами в поддержку эквитов в целом, но в первую очередь публиканов. Первый касался вопроса, против которого Гай ранее публично выступал. Все бывшие царские владения теперь превратились в *ager publicus* Рима и в этом качестве могли облагаться податью, принося баснословные прибыли. Но в законе содержался один противоречивый пункт, в соответствии с которым контракты на сбор податей должен был продавать римский наместник в Азии, что позволяло этому чиновнику контролировать поток огромных богатств. Гай провел закон, по которому обязанность продавать такие контракты возлагалась на цензоров в самом Риме. С одной стороны, он был направлен на ограничение власти сената, но с другой, позволил крупнейшим и богатейшим объединениям публиканов монополизировать весь этот бизнес. Благодаря данному пункту закона Гаю стали оказывать поддержку ряд самых богатых и влиятельных жителей Рима, которых и без того уже впечатлили его проекты

общественных работ. Эти новые сторонники еще не были частью политической системы, но быстро в нее интегрировались.

Дальнейшей политизации публиканов способствовала и его вторая законодательная инициатива: реформа суда, рассматривавшего дела о вымогательствах и получении магистратами взяток. Жюри присяжных для таких судов всегда набирали из сенаторов, которые долго закрывали глаза на злодеяния своих коллег. В конечном счете, именно они провозгласили невинным Аквилия, несмотря на очевидные доказательства его вины. Гай провел закон, запрещающий сенаторам входить в это жюри присяжных; вместо них его членов теперь набирали из числа эквитов. И то не всех. Чтобы иметь право войти в состав жюри, человек должен был на постоянной основе жить в Риме. А поскольку официальным местожительством большинству семей эквитов служили их деревенские поместья, единственными, кто «на постоянной основе жил в Риме», были те, кто зарабатывал на жизнь исключительно бизнесом, – в первую очередь публиканы, у которых теперь появился мощный механизм собственных интересов.

Доведя до ума эти законодательные инициативы, Гай не только инициировал реформы, на сотни лет вперед предвосхитившие стабильную имперскую структуру Августа, но и оказался в самой гуще могущественной антисенатской коалиции. Городской плебс, сельская беднота, эквиты в целом и публиканы в частности встали за ним плечом к плечу: теперь его успеху было суждено стать их успехом, а его гибели – их гибелью. В дальнейшем выкованную Гаем коалицию можно было узнать в Марии Сатурнине, Сульпиции и Цинне, которые использовали тот же базовый набор средств для реализации своих планов в борьбе с сенатом.

Когда в следующем году подошел срок выборов трибунов, Гай выразил готовность передать эстафету своему старому другу и союзнику Флакку, выставившему на них свою кандидатуру. Его участие в этой кампании стало еще одной брешью в броне неписанных *mos maiorum* – никогда еще бывший консул не баллотировался на должность трибуна, которая значительно ниже рангом. При поддержке Гая выборы Флакк выиграл и в этот момент – то ли в результате тщательного планирования, то ли благодаря счастливой случайности, а может и сочетанию и того и другого – во второй раз трибуном стал и

сам Гракх. Он добился того самого назначения, которое в свое время вызвало столько противоречий, что буквально убило его брата Тиберия.

Какой бы им ни был вызван шок, это назначение до сих пор остается исторической загадкой. Нам известно, что поначалу он не выставлял свою кандидатуру, но когда подвели итоги выборов, выяснилось, что из десяти вакансий трибунов несколько остались свободными – результат хоть и не совсем обычный, но в прошлом подобное уже случалось. В ситуациях такого рода прерогатива заполнять вакансии принадлежала трибунам, и одним из тех, кого они назначили, оказался Гай Гракх. Вопрос лишь в том, насколько этот спектакль был задуман заранее. Может, в ходе первоначального голосования использовались те или иные манипуляции, чтобы оставить вакантными несколько мест? Или же это был каприз богини Фортуны и Гай сам удивился не меньше других, узнав, что его избрали на второй срок? Это нам не ведомо. Мы знаем лишь, что теперь Гай, второй раз подряд, стал трибуном.

Ко второму сроку полномочий Гай приступил на пике своей власти. С ним «тесно общалось великое множество подрядчиков, умелых ремесленников, посланников, магистратов, солдат, а также ученых мужей, и он со всеми поддерживал прекрасные отношения. Таким образом, в личном общении с людьми и заключении сделок он проявил себя еще более талантливым народным лидером, чем произнося речи с ростры».

В то же время ему противостояла группировка консервативно настроенных сенаторов. Во время первого срока полномочий Гая она быстро потерпела поражение, но ко второму сроку перегруппировала свои силы. Как и в истории с Тиберием, враги Гая, не желая проделывать самостоятельно свою грязную работу, определили эту задачу Марку Ливию Друзу – трибуну, выступавшему по отношению к Гракху в оппозиции. Сам он был восходящей звездой римской политики, обладал, как и Гай, богатством и красноречием, а воспитывали его в надежде на публичную карьеру. Но если Гракх стремился продвинуться на избранном поприще через популярные реформы, то Друз, чтобы обеспечить карьерный рост, намеревался их блокировать. Приступая к исполнению возложенных на него обязанностей, он поставил перед собой задачу на каждом шагу

подрывать усилия Гая – если ему это удастся, у него в сенате появятся могущественные союзники. Для начала Друз предложил собственный законопроект о колонизации. Если план Гая на тот момент представлялся самым амбициозным в истории, то Друз обещал создать двенадцать колоний. Каждая была рассчитана на три тысячи колонистов, которым государство должно было безвозмездно выделить щедрые земельные наделы и стартовый капитал. Поскольку извлечь выгоду из новой инициативы могли целых тридцать шесть тысяч семей, весть о ней ударной волной всколыхнула все население. Помимо прочего, Друз приложил максимум усилий с тем, чтобы дать понять: правом стать колонистами будут обладать исключительно римляне, италикам в нем откажут.

Свою хитроумную попытку отделить римлян от италиков Друз предпринял в тот самый момент, когда Гай готовился внедрить меру, которую во время пребывания на посту консула не смог реализовать Флакк: предоставить италикам полноправное римское гражданство. И из принципа, и с точки зрения политических интересов, младший Гракх боролся за то, чтобы расширить их права на участие в выборах, и не раз произносил на публике в пользу италиков речи. Гай предлагал наделить обладателей Латинского права полными правами римлян, а «союзникам» предоставить права латинян. Законопроекту Гая недоставало всеобщего равенства, предложенного в 125 г. до н. э. Флакком, но он все равно представлял собой бомбу огромной разрушительной силы, брошенную в самую гущу форума – особенно если учесть, что предложил он его сразу после обнародования Друзом собственного проекта колонизации, который предусматривал участие одних только римлян.

Как и в период консульства Флакка, к рассмотрению требований Гая предоставить италикам гражданство сенат приступил, лишь выслав из Рима всех, у кого не было гражданства, и запретив им в преддверии выборов появляться в городе. Декрет гласил, что «ни один человек, у которого нет права на волеизъявление, не может оставаться в городе или приближаться к нему на расстояние ближе пяти миль, пока эти законопроекты не будут проголосованы»^[81]. Видя, что население восприняло его законопроект враждебно, Гай, чтобы не рисковать другими своими планами, решил его похоронить. После провала еще одной попытки реформировать эту систему, вопрос гражданства для

италиков оставался хронической проблемой. Особенно если учесть, что те уже поняли предложенную им модель: их будут заманивать гражданством только для того, чтобы в последний момент его так и не дать. И такая игра им вовсе не нравилась.

Проиграв голосование по вопросу предоставления италикам гражданства, весной 122 г. до н. э. Гай отплыл в Северную Африку. Первая создаваемая им колония таила в себе больше всего противоречий. Планировалось, что она, располагаясь на месте древнего Карфагена, будет контролировать порт, обладающий рядом стратегических преимуществ, но суеверные римляне страшились селиться на территориях, где водились призраки. Оставив Флакка приглядывать за Римом, Гай отправился в Карфаген, чтобы лично проконтролировать создание колонии. Сказать с уверенностью, почему для отъезда был выбран именно этот момент, очень трудно – он, вполне возможно, попросту чувствовал, что его присутствие во время основания колонии сыграет важную роль как в практическом, так и в символическом плане.

В Африке Гракх провел семьдесят дне, и весь этот период у него все шло не так, как следовало. Команда землемеров, нарезавшая участки земли и осуществлявшая планировку колонии, столкнулась с огромными проблемами. Шест, вкопанный в землю, чтобы пометить центр города, под порывом ветра сломался. Тот же ветер расшвырял и внутренности животных, приготовленные для обязательного жертвоприношения. Потом межевые знаки стали жертвой волков. Для суеверных римлян эти досадные происшествия представляли собой не просто неудачи, а свидетельства того, что боги не одобряют план Гая. Пройдет совсем немного времени и сенат сможет использовать сообщения об этих грозных предзнаменованиях, чтобы устроить решающее наступление на Гая и его сторонников.

Тем временем в Риме ряды этих сторонников редели день ото дня. Флакк в политических интригах был искушен куда меньше Гая, и Друз в этом плане мог легко заткнуть его за пояс. С учетом того, что программа Гракха уже блекла на фоне его легендарных двенадцати колоний, Друз провозгласил, что земли, распределенные Гаем, Флакком и Карбоном в качестве членов аграрной комиссии, – аренду за которые полагалось платить государству, – теперь будут освобождены от этих

платежей. Друз успешно обошел Гракха и его сторонников на фланге популизма, и Гай на его фоне теперь выглядел скуп.

Возвратившись после двухмесячного отсутствия, Гай обнаружил, что его политическая репутация резко пошатнулась. Те, кто его когда-то поддерживал, теперь чествовали Друза. Вести из Карфагена намекали, что Гракх навлек на себя гнев самих богов. Но отступить он не намеревался. По возвращении он уехал из своего дома на Палатинском холме и поселился в жилище скромнее неподалеку от форума – чтобы жить среди людей и доказывать им, что об их интересах печется именно он, но никак не Друз.

Стараясь обеспечить прохождение его законодательных инициатив, Гай принял беспрецедентное решение выставить свою кандидатуру на должность трибуна на третий срок подряд. В день выборов он набрал достаточное количество голосов для гарантированного переизбрания, но наблюдатели, следившие за их ходом, бросились наперегонки оспаривать его избирательные бюллетени, утверждая, что большинство из них подделали и заблаговременно бросили в урны. Ответственным за проведение выборов магистратам понадобилось немного времени, чтобы согласиться с этим, аннулировать большинство отданных за Гая голосов и объявить его проигравшим. Гай хоть и выразил протест, но больше ничего сделать не смог. Результаты выборов проверили, и на том дело закончилось. С наступлением нового года Гай остался без должности, лишился иммунитета, защищавшего его от преследований, и неприкосновенности, гарантировавшей ему физическую безопасность. Бессильного и беззащитного, его вскоре заставят смотреть, как умирают его законодательные инициативы.

С той же болью, с какой ему пришлось проиграть избирательную кампанию 121 г. до н. э., Гай смотрел и на победу Луция Описия на выборах высшего должностного лица. Новоизбранный консул, заклятый враг Гракхов, поставил для себя цель лично уничтожить Гая Гракха, как когда-то им были уничтожены Фрегеллы. Просто отменить законопроекты Гая ему было мало, он поставил перед собой задачу спровоцировать его на какие-нибудь незаконные поступки, которые оправдали бы судебные преследования против него и дальнейшее изгнание. Здесь Гай постарался не заглывать наживку, но когда Описий сообщил о намерении отказаться от создания колонии в

Карфагене, собрал ряд своих старых сторонников и устроил демонстрацию. Насколько искренней была оказываемая ему поддержка, осталось неизвестно, но у Плутарха есть мимолетный намек на то, что его мать Корнелия заплатила негражданам Рима, чтобы они проникли обратно в город и посодействовали ее сыну в тот час, он в этом так нуждался.

Утром того дня, на который были запланированы дебаты о судьбе колонии, в форум просочились две противоборствующие фракции. Пока Гай мерил шагами примыкавшую галерею, Флакк произносил энергичную речь, наполненную нападками на тиранию Олимпия и сената. Когда фракция Гракха в гневе воодушевилась, один из прислужников Олимпия стал пробираться сквозь толпу, держа в руках приготовленные для жертвоприношения внутренности. По некоторым данным, он лишь подошел к Гаю и попросил его не делать ничего на погибель республике. Однако Плутарх утверждает, что этот слуга стал грубо проталкиваться сквозь ряды собравшихся, требуя от приверженцев Гракха уступить ему дорогу и проклиная их импульсивность. Но конец у обеих этих версий рассказа о тех событиях один и тот же: толпа сторонников Гая окружила слугу. После этого один из них выхватил палочку для письма, заточенную остро, как нож, и насмерть заколол ею сторонника Олимпия.

Когда по толпе разнеслась весть об убийстве, форум взорвался эмоциями. В последовавшей за этим сумятице Гай набросился на своих сторонников, браня их за то, что они дали сенату повод, в котором тот так нуждался, дабы принять решительные меры. А после этого бросился вперед, пытаясь объяснить, что убийство прислужника Олимпия было совсем не таким, каким могло показаться на первый взгляд. Но его никто не хотел слушать. А в воцарившемся вокруг хаосе и не мог. Однако решающего столкновения избежать все же удалось – хлынул проливной дождь и обе противоборствующие стороны бросились из форума вон. Размышляя о том, куда бежать, Гай закричал: «И куда мне, жалкому и несчастному человеку, теперь идти? В какую сторону повернуть? На Капитолий? Но он омыт кровью моего брата! Или, может, домой, где я увижу мою бедную, убитую горем мать на дне пучины стенаний?»^[82]

На следующий день консул созвал сенат, чтобы обсудить реакцию на имевшие место накануне события. Едва начались слушания, как со

стороны форума донесся шум. По удивительному стечению обстоятельств похоронная процессия с убитым прислужником Описия прибыла туда в тот самый момент, когда собралась палата. Выйдя из здания, чтобы посмотреть на траурное шествие, сенаторы заклеили позором безрассудную политическую жестокость Гракха и его сторонников, сокрушаясь по их жертвам. Но поддерживавшие Гая граждане, оказавшиеся в тот день на форуме, заткнули сенаторам-морализаторам рты, спрашивая, почему они так расчувствовались по поводу смерти слуги, если за десять лет до этого без зазрения совести вышвырнули в Тибр тела Тиберия Гракха и трех сотен его сторонников.

Оскорбленные толпой, сенаторы наделили Описия властью, которая требовалась ему для восстановления порядка, предписав сделать «все, что он считает нужным, для защиты государства»^[83]. Цель этого туманного постановления явно сводилась к тому, чтобы наделить Описия диктаторскими полномочиями – не воскрешая при этом саму диктаторскую власть, тягостную и отжившую свое. Это постановление сената создало прецедент на будущее, хотя на тот момент этого еще никто не знал. Во времена гражданских волнений сенат постоянно будет обращаться к данной формуле, известной как *senatus consultum ultimum*, т. е. специальное постановление сената, или *сенатусконсульт*. Описий тотчас же приказал каждому сенатору снарядить из своих домочадцев двух вооруженных людей и на следующее утро прислать их на форум.

Свою последнюю ночь Гай Гракх провел так же, как когда-то его брат – в окружении личной стражи и сторонников, зная, что на следующее утро его ждет великое противостояние. Гай долгие годы рассказывал другим свой сон: «Сколько ни пытайся отворотить судьбу, тебе все равно предстоит умереть той же смертью, что и я». В этих словах, когда-то представлявших собой вдохновляющий пропагандистский прием, теперь проглядывала мучительная характеристика. Что касается Флакка, то ему не было никакого дела до грядущей стычки – более того, он ее даже желал. Вместе с друзьями он до утра пил и хвастливо разглагольствовал о том, как они завтра зададут всем этим поганым подлецам хорошую трепку. Гай был трезвее. Трезвее и угрюмее.

Наутро Флакку пришлось отходить от тяжелого, похмельного оцепенения, но, встав, он роздал людям оружие из своей личной коллекции. Когда они покидали дом, Гаю довелось высвободиться из объятий жены, умолявшей его остаться: «О Гай, не на кафедру, как раньше, я посылаю тебя сейчас, служить трибуном и законотворцем, и не на славную войну, где моим уделом, если бы ты умер... при любых обстоятельствах оставалась бы благородная скорбь»^[84]. Вместо этого он ставил себя под удар тех, кто, скорее всего, планировал его убить. «Худшее, наконец, возобладало; человеческие противоречия теперь решаются насилием и мечом. Почему люди, скажи на милость, после убийства Тиберия должны и дальше верить в законы и богов?»^[85] Но Гай прошел мимо нее – оставшись дома, он не мог восстановить свою честь.

Фракция Гракха расположилась на Авентинском холме, который был отделен от Палатинского неглубокой долиной и, минуя плебейский анклав, доходил до того места, с которого когда-то начинался город. Флакк явно рвался в бой, однако Гай воспользовался последним шансом, чтобы их всех убедить. Они отправили Квинта, юного сына Флакка, на форум, чтобы узнать, что же конкретно может разрядить обстановку, – если это, конечно, вообще возможно.

Опимий ждал на форуме, выстроив в боевом порядке свои силы. После того, как к нему, в виде подкрепления, присоединились пращники и лучники, недавно вернувшиеся из похода на Балеарские острова, под его командованием оказалось около трех тысяч человек. Когда туда пришел сын Флакка, ему сказали, что Гракх с его сторонниками должны как минимум сложить оружие, прийти на форум и попросить прощения. А потом добавил, что если в ответ они не примут полную капитуляцию, мальчику вообще лучше не возвращаться. Что касается Гая, то он проявил готовность отступить, но Флакк с его более радикальными приверженцами его отговорили. Не обращая внимания на угрозы Опимия, они еще раз послали сына Флакка сообщить о своем отказе выполнять выдвинутые им условия. Опимий, верный своему слову, арестовал молодого человека, бросил в тюрьму и повел свою маленькую армию к Авентинскому холму. А перед выступлением назначил за головы Флакка и Гая щедрое вознаграждение – меру золота, соответствующую весу их голов.

Когда небольшой легион Олимпия поднялся на Авентинский холм, лучники стали выпускать стрелы и собравшимся там сторонникам Гракха пришлось рассыпаться в разные стороны. После этого они в воцарившейся суматохе потеряли сплоченность и не смогли реализовать преимущество в численном перевесе. Буквально через пару минут после начала схватки каждый уже воевал за себя. Гай повел свой отряд к храму Дианы, в то время как Флакк укрылся то ли в свободных термах, то ли в мастерской одного из своих клиентов. Люди Олимпия знали, что Флакк прячется где-то поблизости, но в каком конкретно доме, определить не могли. Когда же они пригрозили сжечь весь квартал, какой-то человек выдал Флакка. И так случилось, что Марка Фульвия Флакка – сенатора, консула, трибуна и римского гражданина – схватили на первой попавшейся улочке Авентинского холма и без промедления казнили.

Гай тем временем видел, что все рассыпается в прах. Прошел слух, что всем, кто откажется от вооруженной борьбы, Олимпий пообещал неприкосновенность. И тот самый хвастливый отряд, который ночью гулял и хвастался, теперь сложил оружие и попросил пощады. Немногочисленные сторонники, оставшиеся с Гаем, убедили его бежать. И Гай побежал. С горсткой самых преданных друзей он спустился с Авентинского холма к мосту через Тибр. Но за ними по пятам уже бросился отряд Олимпия. Когда Гай перебежал на другой берег Тибра, верные друзья заняли позицию у входа на мост, чтобы отразить нападение преследователей и дать Гаю время уйти. Всех до последнего перебили.

Гаю в сопровождении единственного раба удалось добраться до Священной рощи – известного издревле лесистого участка на окраине Рима. Именно там Гай понял, что бежать больше не стоит, что его час пробил. Протянув рабу кинжал, он подставил шею и приказал рабу вонзить его ему в горло. Тот повиновался. Еще один Гракх упал и затих в луже крови.

Труп Гая обнаружил его бывший сторонник. Как человек расторопный, он надлежащим образом отрезал ему голову, отнес ее домой, «проделал в шее отверстие, вынул мозги и налил вместо них расплавленного свинца»^[86]. Затем осторожно «насадил голову на пик и преподнес Олимпию; когда ее положили на весы, она потянула на

семнадцать с двумя третями фунтов»^[87]. Опиций расплатился с ним сполна.

Как и в истории с Тиберием, за первым всплеском безудержного насилия последовала более методичная зачистка. Вместе с Гаем и Флакком в то кровавое утро сложили головы сразу двести пятьдесят человек. Но еще несколько тысяч были выявлены и казнены в последующие дни, когда Опиций избавлял Рим от сторонников Гракха. Даже сын Флакка – арестованный только за то, что его послал в качестве гонца отец, – и тот смог воспользоваться только одной привилегией: выбрать способ своей казни. Фракция Гракха была разбита.

Карбон, последний оставшийся в живых член земельной комиссии, сумел остаться в живых только потому, что переметнулся на другую сторону. Скорее всего, он пообещал защищать перед Народным собранием поведение Опиция, обеспечив себе избрание консулом на выборах 120 г. до н. э. Но поскольку предателей не любит никто, в ту самую минуту, когда в 119 г. до н. э. он лишился должности, его тут же потащили в суд по туманному обвинению в измене. Сторону обвинения в судебном процессе представлял молодой патриций по имени Луций Лициний Красс, на тот момент все больше приобретающий славу в обществе. Несмотря на то, что ему исполнилось всего двадцать лет, он ослепил толпу своим язвительным остроумием и красноречием, которые порвали в клочья все попытки Карбона отгородиться от прошлого: «Хотя вы, Карбон, и защищали Опиция, сегодняшняя публика на этом основании не станет считать вас хорошим гражданином; ведь совершенно ясно, что вы притворялись и в действительности придерживались других воззрений»^[88]. Карбон десять лет был радикальным сторонником Гракхов – и то, что он в одночасье бросился защищать Опиция, не могло никого одурачить. Всеми ненавидимый, понимая, что его репутация полностью разрушена, Карбон «спас себя от суровости судей посредством добровольной смерти»^[89] (как красноречиво выразился Цицерон). Гаю Папирию Карбону было суждено стать последней жертвой чистки сторонников Гракхов.

Но хотя Гракхи теперь были мертвы, их реформы продолжали жить. Когда суды разбирали дела о вымогательствах и получении магистратами взяток, присяжных в жюри набирали из эквитов.

Субсидирование зерна тоже никуда не делось, и хотя на тот момент его доля, продававшаяся по контролируемым, невысоким ценам, была совсем небольшой, эта практика навсегда вошла в работу римской администрации. По-прежнему строились дороги и проводились общественные работы, и хотя процесс создания колоний так и не был завершен, всем колонистам, которые успели получить землю, разрешили ее оставить. После того, как обезглавленный труп Гая бросили в Тибр, никто и никогда больше не слышал о волшебных двенадцати колониях Друза.

Что касается земельной комиссии, она хоть и сохранилась, но полностью потеряла способность к действию. Несколько лет спустя Народное собрание приняло поправки в *Lex Agraria*, которые позволили владельцам наделов, полученных стараниями Гракхов, продавать свою землю. И времени, чтобы скупить большую их часть, состоятельным магнатам потребовалось совсем немного. Последующий закон, принятый в 111 г. до н. э., напрямую передавал общественные земли, находившиеся на тот момент в пользовании, в частную собственность. *Lex Agraria* представлял собой созидательную попытку решить проблему неравенства, нараставшего тогда в Италии, и предотвратить постепенное исчезновение мелких римских крестьян – в конечном счете, этот вопрос удалось урегулировать только после падения республики.

После смерти братья Гракхи превратились в легендарных народных мучеников. На месте убийства каждого из них римляне воздвигли статуи. Их мать Корнелия, тронутая такой преданностью, говорила, что «священные места, где сложили головы ее сыновья... были гробницами, достойными тех, кто в них покоемся»^[90]. Сама Корнелия удалилась на виллу в портовом городе Мизен и прожила еще двадцать лет. В ее доме постоянно собирались греческие интеллектуалы и философы, она радушно принимала у себя гостей со всех уголков Средиземноморья, включая царей с эллинистического Востока. О сыновьях она всегда рассказывала «без печали и слез, повествуя об их достижениях и судьбе... так, словно говорила о людях, живших на заре Рима»^[91]. Некоторых ее спокойное поведение обескураживало, но как сказал Плутарх, «пока доблесть старается отгородить себя от бедствий, судьба нередко одерживает над нею верх, но отнять у доблести силу разумно переносить свое поражение она не может»^[92].

С течением лет имя Гракхов перестало означать просто братьев: им стали называть совокупность программ и тактических приемов, которые, взятые вместе, представляли собой новое движение *популяров* в римской политике. В стандартном виде эти народные программы включали в себя субсидирование зерна для городского плебса, землю для сельской бедноты, контроль эквитов над судами, тайное голосование в Народном собрании, субсидии для воинской службы и наказание коррумпированных аристократов. В тактическом отношении популяры в большей степени использовали не вес знати в сенате, а демократическое могущество комиция. Предводители движения приходили и уходили, но граждане Рима оставались точно такими же и поддерживали тех, кто предлагал им все, в чем они нуждались.

Популярам противостояли оптиматы. Этот термин, дословно означающий «лучшие» или «хорошие», подразумевал целый ряд характеристик. Однако Цицерон, выступающий в роли нашего главного источника, склонен отождествлять эти характеристики с его собственным мировоззрением. Он представляет оптимата образованным сенатором, активно интересующимся риторикой, политикой и войнами, но при этом не расположенным демонстрировать строгие римские добродетели, которые проповедовал Катон Старший. Сенатору-оптимату нравилась экзотическая еда и греческие идеи. Эти государственные деятели, в высшей степени изысканные и утонченные, служили естественными защитниками республики, играя роль часовых, отражавших нападки как внешних, так и внутренних врагов.

Для великого историка Саллюстия – который сам выступал в роли активного поборника политики позднего этапа существования республики – деление на популяров и оптиматов означало приход в Рим «института партий и фракций»^[93]. Он чувствовал, что обе стороны вот-вот обвинят друг друга в вероломном расколе, по той причине, что «знать стала злоупотреблять своим положением, а народ своей свободой. Таким образом, общество раскололось на две части, рвавшие государство на куски»^[94]. Но несмотря на это наблюдение Саллюстия, никаких политических партий в современном понимании у римлян не было. Ни «партии популяров», ни «партии оптиматов» попросту не существовало. Все фракции постоянно меняли тактики и стратегии, сегодня заключая один союз, а завтра другой. Но хотя Цицерон и сетовал по поводу трибунов в комиции, его любимые оптиматы не

менее искусно, чем популяры, использовали Народное собрание, чтобы добиться своего. По сути, когда сменилось поколение, большинство величайших политиков высказывались скорее в пользу не популяров, а оптиматов.

Справедливости ради надо сказать, что хотя формальных партий и не существовало, в политическом эфире все же витали два противоположных типа мировоззрения, которые только и ждали, когда возникнет необходимость их задействовать. Как продемонстрировал кризис, разразившийся вокруг *Lex Agraria*, роль теперь играл не конкретный вопрос, а настоятельная необходимость одержать победу над противником. Размышляя о гражданских войнах, которые периодически вспыхивали на позднем этапе существования республики, Саллюстий говорил: «Именно этот образ мышления, как правило, губит великие нации – когда одна часть жаждет любой ценой одолеть другую и отомстить побежденной с чрезмерной жестокостью»^[95]. Такого варианта, как смириться с поражением, больше не существовало.

По сути, воспоминания об этой чрезмерной жестокости, выпавшей на долю Гракхов и их сторонников, долго жили в памяти тех, кто стал свидетелем методов благородных оптиматов. Хотя Цицерон впоследствии утверждал, что «кинжалы на форуме метали Гракхи»^[96], на деле как раз оптиматы во имя общественного порядка убили тысячи человек. Самым оскорбительным стал приказ отстроить храм Конкордии, поврежденный во время стычек 121 г. до н. э., который сенат отдал Опимию. Этот храм посвящался единству римского народа, но в глазах многих римлян призывы к кровавым зачисткам основ этого самого единства выглядели святотатством. По завершении восстановительных работ какой-то неизвестный вандал начертал на его фундаменте надпись: «Злой глас Раздора храм воздвиг Согласию»^[97].

Глава 4. Продажный город

Мы уже в течение многих лет терпим и молчим, видя, что все достояние целых народов перешло в руки нескольких человек; наше равнодушие и наше потворство этому стяжанию кажется еще большим потому, что ни один из этих грабителей не скрывает своих деяний^[98].

Цицерон

Гай Марий родился в 157 г. до н. э. в Арпинуме, итальянском городе, жителям которого сенат совсем недавно предоставил политические права. Хотя потом его чернили как «человека низкого происхождения, неотесанного, грубого и заурядного в жизни»^[99], в действительности Марий был отпрыском уважаемого рода эквитов, воспитанным в благополучной среде положенных ему привилегий. Он появился на свет в состоятельной семье и получил хорошее образование, но, несмотря на это, римские политики II в. до н. э., казалось, задумали выставить его амбиции на посмешище. Он был *povus hoto* из числа италиков, а его происхождения и связей явно хватало лишь на то, чтобы претендовать на почетную карьеру в какой-нибудь местной администрации. Но Марию требовалось больше. Поэтому, получив образование, он избрал единственный путь, способный открыть неудачнику, пусть даже и относительному, путь к политической славе: службу в легионах. «Едва возраст позволил ему носить оружие, он проявил себя на военной службе, а не в занятиях греческим красноречием»^[100]

Родственные связи со Сципионом позволили двадцатитрехлетнему Марию поступить в личный легион Эмилиана, созданный для финального похода в Нуманцию в 134 г. Вопреки укоренившемуся мифу, свою карьеру Марий не начинал простым легионером: принадлежность к сословию эквитов наделяла его званием офицера. Во время службы в Испании командиры хвалили его храбрость, прилежание и честность. Марий неоднократно доказывал, что на него можно положиться. Одна известная легенда, повествующая о

последнем этапе осады Нуманции, гласит, что как-то вечером друзья спросили Эмилиана, где римляне могли бы найти человека, способного его заменить. На что тот похлопал юного Мария по плечу и ответил: «Пожалуй, здесь»^[101].

После падения Нуманции Марий, по всей вероятности, вступил в борьбу за долю коммерческих трофеев, которыми в Испании были копи. И тот факт, что он действительно приобрел долю в правах на их разработку, объясняет, откуда у него взялись деньги, чтобы начать в Риме дорогостоящую карьеру. Но даже сумев воспользоваться в тот момент своими связями в коммерческих кругах, Марий остро осознавал, со сколь мощным общественным противодействием ему придется столкнуться, строя карьеру. Он «не обладал ни красноречием, ни богатством, с помощью которых знатные вельможи из числа его современников оказывали влияние на народ. Но сама его непоколебимая уверенность, неустанные труды и простой, бесхитростный образ жизни, позволили ему снискать определенную популярность у других граждан»^[102].

Несмотря на социальное происхождение, одним преимуществом Марий все же обладал. Он был наследным клиентом Цецилиев Метеллов, знатного рода, который на тот момент как раз приобретал статус господствующей фракции Рима. Своего высокого положения Метеллы, плебейский род, за пять поколений до этого возвысившийся до аристократического, добились благодаря одному-единственному великому полководцу: Квинту Цецилию Метеллу Македонскому. Победоносным прозвищем «Македонский» этого человека, современника Сципиона Эмилиана, наградили после того, как он в 147 г. до н. э. сокрушил последние остатки Македонии. Этот триумф стал началом долгой, впечатляющей карьеры, за которую Квинт Македонский изъездил всю империю от Испании до Греции. Но по мере своего возвышения он остерегался входить, заодно втягивая и родню, в ближний круг Сципиона и Клавдия, вместо этого сторонясь и тог, и другого.

Однако подлинное могущество Метеллов представляли люди. На двоих у Квинта Македонского и его брата было шестеро сыновей и трое дочерей. Примерно в 120 г. до н. э. эта молодая поросль возвысилась до вершин римской власти и сохраняла свои позиции в течение целого

поколения. Где бы ни разразилась война, никто не сомневался, что Метеллы примут в ней участие. В период со 123 г. до н. э. по 106 г. до н. э. выходцы из их рода шесть раз становились консулами. Их имена возглавляли списки почетных триумфаторов, с успехом проводших военные кампании в Македонии, Фракии, Сицилии, Галлии, Испании и Северной Африке. В 120–110 гг. до н. э. эта плеяда отпрысков рода заполонила собой все эшелоны *cursus honorum*. К тому моменту, когда старший из них становился консулом, младшие избирались квесторами, эдилами и преторами. Их преобладание в среде магистратов позволило семье контролировать различные уровни власти.

В то же время успехов Метеллы добивались не только благодаря своему количеству, но и потому, что холили и лелеяли таланты. По сути, подлинным вдохновителем фракции Метеллов был не кто-то из кузенов, а, скорее, прозорливый молодой человек по имени Марк Эмилий Скавр, который координировал всю их деятельность. Он происходил из рода хоть и благородного, но растерявшего свой политический и финансовый капитал стараниями нескольких предшествующих поколений. Из-за столь скромного происхождения Скавра впоследствии лживо называли сыном публикана, относя к *novus homo*, но в действительности это было совсем не так. Скавр отнюдь не слыл великим оратором, как Гай Гракх, но при этом обладал даром убеждения в личных беседах и больше полагался «на мудрость, позволяющую предвидеть последствия, чем на искусство произносить речи»^[103]. С помощью все того же дара убеждения он проложил себе путь в семью Метеллов в тот самый момент, когда она все больше повышала свой статус, и женился на одной из дочерей Квинта Македонского. Едва став ее членом, Скавр тут же стал предпринимать усилия для того, чтобы взять бразды правления в свои руки. Позже Цицерон, говоря о Скавре, скажет, что «без его слова не делалось вообще ничего»^[104]. А Саллюстий вспомнит, что этот человек «жаждал власти, славы и богатств, но был умен, чтобы скрывать свои недостатки»^[105].

Но Скавра, выступавшего в роли виртуозного тайного вдохновителя, Метеллам было мало, им еще требовались люди, способные привлечь к себе внимание в комиции. Одним из самых многообещающих о себе заявлял юный, пылкий оратор по имени Луций Лициний Красс. Он был типичный оптимат, происходил из

прославленного рода, обладал острым умом и врожденным талантом оратора. На публичную сцену он ворвался в 119 г. до н. э., представляя сторону обвинения на суде над Карбоном – членом земельной комиссии и ренегатом. Теперь он слыл лучшим оратором Рима, унаследовав это звание от покойного Гая Гракха. В то же время Красс был учнее Гракхов – он изучал право, философию и литературу. Его безукоризненному послужному списку недоставало только одного – интереса к воинской славе. И если таких, как Гай Марий, помечала клеймом служба в легионах, то в случае с Крассом эту функцию выполнял форум. Позже он скажет: «Я пришел на форум совсем еще юнцом и исчез с него только один раз, пока исполнял обязанности квестора»^[106]. Никто не знал форум лучше Луция Красса, как никто не знал лучшего оратора, чем Луций Красс.

Кроме того, Метеллы призвали на службу большого друга и политического союзника Красса Марка Антония. Тот был на четыре года старше, но признавал за Крассом превосходство в таланте: по его утверждениям, когда окружающие слушали речь Красса, мечтая дорасти до его уровня, «ни один из них, невзирая на свое самомнение, не тешил себя надеждой говорить когда-либо как он»^[107]. Антоний хоть и хранил верность друзьям, но при этом слыл искусным игроком, который прекрасно понимал силу, заключенную в осмотрительности и осторожности. Однажды он сказал, что никогда не записывал свои речи, чтобы потом «сказав что-то не то, иметь возможность заявить, что он ничего такого не говорил»^[108]. Ореол таинственности он пронес через всю свою жизнь, и если Красс мастерски выступал на крупных общественных мероприятиях, то Антоний блистал на судебных процессах. Обладая талантом лучших греческих софистов, он мог оспорить любой аспект дебатов и одержать победу. Представляя собой в судах внушительную силу, он часто защищал интересы Метеллов.

Помимо этих двух знатных молодых людей, приобретавших все больше веса и влияния в обществе, Метеллы также старательно заводили союзников среди эквитов, торговцев и банкиров, которые финансировали их завоевательные войны на чужбине, позволявшие им сохран–102 гг. до н. э. консульские должности, Метеллы в течение жизни целого поколения контролировали государственные контракты публиканов. Информации, свидетельствующей о том, что Метеллы были коррумпированы сверх всякой меры, нет, но в те времена

помогать друзьям и загонять в тупик врагов считалось само собой разумеющимся. Эти связи превращали Метеллов, как отдельно взятую фракцию, в самую могущественную в римской политике.

Гай Марий, постепенно входивший в силу, и сам был клиентом Метеллов из числа эквитов. После десяти лет службы он выставил свою кандидатуру на должность военного трибуна – штатного офицера легионов, избираемого солдатами. По всей вероятности, положенный ему на этом посту год он провел на Балеарских островах, помогая одному из старших отпрысков рода Метеллов добиться первого в истории их поколения триумфа. Затем воспользовался пребыванием в этой должности, чтобы провести успешную кампанию по избранию на первую действительно важную магистратуру, и в 122 г. до н. э. стал квестором. На этом посту он, скорее всего, продолжил службу в легионах, которые на тот момент вели наступление на юге Галлии. И там впервые увидел те самые реки и холмы, где двадцать лет спустя ему предстояло одержать одну из самых эффектных побед за всю римскую историю.

Приступив к экспансии за пределами Италии, Рим двинулся по трем направлениям: на запад в Испанию, на юг в Африку и на восток к бассейну Эгейского моря. Но его северная граница не переживала никаких изменений, частью из-за Альп, высившихся вдали огромной естественной преградой. Но после великих завоеваний середины II в. до н. э., республике понадобилось наладить пути сообщения, чтобы снабжать свои обширные территории в Испании и Македонии. Как результат, легионы переправились через Альпы и втянулись в череду конфликтов с племенами, которые властвовали по ту сторону новых границ.

Впрочем, под римскую юрисдикцию полоса побережья между Альпами и Пиренеями перешла только в 120-х гг. до н. э. До этого защита региона возлагалась на город Массилия. Эта греко-финикийская колония, основанная в 600-х гг. до н. э., была другом и торговым партнером Рима с самых первых дней существования республики. В 125 г. до н. э. на Массилию напали салии – галльское племя, господствовавшее на равнинах между Альпами и рекой Рона, – и она обратилась за помощью к Риму. Радуюсь возможности помочь другу (и еще больше радуясь поводу избавиться от консула Флакка,

находившегося в Риме, пока он не продал свой законопроект о предоставлении италикам гражданства), сенат отдал легионам приказ выступать на север. После нескольких лет сражений, заканчивавшихся с переменным успехом, римляне, наконец, заняли полосу земли шириной примерно двадцать миль от Массилии в глубь континента, и учредили там постоянную военную колонию под названием Аквы Секстиевы (ныне французский Экс-ан-Прованс). С момента своего основания в 122 г. до н. э. Аквы Секстиевы стали основной базой римских операций в Галлии.

Получив от римлян отпор, предводитель салиев собрал остатки своего племени и укрылся у аллоброгов – еще одного могущественного народа, контролировавшего территорию в верховьях Роны. Считая, что аллоброги представляют для Рима угрозу, в 122 г. до н. э. сенат отправил на охрану границ консула. В конце того же года легионы одолели аллоброгов в крупнейшей битве в окрестностях нынешнего Авиньона, а несколько месяцев спустя добились еще большего триумфа, одержав победу, к которой, по всей вероятности, был причастен Гай Марий. Кульминация этих первых Галльских войн наступила в конце лета 121 г. до н. э. В восьмидесяти километрах к северу от Акв Секстиевых римляне схлестнулись с коалицией галлов на берегах реки Изер.

Подробности того сражения до нас не дошли, но если учесть, что потери галлов составили около 120 000 человек, битва была поистине колоссальной. Только отсутствие детальных свидетельств помешало сражению на реке Изер стать одним из самых знаменитых во всей римской истории. После него Рим установил свою военную власть во всей Южной Галлии.

Когда римляне добились там господства, одна из сенатских фракций, объединившись с эквитами-торговцами, приложила немало усилий для учреждения в регионе постоянной гражданской колонии, с целью обеспечить пути снабжения на случай непредвиденных ситуаций в будущем. Сенат из кожи вон лез, чтобы отвергнуть это предложение, но когда ему оставалось совсем чуть-чуть, чтобы его окончательно парализовать, юный, блистательный оратор Луций Красс произнес в Народном собрании еще одну впечатляющую речь. Он решительно выступил в поддержку основания новой колонии и перетянул на свою сторону весь комиций – а вместе с ним и большинство коллег из сената.

Когда в 118 г. до н. э. основали, наконец, Нарбо (ныне Нарбонн), вся Южная Галлия стала называться Нарбоннской. Создав в регионе постоянные поселения, римляне построили знаменитую Виа Домиция, т. е. Домициеву дорогу, которая связывала Италию с Испанией и действовала на постоянной основе. Ее можно увидеть и сегодня, двигаясь по южному побережью Франции.

Повоевав в 130-х гг. до н. э. в Испании и в 120-х гг. до н. э. в Галлии, Гай Марий отказался от военной карьеры в пользу гражданской, в 119 г. до н. э. выставил свою кандидатуру на выборах трибуна и, благодаря покровительству Метеллов, одержал победу. Но вместо того, чтобы в течение отведенного ему годичного срока завоевать новых союзников и друзей, Марий за это время практически всех от себя отвратил.

Хотя к тому времени уже было введено тайное волеизъявление, у патрона по-прежнему оставалось множество возможностей убедиться, что его клиент проголосовал как положено. Один из распространенных приемов состоял в том, чтобы проверить голосующего тогда, когда он уже заполнил бюллетень, но еще не опустил его в урну. Игнорируя возражения своих покровителей Метеллов, Марий представил законопроект о перепланировке помещений для голосования, дабы исключить подобную практику в будущем. Один из консулов – по случаю как раз из Метеллов – побудил сенат отвергнуть законодательную инициативу Мария, приказав ему лично туда явиться. Ничуть не испугавшись, Марий пригрозил бросить консула в тюрьму, если тот встанет на пути Народного собрания. Консул дал задний ход, но Метеллы пришли в ярость от того, что пес укусил ту самую руку, которая его кормила.

Разгневав своих главных покровителей в сенате, следующим шагом Марий отказался умиловить городской плебс, поддерживавший его попытки провести реформу системы голосования. Незадолго до этого один из его коллег-трибунов представил законопроект, предусматривавший увеличение общественной доли зерна, продающегося по контролируемым ценам, которую учредили еще Гракхи. В Риме эта законодательная инициатива пользовалась огромной популярностью, но Марий наложил на нее вето, назвав бесполезной подачкой, которая только подточит в республике мораль. И

поскольку *plebs urbana* нуждался не в бранном морализаторстве, а в дешевом хлебе, закончить свой срок в должности трибуна Марий умудрился изгоем не только для Палатинского холма, но и для форума.

Но, несмотря на сомнительные политические инстинкты, Марий все равно двинулся дальше вперед, на поводу своих амбиций, и либо в 118-м, либо в 117-м гг. до н. э. принял участие в выборах эдила. Видимо, он считал, что год на этой должности позволит ему вернуть благосклонность народа, но во время выборов эдила конкуренция была куда жестче, чем при избрании магистратов ниже рангом. Если трибунов или квесторов ежегодно избирали по десять человек, то эдилов – всего четыре. Ни связи, ни деньги гарантировать победу не могли – а для *novus homo* из числа италиков, которые настроили против себя и оптиматов, и популяров, никаких гарантий не могло быть вообще.

Сначала Марий выставил свою кандидатуру на должность старшего эдила, но по ходу выборов увидел, что набирает угрожающе малое количество голосов. Видя, что впереди его ждет неминуемое поражение, он переменял решение и принял участие в выборах младших эдилов. Подобное рискованное предприятие хоть и выходило за рамки условностей, но закону не противоречило. Эти выборы Марий тут же проиграл. После полученного им унижительного двойного поражения, до конца его многообещающей политической карьеры оставалось всего ничего. Но по ту сторону Средиземного моря уже назревали события, благодаря которым ему вскоре предстояло вихрем ворваться в узкий круг тех, кто вершил в Риме власть.

Нумидийское царство располагалось на северном побережье Африки и примерно соответствовало современному Алжиру. В его основе лежали скотоводство и морская торговля, в то же время оно снискало славу благодаря мастерскому владению его жителей искусством верховой езды. Нумидийцы поставляли самых лучших кавалеристов во всем Средиземноморье. В течение многих поколений ее предоставляли в распоряжение соседнего Карфагена, но в самый разгар Второй Пунической войны великий нумидийский царь Массинисса переметнулся на сторону римлян и в решающей битве против Ганнибала в 202 г. до н. э. сражался бок о бок со Сципионом Африканским. После этого он правил страной от имени Рима еще

пятьдесят лет и умер только в 148 г. до н. э., когда легионы республики возвратились, чтобы раз и навсегда разрушить Карфаген. Как проконсул Рима и личный друг нумидийской царской семьи, Сципион Африканский распределил владения последнего монарха между его тремя сыновьями, но то ли по какой-то случайности, то ли в результате чьего-то умысла единственным правителем Нумидии стал только один из них – Миципса.

Царь Миципса входил в число тех, кого Эмилиан в 133 г. до н. э. попросил сформировать вспомогательные войска для окончательного завоевания Нуманции. Он не только с радостью согласился, но и нашел отличного командующего, возглавившего поход, – своего незаконнорожденного племянника Югурту. Тот хоть и был плодом внебрачной связи, но всегда оставался в сфере притяжения царской семьи и пользовался популярностью при дворе. Бог наделил Югурту «физической силой, привлекательной наружностью, но в первую очередь энергичным умом»^[109]. Несколько лет Миципса видел в Югурте своего потенциального наследника, но когда у него родились собственные сыновья, тот превратился в проблему. А на войне лихого князя могли убить, что стало бы подходящим решением. Но такая игра явно содержала в себе немалый риск – а что, если по возвращении Югурта станет популярен, как никогда раньше?

В Нуманции Югурта на всех без исключения произвел впечатление. «Юный нумидиец никогда не ошибался в своих суждениях и всегда преуспевал в любых начинаниях. К тому же, он обладал великодушным характером, находчивостью и остроумием – качествами, благодаря которым ему удалось завязать узы близкой дружбы со многими римлянами»^[110]. Бок о бок с союзниками Югурта узнал, как в действительности римляне воюют и как реализуют свою политику. Разобрался в их военной тактике. Увидел их скрытые недостатки. Но самое главное – изучил пороки. Заметив, что Югурта усваивает эти уроки, Эмилиан отвел молодого нумидийского князя в сторону и предостерег слишком полагаться на взятки и дары, когда ему хочется добиться своего. «Опасно покупать у некоторых то, что принадлежит многим»^[111], – сказал ему Эмилиан. Но этот урок Югурта так и не усвоил.

После осады Нуманции он не только вернулся домой живым, но и привез с собой восторженное письмо Сципиона Эмилиана, который

писал в нем: «Отвага вашего Югурты в Нуманции буквально бросалась в глаза, о чем вы, уверен, с радостью узнаете. Благодаря своему служению, он стал нам дорог и мы приложим все усилия с тем, чтобы его также полюбили сенат и народ Рима»^[112]. Перед Миципсой встала настоящая дилемма – теперь, когда Югурта возвратился, получив одобрение Рима, он не мог от него избавиться. Ему оставалось только одно – заключить его в объятия. Царь его официально усыновил, сделав одним из трех законных наследников трона.

В 117 г. до н. э. старый Миципса умер и Нумидия оказалась в руках трех человек: Югурты и двух его младших, и при этом не родных, братьев – Адгербала и Гиемпсала. Они хоть договорились разделить поровну царство и казну, но Югурте делиться с другими оказалось не интересно. С помощью подкупа его шпионы забрались к Гиемпсалу в дом, нашли в шкафу съездившегося от страха царя и отрезали ему голову. Когда об этом убийстве сообщили Адгербалу, он собрал войско, но за годы командования нумидийской армией Югурта завоевал преданность всех лучших солдат. Адгербалу же удалось мобилизовать лишь неопытных новобранцев, которым не хватало как верности, так и подготовки. В ходе их первого и последнего боя армия Югурты разгромила силы Адгербала. Не чувствуя себя больше в безопасности где бы то ни было в Нумидии, царь Адгербал решил искать убежища в Риме – единственном месте, которое пришло ему на ум.

Узнав о волнениях в Нумидии, сенат пришел в возмущение и разрешил Адгербалу объясниться с посланниками Югурты. Стороны, как нетрудно догадаться, стали обмениваться взаимными обвинениями. Адгербал назвал брата «самым скверным человеком на всей земле»^[113], братоубийцей, развязавшим войну. Посланцы же Югурты утверждали, что в действительности проблему представляли как раз Адгербал и Гиемпсал, в то время как Югурта действовал лишь в целях самозащиты. А потом добавили, что Адгербал «жалуется только потому, что ему не дали никому навредить»^[114]. Обсудив вопрос, сенат согласился послать в Нумидию комиссию из десяти человек, чтобы провести дальнейшее расследование и вынести квалифицированное решение.

Возглавил эту комиссию не кто иной, как Луций Опитий, который теперь, разрушив за свою карьеру Фрегеллы и уничтожив Гракхов, вошел в когорту государственных мужей, признанных старейшинами.

При встрече Югурта проявил к ним полагающееся уважение и почет, поклявшись подчиниться вынесенному ими вердикту. Опросив участников событий и осмотрев карты, члены комиссии решили не притеснять ни одного из царей, а вместо этого вернуться к принципу совместного правления. Затем поделили Нумидию пополам – Югурте достались плодородные земли в глубине континента, а Адгербалу прибрежные равнины. После чего сенаторы собрали вещи и уехали, теша себя надеждой больше никогда не слышать о погрязших в распрях нумидийских царях.

В ходе обсуждения нумидийского вопроса некоторые сенаторы поддерживали больше Югурту, чем кого-то еще, причем было известно, что доверенные лица Югурты явились в Рим с «большим количеством золота и серебра, используя его, чтобы, во-первых, осыпать подарками старых друзей, а во-вторых, приобрести новых – одним словом, без промедления добиться щедротами чего только возможно»^[115]. Поддержка, оказанная этими новыми друзьями Югурте, несколько озадачивала, ведь нумидийское взяточничество было «бесстыдным и пользовалось дурной славой»^[116]. Дошло даже до того, что Скавр подверг коллег за их поведение критике, опасаясь, как бы столь «неприкрытое мздоимство не вызвало возмущения народа»^[117].

Но приведенный здесь рассказ о позорном взяточничестве – это еще не все. Для поддержки Югурты многим в сенате деньги не требовались. Было немало тех, кто служил с ним бок о бок в Нуманции, считая храбрым, образованным и достойным союзником Рима. Поэтому есть все основания полагать, что подарков таким старым друзьям, чтобы они поверили в историю, рассказанную бывшим товарищем по оружию, потребовалось совсем немного. Адгербала они не знали. Зато знали Югурту и очень ему симпатизировали. Во всем остальном деньги и дары любой иноземной делегации принимались в качестве достойной платы за то, чтобы допустить ее во внутренний дворик любого сенатора. Это при том, что политикой некоторых всегда заправляет их кошелек; Югурта задействовал всех, кого только смог.

Пока разворачивались все эти события, Гай Марий предпринимал шаги, чтобы опять оказаться на коне. Не унывая после поражения на выборах эдила, в 116 г. до н. э. он выставил свою кандидатуру на должность претора. И хотя Метеллы препятствовали попытке бывшего

клиента ее занять, «новый человек» Марий выиграл, заняв в списке победителей последнее место.

Тут же поползли слухи о том, что сторонники Мария для того, чтобы обеспечить другу нужное количество голосов, обманным путем включили рабов в очередь тех, кто пришел сделать свой выбор. Вскоре после выборов его обвинили в фальсификациях. Судебное разбирательство, в ходе которого были опрошены свидетели обеих сторон – включая и Кассия Сабако, того самого друга Мария, который якобы включил в очередь для голосования лиц без гражданства, – затянулось на несколько дней. Также вызвали Гая Геррения, еще одного знатного покровителя Мария. Но тот отказался прийти, сославшись на освященный временем правовой принцип, в соответствии с которым патрону не вменялось в обязанность свидетельствовать против своего клиента. От этой обязанности его освободил сам Марий, заявив, что после избрания претором он больше не был чьим-либо клиентом. Суд, казалось, намеревался вынести Марию обвинительный вердикт, но жюри присяжных по возвращении всех удивило – его голоса разделились поровну. Подобные ситуации римское правосудие трактовало в пользу обвиняемого, и Марий стал претором.

Невзирая на его победу, для Метеллов 115 г. до н. э. все равно оставался рекордным. Ловкий Скавр выиграл выборы консула, в то время как его коллегой на этом посту стал другой представитель рода Метеллов. Еще один выиграл должность цензора. Доказательством того, что за кулисами дергал за ниточки именно Скавр, служит тот факт, что этот самый цензор назначил его сенатским принцепсом. Мало того что этой чести, как правило, удостаивались сенаторы постарше, так ее еще и никогда не оказывали действующему консулу. Поскольку Скавру на тот момент не было еще и пятидесяти, на посту сенатского принцепса он будет оставаться двадцать пять лет, оказывая влияние на ход римской истории с высоты первого номера сенатского списка и первым выступая в ходе любых дебатов. Обеспечив ему это место, цензоры избавили сенат от тридцати двух человек, большинство которых, надо полагать, не были друзьями семьи. Одной из жертв этой зачистки стал Кассий Сабако, близкий друг Мария, которого изгнали за причастность к прошлогоднему выборному скандалу.

После не примечательного ничем года, в течение которого Марий занимался делами в Риме, его отправили в Дальнюю Испанию. О его

пребывании там известно совсем немного, хотя известно, что он установил римскую власть на территориях, которые впоследствии стали рассадником разбойников. К 114 г. до н. э. Марий избавил от них регион, и туда приехали подрядчики-публиканы, чтобы эксплуатировать новые копи. Подобно большинству римских чиновников, в службе за границей Марий усматривал возможность сколотить состояние. Поскольку в Рим в 113 г. до н. э. он вернулся очень и очень богатым человеком, мы полагаем, что он просто поддержал притязания кого-то из публиканов на разработку нетронутых, прибыльных копей.

По приезде домой Марий, которому тогда было уже пятьдесят пять лет, вложил свое состояние и многообещающие политические перспективы во взаимовыгодный союз, женившись на шестнадцатилетней Юлии из семейства Цезарей. Это был древний патрицианский род, возраст которого превышал возраст самой республики. Но за несколько столетий он утратил былое влияние, и хотя само это имя оставалось благородным и знатным, кошельки его представителей были пусты. Войдя в семью, Марий принес с собой как энергию, так и деньги. Он оставался все таким же *novus homo*, но связи Юлиев добавили ему респектабельности, требовавшейся для того, чтобы попытаться совершить прыжок из преторов в консулы, — преодолеть эту пропасть зачастую было не под силу даже тем, кто мог похвастаться связями на самом верху.

В тот самый момент, когда Марий начал охоту на должность консула, без конца от него ускользавшую, в Нумидии воцарился хаос. Три года Югурта и Адгербал еще кое-как сосуществовали, но в 113 г. до н. э. Югурта опять предъявил претензии на единоличное правление царством. Он послал к Адгербалу отряды своих рейдеров, чтобы спровоцировать реакцию брата, а затем выставить себя жертвой. Но тот наживку не заглотил, вместо этого отправив в Рим послов с жалобой на провокацию Югурты. Утомленный нумидийскими склоками сенат, у которого были заботы гораздо важнее, написал Адгербалу ответ, в котором по существу велел разбираться с этой проблемой самостоятельно.

Поняв, что в помощи Адгербалу сенат отказал, Югурта собрал армию и вторгся в ту половину Нумидии, которой правил брат. Тот,

желая себя защитить, тоже создал войско, но превосходящие силы Югурты сокрушили его и на этот раз. Адгербал бежал в свою столицу Цирту и укрылся в ней, приказав запереть городские ворота. По всей видимости, молодой царь пессимистично оценивал свои шансы, но несколько итальянских торговцев, которые обосновались в Цирте, убедили его не падать духом – сказали, что раз его притязания на трон поддержат они, то и сенат тоже встанет на его сторону. Поэтому Адгербал послал в Рим еще одно письмо, взмолившись о помощи, а сам приготовился держать осаду.

Второй ответ сената оказался не намного лучше первого. Он отправил к царям трех своих молодых членов, предписав по прибытии в Нумидию приказать Адгербалу и Югурте разрешить конфликт мирным путем. Этим трем сенаторам Югурта поведал свою версию истории, сочинив сказку о том, как ему удалось раскрыть подлый заговор Адгербала и как он себя лишь защищал. Но, попросив пропустить их в Цитру, чтобы выслушать версию Адгербала, послы получили отказ. Обескураженные сенаторы вернулись в Рим предоставить свой доклад. Дураков в сенате не было, поэтому с учетом высокомерного презрения, которое продемонстрировал к ним Югурта, всем стало ясно, что в роли подстрекателя во всей этой истории выступал именно он. Но у него в сенате еще оставались могущественные друзья, зарубившие на корню самую мысль о том, чтобы отправить для наведения в Нумидии порядка легионы.

Вместо этого отправили еще одну комиссию, на этот раз во главе с сенатским принцепсом Скавром. Тот всегда последовательно критиковал Югурту и по приезде в Африку тут же приказал своенравному царю явиться к нему лично. Разбираясь в римской политике, тот понимал, что Скавра необходимо опасаться. После еще одной, последней попытки захватить Цирту, он сдался и предстал перед римлянами. Но в ходе продолжительного разноса, который ему устроил Скавр, Югурта понял, что так и не услышал решительной угрозы отправить в Нумидию легионы. И его осенило, что Скавр приехал, желая не спровоцировать военное вмешательство, а избежать его. Римлян, оказывается, можно было не бояться – они не хотели ввязываться в эту нумидийскую войну.

Пока Скавр в Африке вел переговоры по урегулированию этого вопроса, те самые итальянские купцы из Цирты, которые раньше

убеждали Адгербала не терять надежду, теперь советовали ему уступить – сдаться Югурте, после чего оба царя должны были поклясться подчиниться любому решению, которое вынесет сенат. Свою добрую волю Адгербал мог продемонстрировать, выдвинув единственное условие: сохранить ему жизнь. Царь согласился, тем самым совершив роковую ошибку. Едва он вышел за ворота Цирты, как Югурта, не теряя времени, расправился с младшим братом, доставившим ему столько проблем. Несчастного Адгербала арестовали и пытали до смерти.

Если бы Югурта ограничился казнью Адгербала, дело могло бы на том и закончиться. Сенат, скорее всего, признал бы его единоличным царем Нумидии, и жизнь дальше пошла бы своим чередом. Но его люди, войдя в Цирту, тут же бросились жестоко мстить каждому ее жителю. Поступил приказ убивать каждого, «у кого в руках окажется оружие»^[118], но его истолковали слишком вольно, что привело к истреблению не одной сотни человек, включая и итальянских купцов. Именно с этого момента для Югурты все пошло не по плану. Даже не желая втягиваться в нумидийский конфликт, сенат не мог игнорировать массовое убийство соплеменников.

В Риме воцарилось единодушное убеждение в том, что Югурта зашел слишком далеко. Но что еще хуже, общественное мнение признавало, что сенат долгие годы плохо вел нумидийские дела. На форуме давно ходили слухи о взяточничестве и коррупции. Когда пришла весть о последнем акте насилия Югурты – садистском истреблении итальянцев – трибуны потребовали от сената предпринять какие-то действия. Эффективные действия. Действия военного характера.

Тот уступил. Луций Кальпурний Бестия, избравшийся в том году консулом, получил назначение в провинцию Африка и приказ готовить легионы. Собирая армию, Бестия также подобрал себе в старшие советники группу влиятельных легатов. В их число вошел и Скавр, позаботившийся о том, чтобы оказаться в штабе Бестии. Поскольку один раз ему не удалось удержать легионы от похода в Нумидию, теперь он стремился к мирному разрешению кризиса. Прения между Бестией и Скавром вращались вокруг вопроса о том, насколько им

следует продемонстрировать силу, чтобы заставить Югурту подчиниться.

Сам царь, узнав, что Рим мобилизует силы для принятия мер, удивился. Он считал, что раздарил достаточно денег, преследуя цель никогда не сойтись с римлянами в бою, – и что для этого им достаточно ненавистна мысль о военном вторжении в Нумидию. И в ответ смог придумать только одно. Югурта снарядил одного из своих сыновей в Рим, дав ему в придачу двух близких друзей, и велел взять еще больше денег, чтобы подкупить сенат и вновь подчинить его своей воле. Но политические ветра к тому моменту уже переменились. Сенат запретил нумидийцам входить в Рим и предписал в течение десяти дней покинуть пределы Италии. Летом 111 г. до н. э. легионы Бестии отплыли в провинцию Африка и оттуда двинулись к границам Нумидии. Узнав, что легионы вторглись на его территорию, Югурта послал к Бестии своих доверенных людей. Послы сообщили консулу, что завоевание Нумидии обернется продолжительной и дорогостоящей военной кампанией, добавив, что для всех будет лучше прийти к какому-нибудь соглашению. После этого Югурта уже лично приехал к Бестии и Скавру и они втроем устроили совещание в узком кругу. Во время этой встречи было решено, что в обмен на репарации в виде «тридцати слонов, большого числа лошадей и скота, а также незначительного количества серебра»^[119], Рим признает Югурту единоличным царем Нумидии и все разъедутся по домам. Формальный характер проведенной военной кампании, равно как и слишком льготные условия соглашения, по возвращении в Рим вылились в огромный скандал, однако Скавр надеялся, что этот фарс положит кризису конец. Теперь, став единоличным царем Нумидии, Югурта больше не будет представлять собой угрозу, и сенат сможет сосредоточить усилия на северной границе – гораздо более опасной и уязвимой.

Но фарса оказалось недостаточно. Городской плебс надеялся, что Бестия привезет полную капитуляцию Югурты, но вместо этого гонцы принесли шокирующую весть, что консул вернулся, выторговав лишь мелкие репарации. В особенности за скандал вокруг нумидийского царя ухватился молодой лидер Гай Меммий, увидев в нем свой проходной билет во власть. Он с самого начала выступал за то, чтобы послать

Бестию в Нумидию, а после своего избрания трибуном в 111 г. до н. э. заклеил позором заминки сената, обвинив его в причастности к преступлениям Югурты. Факты выглядели предельно просто: римскую честь в который раз «свели к нулю жадностью»^[120].

Когда весть о соглашении с нумидийским царем достигла Рима, Меммий осыпал порочную алчность сената градом упреков: «Злодеи, чьи руки в крови, люди невероятной алчности, зловреднейшие и в то же время надменнейшие, которым данное ими слово, приличие, сознание долга, вообще честное и бесчестное – все служит для стяжания»^[121]. Вместе с тем, он обругал и народ, который все это допустил: «Вы молча негодовали, глядя, как государственная казна опустошается, как цари и свободные народы платят дань нескольким знатым людям, как одним и тем же людям достались и высшая слава, и огромные богатства»^[122]. После чего обратился ко всему Риму: «Заключенному врагу выдан авторитет Сената, выдана ваша держава, в Риме и на войне торгуют интересами государства»^[123].

В то же время Меммий приложил усилия, чтобы ситуация не вышла из-под контроля. Особо упомянув преданных мученической смерти Гракхов, он сказал: «После убийства Тиберия Гракха... против римского народа были начаты судебные преследования; после убийства Гая Гракха и Марка Фульвия многие люди из вашего сословия тоже были казнены в тюрьме, и всем этим бедствиям положил конец не закон, а произвол победителей»^[124]. Незаконное насилие стало тактикой реакционной аристократии. Стараясь направить ситуацию в оптимальное русло, он сказал: «Карать тех, кто предал государство врагу? – Но не оружием и не насилием, ибо вас, поступивших так, это было бы еще менее достойно, чем их, которые этому подверглись, а судебными преследованиями»^[125]. При этом план у Меммия был весьма своеобразный: он хотел, чтобы против коррумпированного сената дал показания сам Югурта.

Меммий убедил Народное собрание приказать одному из преторов отправиться в Нумидию, взять Югурту и привезти его в Рим, чтобы он указал на сенаторов, которых подкупал. Царь будет пользоваться полной защитой власти трибунов, а давая показания, сможет воспользоваться иммунитетом. Какой бы в действительности ни была степень его вины, сенату подобные заявления никак не могли понравиться. Не понравились они и Югурте, хотя на деле у него в этом

вопросе не было выбора. Если не явиться, это послужит доказательством предательства им Рима. Поэтому когда за ним приехал претор, Югурта поднялся на борт корабля и покинул Нумидию.

После многолетнего скандала прибытие Югурты в Рим стало сенсацией. Будучи человеком смышленным, прекрасно владея искусством пускать пыль в глаза, он вырядился в скромные одежды, далекие от пышных убранств, которые имел обыкновение носить. Если он надеялся выйти из этой истории живым и здоровым, то триумфально вступить в Рим в ипостаси Царя-Толстосума было нельзя. Но даже в таком непритязательном наряде Югурта не удержался от соблазна немного пошвырять деньгами. После назначения дня, когда ему предстояло дать показания в Народном собрании, он вознамерился найти какого-нибудь симпатичного трибуна и попросить его оказать ему услуги адвоката. Такого человека Югурта отыскал в лице Гая Бебия, который, присвоив деньги нумидийского царя, пообещал выступить в его защиту.

Когда собрался комиций, возбужденная толпа была настроена враждебно. Сразу после появления Югурты Меммий принялся подробно рассказывать, до какой степени он подкупил сенат. Но при этом напомнил всем, что нумидийский царь приехал не понести наказание, а лишь дать показания. Затаив в душах надежду, собравшиеся ждали того великого момента, когда Югурта выложит все как на духу. Но царь не двинулся с места и не произнес ни слова. Вместо этого вперед вышел Гай Бебий и велел ему молчать. А потом заявил, что налагает на весь процесс вето. Толпа сначала окаменела, затем разразилась яростными возгласами. Но как и в случае с Октавием, наложившим вето на земельный закон Тиберия Гракха, ни убедить Бебия изменить решение, ни запугать его не удалось. Тем все и закончилось. Никаких показаний Югурта не дал. Когда его выводили с помоста, Народное собрание тряслось от гнева, но когда он ушел, собравшаяся толпа мирно разошлась. Однако о награде, в которой им отказали, не забыли.

Во время своего пребывания в Риме Югурта решил довести до конца кое-какие дела. Его деяния в прошлом привели к созданию диаспоры нумидийцев, в чьих жилах текла хоть капля царской крови, и все они по праву считали себя потенциальными целями убийц. Некоторые такие беглецы оказались в Риме, а один из них — внук

последнего царя Миципсы по имени Массива – метил на место Югурты, если римляне того раздавят. Узнав об этом плане, царь решил сделать с Массивой то же, что до этого сделал с Гиемпсалом и Адгербалом.

Выполнить эту задачу он поручил одному из своих самых верных соратников Бомилькару. Тот болтался по убогим трущобам Рима до тех пор, пока не вступил в контакт с небольшой шайкой «мастеров таких дел»^[126]. Те установили за Массивой слежку, выяснили распорядок его дня, устроили засаду и набросились. Но, нанося удар, даже не подумали о скрытности, которой так могут похвастаться ниндзя. Массиву убили, но это опрометчивое нападение наделало столько шума, что о преступлении узнали и тут же схватили злодеев. Когда их притащили к консулу, они во всем сознались и вдохновителем преступления назвали Бомилькара.

В обход гарантированной Югурте защиты, консул приготовился привлечь за совершенное злодеяние Бомилькара к суду – надеясь попутно привязать к делу и Югурту. От предъявленных обвинений царь попытался отделаться шуткой, а в залог того, что Бомилькар предстанет перед судом, оставил пятьдесят своих слуг. Но когда понял, что с помощью привычных взяток остановить процесс не удастся, решил минимизировать потери. Предоставив полсотни заложников их судьбе, Югурта устроил Бомилькару побег из Рима. Узнав, что обвиняемый скрылся, сенат приказал и самому нумидийскому царю немедленно покинуть город. Уезжая, тот повернулся, бросил на Рим взгляд и выдал свое знаменитое изречение: «Продажный город, обреченный на скорую гибель, если на него найдется покупатель»^[127].

Глава 5. Победные трофеи

Тогда впервые был дан отпор гордости знати; борьба эта перемешала все божеское и человеческое и дошла до такого безумия, что гражданским распрям положили конец только война и опустошение Италии^[128].

Саллюстий

Примерно после 120 г. до н. э. крупное северное племя, известное как *кимвры*, покинуло родные края неподалеку от нынешней Дании и отправилось на юг. В последующие месяцы и годы оно вышло к Дунаю, затем вдоль его русла свернуло на запад и двинулось в сторону Альп. Так как вид замаячившей на горизонте трехсоттысячной толпы незнакомцев вряд ли приведет кого-нибудь в восторг, кимвров, где бы они ни появлялись, местные жители встречали враждебно. Но они отнюдь не были полчищем завоевателей и, сталкиваясь с агрессией со стороны тех, кто поселился на тех или иных землях раньше их, попросту шли дальше. И искали только одно – спокойное место, где у них была бы возможность начать новую жизнь.

Как и в ситуации с многими другими «варварскими» племенами, которые жили за пределами Средиземноморского региона, историкам трудно определить, кто такие были кимвры. Римляне никогда не отличались точным описанием деталей и проявляли тенденцию к поверхностным обобщениям, сваливая совершенно разные народы в одну кучу, объединяя их в одну расплывчатую категорию. Кимвров описывали то галлами, то скифами, то кельтами, то германцами – и даже когда в 114 г. до н. э. успешно идентифицировали как «кимвров», в античных источниках все равно нет точных сведений о том, были ли они единым народом или же представляли собой кочевую конфедерацию, включавшую в себя отдельные группы тевтонов или амвронов. Кроме того, римляне были склонны раздувать любые варварские племена до огромных размеров, изображать их волосатыми, разрисованными, грязными и громогласными – одним словом, представлять скорее скотами, нежели людьми. Приправив свое мнение

всеми возможными избитыми стереотипами, историк Диодор писал, что кимвры «обладали наружностью великанов, наделенных исполинской силой»^[129]. Но поскольку римляне подобным образом представляли любое германское племя, трудно сказать, как же в действительности выглядели кимвры.

Мы не только не можем сказать, кем были кимвры, но и ответить на вопрос, почему они вообще решили мигрировать. Географ Страбон утверждает, что покинуть землю предков на берегах Северного моря их вынудило «морское наводнение»^[130]. Но что бы за этим ни стояло – изменение экологии, перенаселенность, межплеменная война или же сочетание всех этих факторов – к 120 г. до н. э. двести-триста тысяч кимвров собрали вещи и двинулись на юг. К 113 г. до н. э. они достигли сегодняшней Словении, и от Италии их теперь отделяли только Альпы. Одно из местных племен предупредило римлян о неожиданном появлении этой орды и обратилось к сенату за защитой.

Встревоженный потенциальной угрозой, нависшей над северной границей Рима, сенат приказал консулу Гнею Папирию Карбону – брату того самого члена земельной комиссии Гракхов, которого довели до самоубийства, – повести туда легионы и защитить рубежи. Чтобы кимвры гарантированно не вошли в Италию, Карбон расположил войска на основных горных перевалах. То ли из-за присутствия легионов, то ли потому, что Италия не входила в их первоначальные планы, кимвры двинулись дальше в регион, известный сегодня как Австрийские Альпы. Когда они миновали его аванпосты, Карбон перегруппировал легионы и последовал за ними на безопасном расстоянии, дабы понаблюдать за их передвижениями и убедиться, что племя не намерено сворачивать налево в Италию.

Заметив, наконец, римлян, кимвры выслали на встречу с Карбоном послов, которые удивили консула своими обходительными манерами и еще больше внушили симпатию, сказав, что не ищут ссор, а лишь пытаются найти свободную для заселения территорию.

Карбон – явно сделав в их сторону дружественный жест – выделил им несколько местных проводников, чтобы они показали кимврам дорогу в Галлию, сказав, что их путь лежит мимо города Норей. Но то ли он истинные намерения кимвров вызвали у него подозрения, то ли жаждал удостоиться триумфа, но этот дружественный жест в действительности оказался дьявольской хитростью. Карбон приказал

проводникам повести кимвров окружным путем через горы, а сам вместе с легионами отправился напрямик в Норею. Там войско консула скрытно заняло позиции и затаилось, планируя наброситься, когда, наконец, появятся ничего не подозревавшие кимвры.

Философы военной науки утверждают, что победа в сражении зачастую достается генералу, способному либо грамотно выбрать поле боя, либо воспользоваться элементом неожиданности. Под Нореей у Карбона было и то и другое, но на пользу ничего не пошло, потому как он самым радикальным образом недооценил масштаб врага. После того, как Карбон устроил свою ловушку, кимврские воины, своим подавляющим численным превосходством, быстро разбили его легионы и обратили их в беспорядочное бегство. Он потерпел унижительное поражение.

К счастью для римлян, одержанная победа не сподвигла кимвров вторгнуться в Италию. Они, похоже, и правда искали спокойный край, где можно было бы поселиться, и не желали больше связываться с лживыми и воинственными римлянами. Но судьба уже связала два эти народа неразрывными узами – битва при Норее была только началом Кимврских войн.

Еще до появления этого кочевого племени состояние северных границ – которые теперь испытывали постоянный, а может даже роковой натиск со стороны мигрирующих полчищ – отнюдь не вызывало у сената восторга.

Проблемы начались в 114 г. до н. э. на границе с Македонией после того как скордиски, которые господствовали на Дунае, опустошили фракийское племя, стали совершать набеги на лежавшую к югу от них римскую территорию. Чтобы положить этому конец, сенат отправил консула Гая Порция Катона, внука легендарного Катона Старшего, но его армию разбили. Когда оборона римлян в Македонии пошатнулась, скордиски сокрушили гарнизоны резерва и оставили после себя обширные разрушения. Вот как описывал их нашествие один потрясенный римлянин: «И не было в то время ничего более жестокого, чем их обращение с пленниками: они совершали возлияния богам человеческой кровью, пили из человеческих черепов и делали для себя забаву из смерти пленников, сжигая их и удушая дымом»^[131]. Кульминацией всего стало разграбление Дельфийского оракула – одной

из самых прославленных и священных институций греческого мира. Оракула, известного своим хранилищем богатейших сокровищ, защищала общепризнанная святость, но скордиски даже не думали ее признавать и разграбили Дельфы по первому своему желанию.

После того, как они двинулись в Македонию, в последующие два года сенату пришлось посылать туда один легион за другим. В 113 г. до н. э. римские армии повел за собой один из Метеллов, а год спустя его сменил наш старый друг Марк Ливий Друз, тот самый коварный трибун, который за десять лет до этого успешно ставил подножки своему коллеге Гаю Гракху. Этот человек, теперь уже консул, успешно завершил конфликт, закончив год своего пребывания на этом посту в походе и одержав решающую победу, которая, наконец, вышвырнула скордисков из римской территории. Но те по-прежнему представляли собой постоянную угрозу, поэтому в 110 г. до н. э. сенату пришлось отправить еще одного консула для энергичного патрулирования македонской границы и ее защиты от дальнейших вторжений.

С учетом скордисков, бесконтрольно сновавших по Македонии и Греции, а также полчища кимвров, шатавшихся в окрестностях Альп, первейшим приоритетом для сената в те годы стала стабильность северных границ. Кризис на севере, вполне естественно, в значительной степени объясняет столь вялый ответ римлян Югурте. Предводители сената, такие как Скавр, надеялись, что переговоры и терпение помогут восстановить порядок в Нумидии, которая почти сто лет была верным союзником Рима. И события, в которых историки более позднего периода, такие как Саллюстий, усмотрели скандальное взяточничество, могли попросту свидетельствовать об осознании гораздо более значимой угрозы на севере. Зачем посылать войска в Нумидию, если Италии и самой грозило варварское вторжение с севера?

Проблемы в охране северных границ оказали на римскую политику влияние и в другом аспекте: потерпевших поражение военачальников за их неудачи стали преследовать в судебном порядке. После разгрома армии скордисками в 114 г. до н. э. Катон предстал перед комицием, и избежать изгнания ему удалось лишь с большим трудом – в обществе бытовало мнение, что увильнуть от наказания ему удалось, только подкупив судей. Гнею Карбону повезло меньше. В 111 г. до н. э. Народное собрание вызвало его, чтобы выслушать отчет о

том, как он сначала спровоцировал, а затем проиграл битву при Норее. Марк Антоний, представлявший сторону обвинения, без труда убедил суд признать его вину. Как и его брат, Карбон, дабы избежать изгнания, покончил с собой. Поскольку оба брата умерли после того, как их затравили искушенные ораторы-оптиматы Антоний и Красс, их сыновья в последующие годы проникнутся к оптиматам особенной ненавистью.

Несмотря на волнения на севере, народ Рима все так же распалялся от поведения Югурты. Бежав в 111 г. до н. э. из города, нумидийский царь вернулся домой и собрал армию. Не в состоянии игнорировать оскорбительные выходки Югурты, в 110 г. до н. э. сенат переправил через Средиземное море еще несколько легионов. В ответ на это вторжение, нумидийский царь начал затянувшуюся на год военную кампанию, состоявшую из увиливаний, заминок и хитростей, стараясь, чтобы римляне по уши в ней увязли. Наконец, в январе 109 г. до н. э. Югурта заманил легионы в ловушку. Римлянам, окруженным нумидийскими войсками и потерявшим всякую надежду, выдвинули простое условие: либо они в течение десяти дней добровольно покидают Нумидию, либо все до одного погибают. Желая придать поражению еще более унижительный характер, нумидийский царь потребовал «провести побежденных легионеров под ярмом», т. е. совершить позорный ритуал, в ходе которого враг в самом прямом смысле проходил под упряжью, признавая свой проигрыш. Пойманные в капкан римляне согласились на все условия, прошли под ярмом и покинули Нумидию.

После этого оскорбительного поражения очень многие в Риме еще больше укрепились во мнении, что жалкие нумидийские кампании обозначили потребность в новых лидерах. В 109 г. до н. э. Народное собрание избрало на должность консула шестого и последнего выходца из рода Метеллов: Квинта Цецилия Метелла. Он был дисциплинирован и строг, честен и умен, но его мировоззрение определяла аристократическая гордыня. Будучи младшим отпрыском семейства Метеллов, он вырос в мире, где рычаги власти контролировали его братья и кузены. Он без особых усилий двигался по «пути чести». В 126 г. до н. э. ему удалось стать квестором, в 121 г. до н. э. трибуном, в 118 г. до н. э. эдилом и в 115 г. до н. э. претором. Народные волнения

ему, человеку в политике жесткому и нестигаемому, по большому счету были ни к чему, ведь он, как сын рода Метеллов, обладал вполне достаточными аристократическими связями для того, чтобы обеспечить перспективы на будущее. После избрания консулом, Метелл получил приказ возобновить войну в Нумидии, до последнего времени приносившую одни лишь огорчения.

Поскольку годом ранее римская армия там потерпела поражение, представлялось совершенно очевидным, что Метеллу надо набрать еще больше солдат из числа простолудинов, и это при том, что население и без того уже значительно поредело из-за постоянных экономических неурядиц и войн. Исторические источники не содержат об этом точных свидетельств, но известно, что Метелл добился отмены различных ограничений на призыв, в т. ч. увеличил максимальный срок пребывания на службе до шести лет и расширил рамки возрастных групп, из которых можно было набирать солдат. Эти шаги позволили ему мобилизовать опытных ветеранов, уже отслуживших свой срок, — каждый из них стоил пяти новобранцев. Стараясь найти как можно больше опытных воинов, Метелл также поставил перед собой задачу мобилизовать самых лучших офицеров, которых только можно найти. Нехватка способных солдат помогает в значительной степени понять его решение, которое в противном случае может показаться необъяснимым. Метелл обратился к Гаю Марию с предложением послужить легатом. Тот хоть и немало досадил Метеллам в политике, но тот факт, что он был одним из самых одаренных в Риме офицеров, не вызывал ни малейших сомнений. И Марий без колебаний присоединился к походу. С учетом того, что нумидийский конфликт развивался по столь скверному сценарию и вина за это явно лежала на сенате, простому «новому человеку» в этой ситуации наверняка представится множество возможностей сделать себе имя.

Югурта в Нумидии был прекрасно осведомлен обо всех этих событиях, и поступавшие из Рима сведения ему совсем не нравились. Мало того что римляне собирались вернуться, так еще и Метелл был совсем не из тех, кого можно подкупить, о чем недвусмысленно свидетельствовали информаторы нумидийского царя. Поэтому когда весной 109 г. до н. э. консул прибыл в Африку, Югурта внезапно сменил тактику. Он отправил послов, заявив о готовности сдаться Метеллу, выдвинув при этом одно-единственное условие: чтобы ему и его детям

сохранили жизнь. Но Метелла хитрому царю было не провести. Используя против Югурты его же собственные коварные приемы, Метелл подкупом переманил послов на свою сторону. Им велели доставить царю предложение о мире, но затем тайком его арестовать и бросить к ногам консула. Однако Югурта, чья осторожность доходила до паранойи, избежал участи жертвы последовавшего вслед за этим заговора. Осознав, что никаких переговоров не будет, он решил разгромить римлян в бою. В который раз.

Используя прекрасное знание местности, Югурта постоянно опережал Метелла на шаг, пока в конце лета 109 г. до н. э. у него не появилась возможность устроить засаду. На реке Мутул он отрезал римлян от источников воды. Но те, вместо того чтобы по-быстрому сдаться, вступили с ним в бой, который продлился целый день. Легионам удалось продержаться до наступления темноты, после чего нумидийский царь отступил, и римляне смогли встать лагерем, построив сеть укреплений.

В этом лагере они провели следующие несколько дней. Метеллу сообщали тревожные новости. Югурта ездил по окрестностям, мобилизуя среди местного населения тысячи солдат взамен тех, которых ему только что пришлось потерять. Несмотря на урон, нанесенный им римлянами, вскоре нумидийцы вновь станут сильны как никогда. С учетом того, что Югурта мог выставить армию практически неограниченной численности, Метелл решил, что эту войну нельзя выиграть чередой сражений. Вместо этого он потребует взять в кольцо осады всю страну, дабы лишить нумидийского царя доступа к человеческим ресурсам. Для славных, героических подвигов места на следующем этапе не будет, но Метелл приехал не ради них, а ради победы в войне.

Используя неудачи в Нумидии, бывший трибун Гай Меммий в Риме придавал своему крестовому походу против злоупотреблений в сенате новое ускорение. Едва Метелл в 109 г. до н. э. отбыл в Африку, коллега и союзник Гая Меммия, трибун Гай Мамилий, создал для расследования коррупции и предательства особый трибунал, позже получивший название комиссии Мамилия. Меммий же выступал в нем как главный представитель стороны обвинения. Жюри присяжных набирали из числа эквитов, руководили трибуналом популяры,

казалось, жаждавшие уладить старые счета, поэтому обвинение незаметно перешло от конкретных коррупционных преступлений к общим нападкам на сенат. Меммий и другие обвинители «проводили расследования энергично и жестко, используя в качестве доказательств слухи, повинуюсь капризам плебса»^[132].

Первым перед комиссией предстал Луций Опимий, который долгое время внушал популярам столько ненависти, — его обвиняли в беспощадном разграблении Фрегелл в 125 г. до н. э., а также в убийстве Гракха и его сторонников в 121 г. до н. э. Для этого человека, десять лет избегавшего наказания, пришло время ощутить на собственной шкуре всю ярость народа. Против Опимия выдвинули обвинение в измене на посту главы первого посольства, отправленного в Нумидию. Его признали виновным в получении взятки от Югурты и отправили в изгнание. Опимий покинул Рим и «провел старость в позоре, ненавидимый и унижаемый простыми людьми»^[133].

Затем настал черед бывшего консула Луция Кальпурния Бестии, который в 111 г. до н. э. отплыл в Нумидию приструнить Югурту, но вместо этого присвоил немного денег и лишь самую малость его пожурил. В комиссии Бестию защищал лично сенатский принцепс Скавр, но его все равно осудили и отправили в изгнание. Теперь народный гнев поставил вне закона уже двух человек консульского ранга.

После этого трибунал продолжил общее наступление на оптиматов, принесших Риму столько неудач. По надуманному обвинению начался судебный процесс над Гаем Порцием Катоном — его подлинное преступление заключалось в поражении на севере в 114 г. до н. э. Ну и как водится не забыли об офицерах, возглавивших нумидийскую кампанию, которая закончилась тем, что легионы провели под ярмом, — их тоже обвинили в измене и сослали. В конечном итоге, комиссия Мамилия осудила четырех человек консульского ранга, нанеся по авторитету сената, пусть даже и мнимому, беспрецедентный удар.

Усилия трибунала Мамилия стали одной из главных причин, которые Саллюстий решил описать в своей «Югуртинской войне»: они ознаменовали собой агрессивный возврат популяров как силы в римской политике. Через десять лет после падения Гая Гракха, они возвращались с намерением отомстить. Кроме того, атака популяров на

сенат расчистила дорогу новому поколению *novus homo*. Она позволила пробиться тем, кто мог выставлять свою кандидатуру на должности магистратов и строил свою аргументацию на однозначно антисенатских позициях, тем самым меняя окраску термина «новый человек» с отрицательной на положительную. Главным бенефициаром этой новой политической среды стал Гай Марий.

На развернувшейся вокруг Югурты политической драме римляне смогли сосредоточиться благодаря тому, что ситуация на северных рубежах оставалась относительно спокойной. На границе с Македонией царила тишина, а кимвры после битвы при Норее отбыли в неизвестном направлении. Но через четыре года после той первоначальной стычки их племя появилось вновь. По всей видимости, постоянный дом им отыскать так и не удалось, поэтому теперь они двигались на юг по долине Роны, вновь готовые попытаться счастья на юге Галлии.

С учетом того, что Метелл отбыл в Нумидию, сенат приказал собрать все остававшиеся в Италии силы его коллеге Марку Юлию Силану. Но поскольку Метелл, набирая перед этим воинов в Нумидию, в особом порядке отменил многие ограничения, в распоряжении Силана для мобилизации теперь оказалось еще меньше человеческих ресурсов. Тем не менее, консулу все же удалось призвать в легионы последних доходяг и повести их за собой маршем через Альпы. Пока противоборствующие стороны готовились вступить в схватку, в Рим прибыло небольшое кимврское посольство, заявив, что «народу Марса надо дать им какую-нибудь территорию, а затем использовать их руки и оружие как заблагорассудится»^[134]. Удовлетворять это требование сенат отказался – Рим заключал договоры с поверженным врагом, но никак не с дерзкими, непокорными племенами.

Когда кимвры получили этот ответ, Силан посоветовал им двигаться дальше своей дорогой, но это привело к сражению. Его подробности остались неизвестны, но зато известен результат: северное племя и на этот раз сокрушило легионы. Потери были просто огромны. «Погибло множество народа, одни горевали о сыновьях, другие о братьях; дети, оставшиеся сиротами, оплакивали потерю отца и разорение Италии; и большое число женщин, лишившихся мужей, превратились в безутешных вдов»^[135]. Но помимо всех этих

человеческих страданий, победа кимвров означала, что путь в Италию им был теперь открыт.

Но племя, как и раньше, не проявило интереса к ее разорению. Поскольку теперь они стали главной силой в центре и на юге Галлии, их новая задача, вероятнее всего, сводилась к тому, чтобы сдерживать римлян, не выпуская их за пределы Апеннинского полуострова. Одержанные ими победы наверняка коренным образом изменили политическую ситуацию в регионе. Теперь, в присутствии нового игрока, обладающего гораздо большими способностями к устрашению, многие союзники Рима в Галлии разорвали с ним договоры.

Узнав о провале Силана, городской плебс в Риме пришел в ужас. В Нумидии тоже не произошло ничего такого, что могло бы отвлечь их от угрозы, которая нависла со стороны кимвров. Решение Метелла приступить к более методичному укрощению Нумидии с точки зрения воинского искусства выглядело здравым, но при этом еще больше укрепляло всеобщую убежденность в том, что римские аристократы в Нумидии лишь тянут время. И хотя Метелл в действительности даже не думал ни о каких заминках, по его имиджу в Риме все равно был нанесен удар.

В конце 109 г. до н. э. Метелл разбил свою армию на небольшие отряды и отправил их уничтожать местные общины, сохранившие верность Югурте. Когда они показали несколько безжалостных примеров, местное население стало сдаваться при первом же появлении римлян. Стараясь выиграть эту войну на устрашение, Югурта решил прибегнуть к тактике партизан. Распустив своих солдат из числа крестьян по домам, он оставил при себе лучшую кавалерию и следовал за легионами по пятам, куда бы они ни направлялись, нарушая пути сообщения и снабжения, уничтожая отдельные подразделения каждый раз, когда те слишком сильно отрывались от основных сил. Кроме того, они, предугадывая путь следования римлян, опережали их, разоряли пригодные для выпаса лошадей поля и сыпали яд во все мыслимые источники питьевой воды.

Но когда недели сменились месяцами, обитатели Нумидии, уставшие от двух армий, попеременно им досаждавших, обвинили Югурту в развязывании войны с римлянами. Метелл тут же попытался обратить их негодование в свою пользу и начал тайные переговоры с

верным служителем нумидийского царя Бомилькаром, который в последний раз заявил о себе в Риме во время подготовки убийства Массивы. Когда на него надавили, чередуя взятки и угрозы, Бомилькар согласился убедить Югурту сдаться. По возвращении с этого тайного свидания он нарисовал царю зловещую картину: римляне вот-вот победят. Страна лежит в руинах. Народ страдает. Пришла пора сдаться ради блага всей Нумидии. Услышав от близкого друга эти слова, Югурта уступил, признал свое поражение и послал к Метеллу гонца для выяснения условий капитуляции.

По убеждению Метелла, Югурта был обязан понести заслуженное наказание, и ничего другого он допустить не мог. Его следовало лишить всех богатств и средств для продолжения войны. Царю надлежало немедленно доставить «двести тысяч фунтов серебра, всех его слонов, значительное количество лошадей и оружия»^[136]. Но после того как вокруг него стал сгущаться мрак, присущий Югурте инстинкт выживания вновь пробудился к жизни. Когда Метелл приказал царю явиться к нему лично, тот отказался. Проигнорировав еще один приказ сдаться, отданный в виде последнего предупреждения, он бежал и укрылся в глубине нумидийской территории, подальше от римлян. В этой глуши и уединении у него будет возможность тщательно продумать и спланировать свое возвращение.

Метелл хоть и огорчился, что его план завершить войну сорвался в самую последнюю минуту, но точно знал, что значительно ослабил Югурту. Кроме того, немного погодя он с радостью узнал, что сенат продлил срок его полномочий и теперь у него будет еще год, чтобы поймать неуловимого царя. Но пока он сосредоточил свои усилия на Югурте, в его собственных рядах назревала гораздо более серьезная угроза.

В консулы Гай Марий метил всегда. Хотя его политическая карьера и двигалась по извилистому пути, он чувствовал, что получить в один прекрасный день эту высокую должность ему предначертано судьбой. Теперь он приближался к пятидесятилетнему рубежу и по-прежнему лелеял властные амбиции. Марк был убежден: дай ему шанс затмить погрязших в трясине оптиматов, он сразу станет самым могущественным человеком в Риме.

Год борьбы бок о бок с Метеллом напомнил всем, что Марий прекрасный солдат, пользующийся популярностью у подчиненных. Он не скупился при дележе трофеев, не избегал компании рядовых легионеров и не избегал тяжелого солдатского труда, когда легионы разбивали лагерь. «Для римских солдат самое приятное – видеть, как полководец у них на глазах ест тот же хлеб и спит на простой подстилке или с ними вместе копает ров и ставит частокол. Воины восхищаются больше всего не теми вождями, что раздают почести и деньги, а теми, кто делит с ними труды и опасности»^[137]. Тип именно такого лидера и воплощал собой Марий.

В начале 108 г. до н. э. он по каким-то своим делам отправился в портовый город Утику и принес несколько необходимых жертв богам. Во время одного из таких ритуалов он попросил пророчицу вкратце описать его жизненную ситуацию. Та предсказала, что «его ждет удивительная карьера», а затем призвала «и дальше верить в богов, всегда выполнять задуманное и при каждой возможности подвергать испытанию судьбу»^[138]. На тот момент у него на уме было только одно, поэтому посыл богов прозвучал яснее ясного. Марий решил по возвращении в лагерь легионеров попросить Метелла дать ему отпуск, чтобы поехать в Рим и выставить свою кандидатуру на выборах консула.

Но Метелл его отъезда отнюдь не хотел. Он сказал Марию, что подобные мечты могут лелеять далеко не все, что ему лучше довольствоваться уже достигнутыми успехами и не пытаться прыгнуть выше головы. Однако Марий не пожелал просто так уступить и донимал Метелла своими просьбами до тех пор, пока тот язвительно не положил дебатам конец. «Не торопись с отъездом в Рим, – сказал он, – тебе будет не поздно стать кандидатом на эту должность вместе с моим сыном»^[139]. Если учесть, что старшему сыну тогда было двадцать три года, подтекст был предельно ясен: Метелл никогда не удовлетворит просьбу Мария об отпуске.

Придя в ярость, но не опустив руки, Марий задействовал обширную сеть своих сторонников, которую ему удалось создать не только в Риме, но также среди солдат и нумидийских купцов. Он в открытую выразил досаду по поводу того, что Метелл тянет время, и заявил, что если бы войсками командовал он, война бы закончилась за пару недель. Кроме того, он предпринял меры с целью снискать

расположения у остатков нумидийской царской семьи, которые бежали и жили в изгнании. В свое время с Метеллом вошел в контакт еще один внук давно почившего царя Миципсы, Гауда, и попросил признать его законным царем после того, как Югурта лишится трона. Однако Метелл отказался оказывать молодому человеку какие-либо царские почести. Марий отыскал оскорбленного претендента на корону и пообещал сделать его царем, если ему поручат командование легионами. На фоне политических интриг Мария в Нумидии в Рим полился непрекращающийся поток писем, в которых утверждалось, что Метелл превращается в тирана, слишком уж полюбившего неограниченную имперскую власть для того, чтобы надлежащим образом завершить войну. Марий напрямую заявил, что «будь у него в подчинении хотя бы половина армии, он бы за несколько дней заковал Югурту в кандалы»^[140].

Пока в лагере римлян чинились все эти происки, сам царь Югурта снова взялся за дело, восполняя свою сокровищницу, набирая солдат и в целом подрывая усилия врага по оккупации Нумидии. Зимой 109–108 гг. до н. э. он связался с жителями занятого Римом города Вага и подбил их на бунт. Подняв мятеж в праздник, они застали римский гарнизон врасплох и перебили всех до последнего солдат. Почти всех. Командиру гарнизона, офицеру Титу Турпилию Силану, каким-то образом удалось бежать целым и невредимым.

Получив весть о мятеже Ваги, Метелл бросил в город свою армию, сокрушил его жалких защитников и безжалостно разграбил. Но судьба командира гарнизона оставалась под вопросом. Когда его вызвали к Метеллу объяснить, каким образом он потерял город, но сохранил жизнь, он толком не ответил ни на один вопрос. В ходе последовавших за этим дебатов за закрытыми дверями Марий, как предполагается, призвал Метелла приговорить Силана к смертной казни за измену. Консул хоть и питал к тому огромную симпатию, но, в конечном счете, все же согласился. Силана выпороли плетью и казнили.

Но после расправы Марий пустил слух, что Метелл обошелся с Силаном несправедливо и что столь жестокое наказание безмерно превосходило совершенное им преступление, – тем более что даже своей властью консула Метелл не мог объявить подобный приговор, лишив подсудимого права апеллировать к Народному собранию. Этот инцидент поверг Метелла в уныние, в особенности если учесть, что его

люди в нем засомневались и стали в открытую продвигать Мария в лидеры. Надо полагать, Метелл надеялся, что все эти нападки и закулисные интриги, направленные на подрыв его авторитета, вскоре докажут свою несостоятельность – после того, как его тайный сговор с предателем Бомилькаром принесет свои плоды. Но измену бывшего верного служителя Югурта раскрыл и предал его казни. Последний план Метелла схватить нумидийского царя провалился, хотя благодаря ему тот оказался в параноидальной изоляции. В этом отношении Югурта «не знал покоя ни днем ни ночью, ему все казалось подозрительным, и место, и люди, и время суток, он одинаково боялся как соплеменников, так и врагов»^[141].

Поскольку неудачная поимка Югурты означала продолжение войны, Метелл признал, что озлобленный Марий в предстоящей кампании не столько принесет пользу, сколько станет помехой. Поэтому всего за двенадцать дней до выборов консула он, наконец, дал ему отпуск, чтобы тот мог поехать в Рим, надеясь, что если Марий выиграет выборы, сенат не назначит его вместо Метелла командующим армией в Нумидии.

После отъезда Мария он выступил в поход, чтобы закончить войну. К тому времени военная кампания Югурты оказалась в самом отчаянном положении. Паранойя, которая все больше и больше завладевала царем, отпугнула от него многих бывших сторонников, а солдаты дезертировали чуть ли не сразу после принудительного призыва на службу. В последние месяцы 108 г. до н. э. Метелл преследовал Югурту вплоть до города Тала, расположенного далеко в глубине нумидийской территории. Считалось, что осаждать его нет никакого смысла, потому что он располагал единственным источником питьевой воды в радиусе пятидесяти миль. Но благодаря неожиданному дождю, наполнившему бурдюки римлян водой, легионам удалось вышибить городские ворота. Впрочем, разграбление Талы оказалось бесплодной победой, ведь к тому моменту, когда римляне вошли в город, Югурта уже бежал. Тем временем правители Талы собра, и перевезли в храм в центре города. После чего закатали последний банкет и подожгли здание, уничтожив все, что в нем находилось, в том числе и себя.

Захват Талы хоть и не сыграл решающей роли, но изменил динамику войны. Этот город был последним крупным оплотом Югурты

в Нумидии, и его падение вынудило его совсем убраться за пределы собственного царства. Он постоянно пребывал в движении, избрав направление на юго-восток, все больше углубляясь в территорию за пределами «цивилизованного» мира. И именно там, наконец, нашел убежище у одного кочевого племени, обитавшего в Атласских горах. С помощью сокровищницы, которую царь с собой прихватил, он убедил этих кочевых всадников составить костяк его новой армии.

Но одних кочевых наемников для продолжения войны с Римом было мало, поэтому Югурта написал мавританскому царю Бокху и предложил заключить союз. Мавританское царство граничило с Нумидией на западе и занимало территорию, примерно соответствующую нынешнему Марокко. Двух монархов уже объединяли семейные узы, хотя точный их характер остается неясным: одни источники утверждают, что Югурта был женат на дочери Бокха, в то время как другие – что дочь Югурты была женой Бокха. Так или иначе, но мавританского царя вполне можно было склонить к близкому альянсу, потому как он не питал никакой симпатии ни к римлянам, ни к их привычке к имперской экспансии.

Первой совместной операцией новорожденной антиримской коалиции стало нападение на крупный город Цирту. Он вот уже много лет находился в руках римлян, и Метелл использовал его в качестве своей основной базы, храня в нем собственные сокровища, обоз и захваченных пленников. Узнав, что Югурта с Бокхом заключили союз, Метелл решил не бросаться в бой, а подождать, пока цари не подойдут ближе, не удаляясь на большое расстояние от укрепленной штаб-квартиры. Затем послал Бокху подряд несколько писем и предостерег его ввязываться в борьбу Югурты, неизбежно обреченную на провал. В своем ответе ему мавританский царь намекнул на возможность мирного решения, но опять же при условии, что к Югурте проявят снисхождение. Сказать точно, пытался ли Бокх выиграть время или же действительно хотел договориться об урегулировании вопроса, нельзя.

Пока Метелл вел эту переписку с Бокхом, по нему произвел залп из всех орудий Рим. Мало того что Гая Мария избрали консулом, так еще и комиций своим голосованием отменил сенатское решение оставить Метелла командовать армией в Нумидии. И вскоре Марий отправился в путь, чтобы принять у него дела. Раздавленный Метелл пришел в ярость и «потрясенный этим сильнее, чем допускали разум и

достоинство, не удержался от слез и наговорил лишнего; этот человек, выдающийся во многих отношениях, не справился со своим огорчением»^[142].

Кампания Мария по избранию в консулы ознаменовала собой решающий удар по оптиматам в сенате. События, начавшиеся с нападков Меммия в 111 г. до н. э. и продолжившиеся судебными процессами комиссии Мамилия в 109 г. до н. э. теперь, после избрания консулом горделивого и непокорного *novus homo*, достигли кульминации. Марий ждал этого дня уже очень давно.

Свою кампанию он провел с грозной яростью. В который раз, явно нарушив обычаи предков, он походя осудил Метелла за его поведение во время войны. Критиковать подчиненному своего генерала было делом неслыханным, однако Марий отказался быть рабом традиций – особенно после того, как Метелл попытаться перекрыть ему дорогу к консульской должности. Но самое главное, Марий прямо пообещал, что «если его изберут консулом, он вскоре передаст Югурту живым или мертвым в руки народа Рима»^[143]. Его избрали, что вовсе не удивительно.

После своей победы Марий еще больше усилил нападки на сенат, осуждая старых аристократов как людей высокого происхождения, но лишенных достоинства: «Я лично знаю граждан, которые впервые обращаются к истории наших предков и греческим трактатам по военному искусству только после их избрания консулами!»^[144]. Он говорил, что они ошибаются, считая, будто «им служат действенной помощью принадлежность к древним аристократическим родам, могущество родственников и близких, их бесчисленные клиенты»^[145]. Сам он не мог «похвастаться семейными портретами, триумфами представителей моего рода или пребыванием предков на консульских постах; но если потребуется, я могу показать копья, стяг, плененных мной врагов и другие военные трофеи, равно как и шрамы у меня на груди; вот мои портреты»^[146]. А потом, говоря о сенате, победоносно заявил, что «вырвал у него должность консула как военный трофей»^[147].

Но само по себе его избрание еще не гарантировало, что он возьмет на себя командование нумидийской кампанией. В действительности сенат уже постановил, что Нумидия еще на год

останется вотчиной Метелла. Но, как и до этого в случае со Сципионом Эмилианом, комиций своим решением его отменил и назначил в эту провинцию Мария, еще больше ослабив оковы *mos maiorum*.

Готовясь набрать новые легионы, Марий столкнулся с той же самой проблемой, которая вот уже целое поколение досаждала Риму. По мере того, как все больше семей изгонялись со своих земель, становилось все меньше тех, кто соответствовал минимальному имущественному цензу для службы в армии. Но пока консулы скребли самое дно давно опустевшей бочки, выискивая потенциальных легионеров, десятки тысяч молодых людей сидели без дела. Против них свидетельствовало только одно – отсутствие у них земли. Поэтому Марий, стараясь заполнить бреши в легионах, совершил роковой шаг в долгой истории заката и падения Римской республики – потребовал отменить имущественный ценз. О его требовании набирать солдат из рядов наибеднейшего плебса Саллюстий сказал: «Одни объясняли это нехваткой людей, другие стремлением снискать расположение... По сути, тому, кто жаждет могущества, беднейшие могут принести больше всего пользы, ведь они не думают об имуществе, которого у них нет, и считают честным все, за что им платят»^[148]. Теперь служить в войске мог любой, даже самый нищий. Когда перед их глазами замаячили грабежи и слава, в легионы, теперь для них доступные, хлынули неимущие со всей Италии.

Подобная приостановка имущественного ценза как крайняя мера уже имела прецеденты в прошлом. В самые мрачные и роковые дни Второй Пунической войны один из предков Гракхов повел за собой легион из гладиаторов и рабов. Но особую значимость нынешнему моменту придавал тот факт, что он знаменовал собой переход от легионов, создаваемых на временной основе и набираемых из свободных граждан, к профессиональной армии, состоявшей из солдат, избравших для себя военную карьеру, – верных, скорее, своим генералам, нежели сенату и народу Рима. Но Марий не думал о великих поворотах в истории и на тот момент хотел лишь одного – собрать армию солдат, выполнить данное обещание и выиграть войну.

Жаждая как можно быстрее начать, он отплыл в Африку еще до того, как армия была полностью укомплектована. Поскольку новые когорты кавалеристов еще пребывали в процессе формирования,

довести это дело до конца Марий поручил своему вновь избранному квестору. Звали квестора Луций Корнелий Сулла.

Глава 6. Золотая серьга

Не отвергай, мой сын, а вразумляйся; из демонов ужаснейший теперь твоей душой владеет – жажда чести. Оставь богиню эту! Правды нет в ее устах коварных, и всечасно она отравой сладкой напояет цветущие семейства, города^[149]...

Еврипид, «Финикиянки»

Луций Корнелий Сулла родился в Риме в 138 г. до н. э. Он принадлежал к одному из древнейших патрицианских семейств Корнелиев, но хотя и носил знатное имя – а также обладал прилагавшимся к нему высокомерием, естественным в подобных случаях, – относился к ветви, которая давно угасла и канула в забвение. За жизнь трех поколений ни один представитель так и не смог подняться выше претора, и Сулла, казалось, не обладал какими-то особенными задатками, чтобы вновь вознести род на вершину славы. Молодым человеком он любил покутить с актерами, поэтами и музыкантами, представлявшими собой нижнее звено римского общественного мироустройства. Вместе с друзьями он пил, проводил время в веселых компаниях и жил своей жизнью, выходящей за душевные рамки респектабельных классов. В юности Сулла поддерживал романтические отношения с актером Метробием, который впоследствии стал его пожизненным спутником. Даже когда он женился и заимел детей, когда взобрался на самую вершину власти, с ним рядом неизменно находился Метробий.

Сулла хоть и был беззаботным прожигателем жизни, но учебой не пренебрегал никогда. Он от природы обладал великолепным умом и получил хорошее образование. Будучи подростком, он бегло говорил на греческом, прекрасно разбирался в искусстве, литературе и истории. Несмотря на скромное состояние семьи, в юности Сулла лелеял надежду начать общественную карьеру. Но только после смерти отца узнал всю глубину падения семейных финансов. Обанкротившийся родитель не оставил сыну никакого наследства. Сулла даже не мог позволить себе службу в легионах в качестве кавалерийского офицера,

что считалось предварительным требованием для любой политической карьеры. Поэтому в двадцать лет Сулла не поступил в легионы, а стал и дальше предаваться в Риме разгулам, сняв недорогую квартиру и проводя жизнь в погоне за вином, женщинами и песнями.

Обладая пронзительными серыми глазами и светлыми рыжеватыми волосами, на улицах города Сулла представлял собой поразительного персонажа. Несмотря на алую сыпь, портившую его лицо, он был красивым и харизматичным молодым человеком, способным завладеть вниманием любой аудитории: «Красноречивый и умный, он быстро заводил друзей, демонстрировал невероятное умение скрывать свои истинные цели и во многих отношениях проявлял щедрость, особенно не скупился на деньги»^[150]. Этот человек никогда не расставался с прошлым. Друзья, которых он заводил, оставались с ним и в будущем. Сулла будто жил двойной жизнью: собранный и суровый в делах, он, «сев за стол, тут же забывал о всякой серьезности... стоило ему оказаться на пиру в хорошей компании, как с ним тут же происходила разительная перемена»^[151].

В возрасте примерно тридцати лет Сулла выгодно женился на женщине, фигурирующей в источниках под именем просто Юлии, — есть все основания считать ее кузиной другой Юлии, жены Гая Мария. В итоге в тот момент, когда Марий только начинал свою карьеру, их связали семейные узы. Но верность в браке Сулла отнюдь не сохранял. Он был человек харизматичный и не отказывал себе в многочисленных связях на стороне, особенно со стареющими вдовами, которые с радостью помогали ему и далее вести вольный образ жизни. Особенно продолжительные отношения связывали его с женщиной, известной только по ее прозвищу Нипоколис. Она умерла в 110 г. до н. э., сделав его своим главным наследником. Примерно в это же время скончалась и его нелюбимая жена, тоже оставив ему все свое имущество. Сулла в одночасье стал владельцем состояния, которое соответствовало его амбициям. По поводу того, что он начал с такой малости, но затем так много приобрел, его враги отпускали едкие замечания: «Как ты можешь быть честным человеком, — говорили они, — если отец не оставил тебе ничего, а ты так богат?»^[152]

Воспользовавшись преимуществами патриция и подкрепив их щедрым вознаграждением, Сулла обошел обязательное требование прослужить какое-то время в легионах перед тем, как выдвигать свою

кандидатуру на общественные должности. Избравшись в 107 г. до н. э. претором, Сулла получил назначение в команду вновь избранного консула Гая Мария. Эти два человека представляли собой поразительный контраст. Марию, как «новому человеку», пришлось сражаться и силой пробивать себе дорогу, двигаясь по *cursus honorum*. Он даже военным трибуном стал, предварительно прослужив в армии десять лет. Сулла же, напротив, шатался по публичным домам, забывая о патрицианском достоинстве, а должность попросту купил. С недоверчивым прищуром поглядывая на этого неопытного дилетанта, Марий приказал Сулле остаться в Риме и окончательно сформировать кавалерийские подразделения, позаботившись, чтобы тот не путался у него под ногами, когда он отплывет в Нумидию довести до конца войну с Югуртой.

Когда в начале 107 г. до н. э. Марий прибыл в Африку, Метелл, не в состоянии сдержать ярость, отказался, вопреки традиции, лично передать преемнику командование. Вместо этого он послал поприветствовать нового консула и вручить ему армию своего заместителя, а сам отплыл в Рим, мрачный как туча от охватившей его горечи, очень во многом оправданной.

Вместе с тем, по возвращении в Рим Метелл понял, что его честь хоть и опорочена, но все же не до конца. Да, Марий действительно стал консулом, но род Метеллов все еще был могуществен, поэтому близкие повели дело так, чтобы его встретила ликующая толпа, а сенат удостоил его триумфальным шествием. За этим последовала неуклюжая попытка выдвинуть против Метелла те же обвинения в вымогательстве и коррупции, которыми с успехом пользовалась комиссия Мамилия. Но эти усилия ни к чему не привели – жюри присяжных отказалось даже рассматривать эти обвинения и Мария оправдали по всем пунктам. Затем семья убедила сенат удостоить Метелла за его труды титула *Нумидийский*. Вопреки его опасениям надолго впасть в немилость, Метелл Нумидийский сохранил свой политический статус и остался влиятельной силой в сенате.

Марию тем временем требовалось выполнить данное обещание и по-быстрому закончить войну. Но теперь, не просто выступая с критикой с галерки, а в действительности получив под свое начало армию, он понял, что никакой волшебной стратегии лучше предложенной Метеллом быть не может. Югурта то появлялся, то

исчезал, когда ему заблагорассудится, и постоянно крутился рядом с легионами, но все же за пределами их досягаемости. В первый год Марию удалось втянуть нумидийского царя в несколько боестолкновений, но тот, похоже, каждый раз выходил сухим из воды. Поэтому, несмотря на обещание закончить войну за считанные дни, когда на смену 107 г. до н. э. пришел 106-й, Марий все еще гонялся за Югуртой. Но поскольку в него по-прежнему верил комиций, Марий смог добиться продления срока его полномочий на посту командующего еще на год. В то же время, выступив в 106 г. до н. э. в поход, Марий столкнулся с огромной проблемой: Югурту нигде нельзя было найти. До сих пор не известно, где в течение всего 106 г. до н. э. находился нумидийский царь. Можно лишь предположить, с определенной долей уверенности, что он укрылся у своего кочевого племени в пустынном южном краю по ту сторону Атласских гор. Выйдя из города Капса, Марий двинулся на восток вдоль горной гряды, нападая на города и стараясь выманить Югурту из норы. Наконец он добрался до границы Нумидии с Мавританией и обнаружил на реке Мулукке один из последних оплотов, на которые, вероятно, еще мог рассчитывать Югурта. Но самое важное было в другом – именно в нем Югурта оставил остатки своей сокровищницы перед тем, как переправиться через горы.

Сулла начало этой кампании провел в Италии, набирая новых кавалеристов. Но теперь, окончательно укомплектовав свои подразделения, присоединился к армии Мария, поспев как раз к началу осады крепости на реке Мулукка. Несмотря на все сомнения, которые поначалу питал к нему Марий, Сулла оказался человеком ярким, талантливым и схватывавшим все на лету. Он с головой окунулся в солдатскую жизнь, неизменно разделяя все ее тяготы, и в награду за это вскоре заслужил звания «лучшего воина во всей армии»^[153]. Проведя молодость в рядах представителей низших сословий римского общества, Сулла поддерживал с рядовыми legionерами простые, естественные отношения – смеялся вместе с ними и шутил, делил их труды, щедро раздавал милости и деньги, никогда не требуя ничего взамен, – хотя неизменно циничный Саллюстий и намекает, что делал он это лишь с целью превратить в своих должников как можно больше народу. К моменту взятия легионами крепости на реке Мулукка даже

Марий, и тот считал Суллу одним из лучших офицеров, состоявших под его командованием.

Когда войско выступило обратно в Цирту, чтобы там перезимовать, Югурта, очень долго о себе не заявлявший, решил, наконец, нанести удар. Он вновь объединился с Бокхом, собрал вместе с ним огромную армию и затаился в ожидании, чтобы напасть на римлян, застав их врасплох. Однако легионы в последний момент все же избежали ловушки, благодаря хладнокровному обходу неприятеля с фланга под командованием Суллы, который позволил обратить в бегство объединенные силы Мавритании и Нумидии. Через два дня разразилась еще одна битва, и на этот раз слаженные, дисциплинированные легионы разметали африканцев в разные стороны. Бокх вернулся в Мавританию, где ему было безопаснее, Югурта снова исчез.

Пока Марий укреплял контроль Рима над Нумидией, северная граница республики вновь пошла трещинами. На юге Галлии власть Рима была явлением относительно новым, ведь его присутствие в регионе легионы установили лишь в конце 120-х гг. до н. э., и даже провинция Нарбоннская Галлия представляла собой лишь узкую полосу побережья, соединявшую между собой Альпы и Пиренеи. Свое господство здесь римляне установили после череды побед над галльскими племенами, но в этом беспощадном, хищническом мире, сотканном из политики и войн, наверху может быть только тот, кто сможет туда не только забраться, но и удержаться. Сокрушительные поражения, нанесенные кимврами в 113 и 109 гг. до н. э., подорвали римский престиж.

Сами кимвры, уничтожив в 109 гг. до н. э. легионы Силана, вдоль русла Роны вернулись в центральную часть Галлии. Но этот шаг лишь открыл дорогу другим племенам, приглашая их извлечь выгоду из создавшегося вакуума власти. Один из народов, что проживал на территории современной Швейцарии, известный как *тигурины*, воспользовался неудачами римлян и двинулся на юг, оставив позади горы. Поэтому одновременно с Марием, набравшим в 107 г. до н. э. легионы для похода в Нумидию, его коллега, консул Луций Кассий Лонгин, собирал собственное войско, готовясь выступить в Галлию. Именно эта двойная угроза сыграла значительную роль в отмене сенатом имущественного ценза для службы в легионах. Лонгин

преследовал цель разгромить тигуринов и восстановить репутацию непобедимости Рима, которую так основательно подпортили кимвры.

Тем временем тигурины продолжали двигаться на запад, и Лонгин следовал за ними по пятам до самого Атлантического океана. Зная, что за ними идут римляне, тигурины дождались подходящего момента и устроили ловушку. Ничего не подозревавший Лонгин вместе со своим войском угодил прямо в нее и сложил голову в последовавшем сражении. Командование побежденными легионами перешло к легату Гаю Попилию, которому, как и юному Тиберию Гракху в Испании, пришлось определить судьбу десятков тысяч человек, решив жить им или умереть. Как и Тиберий, Попилий выбрал жизнь. Пообещав отдать половину своих обозов и пройдя под ярмом, покоренные римляне с милостивого позволения победителей ушли.

В Риме их встретили с той же яростью и потрясением, которые неизменно вызывали сдавшиеся легионы. Попилия по возвращении в Рим обвинили в измене. Он не стал с этим покорно мириться и яростно бросил обвинителям в лицо: «И что мне было делать, когда меня окружила столь несметная сила галлов? Драться? Но тогда смог бы пробиться только небольшой отряд... Остаться в лагере? Но мы не ждали подкреплений и не имели возможности остаться в живых... Сняться с лагеря и уйти? Но нас блокировали... Пожертвовать жизнью солдат? Но я принял командование над ними лишь при условии, что по мере возможности смогу спасти их для родины и родителей... Отвергнуть условия, выдвинутые врагом? Но жизнь солдат для меня – гораздо важнее обоза»^[154]. Однако его аргументы пропустили мимо ушей – Попилия признали виновным и отправили в изгнание.

Но в Риме никогда не делали, и никогда бы не сделали, одного – здесь никогда не сдавались без боя. Поэтому уже захваченную территорию уступать никто не собирался. И хотя римляне потеряли все без исключения армии, выступавшие на север, в 106 г. до н. э. сенат отправил в регион консула Квинта Сервилия Цепиона сделать хоть что-нибудь – что угодно – ради спасения ситуации. Благодаря покровительству влиятельных оптиматов Скавра и Красса, Цепион был давно связан с Метеллами. В очень многих отношениях он представлял собой величайшую ошибку, какую на тот момент мог совершить сенат. Человек надменный, алчный и хвастливый, он, что самое главное, в принципе был неспособен поставить интересы Рима выше своих

собственных. Именно на его совесть ляжет ответственность за крупнейшее поражение римлян за всю историю республики.

Перед выступлением на север Цепион уладил некоторые дела в интересах оптиматов. Он, скорее всего при поддержке Скавра, протащил через Народное собрание законопроект, который вновь ограничил власть эквитов. Столкнувшись с последствиями работы комиссии Мамилия, знать неустанно старалась вернуть себе, хотя бы частично, контроль над судами. Законодательная инициатива Цепиона не предусматривала возврата к практике набирать присяжных исключительно из рядов сената, а предлагала включать в них в равных пропорциях сенаторов и эквитов. Выступая в ее защиту, Красс произнес одну из самых прославленных своих речей, которую сам Цицерон изучал всю свою жизнь. В ней Красс призвал Народное собрание: «Вырвите нас из зубов тех, кто в своей жестокости не может насытиться даже кровью; позвольте нам не быть рабами кому бы то ни было, кроме всех вас вместе, кроме народа, которому мы можем и обязаны служить»^[155]. И законопроект был одобрен.

Прибыв в Галлию для проведения военной кампании 106 г. до н. э., Цепион, наконец, сообщил хорошую новость о взятии им города Толоза (ныне Тулуза, что расположен на юго-востоке Франции). Мы, вполне возможно, никогда не узнали бы о деятельности Цепиона, если бы не один громкий скандал, впоследствии вошедший в легенду. Заняв город, его люди наткнулись на невероятный клад: 50 000 слитков золота и 10 000 слитков серебра. Некоторое время спустя в нем опознали пропавшие богатства, захваченные галлами во время знаменитого вторжения в Грецию в 279 г. до н. э., которое во многом напоминало недавний рейд скордисков, который закончился разграблением Дельфийского оракула. Но это священное сокровище обременялось проклятием: «Каждый, кто коснется хоть одного слитка из этой кучи, умрет ужасной, мучительной смертью»^[156]. Когда галлов вышвырнули из Греции, они решили, что частично в основе их проблем лежит этот подпорченный клад. Согласно легенде, большую его часть они утопили в озерах в окрестностях Толозы, но некоторая его доля оказалась в одном из городских храмов. Именно эти тайники и обнаружили люди Цепиона.

Но это только лишь половина нашей истории. Цепион приказал уложить священное сокровище в ящики и переправить на юг, в

Массалию, откуда его можно было доставить морским путем в Рим, выставить напоказ во время его неизбежного триумфа, а затем поместить в храме Сатурна. Только вышло все совсем иначе. Во время транспортировки ценностей на конвой напала шайка грабителей, золото похитили. В версию случайного совпадения верили очень немногие, подавляющее большинство полагало, что Цепион сам нанял бандитов, чтобы украсть и присвоить золото. Если это действительно так, то двойное преступление Цепиона, который сначала разорил храм и вывез из него сокровище, а затем подстроил кражу, чтобы лично им завладеть, в значительной степени объясняет его злополучную судьбу. Историк Юстин тоже соглашался с тем, что «этот святотатственный акт впоследствии напомнил о себе, став причиной разгрома его армии; да и Кимврская война постигла римлян будто в отместку за то, что они изъяли это неприкосновенное богатство»^[157]. В то же время Цепион мог попросту оказаться дураком, который сам накликал на себя все беды, без всякой помощи со стороны богов.

В Северной Африке, после битвы при Цирте, царю Бокху понадобилось совсем немного времени, чтобы опять переметнуться в другой лагерь и предложить Марию заключить мир. Через каких-то пять дней после того, как улеглась пыль, в Цирту прибыли послы мавританского царя с просьбой прислать доверенных лиц для личной встречи с Бокхом. Возглавить это посольство Марий поручил Луцию Корнелию Сулле. Тот хоть и прибыл совсем недавно, но уже зарекомендовал себя человеком красноречивым и способным сохранять хладнокровие, когда на него оказывали давление.

Сулла дал Бокху понять, что римляне готовы водить с ним дружбу. Да, царь в этой войне выступил на стороне Югурты, но римляне были практичными людьми. И если для экспансии, пока они не займут всю Северную Африку, им что-то и требовалось, то уж точно не война в Нумидии. Сулла сказал Бокху, что «подданных нам и без того хватает, в то время как друзей ни у нас, ни у кого другого, достаточно не бывает никогда»^[158]. Одновременно с этим он напомнил царю, что если римлян «никому не превзойти в доброте, то их доблесть в войне ты познал на собственном опыте»^[159]. Уловив намек, Бокх выпросил разрешения отправить напрямую к Марию посольство для выработки

предварительных условий постоянного мирного договора. Сулла согласился и возвратился в Цирту с докладом.

Но когда небольшая группа мавританских послов ехала на встречу с Марием, на них набросилась банда разбойников. Поспешно бросившись наутек, оставив врагу все бумаги и багаж, послы прибыли в Цирту, своим внешним видом больше напоминая беглых крестьян, нежели доверенных лиц великого царя. Однако Сулла еще больше укрепил узы дипломатического доверия между двумя могущественными державами, любезно оказав им самый радушный прием и ни на минуту не сомневаясь в правдивости их прискорбной истории. Увидев, что продажные и коварные римляне на деле оказались вполне цивилизованными и великодушными людьми, послы немало удивились.

Выслушав их, Марий в начале 105 г. до н. э. созвал военный совет, который большинством голосов решил отправить мавританских послов в Рим с рекомендацией сенату заключить мир. Сенат согласился и постановил: «Сенат и народ Рима имеют обыкновение помнить как благодеяния, так и обиды. Но поскольку Бокх раскаивается, он простит нанесенные им оскорбления; царь получит мир и дружбу, когда того заслужит»^[160]». Узнав, что римляне столь привержены миру, Бокх пришел в восторг. Он ответил Марию письмом, попросив назначить его представителем Суллу, до сей поры демонстрировавшего такую мудрость и великодушие. С помощью Суллы царь мог начать процесс практического согласования мавританских и римских интересов. Марий согласился.

Сулла и его личная стража, которым в провожатые, для обеспечения безопасности поездки, дали сына Бокха, не были до конца уверены, что их не заманивают в ловушку. Их опасения накалились до предела после того, как вернувшиеся разведчики сообщили, что в двух милях впереди разбил лагерь сам Югурта. Сулла со спутниками приготовились стать жертвами предательства, но сын Бокха поклялся в обратном, заверив их в добрых намерениях отца, и пообещал всю дорогу ехать бок о бок с Суллой. Югурта никогда не решится посягнуть на жизнь царского наследника, ведь это навсегда лишит его шансов вновь когда-либо вступить в союз с Бокхом. В такой вот драматичной обстановке отряд проскакал мимо лагеря Югурты. И хотя повисшее в

воздухе напряжение можно было буквально потрогать рукой, нумидийский царь безучастно посмотрел, как они проехали мимо.

Финальный акт Югуртинской войны разыгрался в виде двойных переговоров – между Суллой и Бокхом с одной стороны, и между Бокхом и Югуртой с другой. Ставки в обоих случаях были высоки. Бокх и Сулла в открытую встретились при мавританском дворе, и царь сказал римлянину, что еще не решил, как поступить. После чего попросил Суллу дать ему на составление окончательного ответа десять дней. Но это была всего лишь уловка, рассчитанная на шпионов Югурты, которые, как полагается, тут же ринулись в нумидийский лагерь доложить Югурте, что у него, чтобы переубедить Бокха, есть десять дней.

Но в тот же день, глубокой ночью, Бокх вызвал к себе Суллу для настоящих переговоров. Царь сказал, что никогда больше не переправится через реку Мулукка, по которой проходила граница с Нумидией, и все, что у него есть, – солдат, корабли и деньги – он предоставляет в распоряжение Рима. Принимая все это, Сулла дал свою оценку, рассчитав ее заранее. Он сказал Бокху, что римляне не испытывают благодарности за эти дары, потому как и без того уже победили мавританцев в бою. И если Бокх действительно хотел заключить дружественный договор, то сделать это у него был только один способ: выдать Югурту.

На следующий день Бокх призвал к себе придворного, который, как ему было известно, мог связаться с Югуртой, и передал через него послание. В нем он сообщил, что собирается заключить с римлянами соглашение, и спросил, что нумидийский царь может ему предложить, чтобы он изменил свое решение. Ответ Югурты не заставил себя ждать. Нумидийский царь обещал Бокху все, что угодно, лишь бы тот возобновил с ним альянс, и в качестве первого шага был готов уступить ему почти треть собственной территории. Кроме того, Югурта предложил Бокху похитить Суллу, чтобы потом они на пару могли получить за него у сената выкуп и заставить легионы убраться из Африки. Бокх согласился встретиться с Югуртой в уединенном месте за городской чертой. После того, как обе стороны объявили свою цену, Бокх оказался перед дилеммой, способной у любого вызвать язву желудка: выдать римлянам царя соседней страны и, вполне вероятно, навлечь на себя гнев собственного народа или же схватить Суллу, за что

на него разгневались бы уже легионы. Перед встречей с Югуртой царь не спал всю ночь, думая, как же ему поступить.

На следующий день Бокх и Сулла с небольшим отрядом слуг выехали из города и поскакали в условленное укромное место. Бокх намеревался перехитрить либо Суллу, либо Югурту, и к радости римлянина нумидийскому царю во время этой жеребьевки досталась короткая соломинка. Люди Бокха окружили поляну и после появления Югурты выскочили из засады. Немногих оставшихся в живых слуг нумидийского царя убили, а его самого схватили и передали Сулле. Тот, как подобает, заковал Югурту в кандалы и отвез к Марию. Через двенадцать лет после того, как нумидийский царь заварил всю эту кашу, убив Гиемпсала, и семь лет спустя после объявления сенатом войны после разграбления Цирты, Югуртинская война подошла к концу.

Но эту радостную весть вскоре затмила чудовищная катастрофа на севере. Явившись впервые в 113 г. до н. э., кимвры разгромили римлян в Ббитве при Норее, а потом ушли. Затем, после четырехлетнего перерыва, в 109 г. до н. э. вновь спустились по берегам Роны и нанесли Риму новое поражение. Теперь, еще раз выждав четырехлетний цикл, примерно в 105 г. до н. э., они снова вернулись, направившись по долине Роны к побережью Средиземного моря. Сенат, по вполне понятным причинам, занервничал, узнав о возвращении врага, который уже дважды их побеждал.

Хотя на тот момент очень многие подозревали Цепиона в причастности к исчезновению толозского золота, сенат все же продлил срок его полномочий главнокомандующего северным фронтом и не стал трогать подчиненную ему армию — два полностью укомплектованных легиона плюс итальянские союзники и галльские вспомогательные силы, вдвое превышавшие их по численности. Всего под его началом состояло порядка тридцати пяти тысяч человек. Чтобы удвоить численность войск на этом направлении, сенат предписал одному из консулов, Гнею Маллию Максиму, избранному в 105 г. до н. э., собрать еще одну такую армию, равную по силе. На этот раз кимвров необходимо было уничтожить. И отмена имущественного ценза здесь пошла на пользу, в противном случае Риму не удалось бы мобилизовать армию в шестьдесят-восемьдесят тысяч человек для переправы через Альпы, одновременно с этим не выводя легионы из Нумидии.

Однако Гней Маллий был не просто новоизбранным консулом. Подобно Марию, он тоже относился к *novus homo*. В период со 191-го по 107 г. до н. э. доподлинно известно об избрании лишь трех консулов из числа «новых людей». Но на фоне возрастающей волны народных волнений, сенат не мог положить конец череде избраний *novus homo* на высшую должность. За четырнадцать лет, со 107 по 94 г. до н. э., консулами будут избраны пятеро «новых людей», а Гай Марий станет первейшим лидером Рима, намного превышающим всех остальных по влиянию и могуществу. Поэтому когда Маллию волею судеб досталась провинция Галлия, сенату, в который раз, пришлось доверить безопасность Рима *новому человеку*.

В республиканской военной иерархии наивысшим рангом обладал консул, поэтому Маллий, прибыв в Галлию, имел полное право отстранить Цепиона от командования. Но Цепион, как и положено высокомерному аристократу, встретил его с уничижительным презрением. Он заявил, что будет действовать в отдельном географическом регионе, и потребовал, чтобы на его берегу реки ему сохранили свободу действий. Такое отсутствие согласия между двумя главнокомандующими – вину за которое все источники напрямую возлагают на Цепиона – и стало причиной постигшей их двоих катастрофы. Единой римской армии численностью 60 000 человек не было, вместо нее существовали две по 30 000 воинов каждая – и кимвры немедленно этой разницей воспользовались.

В начале октября 105 г. до н. э. передовой дозор легионов Маллия, следивший за приближением кимвров, неожиданно для себя нарвался прямо на их основные силы. Его окружили и уничтожили. Понимая, что враг может появиться с минуты на минуту, Маллий попросил Цепиона переправиться через Рону и примкнуть к нему, чтобы объединить силы. Тот поднял его на смех, сказав, что с радостью переправится через реку и поможет перепуганному консулу из числа *novus homo*, который наверняка трясется от страха из-за сущей ерунды. Два римских войска расположились неподалеку друг от друга на восточном берегу Роны, но объединяться с Маллием Цепион, движимый гордыней и злобой, все же отказался. Более того, он даже небрежно отнесся к посланцам сената, умолявшим его подчиниться. Цепион не только ответил отказом, но и расположил свою армию между кимврами и легионами своего коллеги Маллия. Очень многие

издавна подозревают, что таким образом он намеревался реализовать свой великий план – первым вступить в бой с неприятелем, навязав Маллию второстепенную роль, чтобы поставить новичка в затруднительное положение, а всю славу присвоить себе. Когда к нему явились посланцы кимвров, потребовав предоставить им землю, Цепион ответил им откровенной бранью и выгнал взащей.

Неизвестно, выступил ли он первым, чтобы дать бой, или же подождал, пока к нему подойдут кимвры, но то, что последовавшую за этим катастрофу спровоцировал именно он, не вызывает ни малейшего сомнения. Он, по всей видимости, так и не понял, что римлянам противостояли сотни тысяч кимврских воинов, которые превосходили их численностью даже в том случае, если бы они с Маллием объединили свои усилия. Когда враг отбросил легионы Цепиона назад, те ринулись на ряды армии Маллия и смешались с ними в спутанный клубок, абсолютно лишенный формы и единой цели, не знающий в какую сторону двигаться. Затем кимвры окружили эту отчаявшуюся толпу сбитых с толку легионеров и прижали их к Роне. Двигаться им было некуда, приказов командования не поступало, поэтому кимвры уничтожили оказавшуюся в ловушке армию, подобно тому, как уничтожает плоть кислота.

К наступлению ночи римляне были не просто повержены, но истреблены. Источники утверждают, что тогда погибло от 60 000 до 80 000 легионеров плюс 40 000 обслуги обозов. Все сходятся во мнении, что выжить не удалось практически никому. Хотя некоторые все же спаслись – в Рим сумели вернуться и Цепион, и Маллий, равно как и молодой офицер по имени Квинт Серторий, который, чтобы оказаться в безопасности, смог переплыть реку (впоследствии он станет одним из величайших генералов за всю историю Рима). Многих других римлян, как предполагается, обратили в рабство. Однако в целом битва при Араузионе стала одним из величайших поражений в истории Рима с момента его основания в 753 г. до н. э. и до падения Западной Римской империи в 476 г. н. э. В Галлии, казалось, теперь все было потеряно.

Но по пути к Армагеддону произошло забавное событие – кимвры опять ушли. Поскольку древние историки никогда не тратили много времени на попытки объяснить мотивы и действия этого племени, теперь же их коллеги из числа наших современников выдвигают предположения в том, что вторжение в Италию, по всей вероятности,

никогда не представляло для кимвров интереса — они попросту стремились запереть жестоких, агрессивных римлян на Апеннинском полуострове. Поэтому продемонстрировав римлянам три раза подряд, что с кимврами лучше не связываться, они опять ушли и в своей миграции двинулись дальше в сторону Испании.

Паника в Риме, надо полагать, поднялась невероятная. Поскольку приближались очередные выборы консулов, ни у кого не возникало ни малейших сомнений в том, кто, по всеобщему мнению, мог предотвратить гибель римской цивилизации, к которой, похоже, все и шло. Народное собрание не желало видеть на этом посту ни бездарного Карбона, ни Силана, которого любой мог превзойти если не умением, то силой, ни Цепиона, чье высокомерие оказалось поистине роковым. Народ жаждал видеть в этой должности Гая Мария. И чтобы выполнить его волю комицию пришлось проигнорировать еще два неписанных правила *mos maiorum*. Во-первых, римские законы по-прежнему позволяли человеку избираться на второй консульский срок лишь по истечении десяти лет после первого избрания, а во-вторых, кандидату для участия в выборах полагалось присутствовать лично. Оба эти правила Народное собрание проигнорировало, избрав Мария консулом на второй срок через три года после окончания первого. Тот закончил в Нумидии все свои дела и приготовился вернуться обратно в Рим.

Начало своего второго срока пребывания на посту консула Гай Марий 1 января 104 г. до н. э. отпраздновал триумфом. Столь эффектного, красочного победоносного шествия не было со славных дней завоевания Карфагена и Греции. Парад вернувшегося из Нуманции Эмилиана (в котором принимал участие и сам Марий) запомнился сплошными разочарованиями. После этого была целая череда побед над галльскими и фракийскими племенами, но трофеи, захваченные в тех сражениях, блекли на фоне сокровищ, которые римские консулы когда-то привозили после военных кампаний в Рим. Но триумф Мария отличался «невероятным великолепием». Сокровища, рабы, дивные украшения из экзотических африканских царств — все это он с помпой демонстрировал под неистовые приветственные выкрики толпы граждан, все еще не отошедших от потрясения, полученного за три месяца до этого после страшного разгрома при Араузионе.

Жемчужиной триумфа Мария был царь Югурта собственной персоной. Во время своего предыдущего пребывания в Риме этот человек подкупал сенаторов, бросал вызов Народному собранию и заказывал убийства. Он сумел поставить с ног на голову внутреннюю римскую политику, а потом целых десять лет постоянно опережал на шаг легионы. Теперь же его вели закованным в кандалы, заставив шагать рядом и двух сыновей. Видеть, что теперь перед ними никто не трепещет и не боится, что все вместо этого осыпают их язвительными насмешками, для них было унижительно. После триумфального шествия Югурту бросили в тюрьму, да так грубо, что случайно вырвали из его уха золотую серьгу – последний оставшийся у него кусочек благородного металла. Взятки остались в прошлом. Как и коварные планы. Римляне раздели его догола и бросили умирать от голода в темнице подземного узилища: «И вот теперь он сам, побежденный и в цепях, узрел тот самый город, который, как он хвастливо предрекал, продаст самого себя, если на него найдется покупатель; но поскольку из его рук Рим ускользнул, теперь уже было совершенно очевидно, что он отнюдь не обречен на гибель»^[161]. Через шесть дней дерзкого сопротивления Югурта, наконец, рухнул замертво на пол.

Однако Марий не мог спокойно наслаждаться своим триумфом. Те, кто презирал этого *novus homo*, по их мнению, незаконно дорвавшегося к власти, превозносили молодого патриция Суллу, повсюду трубя, что в действительности Югурту захватил именно он. В соответствии с воинскими и политическими традициями, человеку, властвовавшему в провинции, в полном объеме доставались как честь, так и бесчестье, за превратности войны. Так было всегда. Но враги Мария подговорили Суллу поведать свою историю. Горделивый и амбициозный патриций с превеликой радостью им подыграл и даже дошел до того, что отчеканил на своей личной печати картину пленения Югурты. Марию его поведение совсем не понравилось. «Это были первые семена той острой, неизбежной ненависти между Марием и Суллой, которая чуть было не погубила Рим»^[162].

Глава 7. Мариевы мулы

Полководцы позднего периода... нуждавшиеся в армии для борьбы не столько с общим врагом, сколько друг с другом, были вынуждены быть в роли не только полководцев, но и демагогов^[163].

Плутарх

Люди все больше нервничали. Вот уже три дня они сидели в своих лагерях на берегу Роны в южной Галлии и наблюдали за огромным полчищем варваров. Жажда после двухлетнего ожидания побыстрее вступить в бой, они не понимали, почему Марий не отдает приказ атаковать. Разве они не этого ждали? Разве не к этому их готовили? Эти три дня они терпели яростные боевые кличи и насмешки врагов. Выдержали несколько атак на свои стены. Безучастно смотрели, как враг разоряет окрестности. Но Марий отказывался переходить в наступление.

Вскоре возмущение людей бездеятельностью командующего сменилось раздражением. «Неужели мы показали себя такими трусами, что Марий отказывается драться? – спрашивали они. – Неужели он боится повторить судьбу Карбона и Цепиона, поверженных врагом? Лучше вступить в бой, пусть даже мы и погибнем, как они, чем сидеть и смотреть, как разоряют наших союзников»^[164]. Но Марий упорно стоял на своем, заявляя, что на кону сейчас стоит не гордость, а нечто гораздо большее. «Не трофеи и не триумф, – сказал он, – должны сейчас занимать ваши мысли. Вы должны думать, как отвратить эту огромную, нависшую над нами грозную тучу войны, как обеспечить безопасность Италии»^[165]. Вместо боя он приказал солдатам занять позиции у стен и продолжать наблюдение за врагом. Велел внимательнее присмотреться к его оружию и манере скакать на лошадях. Марий хотел, чтобы его люди привыкли к устрашающему боевому кличу этих северных воинов, равно как и к их разрисованным лицам, чтобы легионеры понимали – перед ними не демоны ада, а самые обычные люди.

На четвертый день огромное полчище варваров предприняло еще одну, последнюю попытку напасть, яростно обрушившись на стены римских лагерей, но ее, вполне предсказуемо, отбили. Решив, что на этот раз римляне вообще не высунут из своей норы носа, кимвры постановили сняться с лагеря и пойти дальше. Мимо римских лагерей они прошли грандиозной процессией – целый народ из мужчин, женщин и детей в своей миграции двинулся дальше на юг по долине Роны. Проходя мимо, они в последний раз насмешливо поиздевались над римлянами, спросив, не хотят ли они передать восточку своим женам, «ведь вскоре мы будем у них»^[166]. Когда последний из этих северян удалился вниз по реке на безопасное расстояние, Марий, наконец, приказал своим людям сниматься с лагеря и двигаться за врагом.

После триумфа, которого он в январе 104 г. до н. э. удостоился в честь победы над Югуртой, Марий не стал долго задерживаться в Риме. С момента разгрома под Араузионом прошло всего несколько месяцев, и хотя кимвры ушли дальше на запад, гарантировать, что они не вернуться, не мог никто. Но просто так ринуться на север и принять командование легионами Марий не решался, по той простой причине, что *никаких легионов* там не было – их уничтожили в битве при Араузионе. Поскольку большую часть своих нумидийских войск он оставил в Африке для обеспечения наступившего после поимки Югурты мира, ему предстояло с нуля создать абсолютно новую армию.

Ее костяком должен был стать резервный легион, набранный годом ранее консулом Публием Рутилием Руфом. Когда его злосчастный коллега Маллий отправился воевать с кимврами, он остался в Риме и дальше набирать подкрепление. А теперь, не желая, чтобы это войско сидело сложа руки, занимал их подготовкой по образу и подобию гладиаторских школ. Они тренировались в рукопашном бою, занимались гимнастикой и другими физическими упражнениями. Унаследовав в начале 104 г. до н. э. эту компактную силу, Марий понял, что в его распоряжении оказалось одно из самых подготовленных подразделений из всех, которыми он когда-либо командовал.

Чтобы нарастить этот костяк свежими силами, Марий приступил к вербовке новых рекрутов. Как и в случае с Нумидийской кампанией, он добился временной отмены имущественного ценза, чтобы набирать

представителей любых сословий, независимо от их происхождения. И те, кто видел, как их друзья и соседи добыли себе в Северной Африке славу и богатство, теперь тоже жаждали взяться за дело. Если раньше потерявшие надежду низшие сословия оставались в стороне от завоевания Римом Средиземноморья, то теперь выходцы из них намеревались, наряду со знатью, извлечь из войны для себя выгоду. Мы не можем точно сказать, сколько человек Марий взял с собой в Галлию, но полагаем, что армия состояла из тридцати тысяч римлян плюс сорок тысяч итальянских союзников и чужеземных вспомогательных сил. С уверенностью можно было утверждать одно – Марий позаботился о том, чтобы рядом с ним был и Сулла. Да, его раздражало, что тот присвоил себе все заслуги в поимке Югурты, но он не мог отрицать, что его помощник – один из талантливейших офицеров Рима. После годового пребывания на посту квестора, Сулла присоединился к Марию в качестве легата и стал его первым заместителем в грядущей военной кампании в Галлии.

По прибытии на место Марий миновал приграничный город Аквы Секстиевы, главную римскую базу, двинулся дальше на запад и построил на Роне, вероятно в районе нынешнего Арля, укрепленный лагерь. Если кимвры решат вернуться из Испании вдоль южного побережья или же спустятся по долине Роны, другого пути, кроме как мимо армии Мария, у них попросту не будет. Устроившись на новом месте, Марий приступил к подготовке легионов, расширив программу, реализацию которой за год до этого начал Рутилий. И хотя эта подготовка была объявлена срочной, возвращения кимвров пришлось ждать целых два года. Но даже с учетом этой передышки республика не могла насладиться мгновениями мира: хотя на северных границах царил покой, в Сицилии вспыхнуло новое кровопролитное восстание рабов.

После того, как в 130 г. до н. э. на Сицилии разразился крупный мятеж рабов, прошло тридцать лет. Когда армии «царя Антиоха» наконец были разгромлены, сенат, стараясь смягчить самые жестокие злоупотребления в отношении рабов, провел ряд реформ. Но с течением лет воспоминания о Первом восстании рабов постепенно сглаживались из памяти, и большинство римлян, владевших этой дармовой рабочей силой, постепенно вернулись к своим старым,

бесчеловечным привычкам. Однако следующее восстание стало не просто реакцией на жестокое обращение; помимо прочего, в его основу легло невыполненное обещание, которое дал тот же самый Марий.

Укомплектовав свою новую армию, консул обратился к чужеземным союзникам. Но царь Никомед III из соседней Вифинии, дружественной Риму, ответил, что не может выполнить взятые на себя обязательства, сославшись на то, что сборщики податей из числа публиканов арестовывают его подданных и продают их в рабство. Аналогичные жалобы поступали и с других итальянских территорий, расположенных ближе к Риму. Купившие право собирать подати публиканы явно хватали и порабощали всех, кто не мог заплатить положенную сумму. А поскольку подобная практика подрывала способность Рима набирать легионы, сенат принял постановление, впредь запрещающее обращать в рабство в римских провинциях граждан любых народов-союзников как в Италии, так и за ее пределами. Затем последовало еще одно решение, предписывавшее немедленно освободить всех мужчин, женщин и детей, подпадавших под эту категорию и порабощенных раньше. По иронии судьбы, именно это второе постановление и стало движущей силой второго крупного восстания рабов в римской истории.

С целью обеспечить выполнение этого решения на Сицилии, в 104 г. до н. э. претор Публий Лициний Нерва учредил трибунал, чтобы изучить списки, включавшие в себя сотни тысяч рабов, и определить, кого следовало отпустить. За первую неделю он смог выявить и освободить восемьсот рабов. Но поскольку на кону стояли огромные прибыли, против Нервы выступила коалиция сицилийских землевладельцев, потребовав его закрыть трибунал. Взятками и угрозами они убедили Нерву не давать хода прошениям об освобождении, с которыми рабы будут обращаться в будущем.

Но к этому моменту слухи об освобождении уже зажили своей собственной жизнью. Теперь каждый раб считал почту своим билетом на свободу. Когда трибунал, освободив всего восемьсот человек, прекратил свою работу, рабы по всему острову взъярились от гнева. На юго-западном побережье вспыхнуло вооруженное восстание, и несколько сот рабов заняли гору Каприан. За неделю силы повстанцев увеличились до двух тысяч человек. Усмирять их послали наспех собранное сицилийское ополчение, но при первых же признаках

близкого сражения его члены побросали оружие и бросились наутек. Когда весть об этой победе разлетелась по округе, численность армии рабов в мгновение ока выросла до двадцати тысяч человек.

После мятежа, послужившего толчком, Второе восстание рабов стало развиваться по тому же сценарию, что и Первое. По сути, они настолько похожи друг на друга, что некоторые ученые даже полагают, что античные историки, желая заполнить недостающие пробелы, попросту выполнили с деталями второго восстания столь знакомую для пользователей компьютеров процедуру «скопировать-вставить». В итоге и в этот раз пророк из сирийских рабов собрал мятежников и объявил себя царем – хотя звали его уже не Антиохом, а Трифоном. Потом – как и за тридцать лет до этого – на другом конце острова вспыхнуло второе восстание под предводительством киликийца Афиниона. Сицилийцы опять воспылали надеждой, что армии врагов перебьют друг друга, и опять пали духом, когда те объединились. Но как бы ни походили детали, Второе восстание рабов отнюдь не было вымыслом, а представляло собой вполне реальный мятеж, опустошавший Сицилию в последующие три года.

Тем временем римские популяры, демонстрируя свою силу, постоянно обрушивали на сенат огонь критики и во второй раз избрали Мариа консулом. На деле, кроме его переизбрания, выборы 105 г. до н. э. принесли еще один беспрецедентный результат. Вторым консулом стал Гай Флавий Фимбрия – еще один «новый человек». Никогда еще в истории Рима двое *novus homo* не делили между собой высший государственный пост.

Популяры обеспечили избрание своих членов и на должности магистратов пониже. Хотя свидетельств тому не так много, 105 г. до н. э. наверняка стал годом избрания претором Гая Меммия – пылкого трибуна в 111 г. до н. э. и главного представителя обвинения в комиссии Мамилиана в 109 г. до н. э. Трибунами были избраны враги оптиматов, такие как Луций Кассий Лонгин^[167] и Гней Домиций Агенобарб, очень скоро воспользовавшиеся своим положением, чтобы выместить как личные, так и политические обиды. В этом же году свой первый шаг по *cursus honorum* сделал еще один амбициозный *novus homo*. На должность квестора был избран Луций Аппулей Сатурнин, более радикально настроенный и не столь щепетильный, как Гракхи,

которому совсем скоро предстояло оказаться в самой гуще политического движения, чуть не обрушившего весь старый сенатский порядок.

Так что пока Марий готовился обороняться от кимбров, эта когорта популяров повела наступление на сенат. Их первой целью наверняка был Цепион, к которому никто больше не питал ничего, кроме презрения. После поражения при Араузионе Народное собрание уже сместило его с консульского поста, а теперь еще и трибун Лонгин провел закон, изгонявший из рядов сената каждого, кого комиций лишил верховной власти. Когда Цепиона вышибли из сената, ему пришлось держать ответ за пропавшее толозское золото. Но к огорчению популяров, на последовавшем вскоре судебном процессе в жюри присяжных оказалось полно сенаторов и Цепиона признали невиновным в краже сокровищ. Его оправдание только подлило масла в огонь ярости популяров.

Затем трибун Агенобарб решил свести личные счеты со Скавром, который, по его мнению, помешал ему стать жрецом. Инициировав против него судебный процесс по пустяковым обвинениям, Агенобарб провел закон, обязывавший избирать коллегия жрецов народным голосованием. Если раньше вакансии служителей культа богов распределялись верхушкой священнослужителей, что позволяло знатым оптиматам считать их своей собственной вотчиной, то теперь жрецов полагалось определять народным голосованием. Случай Агенобарба показывает, насколько трудно на позднем этапе существования республики отделить личные мотивы от политических. После этого Агенобарб, вероятно из личной неприязни, протащил законопроект, укреплявший власть Народного собрания и ослаблявший знать.

В этот же год роста влияния популяров, Луций Марций Филипп, еще один молодой трибун, выдвинул законодательную инициативу, взявшую на прицел всю систему перераспределения земли. Ее подробности нам не известны, но мы знаем, что в разгар прений по поводу законопроекта Филипп высказал свое знаменитое замечание о том, что «всей собственностью в государстве владеют самое большее две тысячи человек»^[168]. На что Цицерон, всегда выступавший против популяров, заявил, что речь Филиппа «заслуживает безусловного порицания, ведь она направлена на равное распределение

собственности, а разве можно придумать политику более пагубную?»^[169] Законопроект не прошел, но сам факт его представления свидетельствовал о том, что доходы, полученные в эпоху братьев Гракхов, теперь, на изломе веков, могли обернуться против тех, кто их извлек.

И хотя за некоторыми из этих нападков популяров стояли амбициозные патриции, стремившиеся лишь нанести как можно больше вреда политическим противникам, было много и таких, которые действительно осуществили радикалы, стремившиеся сжечь дотла весь мир.

Пока в Риме происходили все эти события, Марий в Галлии не терял бдительности. В ожидании врага он предпринял целый ряд реформ в плане стратегии и снабжения, коренным образом изменивших принцип действия римской армии в полевых условиях. В продолжительной хронологии римской истории последние великие новшества в отношении легионов вводились еще в 300-х гг. до н. э., во время Самнитских войн. Сражаясь в холмистой Центральной Италии, римляне отошли от неповоротливых греческих фаланг и стали формировать более гибкие соединения. После этого принцип устройства легионов почти не менялся вплоть до завоеваний 146 г. до н. э. Затем в него вновь внесли изменения, значительную их часть древние источники ставят в заслугу Марию, благодаря которому легионы образца III века до н. э. превратились в армии Помпея и Цезаря, завоевавшие в I в. до н. э. все Средиземноморье.

Самым важным новшеством Мария стал акцент на физическую подготовку воинов и скорость совершения ими маневров. Придя к выводу, что тяжелые обозы, следовавшие за римской армией, снижали мобильность легионов, он постановил, чтобы поклажу – оружие, одеяла, одежду и запас продовольствия – его люди несли сами в мешках на спине. Глядя на этих солдат, взявших на себя заботы о собственном снабжении, офицеры старой школы насмешливо называли их «Мариевыми мулами». Но мера оказалась эффективной: в число жизненно важных качеств легионов вошли спаянность и быстрота. Кроме того, Марий внедрил понятие воинской сплоченности и солидарности всех легионов, упразднив практику использования каждым из них собственного символа в виде отдельного животного.

Вместо них теперь у армии появился единый символ, орел – птица, обладавшая в глазах Мария особым значением.

Кроме того, Марий ввел ряд тактических улучшений в вооружение своих солдат, самым известным из которых стало создание нового типа копья. В традиционном варианте это оружие метали во врага в самом начале битвы. Но после этого копья нередко поднимали и швыряли обратно уже в самих римлян. А Марий создал новый его тип, соединив стальной наконечник с древком с помощью свинца. Когда оно поражало цель, мягкий свинец сгибался и враг им больше пользоваться не мог, тем более что ему еще надо было вытащить копье, торчавшее из тела под самыми невероятными углами.

Но хотя ему зачастую и приписывают все военные реформы, имевшие место в тот период, в действительности новшества в принцип формирования легионов внедряли и другие. К примеру, нередко считается, что именно он изменил основную тактическую единицу армии с небольшого *манипула* на более многочисленную *когорту*. Поскольку крупные каре больше позволяли отразить нападение варваров, среди историков вошло в традицию относить внедрение когорт к временам Мариевых реформ. Но оказывается, что в пользу этого утверждения нет ни единого доказательства. Поэтому хоть Марий и в самом деле жизненно важным образом преобразовал легионы, важно не забывать, что он был только одним из участников этого гораздо более масштабного процесса.

Весь 104 г. до н. э. Марий провел в ожидании вторжения кимбров, которые так и не появились. Но Народное собрание, не желая доверять кому бы то ни было границу с Галлией, снова нарушило обычаи предков и в 103 г. до н. э. избрало его консулом второй раз подряд. За всю историю Рима случаев, когда человеку продлевали еще на год консульские полномочия, было всего ничего – в последний раз такое имело место во время Второй Пунической войны, когда великий Квинт Фабий Максим занимал этот пост и в 215-м и в 214-м гг. до н. э. В то же время неспособность Цепиона и Мария наладить совместную работу свидетельствовала о том, что Рим не может рисковать, опять разделяя власть между несколькими людьми. Поэтому Народное собрание, нарушив все каноны, избрало Мария во второй раз подряд – на третий срок за шесть лет.

Спокойно дожидаясь возвращения кимвров, он значительную часть своего времени тратил на воссоздание союзов римлян с народами Галлии, засылая своих разведчиков в местные племена, чтобы выяснить, к чему они стремятся, чего боятся и за что соперничают между собой. А потом отправил Суллу в дипломатический вояж, дабы предложить каждому народу его собственный набор кнутов с пряниками и вернуть заблудшую овцу в римскую овчарню. К концу 103 г. до н. э. римляне уже восстановили блок своих союзников, на которых можно было бы рассчитывать в случае возвращения кимвров. *Если* те, конечно же, вернутся вообще.

Теперь Марий и сам проникся убеждением в том, что ему следует оставаться в должности консула до победы над кимврами, но поскольку они все не появлялись, создавалось впечатление что атмосфера чрезвычайного положения, поспособствовавшая его переизбранию на этот пост, постепенно таяла. Рискую проиграть грядущие выборы, Марий возвратился в Рим и вступил в союз с беспринципным молодым политиком Сатурнином, чтобы не выпустить из своей железной хватки высшую республиканскую должность.

Наряду с другими знатными популярями Луций Апулей Сатурнин избрался квестором в 105 г. до н. э. Получив назначение в Остию контролировать снабжение зерном, он вступил в должность в тот самый момент, когда Второе восстание рабов поставило крест на поставках из Сицилии. Из-за этого кризиса сенат предпринял беспрецедентный шаг и освободил Сатурнина от исполнения обязанностей. Вместо него их в течение года выполнял сенатский принцепс Скавр. И хотя историк Диодор объясняет унижительную критику, обрушившуюся на Сатурнина, его «ленью и порочным характером»^[170], не менее вероятно, что со столь отчаянной ситуацией не смог бы справиться даже самый активный и добродетельный квестор.

Гонимый нанесенным ему оскорблением, Сатурнин вернулся в Рим и выставил свою кандидатуру на выборах трибунов. Цицерон, питавший к нему презрение, сказал, что «со времен Гракхов самым способным из всех бунтарских ораторов, по общему мнению, проявил себя Сатурнин, хотя он привлекал внимание публики больше внешностью, жестами и платьем, нежели плавной речью или даже

приемлемой толикой здравого смысла»^[171]. Но выступал он все же довольно хорошо – и поэтому в 103 г. до н. э. выиграл выборы трибуна.

Хотя такие как Марий и использовали популистскую риторику для придания ускорения своему политическому росту, сам он, помимо этого, страстно желал, чтобы его приняла знать, признав его равней. Сатурнина же, в свою очередь, можно было бы отнести к категории «бомбистов» или «возмутителей порядка». Когда вспыхивает народная революция, очень часто бывает так, что двери в них открывают одни, а входят в них совсем другие. Все политики, годом ранее выдвигавшие программы популяров, такие как Агенобарб, Лонгин и Филипп, принадлежали к древним аристократическим родам, которые, подобно Марию, усматривали в популистской риторике свой путь во власть. Что же касается Сатурнина, то он, похоже, действительно попросту хотел до основания разрушить весь мир.

Став трибуном, Сатурнин объединился с другим популяром, Гаем Норбаном, дабы вновь отдать презренного Цепиона под суд. Двое их коллег, отстаивавших интересы оптиматов, попытались ветировать этот судебный процесс, но поскольку соблюдение *mos maiorum* опустилось до опасно низкого уровня, Норбан спровоцировал потасовку, в ходе которой соперников чисто физически вытолкали из Народного собрания. Цепиона надлежащим образом осудили, признали виновным и приговорили к изгнанию. В который раз последнее слово в римской политике осталось за насилием.

Но одним Цепионом Сатурнин не ограничился. Свое внимание трибун переключил на злополучного Маллия. До этого Маллий считался великомучеником популяров, «новым человеком», которого предал надменный патриций. Но оружие, оказавшееся теперь в руках у Сатурнина, карало без разбора, поэтому Маллия отдали под суд, признали виновным и сослали.

После вынесения этих обвинительных приговоров Сатурнин провел закон о создании на постоянной основе суда для разбора случаев *maiestatis* – преступлений, нанесших ущерб престижу государства. Благодаря этому законодательному акту, специальные трибуналы по коррупции превратились в неизменный элемент общественной жизни. Любой аристократ, совершивший хоть один неверный шаг, теперь мог предстать перед новым судом и по самому малейшему поводу подвергнуться преследованию со стороны жюри эквитов. Эта новая

инстанция хоть и не представляла собой Революционный трибунал, которого так боялись во времена Французской революции, но все же во многом его напоминала.

Обзаведясь средствами для уничтожения врага, Сатурнин приступил к укреплению собственной опоры народной поддержки и в качестве ее основы определил ветеранов Нумидийской войны. Многие из тех, кто служил в Нумидии, теперь вновь поселились в окрестностях Рима и представляли собой политическую силу, которая только и ждала, чтобы ее кто-то организовал. Сатурнин стал обрабатывать этих ветеранов, обнародовав свои планы представить законопроект, предусматривающий выделение земель в Северной Африке всем, кто сражался против Югурты. Но в отличие от наделов Гракха, участки, предлагаемые Сатурнином, предполагалось выдавать в качестве бонуса после выхода в отставку. Эту землю ветеран мог использовать по своему усмотрению – либо оставить себе, либо продать. Когда трибун представил на рассмотрение эту схему выделения ветеранам земли, она была новшеством, но тем самым он создал прецедент, в будущем дающий легионерам надежду на получение надела после увольнения с воинской службы.

В то же время законодательная инициатива Сатурнина по выделению ветеранам земли в равной степени преследовала цель снискать расположение Мария и создать армию своих политических сторонников. К концу своего второго подряд консульского срока Марий обладал огромным влиянием, которым Сатурнин очень хотел воспользоваться. Он рассчитал, что Марий благосклонно воспримет программу, позволяющую улучшить материальное положение нумидийских ветеранов. Но кроме заботы о его солдатах, Сатурнин стал режиссером взаимовыгодного политического представления на форуме. Марию хотелось опять избраться консулом, но поскольку он и так уже пребывал в этой должности второй срок подряд, еще одна кампания могла показаться всем высокомерной и тщеславной. Поэтому незадолго до выборов 102 г. до н. э. он возвратился в Рим и заявил, что не проявляет интереса к переизбранию его на этот пост и что народ должен назначить вместо него другого человека. И тут, в самый что ни на есть подходящий момент, Сатурнин обвинил Мария в предательстве, заявив, что тот собрался оставить граждан Рима без защиты, и мобилизовал свою аудиторию адресовать Марию требование в третий

раз избраться консулом. В январе 102 г. до н. э. тот выиграл выборы – в четвертый раз в целом и в третий подряд, что раньше не имело в Риме прецедентов.

Пока происходили все эти события, на Сицилии продолжало бушевать восстание рабов. В то время как его движущим мотивом, по иронии судьбы, стала настоятельная необходимость набрать армию для похода в Галлию, теперь властям пришлось перебрасывать легионеров для подавления мятежа. В 103 г. до н. э. сенат, критикуемый со всех сторон и столкнувшийся с массой трудностей, повелел претору Луцию Лицинию Лукуллу собрать как можно больше людей и отправиться на Сицилию. Лукулл, само собой разумеется, без особого труда мобилизовал многих жителей южных территорий, опасавшихся, что восстание перекинется на материк, добавил к ним сицилийцев, которым не оставалось ничего другого, кроме как драться, и в общей сложности сколотил войско примерно из семнадцати тысяч человек. Напуганные приближением этой армии – на этот раз самой что ни на есть настоящей – царь Трифон и Афинион выступили в поход, дабы дать Лукуллу бой, надеясь одолеть его своим численным превосходством. Но их двойного перевеса оказалось недостаточно. В последовавшей схватке рабы дрогнули и бежали, оставив на поле боя, как сообщается, двадцать тысяч человек убитыми.

Но несмотря на эту победу, Лукулл не предпринял никаких согласованных усилий, чтобы ее закрепить. И лишь спустя девять дней повел наконец свою армию на укрепленную столицу рабов Триокалу. Сначала он попытался взять город, но когда это оказалось делом непростым, претор отступил обратно к Сиракузам. В Риме непонятное поведение Лукулла вызвало скандал, его осудили как человека, который «либо от бездеятельности и лености, либо за взятку, не выполнил ничего, что ему надлежало сделать»^[172]. Вместо того, чтобы подавить восстание, Лукулл обеспечил ему дальнейшее развитие. В итоге в начале 102 г. до н. э. сенат отправил ему на замену другого человека, поручив ему возглавить военную кампанию.

Потеряв бразды правления и почувствовав после этого себя оскорбленным, Лукулл выступил перед своим войском с шокирующим заявлением. Он сказал, что свой долг перед сенатом и народом Рима солдаты выполнили и теперь могут быть свободны. В дополнение к

демообилизации семнадцати тысяч человек, пришедших вместе с ним, он также «сжег все частокоты и уничтожил оборонительные укрепления, дабы лишить преемника любых средств, пригодных для ведения войны. Ввиду выдвинутых против него обвинений в затягивании войны, он полагал, что сможет избежать наказания, если новый командующий будет унижен и потерпит поражение»^[173]. Поскольку он не оставил присланному вместо него человеку ни армии, ни фортификационных сооружений, неудивительно, что по возвращении в Рим против него официально выдвинули обвинения, осудили и отправили в изгнание.

В то время как в Сицилии весной 102 г. до н. э. по-прежнему полыхал пожар, для Гая Мария в Галлии наконец наступил момент, которого он так долго ждал: кимвры возвращались. Создав развитую сеть лазутчиков, он заблаговременно узнал об их скором появлении. А заодно выяснил, что как минимум три других племени присоединились к ним, образовав крупный антиримский альянс. Кроме самих кимвров в него вошли тевтоны и амвроны, происхождение которых, опять же, восходит к Северному морю. С ними также заключили союз тигурины, однажды уже пытавшиеся воспользоваться кажущейся слабостью римлян.

Кроме того, Марию сообщили, что этот альянс ставил перед собой цель осуществить на Италию нападение сразу по двум фронтам. Тевтоны с амвронами планировали двинуться на юг по долине Роны и вторгнуться на полуостров с северо-запада, в то время как кимвры повернут на восток и набросятся с северо-востока, примерно в том же районе, где у них состоялась первая стычка с Цепионом при Норее. Что касается тигуринов, то их задача сводилась к обеспечению перехода через Альпы. Раз свои силы разделила нападавшая сторона, то точно то же следовало сделать и римлянам, выступавшим в роли стороны оборонявшейся. Поэтому пока Марий остался в южной Галлии, чтобы встретить тевтонов и амвронов, его коллега консул Квинт Лутаций Катул выступил в северо-восточную Италию, дабы помешать кимврам перейти через Альпы.

В подробностях изучив за два года все особенности местности на юге Галлии, Марий в точности знал, где разместить укрепленные лагеря римлян для первого контакта с врагом. Если расположить их на

возвышенности неподалеку от Роны, они будут практически неприступны. Когда ему сообщили о скором появлении тевтонов с амвронами, Марий повел свои легионы на север и разбил там лагерь. О том, что случилось после первого боестолкновения, нам уже известно. Марий не позволил своим людям покидать лагерь и заставил дожидаться момента, когда несметное полчище двинется дальше. Когда тевтоны с амвронами ушли, он, наконец, приказал своим людям сниматься и следовать за ними. Издергавшихся легионеров кажущийся недостаток мужества их полководца ставил в тупик. Они еще не понимали, что в действительности он приступил к реализации тщательно обдуманного плана.

Используя превосходящую скорость своих легионов, Марий бросился вперед параллельно маршруту следования варваров и вскоре достиг другой позиции в районе Акв Секстиевых, тоже выбранной с особым тщанием. Когда тевтоны и амвроны разбили на берегу реки лагерь, легионы расположились на лесной поляне и стали за ними наблюдать. Своим солдатам, мучимым жаждой, он сказал, что «воду они смогут получить, но только ценой крови»^[174]. Сражение началось первой стычкой, в ходе которой Марию удалось рассеять силы неприятеля и уничтожить тридцать тысяч амвронов. Затем, несколько дней спустя, он выстроил свои войска на гребне длинного холма и вынудил тевтонов броситься на них в атаку. Но как только противоборствующие стороны вошли в контакт, легионы погнали их обратно вниз по холму. Когда тевтоны под яростным натиском стали откатываться обратно, Марий приказал скрывавшемуся в засаде в лесу резерву ударить им в незащищенный тыл. К концу сражения Марий и его легионы не просто одержали победу, но и разбили наголову целый фронт – один из двух, напавших на Италию.

Человеческие потери в битве при Аквах Секстиевых были поистине колоссальны, от ста до двухсот тысяч человек, включая великое множество гражданских лиц, оказавшихся в этой кровавой мясорубке. Чтобы не попасть в рабство, матери «разбивали детям головы о камни, а потом убивали себя мечом либо вешались»^[175]. Впоследствии говорили, что «костями павших жертв местные жители огораживали свои виноградники, а почва, когда в нее бросили трупы и их всю зиму поливали дожди, пропиталась на большую глубину

оказавшимся в ней тленом и стала столь плодородной и богатой, что в последующие годы давала неслыханно щедрый урожай»^[176].

Выиграв величайшую на тот момент в своей карьере битву, Марий уже совсем скоро грелся в лучах славы от одержанной победы. По поступающим сообщениям, его коллеге Катулу на северо-востоке Италии пришлось жарко. Тот был честный и открытый сенатор из числа оптиматов, но больше ученый и государственный деятель, нежели солдат. Катул слыл «человеком редкостного образования, мудрости и бескорыстия»^[177], но был «слишком слаб для яростных баталий»^[178]. Марий читал поступающие с востока тревожные доклады о том, что коллега не смог удержать альпийские перевалы.

Но Катул если и не был опытным полководцем, рядом с ним находился одаренный сверх всякой меры Сулла. После нескольких лет службы под командованием Мария, не дававшего ему проявить все его способности, перед военной кампанией 102 г. до н. э. Сулла сумел добиться перевода к Катулу. Пока легионы дожидались кимвров, Сулла налаживал между войсками связь, создавал с местными племенами союзы и организовывал надежное снабжение. Но поскольку под его началом состояло всего двадцать тысяч человек, против нескольких сотен тысяч кимвров, как ни готовься, сделать они ничего не могли. Первые боестолкновения в горах подтвердили, что численное преимущество медленно двигавшегося полчища варваров было слишком велико. Римлянам пришлось с боем отступить. Когда над ними нависла угроза окружения в каком-нибудь ущелье и дальнейшего уничтожения, что случилось со всеми без исключения римскими армиями, сражавшимися с кимврами, Катул объявил, что альпийские перевалы нельзя в принципе защитить, и отвел свои легионы из гор аж до реки Адидже в Северной Италии. С точки зрения стратегии, это, может, было и мудрое решение, но Катул, уйдя из гор, открыл кимврам беспрепятственный доступ в Цизальпинскую Галлию. И кимвры, перед этим десять лет стучавшиеся в дверь, наконец оказались в Италии.

Дабы держать оборону, Катул приказал построить на обоих берегах Адидже лагеря и хорошенько их укрепить, соединив переправой. Но когда кимврские лазутчики обнаружили римский лагерь, их предводители прибегли к стратегии поумнее. Подразделение кимвров спустилось вниз по реке и стало строить плотину, «срывая, словно

великаны, окрестные холмы, бросая в воду целые деревья с корнями, обломки скал и глыбы земли, перекрывая течение»^[179]. Тем временем, второе подразделение поднялось вверх по реке и стало строить плавучие снаряды – «тяжелые плоты, пускаемые вниз по течению, от ударов которых шатались опоры переправы»^[180]. Когда берега реки залила поднявшаяся из-за плотины вода, а переправа не выдержала напора плотов, Катул и его армия заподозрили, что все это закончится весьма плачевно.

Утопив римский лагерь в воде и сломав переправу, кимвры предприняли общее наступление. По всем свидетельствам, защитники ближнего лагеря мужественно дали бой, однако легионы на другом берегу реки, увидев всю безнадежность положения, побежали. Один кавалерийский отряд остановился только когда доскакал до самого Рима – эта история получила известность по той причине, что среди беглецов оказался сын Марка Эмилия Скавра. Когда молодой офицер прибыл в Рим, сенатский принцепс отказался его признавать и за трусость исключил из состава семьи. Оставшись в живых в войне с кимврами, опальный юноша покончил с собой.

Поведение самого Катула в этой битве стало предметом ожесточенных споров. По его собственным словам, увидев рвущуюся на них армию, он пожертвовал собственной репутацией ради репутации своих людей: «Осознав, что убедить воинов остаться ему не удастся, видя, что они в ужасе собираются бежать, он приказал снять его стяг, догнал первые ряды отступавших и сам встал во главе войска, чтобы позор пал на него, но не на отчизну, стараясь, чтобы солдаты выглядели не бежавшими, но отступавшими под командованием своего полководца»^[181]. Однако в действительности, скорее всего, Катул попросту хотел придать более благоприятный оттенок их беспорядочному бегству на юг.

Но хотя дорога на Рим и была теперь открыта, кимвры все равно остались на севере, вероятно подпав «под влияние мягкого климата, изобилия еды, питья и воды для омовения»^[182]. Это племя всегда искало себе дом – и теперь, возможно, его нашло. В то же время, они, вполне вероятно, попросту задержались, дожидаясь тевтонов и амвронов, которые могли со дня на день переправиться через западные Альпы и присоединиться к ним. Потому что знать ничего не знали об уничтожении союзников.

Глава 8. Третий основатель Рима

Свобода, демократия, законы, репутация, положение в обществе всем теперь были без пользы, ведь даже должность трибуна, учрежденная для противодействия злодеям... повергала в такой гнев и сама подвергалась таким унижениям^[183].

Аппиан

Пока кимвры обосновывались в Цизальпинской Галлии, а Сицилию все так же разоряли рабы, в римской политике произошел радикальный поворот. Атмосфера чрезвычайного положения позволила Сатурнину и его друзьям перейти дозволенные границы. Они и без того уже сделали насилие нормой после того как трибун силой подверг Цепиона судебному преследованию с помощью разъяренной толпы. Теперь, когда он помог Марию избраться на еще один срок, в его распоряжении оказалась небольшая армия бывших солдат консула, готовых размять свои мышцы – как физические, так и избирательные.

Во главе этой новой политической армии популяров к Сатурнину присоединился и Гай Сервилий Главция. Большинство коллег-сенаторов не питали к этому человеку ничего кроме презрения. Цицерон назвал его «самым никчемным негодяем из всех, когда-либо живших»^[184]. А потом добавил, что хотя он и не советует прибегать к вульгарным метафорам, но Главция правильнее всего будет назвать «сенатским дерьмом»^[185]. Однако даже преисполненный презрения Цицерон, и тот считал Сатурнина «сообразительным, ловким и на редкость остроумным; несмотря на низкое происхождение и распутную жизнь, тот мог бы претендовать на должность консула»^[186]. Но претендовать на должность консула Главция не стал – вместо этого распутная жизнь довела его до гибели.

Чтобы придать грядущему захвату ими Рима видимость морального авторитета, Сатурнин и Главция обратились к памяти о братьях Гракхах, теперь вошедших в легенду. Сатурнин поставил у себя дома бюсты Гракхов, преданных мученической смерти, и упоминал их в своих речах. Завладеть наследием Гракхов ему представлялось

настолько важным, что однажды он даже явился на форум с молодым человеком, называвшим себя давно пропавшим сыном Тиберия Гракха. Возраст парня казался подходящим, и Сатурнин потребовал официально вписать его в ценз, признав законным наследником Гракхов.

Каждый, кто лично знал семью Гракхов, понимал, что Сатурнин явно ломает комедию. Семпрония – сестра Гракхов, которая до сих пор была жива, – отказалась принимать этого мнимого племянника, которого до этого в глаза не видела. Но то были времена, когда ложь переставала таковой быть, если ее самым дерзким образом без конца выдавали ее за правду. А для Сатурнина было важно только одно: заронить в умы потенциальных сторонников мысль о том, что сын Гракха входит в круг его приближенных.

Одновременно с этим вывод на сцену этого якобы пропавшего Гракха стал ловушкой для врагов Сатурнина из числа оптиматов, в первую очередь для Метелла Нумидийского. После того, как его отстранили от командования войсками в Нумидии, Метелл возвратился в Рим и последующие пять лет провел, неизменно выказывая свое неодобрение в адрес всех без исключения мер, предлагаемых популярями. И хотя на улицах его имя постоянно вызывало насмешки, у него по-прежнему была масса последователей, а у коллег-оптиматов он пользовался безупречной репутацией. Поэтому в ходе тех же выборов 102 г. до н. э., на которых Марию удалось в третий раз подряд стать консулом, Метелла избрали цензором. И внезапное появление «Тиберия Гракха Младшего» вскоре после вступления его в должность не могло быть простым совпадением.

Главная задача цензора сводилась к тому, чтобы содержать в порядке списки граждан, и Метелл, вполне предсказуемо, отказался признавать легитимность самозванца, выдававшего себя за Гракха, чем вызвал на улицах массовую вспышку гнева. Но этим он не ограничился и пошел дальше: обвинил Сатурнина и Главция в преступлениях против общественной морали и объявил о намерении вышвырнуть обоих из сената. Те в мгновение ока собрали толпу, выразившую против поведения Метелла свой протест. Горделивый патриций попытался стойко встретить лицом к лицу напор этой злобной массы, но ему, в конечном счете, пришлось укрыться в одном из храмов на Капитолийском холме, дабы избежать оскорблений, летевших в него из

толпы вместе с кирпичами. Когда народ разошелся, родственник Метелла, такой же цензор, как он, убедил его больше не тыкать столь грубо палкой в это осиное гнездо и не пытаться убрать Сатурнина с Главцией из сената. Но несмотря на эту уступку, оба цензора все равно отказались признавать Тиберия Гракха Младшего. Впрочем, это больше не имело никакого значения – вред уже был причинен.

Вскоре после этого инцидента в Рим прибыли эмиссары понтийского царя Митридата. Понт лежал далеко, на берегах Черного моря, а Митридат не так давно перерезал царю соседней Каппадокии горло и посадил вместо него на трон своего сына. Понтийские послы попросили сенат признать этот переход власти. Как и подобает такого рода делегации, они явились в Рим с немалым количеством даров, что позволило Сатурнину вновь поднять старую, направленную против сената тему подкупа высших должностных лиц иноземными державами. Напомнив всем о скандальных взятках Югурты, Сатурнин разнес в пух и прах за коррупцию Сенат, а вместе с ним и понтийских послов, и даже прибег к физическому запугиванию, чтобы они убрались из города.

Этого сенат вынести уже не мог и поэтому выдвинул против трибуна обвинение в нарушении неприкосновенности посольства другой страны. Перед лицом столь серьезных претензий, Сатурнин, желая мобилизовать симпатии улицы, устроил топорный спектакль. «Сбросив с себя роскошные одежды, надев вместо них нищенские и грязные, отрастив бороду, он носился по всему городу, перебегая от одной возбужденной толпы к другой... и со слезами на глазах умолял помочь ему в постигших его бедах»^[187]. Все обвинения против него Сатурнин называл надуманными и утверждал, что его преследуют за «доброе расположение к народу»^[188]. Когда, наконец, наступил день суда, Народное собрание заполонила злобная толпа, после чего продолжать заседание стало трудно, и даже опасно. Сатурнина отпустили, даже не начав процесса.

Гракхов часто называют большими мастерами использовать тактику толпы и беспринципную популистскую политику. В то же время, вся их деятельность, по большому счету, была продиктована искренним стремлением реформировать республику. Насилие стало спутником их жизни неожиданно, без всяких предупреждений, как совершенно нежеланное вторжение. Сатурнин же, в свою очередь,

первым продемонстрировал демагогам грядущих поколений, насколько далеко человек может продвинуться в карьере, цинично манипулируя неистовством толпы. Причем этот трибун был только началом – вскорости ожидалось триумфальное возвращение его нового и могущественного политического союзника Гая Мария.

После поражения Катула, на севере сложилось серьезное, хотя и не отчаянное положение. Марий уже уничтожил тевтонов и амвронов, и кимвры хоть и остались торчать в Северной Италии, но никаких признаков дальнейшего продвижения на юг все же не демонстрировали. В январе 101 г. до н. э. Марий в четвертый раз подряд стал консулом и всю зиму перебрасывал все войска, какие только мог, из Галлии в Италию. Собрав все, что можно, на южном берегу реки По, он присоединил к своей галльской армии остатки легионов Катула и взял на себя над ними командование. И Катула, и Суллу он поставил во главе крупных подразделений, хотя никоим образом не намеревался повторять роковую ошибку и разделять армию, как в битве при Араузионе. Командовал ею только один человек – он сам, Марий. Весной 101 г. до н. э. он вместе с 50 000 человек переправился через реку По, чтобы дать бой армии кимвров численностью в 200 000 солдат.

Когда на горизонте показались легионы, поприветствовать римлян прискакали кимврские послы. Полностью уверенные в себе, они потребовали уступить им территорию в Цизальпинской Галлии. Послы напомнили Марию, что вскоре в Италию войдут тевтоны с амвронами и у римлян не будет ни малейшей надежды устоять перед их объединенной мощью. В ответ на это Марий расхохотался и сказал: «Не беспокойтесь о своих братьях, ведь у них есть земля, которая останется им навсегда, – земля, которую им дали мы»^[189]. В уничтожение союзников они не верили до тех пор, пока по приказу главнокомандующего по лагерю не провели закованных в цепи тевтонских царей. Кимврские послы в ярости ушли. Через несколько дней один из предводителей племени прискакал в римский лагерь, чтобы уладить с Марием один-единственный вопрос: где и когда две армии сойдутся в бою.

На третий день после этой встречи римляне и кимвры выстроились в боевом порядке на Раудийском поле. Марий возглавил левый фланг легионов, Сулла правый, а Катул центр. По данным источников, фронт

пеших солдат, выставленных кимврами на равнине, растянулся больше чем на три мили, а только одно их кавалерийское подразделение насчитывало свыше пятнадцати тысяч воинов. Хотя утренний туман затянул все плотной пеленой, Марий позаботился о том, чтобы его армия встала лицом к западу, чтобы солнце после восхода, рассеяв его, било прямо в глаза противнику. Кроме того, такая позиция позволяла войскам встать против ветра, которому, вместе с солнцем, предстояло сыграть в грядущем сражении ключевую роль.

В своих мемуарах и Сулла, и Катул утверждали, что сразу после начала битвы на Раудийском поле (битвы при Верцеллах) Марий во взметнувшихся клубах пыли потерял ориентацию и, бросившись в атаку, пролетел со своими легионами мимо кимвров, в результате чего реальный бой пришлось принять им двоим. Но это не что иное, как очевидная пропаганда. Скорее всего, Марий прибег к той же стратегии, что и в битве при Аквах Секстиевых: смял фронт противника, а потом нанес убийственный удар, зайдя сбоку. Пока Катул с Суллой вступили в ожесточенную схватку, он действительно исчез в облаке пыли, но отнюдь не промахнулся, а сокрушил врага смертоносным ударом по открытому флангу.

Для кимвров сражение обернулось поражением и беспорядочным бегством. Слепящее солнце сменилось огромными клубами пыли, на них без конца нападали сразу со всех сторон. Воины бросились бежать, но были остановлены их же матерями и женами. За рядами сражавшихся, «женщины, облачившись в черные одежды, стояли у повозок и убивали беглецов – их мужей, братьев и отцов, затем душили маленьких детей, бросали их под колеса телег и под ноги скоту, а затем перерезали себе горло»^[190]. Для кимвров битва при Верцеллах означала гибель – из них на поле боя погибло 120 000 человек, выживших обратили в рабство. Как уже не раз случалось в римской истории, легионы могли терпеть в боях поражения до тех пор, пока не выигрывали войну.

Когда весть о победе достигла Рима, никто больше не мог оспорить блистательное превосходство непобедимого полководца Гая Мария. Теперь он вознесся на вершину славы, могущества и авторитета, и даже «первейшие люди государства, до этого роптавшие против «нового человека», добившегося столь многих важных постов, теперь ставили ему в заслугу спасение республики»^[191]. Мария чествовали «Третьим

основателем Рима», возвышая до невероятно престижного пантеона героев, включавшего только самого Ромула да легендарного Марка Фурия Камилла – того самого человека, который не допустил угасания Рима, оказавшегося на краю пропасти после жестокого разграбления галлами в 380-х гг. до н. э. Такой чести не удостоился даже Сципион Африканский, избавивший страну от Ганнибала. Но сам Марий, как ни странно, отказался брать себе традиционное для триумфатора прозвище и не вошел в историю как «Марий Галльский» или же «Марий Кимврский». Вместо этого он попросту оставил имя, данное ему от рождения: Гай Марий.

К новостям об избавлении Рима от угрозы со стороны кимвров, в которое верилось с большим трудом, вскоре добавились отрадные известия из Сицилии. Коллегой Мария, вторым консулом, избранным в 101 г. до н. э., был Маний Аквиллий, давно пользовавшийся его покровительством. Молодой Аквиллий, сын опального бывшего консула, когда-то организовавшего провинцию Азия, служил одним из его главных заместителей в Галлии. Став консулом, он получил приказ подавить, наконец, на Сицилии Второе восстание рабов. Аквиллий взялся за решение конфликта как профессионал и принялся наводить на острове порядок.

Задача перед ним стояла не из легких. После вопиющего роспуска Лукуллом римского войска в начале 102 г. до н. э., Аквиллий, прибыв ему на замену, целый год не мог ничего предпринять, чтобы остановить армию рабов. Но в том же году умер «царь Трифон» и ее верховным главнокомандующим стал Афинион. По мере нарастания мятежа рабов, на Сицилии все больше ширились беззакония по отношению к местному населению: «Поскольку на тот момент воцарилась полная анархия... и ни один римский магистрат не обладал там никакой юрисдикцией, все одичали и бросились безнаказанно совершать самые гнусные преступления, поэтому повсюду неистовствовали насилие и грабежи, после которых богачи лишались своего имущества»^[192]. И к те, кто когда-то «считался выше сограждан, благодаря известности и богатству, теперь, по внезапному капризу судьбы, терпели величайшие оскорбления и презрение»^[193].

К моменту приезда Аквилия весной 101 г. до н. э., Афинион простер свои владения до самой Мессаны (нынешняя Мессина) на

северо-восточной оконечности острова. Консул привел с собой когорты ветеранов Мариевой галльской армии и быстро вызвал рабов на бой, в ходе которого, как утверждается, убил Афиониона, выйдя с ним один на один. Не исключено, что эту героическую деталь для украшения своего доклада о войне добавил сам Аквиллий, но Афионион погиб – будь то в бою один на один или в ходе обычного боестолкновения – а живыми в крепость Триокала возвратились всего десять тысяч рабов.

Однако Аквиллий, в отличие от Лукулла, бросился за ними в погоню и захватил их столицу. Согнав последних бунтовщиков, он отправил их в Рим, предназначив им сражаться там с различным диким зверьем на потеху римских граждан. Это стало последним кровавым актом Второго восстания рабов, обезлюдившего и разорившего Сицилию.

В Риме воцарилось ликование. Теперь, когда все их враги были мертвы или закованы в кандалы, римляне затеяли безостановочный пир победителей. Получив известие о победе Мария, Народное собрание объявило пятнадцать дней благодарения богов и стало готовить его победоносное возвращение в город. Но праздновать триумф в одиночку Марий отказался и пригласил разделить его с ним Катула. Подобные ситуации, когда одним триумфом чествовали двоих, случались и раньше, хотя и очень редко – эта награда представляла собой политическое выражение личных достижений. Поэтому весь смысл заключался в том, чтобы привлечь всеобщее внимание к себе, но уж никак не к кому-то другому. Дружественные к Марию источники называют этот шаг проявлением великодушия и благородства, в то время как враги объясняют его совсем иначе – по их мнению, Марий знал, что *на самом деле* сражение с кимврами выиграл Катул, и поэтому боялся бунта его легионов, если проигнорировать их командира. Кроме того, источники также расходятся в оценках его последующей кампании по избранию консулом в 100 г. до н. э. Дружественные заявляют, что граждане попросту наградили его за оказанные ранее услуги, чтобы он мог еще раз получить удовольствие, сделав символический почетный круг, в то время как вражеские выступают с заявлениями, что по завершении военного кризиса народ был готов положить конец практике избрания консулов несколько раз подряд. Последние говорят, что консулом Марий стал лишь благодаря щедрым

взяткам. Однако необходимость в подобной закулисной тактике вызывает большие сомнения. Третий основатель Рима пользовался беспрецедентным авторитетом, славой, могуществом и к тому же обладал огромным богатством. Поэтому переизбрался без особого труда. Теперь ему предстояло служить консулом пятый год подряд.

Хотя могло показаться, что к пятому консульскому сроку Марий стремился единственно обеспечить галльских ветеранов бонусом в виде земли, наподобие той, что получили ветераны нумидийские, вступив в должность в 100 г. до н. э., он привел с собой и радикалов-популяров, наметивших куда более агрессивную повестку дня. Народное собрание искусно держал в узде Сатурнин, выигравший еще один трибунский срок. Его бывшего коллегу Главция избрали претором, предоставив широкие полномочия в надзоре над судами. Еще один близкий сторонник по имени Гай Сауфей заполучил должность квестора, обеспечив этой радикальной клике доступ к государственной казне. Что касается второго консула, Луция Валерия Флакка, то от него вряд ли можно ожидать, что он встанет на их пути, – его описывали «не столько коллегой, сколько слугой»^[194].

Тон всему году задала проведенная Сатурнином кампания по избранию трибуном. Поскольку он демонстрировал все признаки намерения отправить Метелла Нумидийского в изгнание, оптиматы на выборах поддерживали собственного союзника по имени Ноний, чтобы тот его остановил. Когда выяснилось, что кампанию Ноний, вероятнее всего, выиграет, радикальные популяры даже не стали дожидаться голосования. На несчастного Нония набросилась вооруженная шайка, скорее всего набранная из самых беспринципных ветеранов Мария, и забила его до смерти. Поскольку традиции предков теперь никто не соблюдал, незамедлительного наказания за это преднамеренное политическое убийство Сатурнин не понес. Отпихнув с дороги труп Нония, он без труда выиграл выборы. Именно этими событиями начался год – в который чуть не пала республика.

В те роковые времена было очень трудно разобраться в том, кто кого использует, однако создавалось впечатление, что Сатурнин более открыто продвигает программу Гая Гракха в ее более зловещей версии. Сатурнин, Главция и их дружки – к которым по-прежнему относился и мнимый сын Тиберия Гракха – пытались возродить к жизни коалицию городского плебса, крестьян, эквитов и знатных популяров, а затем

взяться за соперников-оптиматов. Но к тому времени к коалиции примкнули и Мариевы ветераны, обеспечившие столь необходимую грубую силу. И там, где Гай Гракх прибегал к насилию против своей воли, Сатурнин использовал его без малейших зазрений совести. Где Гай старался восстановить баланс Полибиева политического устройства, Сатурнин хотел безоговорочно раздавить сенат и воспользоваться Мариевыми ветеранами, дабы править городом железной рукой.

Едва вступив в должность трибуна, Сатурнин тут же взялся продвигать пакет реформ, направленный на свержение власти оптиматов в сенате. Семена новой антисенатской коалиции были брошены в землю задолго до рокового 100 г. до н. э. Еще до своего избрания претором – не исключено, что во время трибунского срока, о котором не сохранилось никаких упоминаний, – Главция выдвинул законопроект, возвращавший эквитам контроль над специальным судом, разбиравшим дела о взятках и вымогательстве и тем самым отменявшим временную реставрацию сенатской власти, осуществленную в 106 г. до н. э. изгнанным теперь Цепионом. Однако закон Главции не только возвращал эквитам право формировать жюри этого особого суда, но и расширял перечень обвинений, которые теперь могли выдвигаться не только против заподозренных во мздоимстве магистратов, но и против каждого, кто так или иначе мог извлечь выгоду из такого преступления, что в свою очередь позволяло отдавать в руки присяжных эквитов практически любого гражданина. Кроме того, Главция значительно ограничил практику затягивания судов с помощью процедурных уловок. Он однозначно хотел превратить суды в молот, крушащий злать, и лишал присяжных возможности отказаться нанести удар из жалости или сострадания. Не то теперь было время, чтобы проявлять то или другое.

Реализовав эту меру в пользу эквитов, в 100 г. до н. э. Сатурнин вступил в должность трибуна и предложил увеличить долю зерна, поставляемого городскому плебсу по контролируемым ценам. Шаг был самый что ни на есть провокационный, ведь незадолго до этого сенат заявил, что с учетом хаоса на Сицилии, каждый, кто предложит изменить субсидирование хлеба, будет действовать вразрез с интересами государства. И Сатурнин с ликованием принял этот вызов.

Кто-то из других трибунов наложил на его законопроект вето, но Сатурнин попросту его проигнорировал. Когда-то наложенного вето было достаточно, чтобы по всей республике замерла жизнь; теперь же его, как ненужную бумажку, просто сминали и вышвыривали вон. Особенно оскорбительным провокационный законопроект о субсидировании зерна был для юного Квинта Цепиона, отца которого шайка Сатурнина три года назад отправила в изгнание. Именно молодой Цепион, избравшись в 100 г. до н. э. квестором, не рекомендовал сенату увеличивать субсидирование зерна, потому как этого не могла себе позволить казна. Когда Сатурнин не только поправил честь отца, но и наплевал на него самого, Цепион потерял самообладание, собрал собственную шайку и повел ее на Народное собрание. Толпа переломала доски и урны для голосования, но этот акт вандализма лишь ненадолго отложил одобрение законопроекта. Когда ущерб устранили, Народное собрание своим голосованием придало инициативе по непозволительному наращиванию субсидирования зерна статус закона.

Угодив эквитам и городскому плебсу, Сатурнин приступил к реализации главного пункта своей программы: амбициозного плана по созданию колоний и выделению галльским ветеранам Мария земельных участков. Он уже учредил земельные наделы в Африке и теперь ратовал за то, чтобы выделять их по всей империи. Трибун поддержал притязания народа на все территории, еще совсем недавно занятые кимврами, и заявил, что Народное собрание имеет право раздавать их воинам, которые за них сражались. Кроме того, он предложил выделить ветеранам Мария наделы в Галлии и на Сицилии. Сельская беднота – из рядов которой Марий вербовал своих солдат – хлынула в Рим, чтобы провести этот законопроект с подавляющим перевесом голосов.

В коалицию Сатурнина, все больше прираставшую новыми членами, теперь вошли и италийские союзники, ведь право на земельные наделы по его закону получали не только римские граждане, но *все без исключения* солдаты Мария. Полководец и сам был провинциальным италийцем родом из города, получившего полные гражданские права лишь за поколение до его рождения. И свою политику неизменно строил, исходя из проиталийских позиций. Во время военных походов он то и дело даровал гражданство за геройские

поступки, а однажды, после победы над кимврами, дошел даже до того, что в полной мере наделил политическими правами целую когорту италийцев из города Камерино. Когда его практику самовольно – а может даже незаконно – раздавать солдатам гражданство подвергли сомнению, Марий едко возразил, что «глас закона ему заглушало бряцанье оружия»^[195].

Но хотя на пыльных полях сражений провести различия между римлянами и италиками было невозможно, в Риме граждане прекрасно знали, в чем они заключаются, и по своему обыкновению роптали, что земли выделяют каким-то там союзникам. Раскол в лагере Сатурнина позволил оптиматам наконец сплотить оппозицию. Играя на струнках оскорбленной гордыни городского плебса, они создали собственные отряды, где только можно препятствовавшие любым акциям коалиции Сатурнина. Яростные уличные стычки стали самым обычным государственным делом.

Но несмотря на все эти столкновения, Сатурнин все же провел законопроект, наделявший землей Мариевых ветеранов. Понимая, что после его ухода с поста трибуна закон могут отменить, он снабдил его пунктом, по которому каждый сенатор должен был поклясться никогда не отзываться его под страхом изгнания. Заручившись этой клятвой, Сатурнин и Марий расставили ненавистному Метеллу Нумидийскому еще одну ловушку. Марий лично обратился к сенату и засвидетельствовал, что одобряет закон, но вот по поводу вышеупомянутого пункта выражает сомнение, тем самым обеспечив прикрытие сенаторам более консервативного толка, таким как Метелл, которых данное требование повергало в ужас. Но когда до истечения срока принесения клятвы оставалось всего несколько часов, вдруг передумал, сообщил коллегам-сенаторам о своем намерении ее дать и отправился в храм Сатурна, дабы провести соответствующую церемонию. Времени на размышления у сенаторов не было, им оставалось всего несколько минут, чтобы сделать выбор – принести клятву или же отправиться в изгнание. И все ее дали – даже закоренелые оптиматы, типа Скавра и Красса. Отказался только один – Метелл Нумидийский. Сторонники Сатурнина пригрозили ему бунтом, но он заявил, что не может вынести в свой адрес такого насилия, и согласился на ссылку. «Если все наладится, если люди передумают и позовут меня обратно, я вернусь, если же все останется как есть, то мне

лучше быть подальше отсюда»^[196]. Как и подобает, Сатурнин провел закон, запрещающий любому римлянину предлагать Метеллу огонь, воду и кров. Толпы плачущих друзей и клиентов проводили Метелла Нумидийского до врат Рима и долго глядели ему вслед, когда он отправился в изгнание.

Но вскоре Сатурнину и Главции, праздновавшим долгожданную расправу над Метеллом, предстояло узнать, что их браку по расчету с Марием пришел конец. Теперь, когда он выделил землю своим ветеранам и избавился от заклятого врага Метелла, дальнейшая поддержка радикалов не могла больше ничего ему принести. Покончив с этими трудами, Марий теперь мог заняться укреплением собственных позиций в кругах знати и зажечь жизнью одного из могущественных старейшин и государственных деятелей. Вместе с тем, для Сатурнина и Главции все эти законы были только началом. Когда они перешли в наступление, Марий отступил назад, тем самым создав предпосылки для последнего акта кровавой конфронтации.

Когда на горизонте замаячили выборы 99 г. до н. э., Сатурнин с Главцией решили еще больше расширить свою повестку дня. Сатурнин вновь выставил свою кандидатуру на должность трибуна, то же самое сделал и мнимый сын Тиберия Гракха. В виде предупреждения Марий приказал арестовать самозванца за мошенничество и бросить в тюрьму. Позже его оттуда выпустили, Сатурнин свои выборы выиграл, но всем стало ясно, что Марий больше не на их стороне.

Политический раскол между ними усугубился еще больше после начала выборов консулов. Лидерами гонки стали три человека. Популярный оратор Марк Антоний, недавно вернувшийся с триумфом после победы над киликийскими пиратами, пользовался всесторонней поддержкой оптиматов, что практически гарантировало ему избрание. В роли его главного конкурента, отстаивавшего интересы противоположного лагеря, выступал Гай Меммий. Построив всю свою карьеру на ругани в адрес продажной знати во время Югуртинской войны, Меммий был могущественным кандидатом от популяров, грозившим полностью вытеснить из борьбы третьего члена тройки: Гая Сервилия Главцию.

Угрозу, которую таила в себе победа Главция на выборах консула, осознавали все. Ни одна живая душа не бралась оценить ущерб,

который он мог принести, если бы объединил данную консулу власть с контролем Сатурнина над Народным собранием. К счастью, у этой проблемы имелось решение. Как действующий претор, по закону Главции не мог выдвигать свою кандидатуру на этих выборах, поэтому Марий, как консул, имел полное право его от них отстранить. Все больше отдаляясь от бывших союзников, Марий лишил Главцию права участвовать в выборах. Этот его ход против претора был преисполнен иронии, ведь чередой собственных переизбраний на эту должность он собственноручно нарушил все существующие запреты. Но Главция, в полном соответствии с духом той эпохи, проигнорировал дисквалификацию и продолжил агитировать за голоса в свою пользу, форсировав кризис, которого Рим не видывал со времен Гракхов.

В день выборов все, кто имел право голосовать, пришли опустить в урны свои бюллетени. Как и ожидалось, вскоре глашатай возвестил, что одним из консулов избран Марк Антоний. Тогда стали голосовать за второго. В тот момент, когда Меммий, казалось, был готов вот-вот победить, Сатурнин и Главция бросили в бой свою банду, которая разломала столы для голосования и разбила урны, после чего волеизъявление пришлось прекратить. В наступившей суматохе несчастного Меммия зажали на помосте в угол и забили до смерти «дубинкой неопределенной формы»^[197]. Всю свою жизнь преследуя оптиматов, Меммий пал от руки популяров, расположение которых всегда старался снискать. Революция пожирала своих собственных детей.

Когда выборы превратились в кровавый хаос, Марий созвал экстренную сессию сената, который после непродолжительных дебатов постановил воспользоваться прецедентом, созданным при жизни предыдущего поколения. Он приказал Марию предпринять любые меры, необходимые для сохранения государства. Это было то самое специальное постановление, которым он во время противостояния с Гаем Гракхом наделил особыми полномочиями Описия. Однако на этот раз в решение закрался весьма тревожный штришок. Когда Описий в 121 г. до н. э. двинулся на Авентинский холм, ни Гай Гракх, ни Фульвий Флакк не служили в должности магистратов, а были рядовыми гражданами, которых решил наказать обладавший верховной властью консул. Но теперь, в 100 г. до н. э., Сатурнин выступал в ипостаси

неприкосновенного трибуна, а Главция претора. Позволительно ли было обойтись с ними с той же жестокостью, которую когда-то проявили к Гракху и его приверженцам?

Поскольку Рим погрузился в хаос, а верховенство закона дало течь, Марий не стал чрезмерно волноваться по поводу легитимности своих приказов. Собрав под своим началом добровольцев из числа городских плебеев и ветеранов его легионов, он приготовился навести порядок, задействовав для этого все необходимые средства. Осознав, что им грозит серьезное нападение, Сатурнин, Главция, Сауфей и мнимый сын Тиберия Гракха во главе шайки их вооруженных последователей поднялись на Капитолийский холм и заняли главную римскую крепость. Но Марий не последовал опрометчивому примеру Опимия и вместо этого продемонстрировал ту самую профессиональную компетентность, которая всегда так замечательно ему служила. Он методично перекрыл все водопроводы, снабжавшие Капитолий, после чего сообщил ренегатам, что они окружены, что надежды бежать у них нет, что их ждет медленная, мучительная смерть от жажды. Затем подождал, пока свое дело не сделала дневная жара, и пообещал взять мятежников под свою защиту, если они сдадутся.

Сауфей, видимо, предложил отвергнуть это предложение и сжечь столицу вместе с ее священными храмами. Но Сатурнин с Главцией отказались совершать этот отчаянный акт саморазрушения и сложили оружие. Претора Главцию Марий удостоил особой чести, посадив под домашний арест, но вот Сатурнина и всю его шайку отвел в здание сената и запер там, чтобы подумать, как с ними лучше всего поступить. Но вместо него на этот вопрос ответил городской плебс. То ли с молчаливого согласия Мария, то ли без него (первое гораздо вероятнее), толпа ворвалась в сенат и совершила точно то же правосудие, на котором Сатурнин построил всю свою карьеру. Вооружившись кровельной черепицей, она забросала ею безоружных узников, забив до смерти.

Вскоре на полу сената уже лежал труп Сатурнина. Не больше повезло и Главции. Его выволокли из дома и убили на улице. В точности как их более благородные предшественники Гракхи, последняя когорта подстрекателей-популярлов тоже закончила жизнь грудой окровавленных тел, которую потом спихнули в Тибр.

Когда трупы радикалов благополучно вышвырнули в реку, сенат стал возвращать жизнь в нормальное русло. Его члены понимали, что отменять все законы, проголосованные в период разгула популяров в 104–100 гг. до н. э., нельзя. Колонии и земли для ветеранов Мария никто трогать не стал. Также оставили в силе закон об избрании жрецов и сохранили практику набирать в жюри присяжных только эквитов. Но вот другие законодательные инициативы, в т. ч., вероятно, и об увеличении доли субсидируемого зерна, реализованы так и не были.

Помимо прочего, падение популяров означало, что все опальные политики, отправленные их стараниями в ссылку, теперь могут вернуться. Главным изгнанником был Метелл Нумидийский. Сразу после смерти Сатурнина сын Метелла начал неугомонную кампанию с целью вернуть отца в Рим. Он прилагал столь неустанные усилия, что за свою сыновнюю преданность вскоре заслужил прозвище Пий, что в переводе с латыни означает «добродетельный». Но хотя Сатурнин с Главцией и были мертвы, у Метелла еще оставались враги. Когда-то он изгнал из сената человека, который в 99 г. до н. э. стал трибуном. Затаив на него злобу, тот весь год своего пребывания в должности ветировал любые попытки вернуть Метелла из изгнания в Рим. Этому трибуну, выступившему против Метеллов, за оказанное сопротивление пришлось заплатить страшную цену. Когда он уже оставил пост, на него однажды напала вооруженная банда и убила. Да, буря миновала, но о полноценном возвращении к нормальной жизни пока не могло быть и речи.

По возвращении Метелла Нумидийского из ссылки, Марий решил, что ему самому лучше на какое-то время уехать из Рима. Когда ореол его побед на полях брани померк, соотечественники стали проявлять озабоченность и тревогу по поводу тех приемов и методов, которыми он пользоваться для контроля событий внутри страны. Поэтому летом 98 г. до н. э. Марий нашел какой-то предлог и отправился на восток, совершив путешествие по всему бассейну Эгейского моря. Через год вернулся в Рим, купил дом недалеко от форума и виллу за городом. Живя на два дома, Марий наслаждался заслуженным отдыхом. Но, подобно многим другим боевым лошадам, почувствовал себя не в своей тарелке на этом вольном выпасе, и совсем скоро испытал жгучее желание вновь вернуться в строй: «Каким бы замечательным полководцем он ни был, в мирное время этот человек – ненасытный, не

реализовавший свои амбиции, не умевший держать себя в узде и и вечно беспокойный – оказывал поистине дьявольское влияние»^[198]. Это неукротимое стремление к славе, которой ему всегда было мало, привело Мария к гибели и в последующие годы он «самой безобразной короной увенчал самую блестящую карьеру на форуме и на поле брани... выброшенный на берег самой жестокой и свирепой старости порывами своей страсти, неуместными амбициями и неутолимой жадностью»^[199].

Глава 9. Италия

Хотя мы и называем ее войной против союзников, чтобы она выглядела не столь отвратительной, но если по правде, то это была война против собственных граждан^[200].

Флор

Винт Попедий Силон принадлежал к племени марсов, обосновавшемуся в центре Италии. За доблесть в бою оно издавна пользовалось уважением, и в народе даже ходила поговорка о том, что ни один римский консул ни разу не одержал победу над марсами и ни разу не удостоился бы триумфа, если бы не марсы. Сам Силон был легионером-ветераном и почти наверняка сражался в армии Гая Мария против кимбров. Богатый и авторитетный вождь на родине, он имел в Риме много друзей и проводил в городе значительную часть своего времени. Но хотя Силон не только всецело интегрировался в римскую систему, но и проливал за республику кровь, с формальной точки зрения он так и не стал равным гражданином – и этот факт ему все больше становился невыносим.

Летом 91 г. до н. э. Силон как-то приехал к своему старому другу Марку Ливию Друзу, сыну того самого человека, который в 122 г. до н. э. загнал Гая Гракха в такой глухой тупик. Теперь Друз-младший был трибуном и яростно раздувал свою собственную политическую бурю. В Рим Силон приехал попросить Друза еще раз подумать над некоторыми его предложениями. Трибун вынашивал планы воссоздать бывшую земельную комиссию, в духе того же Гракха, что грозило итальяским общинам деспотичной конфискацией принадлежавшей им собственности. Силон ответил, что итальянцы с радостью согласятся с перераспределением земли, если эту меру наконец сопроводить законопроектом о предоставлении им всех прав гражданства^[201]. Друз согласился, что пришло время раз и навсегда решить этот вопрос, и пообещал представить Народному собранию соответствующий законопроект.

За это обещание Силон заверил друга в своей безграничной поддержке. Он сказал: «Клянусь Юпитером Капитолийским, Вестой Римской, Марсом, покровителем нашего города, Солнцем, первоосновой всех народов, Землей, благодетельницей животных и растений, равно как и полубогами, основавшими Рим, и героями, поспособствовавшими росту его могущества, что буду считать своими друзьями друзей Друза и своими врагами его врагов, и что не пожалею ни собственной жизни, ни жизни моих детей и родителей, если это потребуется в интересах Друза или других, связанных той же клятвой. Если благодаря закону Друза, я стану гражданином, то буду почитать Рим как свою родину, а Друза как моего величайшего благодетеля. Эту клятву я передам максимальному числу моих соплеменников. Если я ее сдержу, то да снизойдут на меня все блага, если же нет, пусть все будет наоборот»^[202]. Это было не пустое обещание. Не пройдет и года, как Квинт Попедий Силон встанет во главе вооруженного восстания италийцев.

Пока не наступила эпоха Гракхов, италийские союзники высоко ценили свою независимость в рамках римской итальянской конфедерации. Жалобы, с которыми они обращались в сенат, обычно были вызваны тем обстоятельством, что слишком много их граждан уезжали жить в Рим – зачастую чтобы избежать мобилизации в легионы. В то же время, сам Сенат и народ Рима уже давно опасались, что подобные волны мигрантов подорвут их коллективную монополию на власть. Политические элиты Рима и региональных италийских городов зачастую сотрудничали бок о бок, чтобы вынудить мигрантов возвратиться домой.

В то же время, с одной жалобой что богатые, что бедные италийцы обращались с завидным постоянством – на произвол и скверное обращение со стороны римских магистратов. Гай Гракх приводил один случай, имевший место, когда рабы несли на носилках магистрата. Италийский крестьянин в шутку спросил, уж не покойника ли они тащат. Оскорбленный магистрат приказал забить бедолагу до смерти. В другой ситуации уже жена магистрата разгневалась на то, что общественные термы не вычистили для ее личного использования. В качестве наказания на тамошнем «форуме вкопали столб, подвели к нему... самого прославленного гражданина города, сорвали с него

одежду и высекли розгами»^[203]». Существовавшая издавна защита от произвольного ареста, порки и казни, которой мог воспользоваться даже самый нищий римский гражданин, на италийцев не распространялась. И это унижение воспринималось остро всеми без исключения сословиями.

После 146 г. до н. э. выгоды от статуса независимого союзника стали блекнуть на фоне выгод от ранга полноправного римского гражданина. В конце 130-х гг. до н. э., когда земельная комиссия Гракха занялась перераспределением общественных земель, италийцы озвучили ряд новых жалоб на неравенство. Многим италийским городам, чтобы защититься от членов этой комиссии, пришлось полагаться на великодушное заступничество Сципиона Эмилиана. В 125 г. до н. э. Фульвий Флакк предложил радикальное решение этой проблемы: гражданство в обмен на землю. На такую сделку были готовы пойти многие италийцы – особенно богатые землевладельцы, способные извлечь для себя выгоды из гражданства. Эти представители состоятельных слоев общества с радостью пожертвовали бы несколькими югерами принадлежавшей им земли за полноценный доступ к правовой и политической системам Рима.

Когда противоречивый законопроект Флакка провалился, во Фрегеллах вспыхнуло восстание и сенат, воспользовавшись возможностью, пошел на практичный компромисс. Поднаторев в искусстве игры под названием «завоевывай и дели», римляне объявили новую политику *civitas per magistratum*. В соответствии с их новой доктриной, италийцам, обладавших Латинским правом и избранным на должности местных магистратов, в индивидуальном порядке предоставлялось римское гражданство. Элиты от этого новшества пришли в восторг и после последней попытки Гая Гракха предоставить полные права всем италийцам, предпринятой в 122 г. до н. э., вопрос предали забвению, вернувшись к нему лишь после смены поколений.

Вновь эту проблему во время Кимврских войн поднял Гай Марий, давний поборник дела италийцев. Он не только всю свою жизнь сражался бок о бок с ними, но и сам происходил из провинциального итальянского города. Когда италийцы пожаловались на преследования со стороны сборщиков податей, Марий побудил сенат положить конец практике их обращения в рабство. А во время военных походов данной ему консульской властью то и дело даровал гражданство италийским

солдатам, чей пример был достоин подражания. По возвращении домой эти воины, выходцы из самых разных сословий, обладали дополнительными правами и привилегиями. А потом общались с друзьями и близкими, у которых их не было, и посеянные семена раздора давали свои всходы.

Остальным италийцам намекнули, что более широкие права они могут получить, когда придет время ценза 97 г. до н. э. После того, как пошли разговоры о *civitas per magistratum*, многие состоятельные италийцы выдали себя за бывших магистратов и записались римскими гражданами. Мариевы цензоры преднамеренно спустили проверку необходимых документов на тормозах, поэтому по завершении ценза многие сенаторы, заподозрив неладное, решили еще раз все перепроверить. В соответствии с моделью, которая уже стала традицией, римляне всегда манили возможностью гражданства, только для того, чтобы потом в нем отказать.

В 95 г. до н. э. выборы консула выиграл великий оратор Луций Лициний Красс. Вступив в должность, он предложил сформировать комиссию и подчистить списки граждан. Чисто в духе оптиматов, эта инициатива базировалась на бесспорном аргументе: граждане во время ценза должны учитываться, а все остальные, без гражданства, нет. В глазах граждан Рима, голосовавших за его предложение, это самым идеальным образом придавало данной инициативе смысл. Но в качестве прелюдии, перед тем, как приступить к работе, Красс, на пару с коллегой, другим консулом Муцием Сцеволой, выдвинул еще один законопроект, предусматривавший выдворение из города всех италийцев. К этой мере, вошедшей чуть ли не в привычку, обычно прибегали накануне выборов, однако на этот раз она преследовала иную цель – убедиться, что во время ценза будут учтены только римские граждане.

Хотя в глазах римлян все эти шаги выглядели совершенно здравыми и разумными, в действительности они привели в движение механизм гражданской войны. Больше всех от чистки и выдворения пострадали эквиты, обладавшие финансовым ресурсом и связями в деловых кругах Рима, но, несмотря на это, так и не сумевшие проторить собственную дорожку к гражданству. Именно этому недовольному сословию суждено было стать железным костяком

восстания италийцев. Вернувшись в родные края, они вошли в контакт с ветеранами северных войн и задумали совершить революцию.

Впрочем, для сената вопрос состоял не только в том, чтобы подчистить книги записей гражданского состояния. Жесткий контроль вопроса гражданства означал жесткий контроль над Народным собранием. Больше всего сенаторы боялись, что римский лидер, который, наконец, предоставит италийцам гражданство, небывало увеличит количество своих клиентов, задавит конкурентов и нарушит баланс политических сил. Точно такую же угрозу когда-то создала и аграрная комиссия Гракхов. В итоге эта недальновидная одержимость ерундовой динамикой избирательной политики привела к самой нецелесообразной войне во всей римской истории.

Поскольку история обладает собственным чувством юмора, решающий поединок за предоставление италийцам гражданства спровоцировал конфликт в Азии, не имевший к этому вопросу никакого отношения. В 130–120-х гг. до н. э. провинция Азия неизменно пребывала на переднем крае римской политики, но потом ее, как и италийский вопрос, предали забвению. После ее интеграции в империю, в последующие двадцать лет Рим переключил свое внимание на Африку и Галлию. Азию же предоставили самой себе. А зря, ведь она производила богатства, позволявшие финансировать все войны в Африке и Галлии. Цицерон позже сказал: «Азия столь богата и плодородна... что значительно превосходит все другие края»^[204]. Подати, когда-то получаемые царем Атталом, теперь превратились в устойчивый поток богатств, устремлявшихся прямо в храм Сатурна.

Но поскольку управление провинцией осуществляла лишь горстка людей, дело сбора в Азии податей оказалось в руках не подчинявшихся никому публиканов, которые по своей привычке требовали от жителей платить больше положенного. Поскольку за этими публиканами стояли те, кто заседал в жюри особого суда по вымогательству и коррупции, жаловаться на них никому и в голову не приходило. Контролируя самих себя, публиканы действовали совершенно безнаказанно.

Но теперь, когда в республику вернулся мир, сенату опять захотелось взять в руки бразды правления империей, а не просто спасти ее от гибели. Поспосодействовав в 95 г. до н. э. чистке списков граждан, Муций Сцевола во главе посольства, сформированного в

традиционном сенатском стиле, отправился в Азию, чтобы посмотреть, как магистраты управляют провинцией, и провести надлежащие реформы. В последний раз с подлинной проверкой состояния дел туда приезжали двадцать пять лет назад. Сцеволу сопровождал Публий Рутилий Руф, служивший консулом в 105 г. до н. э., – тот самый, что учредил новые методы подготовки солдат. Выдающийся стойкий и интеллигент своего поколения, Рутилий слыл оптиматом с безупречной репутацией.

Когда делегация прибыла на место, выяснилось, что дела идут весьма и весьма скверно. В Азии буквально все жаловались на политические злоупотребления, и великодушный Сцевола направо и налево расточал свое милосердие: «Каждому, кого притесняли эти сборщики, он назначил справедливых судей, которые в каждом случае выносили против угнетателей обвинительные приговоры, заставляя возмещать жертвам ущерб»^[205]. Реформируя податную систему, Сцевола провел в провинции около девяти месяцев, после чего возвратился в Рим, оставив вместо себя Рутилия улаживать детали. Поскольку эти азиатские реформы пользовались широкой популярностью, всем казалось, что Сцевола с Рутилием наладили в провинции римское управление по меньшей мере на поколение вперед.

Но публиканам в Риме это отнюдь не понравилось. По возвращении домой Рутилий предстал перед судом по обвинению в вымогательстве и коррупции. Обвинения против него выдвинули смехотворные, а сам он был образцом стоической неподкупности, которого Цицерон впоследствии приводил в качестве примера римского управленца. Перед лицом этого фарса он даже отказался от защиты, чтобы не признавать его легитимность. С просьбами выступить в качестве его защитников к нему обращались и Антоний, и Красс, но он им отказал. Поскольку жюри контролировали разъяренные на него публиканы, в исходе суда можно было не сомневаться. По дороге к двери он показал им нос. А потом поселился в азиатском городе Смирна – среди тех, кто якобы ненавидел его, а на самом деле любил.

Сенатских оптиматов, таких как Скавр, Красс и Сцевола, все эти события крайне возмутили. Их попытка обуздать публиканов неожиданно дала обратный результат, и теперь из Рима был изгнан один из его лучших граждан. Оптиматы пришли к выводу, что гарантировать от преследований в будущем их может только одно –

возврат контроля над судом по вымогательству и коррупции. Но случилось так, что грядущая решающая схватка за этот суд вышла из-под контроля и ознаменовала 91 г. до н. э. еще одной вспышкой политического насилия – теперь они происходили с предсказуемой регулярностью. Сначала 133 г. до н. э., затем 121-й, потом 100-й, и вот теперь 91-й. Циклы насилия стали привычной составляющей республиканской политики.

Средоточием последнего кризиса стал Марк Ливий Друз. Так же, как Гракхи, молодой человек происходил из аристократов и, движимый амбициями, безудержно рвался к деньгам и власти. Он был одним из талантливейших ораторов поколения, выросшего на речах Красса и Антония. И вел себя с заносчивой самонадеянностью юноши, ожидавшего, что мир сам падет к его ногам. Любил быть в центре внимания и когда кто-то из архитекторов хвастливо заявил, что может построить великолепный уединенный дом, гарантирующий конфиденциальность и безопасность, Друз сказал ему: «Если ты так талантлив, то построй мой дом так, чтобы все, что бы я ни делал, было на виду»^[206].

Тайные дела с популярами этот человек не вел – он был потомком оптиматов, своим воспитанием нацеленным на роль талантливого, хоть и надменного, предводителя знати. За нападки на Гая Гракха его отец, Друз-старший, всецело снискал расположение оптиматов, и в 109 г. до н. э. разделил со Скавром должность цензора. Поэтому не удивительно, что Скавр выбрал сына своего старого коллеги, чтобы тот представил в Народное собрание пакет законопроектов, преследовавших цель восстановить судебную власть сената.

Понимая, что попытка вернуть сенаторам право входить в жюри присяжных натолкнется на противодействие эквитов, Друз и оптиматы порешили сформировать ту самую коалицию, родоначальником которой когда-то стал Гай Гракх, но использовать ее для того, чтобы укрепить сенат, но никак его не свергнуть. Первым делом Друз предложил увеличить число сенаторов с трехсот до шестисот человек. Таким образом, даже если новому сенату удастся вернуть себе контроль над судами, сделать это он сможет только после того, как в него войдут три сотни самых видных эквитов. Предложение пахло провокацией, ведь действующим сенаторам не понравилось бы, как размышляют их

престиж, да и появлению неотесанных мужланов они бы тоже не обрадовались. Но с учетом того, что членам сената запрещалось заниматься коммерцией, то потенциальному кандидату, имевшему к ней отношение, следовало отказаться либо от торговой деятельности, либо от места в палате. Так или иначе, но новые сенаторы, в точности как и уже действующие, будут представлены исключительно мелкопоместной знатью, в то время как коммерсанты останутся за бортом.

Поскольку эквиты вполне могли мобилизовать в защиту своих интересов общественную поддержку, Друз подготовил пакет программ, чтобы задобрить старую Гракхову коалицию. Городскому плебсу он пообещал увеличить долю субсидируемого хлеба, а сельской бедноте аграрный закон по образу и подобию *Lex Agraria* Тиберия Гракха. У римских выборщиков все эти шаги пользовались огромной популярностью, но италийцы, узнав о них, насторожились. До этого они успешно застопорили работу комиссии Гракха, и вот теперь, похоже, с тем же явился и Друз, дабы сделать второй заход. Именно этот вопрос побудил Силона нанести визит старому другу – вопрос наделения италийцев полноправным гражданством, залогом решения которого, в конечном итоге, для многих стало состояние, священная честь и сама жизнь.

Хотя Друз и намеревался осчастливить всех обещаниями всего и вся – хвастался, что «я все раздам сам, не ожидая щедрот от других»^[207] – но народ на этот раз обошел. Ни крестьянам, ни сенатской элите идея дальнейшего субсидирования хлеба не понравилась. Старые сенаторы побаивались увеличивать палату еще на триста человек и тем самым распылять собственную власть. Эквиты боялись, что у них и вовсе ее отнимут. Ну и, разумеется, все римляне, к какому бы сословию они ни принадлежали, категорически противились намерению предоставить италийцам гражданство.

Друз и поддерживавшие его оптиматы тоже наткнулись на яростное сопротивление со стороны Луция Мария Филиппа, избранного в тот год консулом. Он был старым противником Скавра и Красса; своими корнями вражда между ними уходила в кризис 104–100 гг. до н. э. Именно Филипп когда-то сказал, что в Риме не наберется и двух тысяч человек, владеющих всей собственностью, а затем предложил собственный законопроект о перераспределении земли. И теперь, когда с аналогичной законодательной инициативой выступили

его враги, Филипп встретил ее в штыки. Его поддержали публиканы, совершенно справедливо полагая, что пакет законопроектов Друза таит для них угрозу. В день голосования Друз великолепно проделал свою работу, и все, казалось, пройдет как по маслу. Но вдруг на форум пришел Филипп и попытался свернуть Народное собрание. Кто-то из приспешников Друза «схватил его за горло и не отпускал до тех пор, пока у него изо рта и из глаз не пошла кровь»^[208]. Филипп сумел вырваться, но столь неподобающее обращение с консулом привело его в бешенство.

Учитывая особенности исторических свидетельств, очень трудно сказать, какие именно предложения удалось провести Друзу. Нам известно, что законопроекты о земле, субсидировании зерна и судебной реформе он отстоял, но вот что касается предоставления италийцам гражданства, то эта инициатива либо не обсуждалась собранием, либо оно ее отклонило, потому как в жизнь ее так и не претворили. Их опять лишили трофея. В который раз италийские ветераны, служившие под началом Мария, объединились с озлобленными эквитами, которых вытолкали из Рима взащей в 95 г. до н. э. И их недовольство вылилось в жуткий бунт.

Еще до провала законопроекта одна из италийских группировок, проповедовавшая насилие и отколовшаяся от других, решила устроить заговор с целью убийства консула Филиппа и его коллеги Секста Юлия Цезаря^[209] во время Латинского Фестиваля. Друз успешно их предупредил, и после празднества они остались живы, но при этом возник весьма неудобный вопрос о том, как Друз мог первым прознать о столь опасных планах – с кем он состоял в сговоре? Однако в конце сентября 91 г. до н. э. создавалось впечатление, что он, как и раньше, пользовался поддержкой сената; благодаря цепкой хватке Скавра и Красса, большинство сенаторов были на его стороне.

Пока он твердой рукой контролировал ход событий, в сентябре 91 г. до н. э. на вилле Красса собралось несколько оптиматов, чтобы обсудить вопросы более возвышенного порядка. Эта небольшая компания включала старых друзей Красса Антония и Сцеволу, а также двух многообещающих молодых школяров: Публия Сульпиция Руфа и Гая Аврелия Котту. Старого Скавра на этот раз не было, но он, в присущей ему манере, сообщил, что будет «поблизости в своей усадьбе»^[210].

Об этом званом ужине мы знаем благодаря тому, что он стал местом действия одного из самых важных диалогов Цицерона – «Об ораторе». О том собрании он узнал несколько лет спустя от одного из его участников и впоследствии превратил в декорацию для своих разносторонних размышлений об истории, теории и практике ораторского искусства. Какими бы удивительными ни были детали данной дискуссии, важнее всего представляется то, почему он выбрал для него именно это время и место. Цицерон любил говорить о персонажах в кульминационный момент, когда они пребывали на вершине жизненного опыта и мудрости – перед самой их кончиной. А над теми, кто собрался на вилле Красса, действительно реяла смерть. Пройдет всего несколько лет, и они все до единого умрут. Антуражем для дискуссии «Об ораторе» Цицерон выбрал не только конец жизненного пути своих героев, но и канун гражданской войны, до которой оставалось всего несколько недель, хотя никому из них это было еще неизвестно.

Избежать насильственной смерти было суждено одному лишь хозяину вечера, Луцию Крассу, хотя у него наличествовали все основания умереть сразу после начала противостояния. Когда Филипп опять устроил в сенате бучу по поводу отмены законов Друза, Красс выступил в их защиту и произнес еще одну долгую, убедительную речь, которая тут же привела сенаторов в чувство. Но поскольку на тот момент он уже болел какой-то непонятной болезнью, эта речь уложила его в постель и неделю спустя его не стало. Ему еще не исполнилось и пятидесяти. Вот что сказал по поводу смерти Красса Цицерон:

«Горько это было для его друзей, бедственно для отчизны, тяжело для всех благонамеренных людей; но затем, однако, последовали такие общественные бедствия, что, думается мне, не жизнь отняли у Луция Красса бессмертные боги, а даровали ему смерть. Не увидел он ни Италии в пламени войны, ни сената, окруженного общей ненавистью, ни лучших граждан жертвами нечестивого обвинения... ни, наконец, этого общества, где все извращено, в котором он был столь видным человеком, когда оно еще было в расцвете»^[211].

Пока соперники озаботились смертью друга, Филипп бросился в атаку. Он побудил сенат отменить законы Друза, либо по религиозным

мотивам, либо из-за насилия в Народном собрании, жертвой которого он сам стал. И хотя Друза нередко ставят в один ряд с другими радикальными трибунами, он оказался не готов к решительному шагу из числа тех, на которые пошли его предшественники Сатурнин и братья Гракхи. Он попросту смирился с судьбой и не стал ветировать отмену его законов. Но при этом сказал: «Хотя в моей власти и оспорить постановления сената, я этого делать не стану, потому как знаю, что виновные вскоре и так понесут наказание»^[212].

Сказать, когда на сцену вновь вышли италийцы, очень трудно, но после отмены законов Друза наверняка пошли разговоры о том, что пора переходить к действию. Квинту Попедию Силону понадобилось совсем немного времени, чтобы собрать под своим началом десять тысяч человек и демонстративным маршем двинуться на Рим. Когда они подошли к городу, навстречу им вышел один из преторов и спросил: «Попедий, куда это ты направляешься в такой многочисленной компании?» На что Силон ответил: «В Рим, ведь народные трибуны призвали меня получить гражданство». Претор на его слова отреагировал так: «То, к чему ты так стремишься, можно получить намного легче, да еще и с большим почетом, если не проявить к сенату враждебности; сенат не надо принуждать даровать такую милость латинянам, его конфедератам и союзникам, лучше попросить его и подать петицию»^[213]. Силон повернул обратно и вернулся домой. Однако это было только начало, но никак не конец.

Когда италийцы возвратились к себе, в чьей-то голове созрело решение, что Марк Ливий Друз должен заплатить за созданные им проблемы. Мы не знаем, кто именно устроил заговор с целью его убить – может италийцы, посчитавшие, что он их предал, а может кто другой, затаивший на него личную злобу. Но кто-то точно желал ему смерти. Трибун что-то заподозрил и стал вести все свои дела из дома, полагая, что это его спасет. Но провожая как-то вечером гостей, Друз внезапно вскрикнул от боли – ему то ли в бедро, то ли в пах (зависит от точки зрения) вонзился нож. По-прежнему переполняемый гордыней, несмотря на все его неудачи, перед смертью Друз сказал: «О мои родственники и друзья, будет ли когда-либо у этой страны еще один такой гражданин, как я?»^[214] Убийц так и не нашли, да и дознания по этому делу проводить не стали. Всем не терпелось поскорее забыть об

этой гнусной истории и вернуть ситуацию в нормальное русло. Только вот ситуация эта была ой как далека от нормальной.

Граждане Рима еще не знали, во что ввязываются, отвергая законопроект о предоставлении италийцам гражданства. Если учесть изумление, охватившее их, когда прямо у них на глазах разразилась Союзническая война, они даже не предполагали, к каким последствиям это может привести. Для римлян это был всего лишь очередной отказ предоставить италийцам гражданство, не первый и не последний. Ерунда, пустяк. Но для италийцев это стало последней каплей, переполнившей чашу терпения.

Римляне хоть и не понимали, какое разворошили осиное гнездо, ковыряясь в нем палкой, но постепенно все же стали осознавать, что с этой проблемой явно что-то не так. По меньшей мере, марша Силона во главе десяти тысяч человек оказалось вполне достаточно, чтобы сенат уяснил: в стане союзников *что-то* зреет. Поэтому после убийства Друза он разослал по различным городам Италии шпионов, наказав им оценить накал страстей. Большинство из этих агентов сообщили, что вообще не обнаружили никаких проблем – по крайней мере внешне. Но в городе Аскуле, расположенном на дальнем отроге Апеннин к северо-востоку от Рима, поступил рапорт о взятии в заложники римских граждан. Туда спешно отправили претора – прояснить ситуацию. Жители Аскула, которые и без того уже были на грани восстания, набросились на него и убили. Затем мятежники яростно пронеслись по всему городу, круша всех без исключения римских граждан, каких только могли отыскать. Эти злодеяния ознаменовали собой начало не только восстания в Аскуле, но и Союзнической войны.

Быстрота, с которой распространилось восстание, свидетельствует о том, как долго италийцы его планировали. Скоординированный мятеж с участием не менее дюжины племен вспыхнул широким полумесяцем, охватившим большую часть центра и востока Италии. Латиняне сохранили Риму преданность, умбрийцы и этруски предпочли остаться в стороне, но центр и восток полуострова стали в массовом порядке выходить из римской конфедерации. Возглавили восстание два племени: на юге самниты, уже не первое столетие роптавшие под римским гнетом и теперь воспользовавшиеся возможностью разбить в кровь пару носов, а на севере марсы, главным предводителем которых выступил Силон. Последних римляне той эпохи считали главными

зачинщиками бунта и даже называли вспыхнувшую войну Марсийской. Только много позже она получила известность как Союзническая.

Предводители повстанцев из мятежного полумесяца в центре полуострова встретились в городе Корфинии. Дав ему новое название Италия, они учредили в нем свою столицу. Римские историки писали, что при формировании правительства италийцы взяли за основу модель Рима с ее консулами, преторами и сенатом. Однако в действительности структура их власти отличалась гораздо большей децентрализацией. Племенами управляли их собственные лидеры, сообщавшиеся друг с другом через коллективный военный совет в городе Италия. Этот совет передал в Рим свое главное требование: либо мы становимся равными гражданами республики, либо объявляем о своей независимости. Выбор стоял так: *civitas* или *libertas*, т. е. гражданство или свобода.

Еще не осознавая масштаб поглотившего их кризиса, сенаторы наотрез отказались выполнять выдвинутый им ультиматум. Поэтому в конце 91 г. до н. э. италийские армии, собравшиеся под стягами местных полководцев, одновременно подняли восстание. Все их предводители прекрасно разбирались как в римской политике, так и в военных делах, и поэтому точно знали, где и как нанести первый удар. Еще во время войн с племенами на первом этапе существования республики свои латинские колонии римляне расположили на задворках у поверженных врагов. Впоследствии они стали форпостами римского военного могущества. Первым делом италийцы напали на эти колонии, затем взяли под свой контроль дороги, чтобы лишить Рим возможности сообщаться с кем бы то ни было за пределами его собственной сферы деятельности в Лацио. Эта простая, но эффективная стратегия застала римлян врасплох и во многом сделала беззащитными.

Каждое известие о том, что еще одно племя или город за пределами Рима примкнули к восстанию, повергало жителей города в шок. Сенат наспех стал вырабатывать ответные меры на кризис. Он приказал временным правителям оставаться на посту до дальнейшего уведомления, а всем консулам и преторам, избранным на должности в 90 г. до н. э., предписал отправиться в провинцию Италия. Такой концентрации высших должностных лиц полуостров не видел со времен Второй Пунической войны.

Но перед тем, как начать боевые действия, римской верхушке пришлось потратить бесценное время на определение тех из них, кто был повинен в мятеже. Некий трибун по имени Квинт Варий Гибрида предложить создать комиссию, дабы изгнать из их рядов тех, кто поддерживал идею предоставления италийцам гражданства, и, таким образом, подстрекал их ложными обещаниями и эгоистичной демагогией.

Трибуны, лояльные к тем, кто мог стать жертвой работы такой комиссии, попытались наложить на законопроект вето, но в полном соответствии с отвратительной традицией последнего времени разъяренная толпа набросилась на них с угрозами, заставив бежать из Народного собрания. Инициатива получила одобрение, пришло время охоты за головами.

Комиссия Вария, во главе которой встал бывший консул Филипп, а в жюри присяжных вошли одни только эквиты, с безудержной энергией набросилась на врагов. Преследованию подверглись не менее полудюжины сенаторов, включая Антония и Скавра. Что касается старых оптиматов, то они избежали обвинительного приговора только благодаря своему статусу самых влиятельных людей Рима. Но вот их не столь августейшим друзьям повезло гораздо меньше. В числе прочих в изгнание отправился и Гай Аврелий Котта, один из молодых людей, которые тем роковым вечером в сентябре 91 г. до н. э. собрались на вилле Красса. Скорее всего, именно благодаря этой ссылке он и сумел пережить гражданскую войну.

Сенатский принцепс Скавр хоть и избежал наказания со стороны комиссии Вария, но при этом подошел к финишной черте. Перешагнув недавно семидесятилетний рубеж, этот старый сенатский лис пожил достаточно для того, чтобы увидеть, как вокруг него разваливается созданная Метеллами фракция, которую он вел за собой без малого тридцать лет. Метелла Нумидийского больше не было в живых, как и большинства его братьев и кузенов. Из нового поколения надежды подавал лишь его сын Метелл Пий. После внезапной кончины Красса и ссылки их общих протеже, фракция разбилась на части. Увидев ее слабость, другие семейства обложили ее со всех сторон, дабы уничтожить. Как отмечал историк Веллей, «таким образом, становится очевидно, что слава семейств, подобно славе империй городов, достигает вершины, затем меркнет и умирает»^[215]. Пока Скавр был

жив, Метеллы в Риме оставались господствующей силой, но старик последовал за своим другом Крассом и в начале 89 г. до н. э. умер.

Пока одни политические преследования сменялись другими, наступила весна 90 г. до н. э. – пришло время военной кампании – и римляне приготовились начать контрнаступление сразу на нескольких театрах военных действий. Консула Луция Юлия Цезаря^[216] отправили на юг воевать с самнитами, а Публия Рутилия Лупа – на север с марсами. Проконсулу Сексту Цезарю поручили перейти через Апеннины и добраться до Аскула. Под начало этих высших магистратов отдали целый штат легатов и преторов, вопреки традиции предоставив им небывалую свободу действий. В их число входили и те, кому предстояло определить следующую жесткую фазу римской политики: Метелл Пий, Помпей Страбон, Цинна, Квинт Серторий и даже старый Марий, которому надоело жить пенсионером. Но ни один из них не извлек из своей службы во время Союзнической войны таких преимуществ, как Луций Корнелий Сулла.

В период ожесточенных политических битв 104–100 гг. до н. э., кульминацией которых стал бунт Сатурнина, Сулла держался в тени. Но когда в 99 г. до н. э. жизнь стала возвращаться в нормальное русло, выдвинул свою кандидатуру на должность претора, хотя избиратели его не поддержали – поговаривали, что им не понравилось его стремление заполучить эту должность, перепрыгнув через ступеньку и не побывав предварительно эдилом. Мавританский царь Бокх по-прежнему слыл его старым другом, и народу хотелось, чтобы Сулла устроил изобретательные игры на африканские мотивы. Но он, желая продолжить карьеру, пообещал сделать это, только если его выберут претором. Приняв участие в выборах следующего года, он добился этого поста. Игры выдались на славу.

Когда Сулла провел в Риме в должности положенный год, сенат приказал ему отправляться в Киликию и приглядеть за пиратами, охотившимися на грузоперевозки по Средиземному морю. Но оказавшись на востоке, он получил более деликатное задание. В последние несколько лет цари Понта и Вифиния устроили между собой драку за соседнее с ними царство Каппадокия. При виде нескончаемых распрей между понтийским царем Митридатом VI и вифинским правителем Никомедом III сенат в отчаянии воздел к небу руки, приказал им запереться в своих владениях и не высовывать из них носа.

В этом случае Каппадокии не придется платить дань никаким чужеземцам и она сможет самостоятельно разобраться в своих делах. Под словом «самостоятельно», вполне естественно, сенат подразумевал, что страной будет править ставленник Рима. На эту роль предназначили покладистого молодого аристократа по имени Ариобарзан. Сулле поручили заверить нового царя-марионетку, что он беспрепятственно взойдет на престол.

Успешно усадив Ариобарзана на трон, Сулла решил проехать дальше и уладил приграничный спор с армянами. После этой поездки он стал первым римским посланником, который официально провел переговоры с делегатами Парфянской империи – наследниками великой Персии с далеких иранских нагорий. Когда Рим приберет к рукам Средиземноморье, им с Парфией суждено будет увязнуть в череде конфликтов в Сирии и Месопотамии, но на тот момент он еще не продвинулся даже дальше Эгейского моря. В то же время, на этой первой встрече Сулла продемонстрировал парфянам толику римских манер. Поставив одно кресло для себя, второе для Ариобарзана, а третье для парфянского посланника, он сел между ними посередине, тем самым приравняв Парфу не к Риму, но к Каппадокии. Узнав, что его посол сел на место, уступавшее рангом римскому, парфянский царь приказал его казнить.

После этого успешного вояжа Сулла возвратился в Рим, и летом 91 г. до н. э. к нему явился с визитом старый друг царь Бокх, привезший с собой великолепные произведения искусства, чтобы выставить их на всеобщее обозрение на Капитолийском холме. Одно из них живописало передачу Бокхом Сулле Югурты – этот же образ был запечатлен и на его личной печати. Придя в ярости от столь оскорбительного напоминания о том, что конец Югуртинской войне в действительности положил Сулла, Марий подал жалобу, а когда получил отказ, собрал когорту друзей и отправился громить выставку. В этот момент между ним и Суллой чуть было не вспыхнул гражданский конфликт. Однако когда зимой 91–90-х гг. до н. э. разразилась Союзническая война, все свои разногласия они отложили в сторону.

Военная кампания 90 г. до н. э. продемонстрировала, насколько лучше италийцы приготовились по сравнению с римлянами. На юге консула Луция Цезаря с тридцатитысячной армией заманили в ловушку и обратили в беспорядочное бегство. Перегруппировать силы он смог

только после прибытия в том же году подкрепления из Галлии и Нумидии. Когда поход застопорился, к консулу явился некий критский наемник и предложил свои услуги. «Как ты меня наградишь, если одолеешь с моей помощью врагов?»^[217] – спросил он. «Я сделаю тебя гражданином Рима»^[218], – ответил тот. «Для критян твое гражданство вздор, – сказал на это наемник. – Мы метим в выгоду, выпуская свои стрелы... Поэтому я пришел сюда за деньгами. Что же до политических прав, то даруй их тем, кто за них сражается и покупает ценой собственной крови»^[219]. Консул засмеялся и ответил: «Ну хорошо, если у нас все получится, я дам тебе тысячу драхм»^[220]. Критянина можно было купить за тысячу драхм, но итальянцы требовали римлян платить кровью.

Луций Цезарь хоть и начал войну на юге с неудач, но хотя бы остался в живых. Его коллеге Лупу, воевавшему на севере, повезло меньше. Тот, казалось, занимал самое выгодное положение, чтобы добиться успеха. В легатах у него ходил Гай Марий, приходившийся ему дядей. И хотя рядом с ним в шатре главнокомандующего находился столь бесценный актив, Луп им так и не воспользовался. Перед тем как вступать в бой дядя посоветовал племяннику помустровать новобранцев, но тот, сгорая от нетерпения, от его рекомендаций отмахнулся. И в итоге сначала потерял целое подразделение, высланное в дозор, а потом, когда римляне вышли к реке Толен, марсы заманили в засаду уже их основные силы. Марий, двигавшийся ниже по течению, заметил плывшие в воде трупы и бросился на помощь. Затем взял ситуацию под свой контроль, перегруппировал выживших и встал укрепленным лагерем. Первый раз за более чем десять лет Гай Марий вновь возглавил армию.

Но у него в сенате было полно врагов, совершенно не желавших, чтобы он отдавал приказы войскам. Поэтому его члены, дабы Марий не мог единолично командовать на севере, послали к нему Квинта Цепиона. Цепион-младший, сын того печально известного Цепиона, из-за которого случилась катастрофа в Араузионе, обладал порывистым, несносным характером. Прибыв на север, он решил наплевать на все советы Гая Мария. Это высокомерное презрение привело его к гибели – в точности как когда-то его отца.

Когда Цепион присоединился к походу, предводитель марсов Силон бесстрашно подъехал к римскому лагерю и потребовал

аудиенции. В разговоре с Квинтом он назвал эту войну безнадежной и сообщил о своей готовности переметнуться обратно на сторону римлян. В качестве доказательства своей искренности он предложил лично отвести Цепиона и показать ему лагерь марсов. Кроме того, он доставил с собой двух детей, якобы его собственных, и оставил их на попечение римлян в качестве залога. В сопровождении небольшого отряда Цепион отправился провести разведку на местности. Но как только кавалькада отъехала на достаточное расстояние от римского лагеря, люди Силона в темноте набросились на Цепиона и убили его. О судьбе детей история умалчивает.

После убийства Цепиона Силон попытался втянуть Мария в бой, как когда-то тевтоны при Аквах Секстиевых. «Если ты, Марий, великий полководец, – сказал он, – выходи и сражайся с нам»^[221]. Но тот, как всегда, продемонстрировал себя человеком умным и наживку не заглотил. «Если ты великий полководец, заставь меня драться с тобой против моей воли»^[222], – ответил он на слова Силона. Позже Мария будут обвинять, что в преклонном возрасте он стал трусом, но, глядя на всю его карьеру, мы прекрасно понимаем, что он никогда не согласился бы умереть в битве, срежиссированной совсем не им. Гай Марий никогда не считался блистательным генералом, таким как Александр Македонский, Ганнибал или Сципион Африканский, но при этом всегда так тщательно готовился и с такой скрупулезностью реализовывал свои планы, что выигрывал войны, которые не мог выиграть никто другой. И к концу года опять повторил свой успех, обеспечив Риму первую победу над марсами.

Тем временем проконсул Секст Цезарь вел свое войско к Аскулу, где вся эта заваруха и началась. В качестве главного легата при нем выступал подающий надежды *novus homo*, которого прикомандировали к нему потому, что в тех землях располагались все владения его рода. Звали его Гней Помпей Страбон. Он был отцом и предтечей Помпея Великого, хотя на тот момент его сын еще не вышел из подросткового возраста и лишь готовился к своему первому походу. Наконец, легионы осадили Аскул, но зимой Секст Цезарь заболел в лагере какой-то болезнью и умер. Командование армией в итоге неожиданно перешло к его легату Помпею Страбону.

В Риме известия обо всех этих поражениях и кончинах вызывали тревогу. В течение 90 г. до н. э. «на долю обеих воюющих сторон

выпало множество кровавых убийств, осад и разграблений городов, победа оставалась то за одной из них, то за другой... не отдавая ни одной из них гарантированного перевеса»^[223]. На фоне роста потерь сенат принял закон, предписывавший хоронить погибших там, где они пали, а не везти в Рим – чтобы не пугать новобранцев. Не время было отбивать у кого-то охоту служить в легионах.

Когда сенаторы сами спровоцировали эту войну с италийцами, до них вдруг дошло, что Рим вот-вот потеряет контроль практически над всем полуостровом. Вопрос предоставления им гражданства витал в воздухе уже лет пятьдесят, но отвергался каждый раз, когда его поднимали. Однако теперь, когда возникла жизненно важная необходимость не допустить присоединения к восстанию других племен, римляне, наконец, уступили и разрешили союзникам получить гражданство.

Возвратившись в Рим для надзора над выборами следующего года, консул Луций Цезарь провел в Народном собрании законопроект, известный как *Lex Julia*, т. е. Закон Юлия. В соответствии с этим правовым актом каждый италиец, еще не взявший в руки оружие, мог получить полноценное римское гражданство. Хотя новичкам даровались в полном объеме права римских граждан, включая защиту от произвола и злоупотреблений, равно как и возможность голосовать в Народном собрании, сенат все же не удержался от тонкого подвоха. Все население Италии планировалось свести в десять новых триб, которые всегда будут голосовать в Народном собрании последними. Поскольку процедура волеизъявления продолжалась только до тех пор, пока основные трибы не обеспечат большинство голосов, тех, кто значился в списках последними, очень редко приглашали к урнам. Сенат лишь хотел сделать италийцев римскими гражданами, но никак не позволить им взять под свой контроль республику. Но это была тема дальнейших дебатов – пока же было важно сообщить, что римляне прогнулись и гарантировали всем гражданство.

После обнародования *Lex Julia* Луций Цезарь провел выборы консулов 89 г. до н. э., одним из которых стал Помпей Страбон. Коллеги недолюбливали этого сурового, амбициозного «нового человека», но отрицать его очевидный военный талант все равно не могли. Страбона скроили по тому же образцу, что и Мария, – провинциальным

амбициозным *novus homo*, воспитанным для войны и презиравшим изнеженных сенатских стариков. Семейные узы связывали его предков с Пиценом, что позволяло ему использовать личное влияние с тем, чтобы закончить войну. Но перед отъездом Страбон провел через Народное собрание законодательную инициативу, в одностороннем порядке предоставлявшую Латинское право всем племенам Цизальпинской Галлии к северу от реки По. После Кимврских войн туда на жительство переехало много италиЙцев, но большинство из них вообще не имели практически никаких прав. Это *Lex Pompeia* не только предотвратил распространение войны на север, но и обеспечил Страбона поддержкой широких масс, которой он мог заручиться, чтобы продолжить войну с Аскулом, а заодно подготовиться к любому дальнейшему развитию событий.

Как только Страбон вернулся в Аскул, подающий надежды трибун Гней Папирий Карбон поспособствовал принятию еще одного закона, известного как *Lex Plautia Papiria*. Этот юный Карбон был сыном того самого Карбона, которого в 111 г. до н. э. довел до самоубийства Антоний, и племянником другого Карбона, тоже доведенного до самоубийства Крассом в 119 г. до н. э. Поэтому в том, что он питал к ленивой оптиматской швали такую ненависть, нет ничего удивительного. Делая в политике свои первые шаги, Карбон провел закон, расширявший римское гражданство даже на те племена, которые взяли в руки оружие. Правовой акт даровал полноценное гражданство Римской конфедерации и на момент одобрения закона проживавшему в Италии, кто в течение шестидесяти дней вернется домой и явится к претору»^[224]. Взятые вместе, два вышеозначенных закона преследовали цель предотвратить дальнейшее разрастание восстания – но никоим образом не отменяли того факта, что вокруг по-прежнему было полно италиЙских мятежников.

89 г. до н. э. хоть и выдался для римлян лучше 90-го, начался со смерти еще одного консула. Подобно Лупу и Цепиону, Луций Порций Катон^[225], прибывший в начале 89 г. до н. э. принять командование над состоявшими под началом Мария войсками, тоже не воспринял старика всерьез. Катон вынудил Мария отказаться от должности легата, ссылаясь на слабость его здоровья, а сам повел своих людей в

злополучное наступление на лагерь марсов и тут же сложил в бою голову.

Но вот на других фронтах ситуация складывалась лучше. Ростки мятежа в Умбрии и Этрурии после обещания гражданства и энергичной военной кампании под руководством нового консула Помпея Страбона – которому помогали юный сын Помпей и молодой кадровый офицер Марк Туллий Цицерон – вскорости зачихали. После этого Страбон возвратился в Аскул и продолжил осаду. Дабы выбить Страбона с занимаемых позиций, италийцы собрали армию в десять тысяч человек, но тот никуда уходить не пожелал. После провала последней попытки обеспечить подкрепление, воцарившееся в городе отчаяние сподвигло командира гарнизона потерять в своих соотечественников веру. Он устроил себе грандиозный банкет и под конец выпил полную чашу вина с ядом.

Исчерпав все оборонительные резервы, в ноябре 89 г. до н. э. Аскул, наконец, капитулировал. Одерживая победу, Страбон прощать не мог. Когда его армия вошла в город, «он высек розгами и обезглавил всех предводителей. Затем продал на торгах рабов и трофеи, а остальным обитателям города повелел уйти – действительно свободными, но голыми, босыми и нищими»^[226]. И хотя предполагалось, что средства из разграбленного Аскула пойдут на финансирование более масштабной войны, большую их часть Страбон оставил себе, а остальное промотал, нажив себе во всех без исключения лагерях множество врагов. Вскоре все называли его «мясником Аскула»^[227].

Оставшиеся повстанцы рассчитывали быстрым ударом поставить римлян на колени, но теперь им пришлось столкнуться с затяжной войной. Предложение гражданства поступило лишь после явного поражения римлян, и многие предводители италийцев сомневались в искренности их намерений. Но поскольку на них со всех сторон напирала легионы, италийское правительство покинуло столицу Италию и переехало в глубь самнитской территории, известной своей безжалостной, наследственной ненавистью к Риму. У них по-прежнему еще оставалось достаточно людей, они владели важными стратегическими пунктами, но мятежный полумесяц без конца сокращался. Из немногочисленных предводителей, не отказавшихся продолжать борьбу, остатками италийских армий выбрали командовать

старого полководца марсов Силона. Под его началом по-прежнему состояли пятьдесят тысяч человек, но рассчитывать на дальнейшую помощь после того, как по всей Италии разлетелась весть о предоставлении гражданства, больше не приходилось.

На юг, наконец, единоличным командующим прибыл Сулла. Ему было приказано пройти маршем по Кампании и выйти к побережью, чтобы вернуть своенравные города в римское стойло. Свой путь он закончил у врат мятежных Помпей^[228], которые тут же взял в кольцо осады. На помощь городу тут же бросилась одна из италийских армий и в первом бою разбила Суллу. Однако он перегруппировал силы и отбросил италийцев, которые укрылись в безопасном месте неподалеку от Нолы. Когда он спас в бою легион, за героизм, проявленный им в ходе этой кампании, солдаты наградили Суллу почетным венком. Теперь, преисполненный уверенности в себе, он опять повел армию на Помпеи и захватил их. Затем повернул, вторгся на территорию гирпинов, сжег дотла их главный город Эклан, после чего племя сложило оружие, двинулся в Самний и захватил город Бовиан. Эта череда побед обеспечила ему в Риме огромную популярность – в аккурат к выборам консула.

К концу 89 г. до н. э. Союзническая война пошла на спад, но двухлетний конфликт повлек за собой значительные потери среди италийского населения. Хотя древние источники и склонны к непомерному раздуванию цифр, есть все основания полагать, что он унес жизни трехсот тысяч человек. И когда тела римлян и италийцев сгорали на погребальных кострах, их уже было друг от друга не отличить.

С точки зрения экономики война обернулась настоящей катастрофой и подорвала ее даже больше, чем вторжение Ганнибала. Земли богатых и бедняков одинаково были разорены грабежами, стояли в запустении, многие подверглись преднамеренному разрушению. Сенаторов отрезали от их италийских владений, захваченных и разграбленных мятежниками. К весне 88 г. до н. э. из всех уголков Италии стали поступать сообщения о нехватке хлеба и голоде, который еще больше усугублял римский городской плебс, «будто ненасытная утроба поглощавший что только можно, но все равно неспособный утолить свой голод... Рим был несчастнее всех остальных городов, на

которые он ниспослал несчастья, ничего им не оставив и ничего не получив сам»^[229].

Помимо прочего, хаос Союзнической войны породил и денежный кризис. Во время войны на рынок хлынул поток фальшивых денег, заставляя семейства припрятывать гарантированно настоящие монеты, что привело к резкому снижению их доли в обращении. На фоне сокращения денежного рынка публиканы-банкиры, у которых к тому же оказались под угрозой интересы в Азии, потребовали вернуть им долги. Но заемщики не могли погасить полученные кредиты, потому как их владения разорила война. Даже республика, и та испытывала недостаток в средствах, для покрытия которого пришлось устроить распродажу земли, известной как «сокровища Нумы», – резерва, предназначенного для финансирования высших жрецов.

В разгар кризиса претор по имени Азеллион решил изыскать способ облегчить долговое бремя обедневших высших сословий. Он разрешил заемщикам подавать на кредиторов в суд, и те, вконец разоренные, бросились добиваться освобождения от уплаты долгов, породив целую лавину судебных разбирательств. Публиканы-банкиры, видя, что их состояния идут прахом, обвинили в своих несчастьях Азеллиона. Однажды, когда он приносил на форуме жертву богам, в него стала бросать камни небольшая шайка. Азеллион сбежал и укрылся в соседней таверне, но его зажали там в угол. Убийца перерезал ему горло. «Вот так Азеллион, в должности претора, совершая возлияния в золоченых одеждах, традиционных для подобных церемоний... был убит прямо во время жертвоприношения»^[230]. Ничего святого больше не осталось.

Когда активное сопротивление стало уделом всего нескольких оплотов мятежников, остальная Италия увидела, что же на практике подразумевал Закон Юлия. По удивительной случайности, в 89 г. до н. э. наступило время очередного ценза, времени продумать детали не было, поэтому кого включать в списки граждан, а кого нет, было непонятно. А решить этот вопрос было жизненно важно, ведь число потенциальных претендентов на гражданство из числа италийцев вдвое превышало число римских граждан. И если население Италии равномерно распределить по тридцати пяти трибам, они наглухо забьют голоса римлян в Народном собрании. До этого сенат уже определил

городских плебеев и *всех без исключения* вольноотпущенников в четыре городских трибы, это при том, что в сельских господствовали богатые граждане, которые могли позволить себе приехать в Рим на выборы. Поэтому италийцам, чтобы захватить в Народном собрании власть, понадобится всего ничего, даже если совсем немногие новые граждане в своей целеустремленности понесут расходы, чтобы отправиться в Рим и заняться там политикой. Поэтому цензоры «по чистой случайности» нарушили религиозный обряд, необходимый для ратификации ценза, и его результаты пришлось выбросить на помойку.

Последние остатки мятежных армий в Апулии и Самнии упрямо отказывались сложить оружие. Если учесть, что срок регистрации в качестве гражданина давно истек, эти бунтари не могли рассчитывать на великодушие, обещанное их собратьям. И некоторые из них, такие как Силон, вероятно решили больше никогда не возвращаться к римлянам. Оставшиеся поборники Италии бежали на юг в Самний и сгрудились вокруг него. Имея под своим началом около тридцати тысяч человек, Силон мобилизовал в свое войско еще двадцать. Затем, явно не собираясь отсиживаться на последней линии обороны, укрепил Нолу и отвоевал Бовиан, войдя в город с большой помпой, дабы укрепить италийское достоинство. Он все еще верил в победу.

Силы римлян в регионе теперь возглавлял Метелл Пий. В начале 88 г. до н. э. две армии, наконец, сошлись в бою в Апулии, и хотя в ходе сражения погибли всего шесть тысяч человек, среди них оказался и Силон. После этого немногочисленные самниты и луканы еще оказывали сопротивление, однако его смерть ознаменовала собой официальное окончание Союзнической войны. Остатки повстанческих сил в Апулии задумались о том, кто мог бы помочь им в борьбе, и как минимум одна из их фракций обратила взоры на воинственную державу понтийского царя Митридата. Однако к тому моменту Митридат Понтийский и сам уже сошелся в смертельной схватке с Римом.

Глава 10. Руины Карфагена

На пути его встретили послы и спросили, почему он ведет против собственной страны армию. «Избавить ее от тиранов», – ответил он ^[231].

Аппиан

Понтийское царство занимало все черноморское побережье нынешней Турции. В 500-х гг. до н. э. греки основали в регионе Черного моря ряд колоний, впоследствии поглощенных эллинистическими царствами, которые возникли после смерти Александра Македонского. Первый понтийский царь Митридат происходил из внутренних горных районов Анатолии, но в 280-х гг. до н. э. расширил свои владения до берегов Черного моря. Преемники продолжили начатую им экспансию, кульминацией которой стал захват в 183 г. до н. э. греческого города Синоп. Понтийское царство, ограниченное тянувшимися с запада на восток горами, заняло полосу плодородной, богатой полезными ископаемыми земли между грядой на юге и побережьем на севере. Объединяя элементы греческого и персидского устройства, понтийские цари с выгодой для себя эксплуатировали почву, месторождения металлов и торговые пути, теперь оказавшиеся в их власти. Но к середине II века до н. э. Понт превратился в мелкое восточное царство – в мире, где мелких восточных царств и без него было полно.

Митридат VI родился в Синопе через пятьдесят лет после его преобразования в понтийскую столицу. Как старший сын царя, он надеялся править Понтом, когда придет время, однако его путь во власть оказался далеко не прост. Как и положено уважающему себя эллинистическому правителю, в 120 г. до н. э. его отец был отравлен, что породило в царстве вакуум власти. Поскольку Митридат на тот момент еще не достиг совершеннолетия, в ситуацию вмешалась его мать, царица Лаодика, и стала править в ипостаси регентши. Но при этом, в пику любой родительской морали, явно питала больше расположения к младшему сыну. Подростком Митридат пережил организованное матерью покушение на его жизнь и бежал из дворца.

Если верить легенде, после этого он семь лет готовился и занимался – охотился, плавал, читал, изучал людей, одолел пятьдесят языков – пока не стал воплощением идеального принца. По завершении этого периода, в 113 г. до н. э. Митридат вернулся в Синоп и изгнал из города мать с братом, которые вскоре умерли «естественной смертью»^[232].

После восхождения на трон Митридат, дабы защитить понтийскую власть, создал армию наемников и в 110 г. до н. э. откликнулся на призыв о помощи со стороны греческих городов Крыма, по ту сторону Черного моря, которые постоянно подвергались набегам фракийцев. Прогнав агрессоров, Митридат добился от крымских городов вполне оправданной покорности. Теперь, объединив их под своим великодушным покровительством, он контролировал все торговые маршруты Черноморского региона – между Россией на севере, Персией на востоке, Грецией и Италией на западе и Средиземноморьем на юге. Во власти Митридата оказались богатства, материальные и человеческие ресурсы, превращавшие его черноморскую империю в одну из самых могущественных держав, с которыми когда-либо сталкивался Рим.

В начале своей карьеры Митридат, желая поделить территорию Анатолии, вступил в союз со своим соседом вифинским царем Никомедом III. Римские послы приказали им от этого воздержаться, но поскольку внимание Рима в тот период было приковано к Югурте и кимврам, он мало что мог поделать. В конечном итоге Митридат и Никомед поссорились за контроль над Каппадокией, которая граничила с обоими царствами и обеспечивала сухопутное торговое сообщение между бассейнами Черного и Средиземного морей. В 101 г. до н. э. Митридат лично перерезал каппадокийскому царю горло и усадил на трон собственного сына. Именно ради одобрения Римом этого решения он и отправил послов, с которыми так скверно обошелся Сатурнин.

С учетом того, что теперь Митридат заслужил репутацию на международном уровне, Гай Марий во время своей поездки по востоку в 98 г. до н. э. посчитал своим долгом встретиться с понтийским царем. Под конец их разговора римлянин сказал ему: «Либо стремись стать сильнее Рима, либо подчинись ему без лишних слов»^[233]. Некоторые считают, что Марий уже тогда подумывал о будущей войне с Митридатом, но на тот момент Понт представлял собой лишь очередное восточное царство и у него не было причин подозревать о

том, что десятилетие спустя стало очевидно всем: что Митридат VI был не просто Митридат VI – а Митридат *Великий*.

Через несколько лет его амбиции вынудили сенат вмешаться в ситуацию в Каппадокии и приказать Сулле усадить там на трон ручного царя Ариобарзана. Но несмотря на эту мелкую неудачу, Митридат быстро восстановил пошатнувшиеся позиции. Во-первых, он через брак вступил в союз с могущественным армянским царем Тиграном I, а во-вторых, в 94 г. до н. э. умер его старый враг Никомед III, оставив вифинский трон всего лишь мальчишке. Пока римляне барахтались в Социальной войне, Митридат убедил Тиграна захватить Каппадокию, а сам вторгся в Вифинию. И марионетка Ариобарзан, и царь-подросток Никомед IV бежали в Рим.

В город беглые правители Каппадокии и Вифинии прибыли в аккурат к началу Союзнической войны. У сената были проблемы поважнее, чтобы волноваться о том, в чьих руках пребывала пара пыльных козлиных анатолийских троп, поэтому просьбы двух юных царей он проигнорировал. Дабы подогреть к своему бедственному положению интерес, те пообещали щедро отблагодарить за оказанную им помощь, в итоге Рим уступил и отправил посольство, вменив ему в обязанность переправить Никомеда и Ариобарзана назад через Эгейское море. Для выполнения этой задачи выбрали Мания Аквиллия, бывшего заместителя Мария и победителя Второго восстания рабов.

Узнав о прибытии римлян, Митридат с Тиграном не пожелали с ними связываться и вернулись каждый в свое царство. Восстановив монархов в правах, Аквиллий энергично на них надавил, заставляя выполнить данные в Риме щедрые обещания. А когда они залепетали о бедности, Аквиллий ответил, что столь необходимые им богатства можно взять в Понте. В качестве благожелательной трактовки стремления Аквиллия побудить царей вторгнуться во владения соседа можно предположить, что он считал Митридата пустышкой. До этого, когда Рим обращал на него свой взор, понтийский царь каждый раз отводил глаза и прятался в своем логове. Но существует и другое предположение, заключающееся в том, что Аквиллий, будучи близким другом Мария, преднамеренно провоцировал Митридата, чтобы Марий впоследствии мог повести под своим началом на восток легионы, чего

ему страстно хотелось. Ну и, разумеется, нельзя исключать, что Аквиллий попросту оказался глупцом.

Весной 89 г. до н. э. Никомед IV вторгся в Понт. Однако Митридат, отнюдь не оказавшись пустышкой, дал вифинской армии отпор, и ее солдатам пришлось в беспорядке возвращаться домой на хромых ногах. Митридат обратился к Аквиллию с жалобой на это нападение, но ответа не получил. После этого царь пришел к выводу, что Рим с помощью своих карманных царств намеревался выдавить Понт с карты региона. Но сам Митридат не желал, чтобы его куда-то выдавливали. После долгих лет тщательной и основательной подготовки понтийский царь, наконец, был готов раскрыть весь потенциал своей черноморской империи.

Чтобы привлечь внимание Аквиллия, Митридат послал в Каппадокию свою армию и опять выгнал Ариобарзана из страны. Затем укрепил границу с Вифинией и отправил в Пергам к Аквиллию делегацию. Послы зачитали вслух список его альянсов с зарубежными союзниками и предоставили полный отчет об имевшихся в его распоряжении ресурсах – от размера сокровищницы, до количества людей, которых он мог мобилизовать, и численного состава флота. После чего заявили, что Рим, не соблюдай он благоразумие, может потерять господствующие позиции в Азии. Это не было объявление войны. Это было приглашение войну объявить.

Имея в своем распоряжении только один легион из настоящих римских солдат, в деле охраны границы с Понтом Аквиллий мог полагаться только на новобранцев из числа местного населения. Недостаток боевого мастерства те восполняли своей численностью. Всего за несколько месяцев он сумел собрать четыре армии по 40 000 воинов каждая. Одну из них возглавил Никомед IV, три других подчиненные Аквиллию римские преторы. Но хотя совсем скоро под его началом состояло 150 000 – 200 000 человек, охранявших все ходы и выходы из Вифинии, это еще не означало, что он мог тягаться с Митридатом. Поскольку тот с самого начала в качестве краеугольного камня своей легитимности положился на военную силу, костяк понтийской армии состоял из опытных, дисциплинированных и хорошо подготовленных солдат. Взяв его за основу, он сам мог набирать новобранцев со всех концов изведенного мира. В ходе первой кампании Митридат выступил против Аквиллия с войском в 150 000 человек. На

пике своего могущества понтийские армии могли достигать до 250 000 пеших солдат и 40 000 кавалеристов.

Митридат двинулся на Вифинию и сокрушил охранявших проходы рекрутов. Затем распылил все четыре римские армии, офицерам которых пришлось бежать с материка на остров Родос. После чего, будто этого сухопутного вторжения ему было мало, послал через Босфор свой военный флот. Перед этим римляне наняли греческих моряков блокировать проливы, но в ходе боестолкновения с врагом те тоже были разбиты. Теперь понтийские силы контролировали и сушу, и море. Если Аквиллий действительно приехал спровоцировать Митридата на войну, то ему это прекрасно удалось.

После этого Митридат двинулся дальше, чтобы подмять под себя всю провинцию Азия. Представляя собой просвещенный образец идеального царя, он знал, в каком свете себя представить. Понтийский монарх заявил, что прибыл освободить народы Азии от римского гнета. Злодейства публиканов в этой провинции, длившиеся уже целое поколение, вложили в руки Митридата удивительный пропагандистский инструмент: он объявил о всеобщем освобождении от уплаты податей на пять лет и аннулировал все не выплаченные италийцам долги. А потом пообещал проявить к населению острова Лесбос терпимость в том случае, если ему выдадут Аквиллия. Его предложение услышали, и Аквиллий, став пленником, не раз становился мишенью унижительных шуток при дворе Митридата.

Пока Аквиллий терял контроль над Азией, его покровитель Марий томился в Риме. Когда его во время войны отстранили от дел, он вернулся домой и с нарастающей горечью наблюдал, как власть переходит к новому поколению восходящих звезд римской политики. Помпей Страбон создавал в Пицене в Цизальпинской Галлии мощный оплот. Воевавшему на юге Метеллу Пию – сыну Метелла Нумидийского, с которым Марий на позднем этапе своей карьеры враждовал, – вскоре предстояло стать консулом. Кроме них был еще и Сулла, чей успех больше всего не давал ему покоя. Подвиги последнего в Кампании и Самнии пополняли его послужной список, восходивший еще к временам пленения Югурты в 105 г. до н. э., новыми героическими деяниями. Когда Союзническая война постепенно сошла

на нет, звезда Суллы засияла ярче, чем у любого другого человека в Италии.

Окинув унылым взором ситуацию в Италии, Марий, в поисках шанса утолить жажду славы, переключил внимание на дальние края и узнал об ухудшении обстановки в Азии. Но если он и в самом деле полагал, что ему могут поручить командовать армиями на востоке, то это был самообман. На тот момент ему было без малого семьдесят лет. А вести войны семидесятилетних стариков римляне не посылали. Дабы доказать, что это дело ему по плечу, Марий ежедневно приходил на Марсово поле, дабы поупражняться, продемонстрировать доблесть и физическую силу. Предаваясь этим занятиям, он выглядел комично и где-то трогательно. Поглазеть на него собирались целые толпы, некоторые подбадривали одобрительными возгласами, но большинство «испытывали в душе жалость при виде этого амбициозного и жадного до славы человека, который хоть и возвысился из низов до самых верхов, и из бедных стал богатейшим, но не ведал, что его счастливой судьбе есть предел»^[234]. Если учесть что Марий не только достиг преклонного возраста, но и однажды уже был отстранен от командования во время Союзнической войны, с какой такой стати он надеялся возглавить пять азиатских легионов, остается загадкой. Его никогда всерьез не рассматривали в качестве кандидата на этот пост. Те, кто *действительно* могли за него соперничать, не скакали на форуме для разогрева мышц, а пребывали в отъезде, воюя на фронтах Союзнической войны.

А поскольку война все продолжалась, выборы консула в 89 г. до н. э. отложили до конца года. К этому времени Рим, по всей видимости, уже знал и о захвате Митридатом Каппадокии, и о провокационном письме Аквилию. Статус консула теперь предоставлял возможность провести великую войну на востоке, поэтому кандидаты на этот пост агрессивно рвались вперед и «каждый из них жаждал стал полководцем в войне против Митридата, прельщаемый размахом славы и богатств, которые могут достаться человеку на этой войне»^[235]. Когда в последних числах декабря, наконец, подошло время выборов, претенденты шли на любые ухищрения, лишь бы получить под свое начало армии. Сулла и его близкий друг Квинт Помпей Руф (чей сын недавно женился на дочери Суллы) выступили на выборах одной

командой, в то время как Гай Юлий Цезарь Страбон Вописк рвался вперед, расталкивая их в стороны.

Впрочем, последний пытался пролезть без очереди. До этого он никогда не служил в должности претора и рассчитывать на избрание в итоге не мог. По мере приближения выборов, фракция старых оптиматов в сенате решила перекрыть Вописку, нестойкому, пользовавшемуся дурной славой популяру, все пути. Чтобы предотвратить его избрание консулом, они обратились к Публию Сульпицию Руфу, недавно ставшему трибуном. Тот, казалось, идеально подходил для этой работы: «человек красноречивый и энергичный, он добился положения благодаря богатству, влиянию, друзьям, смелости и врожденным способностям, и уже до этого, благодаря достойным средствам, пользовался в народе огромным авторитетом»^[236]. Сульпиций рос на глазах оптиматов Метелла и был одним из тех школяров, которые в сентябре 91 г. до н. э. присутствовали во время того самого разговора на вилле Красса. Когда Вописк подал прошение сделать для него исключение, он наложил вето. Но поскольку слово трибуна уже было не то, что раньше, свое поражение Вописк признал только после нескольких уличных стычек.

Выборы консулов выиграли Сулла и Помпей, после чего первый отправился на восток командовать армиями – восприняв это доказательством того, что судьба благоволит любым его начинаниям. Слишком гордый, дабы допустить мысль, что все его свершения были результатом везения, Сулла считал Фортуну своим личным божеством: «Не столько обладавший военными талантами, сколько от природы удачливый, свои успехи он больше приписывал не собственным способностям, а Фортуне, до такой степени, что полностью превратился в творение своего божества»^[237]. Вскоре после избрания судьба преподнесла ему еще один подарок – он опять женился. На этот раз на вдове Скавра Метелле. Взял после этого бразды правления старой фракцией Метеллов и принялся реформировать ее по собственному разумению.

Проложив Сулле и Помпею дорогу в консулы, трибун Сульпиций занялся своими друзьями-оптиматами. Старая фракция Метеллов, похоже, входила в фазу стойкого забвения. В 91 г. до н. э. умер Красс, в 89-м Скавр. Когорта из шести представителей рода Метеллов пришла и

ушла, теперь ее дело продолжали их сыновья, явно до них недотягивавшие. Несмотря на свой недавний брак с Метеллой, способный вновь принести прославленному роду удачу, Сульпиций решил примкнуть к Марию. Если раньше он шел к власти по пути оптиматов, то теперь переметнулся к популярам.

За это предательство в источниках Сульпиций подвергся откровенной критике: «Вопрос стоял не в том, кого он превзошел в порочности, а в чем превзошел собственную порочность; сочетая в себе жестокость, бесстыдство и алчность, он не знал, что такое позор, и был способен на любое зло»^[238]. Цицерон позже стонал: «Надо ли мне говорить о Публии Сульпиции? Достойной, сладостной, проникновенной лаконичностью своих речей он мог даже самых мудрых ввергнуть в заблуждение, и самым добродетельным внушить пагубные чувства»^[239]. Но раскрылось предательство Сульпиция только в первые месяцы 88 г. до н. э.

Переход этого трибуна на сторону врагов оптиматов нельзя назвать такой уж неожиданностью. Он слыл «почитателем и подражателем Сатурнина, хотя и обвинял его в робости и нерешительности при реализации политических мер»^[240]. Считать Сатурнина робким мог только самый свирепый человек. Но по результатам окончательного анализа Сульпиция, Сатурнину не хватало не столько храбрости, сколько таланта организатора. И Гракхи, и Сатурнин, и Друз полагались лишь на беспорядочную толпу, созывая ее в спешном порядке и бросая в бой. Поэтому крупным вкладом Сульпиция в римскую политику стало создание профессиональных уличных банд. Он имел обыкновение окружать себя тремя сотнями вооруженных людей в ранге эквитов, называя их «антисенаторами», при этом на содержании у него имелось еще несколько тысяч наемников с мечами на поясах. Стоило Сульпицию сказать слово, и они тут же ринулись бы в бой.

Но если не считать союза с Марием, Сульпиций понимал, что в действительности к власти его могут привести только италийцы. В начале 88 г. до н. э. он предложил законопроект, предусматривавший возвращение в Рим всех, кого изгнала выступавшая против италийцев комиссия Вария. А поскольку вопрос предоставления им гражданства теперь был улажен, Сульпиций объявил о намерении в полной мере предоставить им *suffragium*, т. е. выборные права. Вместо того чтобы хоронить италийцев в новых трибах или сгонять в четыре новые

городские трибы, он планировал равномерно распределить их по 31 сельской трибе. Если ему удастся провести этот законопроект, большинство в Народном собрании будет именно у них. И тогда Сульпиций не просто заполучил бы массу благодарных клиентов, но и обеспечил себе контроль над Народным собранием.

И сенат, и городской плебс понимали, что предложение Сульпиция таит в себе для них угрозу. И старые, знатные аристократы, и торговцы, и обычные ремесленники видели, что голос римлян в руководящих органах вот-вот ослабевает, поэтому им хотелось держать италийцев на расстоянии, «чтобы они, присоединившись к старым гражданам, не могли провалить ни одно голосование только потому, что у них больше голосов»^[241]. Уступив в вопросе гражданства, римляне решили выстроить новый рубеж на линии голосования. В итоге предложение Сульпиция привело к уличным стычкам между городским плебсом и антисенаторами.

Когда вспыхнули все эти волнения, Сулла находился в своем лагере в Ноле. Как только до него дошли эти сведения, он бросился обратно в Рим. Добравшись до форума, Сулла вместе с его коллегой Помпеем устроили яркий спектакль. Поскольку вето трибуна было уже не то, что раньше, они решили посмотреть, насколько Сульпицию понравится абсолютная консульская власть. Выйдя на ростру храма Кастора и Поллукса, Сулла и Помпей данной им религиозной властью объявили *feriae* – один из праздников чествования богов, во время которого замирала любая общественная деятельность. К вкусу консульской власти Сульпиций не проявил никакого интереса, но вместо смиренного подчинения его антисенаторы выхватили спрятанное оружие. Видя перед собой враждебно настроенную толпу и понимая, что угроза приобретает нешуточный характер, Сулла с Помпеем покинули трибуну. Консулы ушли, но вот сыну Помпея повезло меньше. Юный Помпей, прямодушный защитник своего отца, зашел слишком далеко, и шайка убила его прямо на месте.

Ближайшим безопасным укрытием, оказавшимся под рукой, для Суллы был дом Мария у подножия Палатинского холма. О том, какой между ними состоялся разговор, история умалчивает, но Марий, вероятно, сказал Сулле, что выйти из всей этой истории целым и невредимым он сможет лишь аннулировав *feriae* и обеспечив голосование по законопроектам Сульпиция. В отсутствие выбора тот

согласился. В этот день они в последний раз оказались в одной и той же комнате.

После консультаций с Марием Сулла вновь поднялся на помост и объявил об отмене праздника, после чего общественная жизнь вернулась в нормальное русло. Затем отправился на форум. Избавившись от всех преград, Сульпиций созвал Народное собрание и представил свои законопроекты об избирательных правах италийцев. А потом неожиданно для всех выкинул фортель, которого от него никто не ожидал. Он убедил Народное собрание отменить назначение Суллы командующим восточными армиями и заменить его на этом посту Марием. Сулла, уже отправившийся в расположение войск, понятия не имел, что его лишили работы.

Шесть легионов, которые Сулла вел за собой во время Союзнической войны, по-прежнему стояли лагерем у Нолы. Под его началом армия сражалась целый год, и после этого воины неизменно хранили ему преданность. С простыми солдатами Сулла ладил всегда без труда. Хотя по виду в нем можно было безошибочно угадать надменного аристократа, он никогда не увиливал от возложенных на него обязанностей и не подводил своих людей. Теперь, избравшись консулом, он собирался повести их за собой, чтобы уговорить своенравного царя на противоположном краю Эгейского моря. Вести гражданскую войну у себя на заднем дворе и печально, и невыгодно, в то время как завоевать восточное царство, известное своим могуществом, просто замечательно. Поэтому солдаты, дожидавшиеся у стен Нолы возвращения Суллы, мечтали о грядущей военной кампании.

Вернувшись несколько дней спустя, он, сидя в седле, вряд ли лучился привычной для него искрометной энергией. Да, он по-прежнему оставался консулом, которому поручили возглавить войну на востоке, но неприкрытая конфронтация с Сульпицием и Марием его немало озадачила. Прибегнув к насилию, его унизили и заставили отозвать собственный законопроект. Когда прибывший гонец сообщил невероятную новость – Народное собрание сместило Суллу с поста командующего восточными армиями и теперь поход возглавит Гай Марий, – беспокойство консула переросло в ярость.

Потрясение от этого известия нельзя недооценивать. Об умирительном стремлении старого Мария принять командование войсками было хорошо известно, однако его гимнастические

упражнения на Марсовом поле были только шуткой, но никак не прелюдией назначения полководцем. Особенно после того, как Сулла избрался консулом и по жеребьевке стал командующим армией, которой предстояло воевать с Митридатом. Но Марий, долгие годы терпевший надменное тщеславие Суллы, наконец приготовился отомстить. Он планировал утопить Суллу в потоке унижений, после которого тот уже никогда не оправится. Как бы Сулла ни поступил – по букве закона или по неписаным правилам *mos maiorum* – ему все равно конец; для выживания ему пришлось бы нарушить и то и другое.

Новость о внезапной смене командования утаить не удалось. По лагерю у стен Нолы покатались волны беспокойства и тревоги. Что будет дальше? Сулла останется их главнокомандующим? Они все так же двинутся на восток? Потом прошел слух, что Сулла намерен обратиться к войскам. За всю историю Рима полководцы обращались к армии хеся денежного содержания, дисциплины и стратегии. Римский генерал впервые адресовал своим людям политическую речь. Сулла рассказал о том, что случилось в Риме, поведал, как плохо с ним обошлись Марий и Сульпиций, а потом раскрыл правду о последнем возмутительном поступке – о его смещении с поста командующего восточной армией. Солдаты пришли в ярость, причем не только от скверного обращения с их командиром, но и из страха остаться не у дел. У Мария в избытке имелись собственные ветераны, друзья и клиенты, которых он мог взять с собой на эту войну. А войско Суллы, скорее всего, останется в Италии, и тогда богатств, которые солдаты мысленно уже успели потратить, им точно не видать.

Полагая, что ему успешно удалось поставить на карьере Суллы крест, Марий приступил к процессу передачи командования и послал в Нолу двух военных трибунов с требованием отстранить Суллу от исполнения обязанностей полководца. К несчастью, эти двое парней – об именах которых история умалчивает – стали одними из первых жертв гражданской войны. Передача командования представляла собой рутинную процедуру, но когда два офицера прибыли в легионы, их схватили разъяренные солдаты и до смерти забили камнями.

Поскольку люди были готовы последовать за ним куда угодно, Сулла устроил с высшими офицерами совещание и выдвинул смелое предложение. Если Сульпиций с Марием решили жестоко попрасть консульскую власть, то им придется столкнуться с последствиями.

Сулла сообщил собравшимся, что намерен повести легионы на Рим. Офицеры, чуть ли не все до одного, категорически отказались. Никогда еще римские легионеры под командованием своего полководца не шли маршем на Рим. В итоге Сулла, с которым остались лишь квестор да несколько центурионов, вывел легионы на Аппиеву дорогу и медленно двинулся по направлению к городу.

Торопиться ему было некуда. Он надеялся, что сам факт его приближения произведет должный эффект и заставит Мария с Сульпицием дать задний ход. В отличие от Мария, построившего всю свою карьеру на тщательном планировании, Сулла импровизировал на каждом шагу, полагаясь на богиню Фортуну. Позже о нем скажут: «Предприятия, которые окружающие считали благоразумными, удавались ему хуже тех, которые он рискованно и без страха совершал по велению момента, без всякого обдумывания»^[242]. Пока было достаточно того, что его войско надвигалось на Рим, а что он будет делать, когда там окажется, не мог сказать никто. В том числе и сам Сулла.

В Риме его марш поднял волну бурной деятельности. Сульпиций воспользовался своим немалым талантом трибуна, сочетая его с вновь обретенной Марием военной властью, чтобы взять ситуацию в свои руки. Сторонников Суллы выявили и убили; сенат прижали к ногтю, застравив антисенаторами. Те, кому удалось ускользнуть от убийц, включая и консула Помпея, бежали из Рима в армию Суллы, где для них было безопасно. С другой стороны, многие солдаты – кто из личных, кто из патриотических соображений – отказались помогать Сулле захватывать Рим, дезертировали и бросились в город. Это породило настоящую бурю: одни семейства бежали в Рим, другие из него, сталкиваясь на улицах, распространяя самые нелепые слухи, со всех сторон звучали приукрашенные сообщения о ситуации в старом лагере. Марий убивает всех без разбора! Сулла собрался сровнять Рим с землей! Вряд ли стоит говорить, что в тот момент всем было не до спокойных размышлений.

В свой водоворот этот неистовый шторм затянул и старую сенатскую гвардию. Явно не питая дружеских чувств ни к Марию, ни к Сульпицию, они в равной степени пришли в ужас, узнав, что Сулла ведет на Рим шесть легионов. Поэтому одна из умеренных сенатских

фракций попыталась изыскать способ заключить мир. Они выслали навстречу наступавшей армии двух преторов, но поскольку те были связаны с Марием, Сулла, выслушав выдвинутые ими требования, поднял их на смех. А потом обошелся с ними довольно немилосердно — его люди хоть и отпустили послов живыми, но перед этим расколотили символы их власти и в клочья порвали тоги. В итоге в сенат они вернулись в плачевном состоянии. Тот выслал навстречу войску еще одну группу парламентариев, и когда они спросили, почему Сулла ведет армию против своей собственной страны, тот ответил: «Чтобы освободить ее от тиранов».

Выйдя к окрестностям Рима, Сулла предложил сенату продолжить переговоры. Представители палаты сообщили, что та своим постановлением уже восстановила его в правах командующего. Однако все понимали, что пока Сульпиций контролировал Народное собрание, от всех этих постановлений не было никакого толку. Чтобы выйти из создавшегося тупика, Сулла сообщил о готовности встретиться с Марием и Сульпицием на Марсовом поле и сказал, что в ожидании такой встречи его армия встанет лагерем.

Но как только посланцы уехали, он приказал своим людям экипироваться к бою. Ему уже сообщили, что его сторонников в городе обнаружили мертвыми. Кроме того, он узнал, что Марий с Сульпицием вооружают своих людей, обещая свободу рабам и гладиаторам, которые выступят на их стороне. Поступавшие из города рапорты изобиловали преувеличениями, но Сулла на тот момент этого не понимал. Призыв к рабам присоединиться к борьбе отклика практически не нашел — на Рим шли шесть легионов ветеранов и каждый невольник, присоединившийся к Марию, сможет насладиться полученной свободой целых пять минут, пока не умрет, служа чужим амбициям. Но не зная в действительности насколько слаб Марий, Сулла стремился побыстрее одержать решающую победу, и поэтому приказал одному из своих легионов выступить вперед, захватить Эсквилинские ворота и взять их под свой контроль.

Когда Мария с Сульпицием предупредили, что легион Суллы выдвинулся на позицию, они стали готовить своих людей к сражению. Стороны сошлись в бою на форуме Эсквилинского холма. Сторонники Мария отразили натиск легионеров и забросали их с крыш черепицей. Аппиан говорит, что после того, как на уличных стычках выросло целое

поколение, тот бой «впервые стал не банальной стычкой за власть между различными группировками, а настоящим военным боестолкновением, проведенным в Риме под звуки труб с развевающимися знаменами по всем правилам войны»^[243]. В разгар этого сражения Сулла лично возглавил подкрепление и задействовал своих лучников, которые с помощью зажигательных стрел согнали сторонников Мария с крыш.

Если против одного легиона те еще могли устоять, то против шести – нет. Поэтому когда Сулла вошел в город, они отступили обратно. Марий на время укрылся в храме богини Теллус, призвав граждан Рима присоединиться к нему и, как подобает настоящим патриотам, дать отпор вероломному вторжению предателя – но его никто не услышал. Городской плебс считал происходящее состязанием в злобе между аристократами и отнюдь не горел желанием в него вмешиваться. Когда Сулла взял под свой контроль главные улицы, Марий, Сульпиций и их основные сообщники бежали из города.

Сулла двигался маршем через Рим по пути триумфаторов к Капитолийскому холму. Поскольку холм удерживала последняя горстка сторонников Мария, он взял целый легион и вместе с ним пересек Померий, античную границу, обозначающую священные пределы города, тем самым поправ последний неприкосновенный рубеж *mos maiorum*.

После этого Сулла оказался в затруднительном положении первого римлянина, когда-либо завоевавшего Рим. Стараясь изо всех сил избежать ненависти горожан, он прилюдно наказывал своих солдат, пойманных на мародерстве. После тревожной ночи Сулла, как и Помпей, не ложившийся до рассвета и носившийся по городу, дабы убедиться, что у них все под контролем, наутро объявил на форуме митинг.

Когда собралась толпа, он объявил, что его гнев направлен лишь на немногочисленных врагов государства, к каковым, в доказательство своей позиции, он отнес двенадцать человек, назвав их по именам. Возглавляли список Марий и Сульпиций. Как врагов государства, эту дюжину теперь можно было убить без малейшего промедления. В то же время Сулла подчеркнул, что остальному населению нечего опасаться,

даже если кто-то из них и принял участие в стычках. Ему хотелось только одного – вернуть жизнь в нормальное русло.

Только вот под «нормальным руслом» он понимал совсем не то положение вещей, которое существовало еще за день до этого. Ему хотелось, чтобы римляне вернулись к своим корням. Он сказал, что республика дала сбой и должна возвратиться к добродетельному устройству былых времен. Перед предоставлением законопроекта в Народное собрание сначала следовало получить одобрение сената, а для этого при голосовании, в первую очередь, соблюсти интересы крупных землевладельцев. Позаимствовав одну из законодательных инициатив Друза, Сулла предложил включить в сенат триста эквитов, расширив его численный состав и вернув этому органу былую силу и мощь. Но перед тем как приступить к столь масштабным реформам он занялся делами поважнее и объявил недействительными все законы, принятые до того самого дня, когда Сулла и Помпей объявили праздник почитания богов. При этом они оба останутся консулами, а Сулла сохранит за собой командование восточной армией. От плана распределить италийцев по тридцать одной сельской трибе не осталось и следа.

Под бдительным оком легионов Суллы Народное собрание одобрило предложения консула и приняло соответствующие законы. Когда реформы прошли, он отослал своих людей обратно в Нолу, чтобы не выглядеть в глазах общества тираном или царем. Сулла явно выступал благодетелем и спасителем народа, однако его претензии стать хозяином сената – будто все сенаторы теперь стали его клиентами – всех злили. Да и пересечение Померия с целой армией тоже представляло собой непростительное святотатство.

Но Сулла упорно утверждал, что лишь следует примеру Опимия в 121 г. до н. э. и Мария в 100-м. Теперь, в 88-м, он якобы делал точно то же, что и они: данной ему властью консула предпринимал экстренные меры для обуздания разбушевавшейся политической фракции. Но разница, конечно же, была – Опимий с Марием тогда действовали по *сенатусконсульту*, особому сенатскому декрету, которого в его случае палата не принимала. Правоведы в сенате раздражались и злобствовали, но легионы Суллы говорили сами за себя.

После одержанного поражения самые близкие к Марию сторонники бежали из Рима и бросились в разные стороны. Сульпиций ринулся к побережью, но далеко от города отъехать не смог. После предательства раба его днем после ночного сражения схватили и убили на месте. Позже Сулла поблагодарил невольника, сказав, что «сообщив сведения о враге, этот человек взамен за оказанные услуги заслуживает свободы»^[244]. Но как только тот получил вольную, Сулла «приказал сбросить его вниз с Тарпейской скалы за измену хозяину»^[245].

Однако Марию в ту ночь удалось бежать в одно из своих имений в двенадцати милях от Рима вместе с сыном, внуком и небольшим отрядом верных соратников. Понимая, что от города лучше бежать куда подальше, они порешили отплыть в Северную Африку и укрыться в одной из колоний для ветеранов, созданных после Нумидийской войны. Их учредили пятнадцать лет назад, но Марий надеялся, что солдаты еще не забыли своего полководца и покровителя.

На следующее утро Марий со своими людьми вышел из порта Остии. Но едва его корабль преодолел вдоль побережья сто миль, как шторм выбросил его на берег неподалеку от города Террачина. После кораблекрушения дальше им пришлось идти пешком. Зная, что Террачиной правит один из его врагов, Марий повел своих людей вдоль побережья в Минтурно, сказав, что у него там есть друзья. По пути пастухи сообщили ему, что в окрестностях полно конных патрулей Суллы. Не успев добраться до пункта назначения до наступления темноты, Марий и его соотечественники провели скверную ночь в лесу – в окружении врагов, без пищи и крова.

На следующее утро он опять повел своих людей к побережью, чтобы дальше двинуться к Минтурно. По пути он подбадривал их рассказами о своем детстве. Когда-то он, приспособив свою накидку под птичье гнездо, обнаружил в нем семеро орлят. Поскольку орлица обычно откладывает не более двух яиц, столь невиданный выводок представлял собой сказочную находку. Родители взяли птиц, пошли к местному прорицателю и спросили его, обладает ли этот факт каким-то особым значением. Тот, придя в изумление, заявил, что их сын «станет самым прославленным мужем, что ему судьбой предназначено семь раз стать Верховным главнокомандующим и взять в руки власть»^[246]. Теперь, причисленный к врагам отечества и вынужденный податься в бега, он напомнил друзьям, что это, по-видимому, еще не конец, ведь

его избирали консулом пока только шесть раз. И что ему каким-то образом суждено оказаться на этом посту опять.

Но когда до Минтурно оставалось всего несколько миль, их обнаружил конный патруль. Бежать было некуда, но кто-то из отряда Мария увидел, что к берегу подплывают два корабля. Не дожидаясь от моряков разрешения, беглецы бросились в воду и поплыли. Большая их часть добрались до одного судна, поднялись на борт и недвусмысленными угрозами заставили экипаж отойти от берега. Марий, старше них и уже не такой проворный, с трудом забрался на второй и представился онемевшему от изумления капитану.

Когда того с берега окликнул кавалерийский отряд, сказав, что промокший до нитки старик у него на борту не кто иной, как беглый Гай Марий, перед ним возникла дилемма, с которой сталкивались все, кто встречался бывшему консулу на пути его злоключений: повесить Мария с риском навлечь на себя гнев его друзей либо защитить Мария с риском навлечь на себя гнев его врагов. В итоге капитан, решив никого не выдавать, отошел от берега. Не сразу последовав за кораблем, на всех парусах унесшим спутников Мария, капитан направил свое суденышко в близлежащее устье реки. Затем велел Марию сойти на берег, отдохнуть и забрать немного провизии, которую они взяли с собой в путь. Но как только тот покинул корабль, тут же уплыл. Его решение вышеназванной дилеммы сводилось к тому, чтобы высадить Мария и сбежать.

Какое-то время бывший консул, брошенный всеми, сидел и размышлял о своем плачевном положении. Затем собрался, встал и тяжело зашагал в глубь территории по болотистой местности, по-прежнему намереваясь добраться до Минтурно. А когда стемнело, наткнулся на крестьянина и мольбами упросил его приютить его на ночь. Тот согласился, но вскоре появился конный патруль и забарабанил в дверь. Пока бедолага выкладывал ему все как на духу, Марий сорвал с себя одежду, нырнул в соседнее болото и спрятался в мутной воде, «над которой остались только его рот и нос»^[247]. Но патруль его все равно нашел, и Гая Мария, Третьего Основателя Рима, шесть раз избиравшегося консулом, выволокли из болота «нагого и в грязи»^[248]. После чего набросили на шею веревку и в таком виде доставили в Минтурно.

Хотя после захвата Суллой Рима прошло всего пять дней, весть о том, что беглого Мария следует убить на месте, уже успела распространиться. Но правители Минтурно, столкнувшись все с той же дилеммой, мучились, не зная как с ним поступить. Если верить легенде, невольник, которому приказали с ним разделаться, был то ли галл, то ли кимвр, то есть в рабство его, скорее всего, обратил сам Марий. Испытывая не столько желание отомстить, сколько благоговейный страх, он отказался, сказав «я не могу убить Гая Мария»^[249] и бросился вон из комнаты.

Не в силах с ним покончить, правители Минтурно решили посадить его в челн: «Пусть отправляется в изгнание, куда ему захочется, и пусть там вершится предназначенная ему судьба. А сами помолимся богам, чтобы они не обратили на нас свой гнев за то, что мы выгнали Мария из города в нищете и лохмотьях»^[250]. С материка он отплыл на остров Энария на северном краю Неаполитанского залива и воссоединился там со своими людьми, с которыми незадолго до этого разлучился. Получив, наконец, возможность отправиться в Африку, они обогнули Сицилию, вероятно зайдя в Эрриче для пополнения припасов. Но перед этим городскому квестору сообщили из Рима, какими маршрутами может в принципе двигаться Марий, поэтому как только беглецы ступили на берег, он тут же их атаковал. После кровавой стычки, в результате которой на пристани погибли шестнадцать человек, Марий с остатками своих людей обрубил причальный канат и вышли обратно в море.

Наконец, им удалось высадиться на острове Керкенна в виду африканского побережья. После Нумидийской войны там вскорости создали колонию для ветеранов, которые теперь радушно приняли его в своих домах. Но правителю Африки тоже сообщили, что Марий, скорее всего, отправится к нему, и теперь перед ним встала все та же дилемма: что делать с беглецом? Задача правителя представлялась предельно ясной – арестовать бывшего консула и убить. Но в провинции было полно воевавших с ним ветеранов, поэтому, покончив с ним, римский наместник, вполне вероятно, подпишет себе смертный приговор.

Когда несколько дней спустя Марий высадился на материк, его встретил чиновник, доставивший решение правителя: «Римский наместник запрещает тебе, Марий, ступать на африканскую землю;

если же ты нарушишь этот запрет, он выполнит предписание сената и поступит с тобой как с врагом Рима».

Марий удрученно сел и задумался. Когда чиновник, наконец, спросил, каким будет его ответ, старый генерал сказал: «Тогда скажи ему, что видел беглого Гая Мария на руинах Карфагена». Недалеко от того самого места, где Сципион Эмилиан когда-то вытирал слезы ужасного предчувствия, старый Марий «взирал на Карфаген, а Карфаген взирал на него, и они могли служить друг другу утешением»^[251]. Оспаривать решение наместника он не стал и вернулся на Керкенну.

Тем временем, далеко на востоке Митридат окончательно подмял под себя Анатолию. Поскольку для противостояния Риму ему нужно было объединить целый регион, понтийский царь решил повязать всех кровью. Когда на смену весне 88 г. до н. э. пришло лето, Митридат разослал по всем азиатским городам, оказавшимся в его власти, письма. В знак взаимной солидарности магистратам на местах предписывалось подождать тринадцать дней по получении письма, после чего схватить и убить всех находившихся в их юрисдикции италийцев – включая женщин и детей.

В сложившихся обстоятельствах местной власти делать было нечего и им оставалось только повиноваться. Они не хотели рисковать навлечь на себя гнев Митридата ради спасения нескольких италийцев, которые к тому же им никогда не нравились. Поэтому на тринадцатый день по получении письма каждый азиатский город арестовал всех своих обитателей из числа италийцев и подверг систематическому истреблению. Доносчикам предложили выделить долю конфискованного у жертв имущества, побудив жителей выдавать своих соседей. Вскоре в каждом городе высилась гора трупов. В целом число жертв составило порядка восьмидесяти тысяч человек. Главное мрачное действо в этом ужасающем, кровавом пиршестве совершил сам Митридат. Когда к нему привели плененного Мания Аквилия, он приказал залить ему в глотку расплавленное золото. Пути назад больше не было. Истребление италийцев стало актом расчетливого геноцида, чтобы настроить восточные города против Рима, связав их кровью. Теперь каждый был лично причастен к убийствам римлян. Теперь

каждому предстояло либо сражаться и победить бок о бок с Митридатом, либо в одиночку познать на себе месть Рима.

Глава 11. Ботинки с шипами

Благодеяние подрывает дух даже мудрых; как же тогда человеку развращенному проявлять скромность, пользуясь плодами своей победы?^[252]

Саллюстий

В 87 г. до н. э. в Риме прошли выборы консулов, под председательством того же Суллы, не упустившим возможности еще раз показать, что он совсем не тиран, которым его выставляли враги. Приказав перед этим войскам убраться из города, Сулла публично отказался от любого вмешательства в избирательный процесс, поэтому в них могли принять участие даже его враги.

Главным кандидатом от их лагеря был Луций Корнелий Цинна. На римскую историческую сцену он ворвался именно на консульских выборах 87 г. до н. э. и потом четыре года занимал одну из лидирующих позиций в римской политике. Но об этом человеке, столь значимом с точки зрения римской истории, мы почти ничего не знаем. Нам известно лишь, что он принадлежал к тому же патрицианскому семейству Корнелиев, что и Сулла, но ветвь Цинн почти не оставила после себя следов. В 127 г. до н. э. его отец мог избраться консулом, но наверняка об этом говорить нельзя. Не исключено, что в 90-м или 89-м гг. до н. э. сам он стал претором и во время Союзнической войны служил легатом. Этим сведения о нем исчерпываются. Об остальных аспектах жизни Цинны – его семье, становлении, пути во власть, военных кампаниях, успехах и неудачах – источники умалчивают.

Вместе с тем, мы, с некоторой долей уверенности, можем предположить, что Цинна родился не позже 130 г. до н. э., скорее всего несколькими годами раньше. Из чего следует, что когда в Галлию явились кимбры, а в Нумидии распоясался Югурта, ему было около двадцати. Отбывая положенные десять лет на воинской службе, Цинна, надо полагать, либо служил в Нумидии, либо периодически принимал участие в походах против кимбров. Но хотя римские историки довольно подробно задокументировали эти военные кампании, рассказав нам о многих ключевых персонажах, таких как Марий или Сулла, Цинна в

этих свидетельствах даже не упоминается. В них ни разу не всплывает его имя, даже мимоходом. С учетом его последующих пристрастий, можно предположить, что он служил на севере под командованием Мария, бок о бок с италийцами, поборником которых впоследствии стал.

Но хотя Цинна, скорее всего, и симпатизировал Марию, в дюжину главных приспешников последнего Сулла его не включил. И в боях, сопровождавших первый поход Суллы на Рим, он, похоже, участия не принимал. А может даже в тот момент отсутствовал в Риме, затапывая в составе многочисленных армий последние дымившиеся пепелища Союзнической войны. Если он вернулся домой только после захвата консулом города, то все это дело обошло его стороной и он действительно мог влиться в ряды тех, кого объединила общая ненависть к маршу Суллы на Рим. Вполне возможно, что Цинна начал предпринимать усилия, дабы привлечь консула за его поведение к суду.

Но хотя он и поднимал без конца вопрос о политических преследованиях, эту наживку Сулла не заглотил. Отстранив Цинну от выборов, он выставил бы себя тем самым деспотом, которым его рисовали враги. В кандидатах на тех выборах недостатка не было, но Сулла отказался препятствовать кому-либо из них или помогать. В роли другого сильного претендента выступил Гней Октавий. Как старый консерватор-оптимат, он никогда не дружил с Марием и в принципе поддерживал реформы Суллы, но сама манера их проведения его невероятно бесила. Поэтому если Цинна решит преследовать консула в судебном порядке, рассчитывать, что у него на пути встанет Октавий, не приходилось.

В день голосования Народное собрание избрало консулами Цинну и Октавия. Сулла сделал довольное лицо и назвал произошедшее высшим доказательством того, что враги оговаривали его, величая тираном. Разве деспот позволил бы избрать консулом такого человека, как Цинна? Нет, не позволил бы. Какие преступления ни совершил бы Сулла, он никогда не ставил перед собой цель добиться ничем не обузданной тиранической власти. По сути своей, он был консервативным республиканцем, и та власть, которую он приобретал за свою карьеру, всегда служила консервативной республиканской морали. По крайней мере так, как он сам себе это представлял.

Но, допустив избрание Цинны на высший государственный пост, Сулла все же приберег себе несколько уловок. Как человек, обязывавший консулов принести присягу перед вступлением в должность, он заставил их поклясться не препятствовать проводимым им политическим реформам. В присутствии огромной толпы новоявленные консулы дали искомую клятву и бросили на землю камень в знак своего согласия отправиться в изгнание в случае ее нарушения.

Уйдя с консульского поста, Сулла мог жить спокойно, зная, что до тех пор, пока он будет командовать армиями, никакие политические преследования ему не грозят. Дабы обеспечить такую же защиту своему другу и коллеге Помпею, Сулла пристроил его командовать римскими войсками в Аскуле. Помпей Страбон пребывал на посту тамошнего главнокомандующего вот уже три года и теперь, по окончании осады, для него пришло время передать дела другому. По настоянию Суллы сенат послал Помпея встать во главе армии Страбона. Это не только защитит его лично, но и даст Сулле надежную армию, расквартированную сразу за Апеннинскими горами, если во время его пребывания на востоке в Риме возникнут неприятности. Но ни Помпею Страбону, ни его людям эта резкая смена командования совсем не понравилась. Через несколько дней после прибытия в лагерь, Помпея без лишних церемоний убили. Злодеев, повинных в этом, так и не нашли, но в качестве главного вдохновителя преступления, вполне естественно, заподозрили Страбона.

Убийство Помпея повергло Суллу в шок, и Рим вдруг показался ему далеко не безопасным. Доделывая в городе последние дела, он окружил себя плотным кольцом личной стражи. А через несколько дней отбыл к своим легионам в Капуе, где ему было гораздо спокойнее.

Чтобы нарушить клятву, Цинне, вступившему в должность консула в январе 87 г. до н. э., времени потребовалось совсем немного. При первой же возможности он снарядил одного из трибунов выдвинуть против Суллы обвинение в незаконном убийстве римских граждан. Тот сколько угодно мог ссылаться на *сенатусконсульты*, однако в отличие от Оппидия в 121 г. до н. э. и Марка в 100-м, он в 88-м действовал отнюдь не по особому постановлению сената. Но поскольку власть трибуна не распространялась за пределы Рима, Сулла обвинения

проигнорировал и продолжил формировать легионы, чтобы выступить на восток. Оставив один легион осаждать Нолу, остальные пять он двинул на юго-восток, к порту Брундизий (ныне Бриндизи), чтобы оттуда отплыть в Грецию.

Не в состоянии помешать Сулле покинуть Италию, Цинна растоптал последние остатки принесенной им священной клятвы. Стремясь заручиться широкой поддержкой италийцев, он объявил о намерении возобновить программу Сульпиция, предполагавшую их равномерное распределение между тридцатью одной сельской трибой. Видя, что коллега так бесцеремонно нарушил обет, Октавий пришел в ужас и взялся спланировать не только консервативное общественное мнение, но и вооруженные шайки.

С учетом того, что политические дебаты теперь неизменно решались на улице, обе стороны окружили себя многочисленными ордами грозных сторонников. Если Цинна призвал в свои ряды полчища италийцев, то Октавий мобилизовал городских плебеев, прекрасно понимавших, что стоит италийцам равномерно распределиться по трибам, как они тут же погребут их под собой раз и навсегда. В Риме плебс по численности превосходил италийцев, поэтому когда стороны схватились в бою, Цинне пришлось спасаться из города бегством. После чего Октавий убедил Народное собрание лишить Цинну не только консульского звания, но и гражданства. На его место палата назначила никому не известного Мерулу. Избрание этого человека отнюдь не было случайностью – Мерула входил в число служителей культа и в этом качестве практически не имел права участвовать в общественных делах. Октавию предстояло править Римом одному.

Но хотя в Риме его сторонников было меньше, чем городских плебеев, за пределами города численный перевес был на его стороне. Италийцы понимали, что борьба за политическое равенство теперь сместилась с гражданства на избирательные права. Гражданство, благодаря *Lex Julia*, у них уже было, но они осознавали, что надо воевать дальше за право на равных участвовать в выборах. Когда Цинна предложил им равные избирательные права, те, кто совсем недавно сражался за «Италию», с готовностью примкнули к нему. Покинув Рим, Цинна объехал весь юг, включая Тибура, Пренесте и Нолу, в итоге собрав больше десяти легионов.

Кроме того, Цинна обладал обширными связями в среде недовольных аристократов, которых мог призвать к нему присоединиться. Гней Папирий Карбон – в последний раз выходивший на политическую сцену в 89 г. до н. э. с законопроектом о предоставлении италийцам гражданства – собрал собственное войско и примкнул к Цинне. Его примеру последовал и Квинт Серторий, молодой офицер, который проявил себя верным служакой Мария, обеспечивая снабжение Цизальпинской Галлии во время Союзнической войны. К Сулле, стараниями которого он стал последним генералом Мария, принимавшим участие в этой гражданской войне после смерти или поражения остальных, он питал безжалостную ненависть.

Сформировав из италийцев армию, Цинна к тому же переманил на свою сторону тот единственный легион, который Сулла оставил для осады Нолы. Обращаясь к его солдатам, он театрально положил на землю символы своей власти и сказал: «Эту власть, граждане, я получил от вас, за нее проголосовал народ; теперь же сенат отнял ее у меня без вашего согласия; теперь, горюя о моих собственных печалях, я также негодую за вас... Что вы будете делать с властью в Народном собрании, при голосовании, на выборах консулов, если не можете обеспечить то, что даете, и принимая решения, не в состоянии их выполнять»^[253]. После этого Цинна упал на землю и встал, только когда его подняли, вернули символы власти и поклялись следовать за ним.

Если Цинна собрал поистине огромную армию, то его коллега, консул Октавий, смог мобилизовать из рядов городских плебеев лишь незначительные силы. Армии Помпея Страбона по-прежнему стояли поблизости от Аскула, однако его лояльность вызывала сомнения. Он был себе на уме и вряд ли подчинился бы Цинне, но при этом до сих пор гневался на Суллу за попытку отстранить его от командования армией. Цинна ловко воспользовался озлоблением и тщеславием Страбона и предложил ему альянс, скрепив его обещанием разделить в 86 г. до н. э. консульские посты. Объединив свои армии, Цинна и Страбон станут сильнее любой другой фракции в Италии, с которой не сможет сравниться даже Сулла, их общий враг, когда вернется с востока^[254].

Единственной силой, к которой мог обратиться Октавий, были легионы Метелла Пия. Но у того пока были связаны руки – он был

занят подавлением последних самнитов и вырваться не мог. В отчаянии сенат приказал Пию как-то договориться с самнитами, закончить войну и возвратиться в Рим. Понимая силу своих переговорных позиций, те потребовали «гражданства не только для себя, но и для дезертиров, перешедших на их сторону»^[255]. К тому же они наотрез отказались отдавать любые захваченные ими трофеи и потребовали «вернуть им всех пленников, равно как и тех, кто дезертировал из их собственных рядов»^[256]. Однако Пий не хотел, чтобы мятежники вышли из игры на столь щедрых условиях. Его сомнениями тут же воспользовался Цинна. Он отправил к самнитам бескомпромиссного соратника Мария по имени Гай Флавий Фимбрия с поручением предложить им собственные условия: Цинна соглашался выполнить их требования, если они примкнут к нему в борьбе против Октавия. Самниты согласились. Рим затрепетал.

В 87 г. до н. э., после истребления италийцев, Митридат правил Азией своей неоспоримой властью. Большая часть региона уже согласилась на щедрые условия царя, но несколько упрямых городов, таких как Родос, продолжали сопротивляться. Поскольку первые шаги принесли ему такой успех, он выпустил на волю свои амбиции и теперь планировал выставить себя освободителем Греции, выгнать римлян и властвовать над империей, простирающейся от Черного до Адриатического морей.

Оставаясь в Азии, дабы по всем правилам присоединить новые владения, в начале 87 г. до н. э. он отправил своих полководцев организовать вторжение в Грецию, причем сразу на двух театрах военных действий, сухопутном и морском. В Македонии высадилась армия фракийских наемников, а в море вышли главные силы понтийского флота под командованием Архелая. Этот генерал был одним из тех, кто служил Митридату дольше всего, и в 95 г. до н. э. даже сталкивался в Каппадокии с Суллой, когда тот усаживал на трон своего ручного царя Ариобарзана. Во главе своего несметного флота Архелай вышел в поход и через Эгейское море направился в Афины. Там, с помощью дружественной политической фракции, он убедил афинян объявить о своей лояльности к Митридату. Жители города понимали, что этот шаг означает объявление Риму войны, но на фоне

флота Архелая, уже покачивавшегося на волнах в их гавани, месть республики казалась им далекой угрозой.

Когда на сторону Митридата перешли Афины, их примеру последовала и большая часть остальной Греции. Держать линию обороны против целого региона, отвергшего римское владычество, остались лишь несколько легионов под командованием претора Суры. Встав на охрану македонской границы, атаку фракийцев он отбил, но если ему не прислать подкрепление, то Рим потеряет Грецию с той же быстротой, с какой от него ускользнула Азия. К счастью для осаждаемого врагами претора, подмога была уже в пути.

Забыв на время о проблемах дома, весной 87 г. до н. э. Сулла вышел в Адриатическое море. Пока он вел свои легионы маршем на восток, каждый город, который проходила его армия, клялся в непоколебимой верности Риму – еще бы, разве вы на их месте поступили бы иначе? Но вопреки ожиданиям, Архелай не повел свою армию вперед, чтобы остановить продвижение Суллы. Это позволило римлянину беспрепятственно выйти к воротам Афин. По прибытии он приказал городу сдаться. А когда афиняне отказались, повелел построить вокруг города осадные сооружения. Но у него возникла проблема – на море хозяйничал Архелай. И пока в Пирейской гавани стоял понтийский флот, римлянам и думать было нечего начинать осаду. Чтобы справиться с этим затруднением, Сулла отправил Луция Лициния Лукулла^[257], одного из самых верных ему офицеров, объехать восточные царства с требованием предоставить Риму корабли. А в ожидании его возвращения, встал лагерем у стен Афин. Туда ему доставляли вести из Италии. Услышанное ему совсем не нравилось, но больше всего его встревожило сообщение о возвращении Гая Мария.

Когда до Мария дошел слух о том, что Цинна формирует армию из италийцев, многие из которых были ветеранами его собственных битв, он тут же стал готовиться к отъезду из временного островка безопасности на Керкенне. За пару недель он собрал из преданных ему сторонников небольшое войско, включив в него и отряд личной стражи из трехсот иллирийцев, снискавший себе самую дурную славу. Эти хладнокровные наемники, прозванные *бардиеями* (в переводе с латыни это слово означает «ботинки с шипами»), не питали ни малейшей

симпатии к бессвязно лопотавшим римлянам, умолявшим сохранить им жизнь.

Отплыв обратно в Италию, Марий обогнул Рим стороной, двинулся дальше на север и высадился в Этрурии. На севере страны Третий Основатель Рима пользовался популярностью. Он не только избавил тамошних жителей от кимбров, но и щедро наделил правами и привилегиями тех, кто служил под его началом. Узнав, что великого Мария изгнали из Рима как обыкновенного преступника, этруски воспылали гневом. Когда он сошел на берег, «бегство и изгнание добавили к его высокой репутации толику благоговения»^[258], поэтому он, куда ни шел, повсюду набирал рекрутов. Вскоре Марий уже командовал собственным легионом в шесть тысяч человек. Это войско по размерам уступало армии Цинны, но было достаточным для того, чтобы требовать аудиенции. После встречи с Цинной, Марий – который отнюдь не был одержимым жаждой власти сумасбродом, каким его порой любят описывать – добросовестно признал его главнокомандующим. Как ни крути, а Цинна по-прежнему оставался консулом. Жест старого вояки он оценил и пригласил Мария в свой военный совет.

Этот главный военный совет – отныне включавший Цинну, Карбона, Сертория и Мария – разработал стратегию, направленную на окружение и блокаду Рима. Марию следовало захватить жизненно важный порт Остия, а Цинне Аримин и Плацентию. Легионы Карбон, тем временем расположатся в верховьях Тибра. Заняв позиции, их объединенные войска задушат Рим. Но Октавий в Риме, даже видя, как вокруг разворачиваются все эти вражеские силы, не собирался сдаваться.

Вскоре его упрямое сопротивление было вознаграждено. Рассмотрев все варианты, Помпей Страбон решил не примыкать к Цинне, а выступить против него. Зная, что Метелл Пий увяз в Самнии, а Сулла в Греции, Страбон понимал, что стены Рима теперь охраняло сформированное из городского плебса ополчение, которому в жизни не устоять перед десятками тысяч закаленных ветеранов-бойцов. Особенно когда италийцы отрежут город от продовольствия и воды. Поэтому Страбон решил воспользоваться возможностью и выставить себя спасителем. Если он бросится вперед, чтобы избавить Рим от

нависшей над ним угрозы, то станет не только героем в глазах сената и народа Рима, но и самым могущественным в Италии полководцем.

Овладев всеми окрестными территориями, в конце 87 г. до н. э. армия Цинны, наконец, перешла в открытое наступление на Рим. Но город, получив подкрепление в виде легионов Страбона, атаку отразил. Поначалу казалось, что в ту минуту он и правда станет героем, но потом по нему нанесла свой сокрушительный удар судьба. Зимой 87–86 гг. до н. э. лагерь легионеров накрыла волна чумы, унеся жизни десяти тысяч человек, в том числе и Помпея Страбона. И поскольку этого человека никто не любил, из его смерти устроили сенсацию, пустив слух, что он пал жертвой злого рока от удара молнии. Внезапная смерть Страбона изменила всю расстановку политических и военных сил конфликта. Когда в следующий раз Цинна с Марием подошли к Риму, встать у них на пути уже было некому.

После смерти Страбона, повергшей всех в шок, сенат потерял всякую надежду выдержать осаду. Чтобы продолжить борьбу, Октавий выскользнул из города и встретился со своими главными сторонниками, Метеллом Пием и Марком Крассом Дивом^[259]. Затем отправился в Альбанские горы неподалеку от Рима и попытался набрать войско из латинян, сохранивших Риму верность во время Союзнической войны. Однако процесс этот затянулся и так как армия Цинны опять намеревалась двинуться маршем на Рим, сенат приказал Метеллу Пию начать мирный процесс. Первым делом Цинна потребовал, чтобы Пий обращался с ним, как с консулом и сказал: «Я покинул Рим консулом и частным лицом в него не вернусь»^[260]. После нескольких раундов переговоров сенат принял все условия Цинны. Недавно назначенный консулом священнослужитель Мерула официально покинул пост. За это Цинна пообещал не убивать преднамеренно никого, когда войдет в город. При этом все видели, как сердито и недобро смотрел рядом с ним Марий. Сразу по окончании переговоров Метелл Пий благоразумно удалился в Африку.

Считая вопрос урегулированным, сенат приказал открыть ворота, и восстановленный в должности консул Цинна вошел в город во главе своей армии. Но Марий за ним на тот момент не последовал. Старик отказался делать это до тех пор, пока его официально не исключат из списка врагов государства. Поэтому сразу по возвращении Цинна

убедил Народное собрание отменить запрет на проживание в городе двенадцати сторонников Мария, входивших в список Суллы, и восстановить их гражданское достоинство. Затем побудил его членов отплатить той же монетой человеку, который задумал и осуществил ссылку Мария. И под бдительным присмотром Цинны Народное собрание объявило Суллу врагом государства.

Когда его восстановили в гражданских правах, Марий вошел в Рим. Несколько часов все было спокойно. Затем началась резня. Хотя Цинна и дал слово не устраивать кровавых кутежей с убийствами в наказание Риму, Марий ничего подобного не обещал, а его солдаты так и рвались с поводка. И для ветеранов-италийцев, сражавшихся на фронтах Союзнической войны, и для иноземных наемников разграбление Рима представляло собой шанс, который никто не собирался упускать. Поэтому на пять дней народ Рима накрыла волна кровавого террора, когда «больше не было ни почтения к богам, ни человеческого негодования, ни страха мести за совершенные деяния... когда убивали без всякой жалости, затем перерезали мертвецам шеи и выставляли эти ужасы на всеобщее обозрение, чтобы внушить ужас и страх, или же устроить нечестивый спектакль»^[261]. Но эти убийства отнюдь не носили беспорядочный характер. Свои усилия шайки мародеров сосредоточили на богатых кварталах города, а те, где жил плебс, обходили стороной. Такой избирательный подход позволял установить порочную связь между солдатами и римской беднотой; после продолжительного периода страха перед столкновением, обе стороны действительно с удивлением обнаружили, что у них есть общий враг в лице богатой знати на Палатинском холме.

Для всех без исключения главной целью стал коллега Цинны Октавий, который, узнав о капитуляции сената, пришел в ярость. Хотя войск под его началом и не было, прятаться он отказался. Но Цинна хоть и пообещал *сознательно* не предавать никого смерти, поступки его людей, действовавших по собственному разумению, были ему неподвластны. Одному из его солдат понадобилось совсем немного времени, чтобы выследить Октавия, бесцеремонно его убить, а голову доставить Цинне. Тот не только не осудил это убийство, но и приказал выставить голову Октавия на всеобщее обозрение на форуме. И это было только начало.

Когда сторонники Цинны вошли в раж, великий оратор-оптимат Марк Антоний обнаружил, что на него нацелился Карбон, сын того самого человека, которого он за двадцать пять лет до этого довел до самоубийства. Выследив Антония на одном из постоянных дворов, верный Карбону трибун послал наверх несколько своих человек. Но Антоний как оратор «обладал невероятным очарованием»^[262] и отнюдь не растерял своих талантов убеждать. «Он попытался умиловать их продолжительной речью, взывая к жалости и упоминая многие вопросы, но тут в дом ворвался трибун, понятия не имевший, что происходит»^[263]. В бешенстве от того, что Антоний своими речами чуть было не отвратил от себя угрозу, он «убил его, даже не дав договорить»^[264]. Голову Антония тоже выставили на форуме.

Однако не все убийства совершались на улице. Злополучный консул-священнослужитель Мерула удостоился официального суда, но предпочел покончить с собой, чтобы не выслушивать смертный приговор. Он «вскрыл себе вены, а когда на алтарь брызнула его кровь, призвал тех самых богов, которым в роли жреца Юпитера раньше молился за безопасность государства, обрушить свой гнев на Цинну и его сторонников»^[265]. Над бывшим коллегой Мария Катулом – тем самым человеком, который всегда пытался присвоить себе победу в сражении на Раудийском поле, – тоже в качестве любезности устроили показательный процесс. Понимая, что над ним нависла смертельная опасность, он попросил Мария сохранить ему жизнь. Но тот в ответ сказал лишь одно: «Ты должен умереть». Катул вернулся домой и удавился.

Из жертв, сложивших головы за эти пять кровавых дней, нам известны имена четырнадцати человек, в том числе и шести бывших консулов, что является фактом неслыханным. Погибли Луций Цезарь и его брат Гай, покончили с собой, поняв, что их вот-вот схватят, Красс Див и его старший сын. А некий бедолага Анхарий умер только за то, что поприветствовал на улице Мария, а тот его не признал. «Ботинки с шипами» изрубили его прямо на месте. При виде появлявшихся на форуме отрубленных голов народ Рима холодел от ужаса, видя как «ростру, которую их предки украшали носами вражеских кораблей, теперь позорно уродовали головы граждан»^[266].

На этом этапе его карьеры Мария нередко изображают безумцем, которого обуяла жажда крови, человеком, «чья злоба нарастала с

каждым днем»^[267]. Выступая в образе старика, снедаемого в дряхлом возрасте неутолимой жаждой мести, он «никак не мог напиться крови, убивая всех, кого хоть в чем-то подозревал»^[268]. Но если посмотреть на этот кровавый хаос со стороны, то он выглядел ничуть не лучше и не хуже любого другого – да, Марий устроил личную вендетту и спустил своих людей с цепи, но так поступали и остальные. Вместе с тем, он действительно намеревался продолжать этот террор дольше коллег, и пальцем не пошевелил, чтобы обуздать своих *бардиеев*, далеких от всякой человечности. Восстановить порядок пришлось Серторию и Цинне – посредством последнего зверского убийства. Глубокой ночью они окружили *бардиеев* Мария и всех до последнего перебили. Их массовое истребление ознаменовало собой завершение пятидневного террора.

Когда убийства прекратились, каждый, кто хотел покинуть Рим, смог сделать это без всякого труда. Это привело к исходу из города семейств, которые пережили террор, но не желали иметь никакого касательства к установленному Цинной порядку. Среди беженцев были жена Суллы Метелла и его дети, которые отправились прямо в Афины сообщить ему, что Марий взял Рим, что их друзья мертвы, что его самого объявили врагом государства.

К величайшему ужасу Суллы, зимой 87–86 гг. до н. э. осада Афин все еще продолжалась. Городу уже давно полагалось пасть, но Лукулл, посланный за кораблями, все не возвращался. И в то самое время, когда он беспомощно торчал под стенами Афин, к нему явились жена и дети. При их виде он испытал потрясение, которое усугубилось еще больше, когда ему рассказали, что Рим пал под ударами врагов, что все его владения сровняли с землей, что Народное собрание объявило его врагом государства. Но хуже всего для него было то, что Мария практически наверняка назначат главнокомандующим в войне против Митридата.

Лишившись денежной подпитки из Италии, Сулла – для финансирования не только борьбы с Митридатом, но и гражданской войны с Марием, грозно маячившей впереди, – стал выкачивать средства из местных греков. Для достижения этой цели у Суллы было блестящее средство – набитые богатствами святилища наподобие Дельфийского оракула. Беспощадная дань, которую он наложил на эти

религиозные сокровищницы, стала причиной огромных моральных страданий даже для его собственных доверенных лиц, которые «с неохотой прикасались к этим святыням и пролили немало слез... вынужденные это делать»^[269]. Но это не помешало им забрать деньги и уйти.

Всю зиму получая скверные новости, в марте 86 г. до н. э. Сулла обратил свой гнев на Афины. Когда забрезжило тепло, отцы города вышли к нему, чтобы попросить пощады, но так многоречиво говорили в защиту Афин, этого сияющего светоча истины и разума, что Сулла вышел из себя: «Римляне послали меня не изучать вашу историю, а подавить мятеж». Когда его терпение лопнуло, он, чтобы захватить город, пошел на рискованную уловку. Как-то ночью пара когорт римских солдат с помощью больших лестниц забрались на стену Афин, выбрав место, где ее плохо охраняли. Этому передовому отряду удалось успешно открыть ворота и впустить в город своих соплеменников. Последовавшие за этим события напоминали террор в Риме, только еще хуже. Сулла не сдерживал своих людей, разрешив им грабить, убивать и насиловать в свое удовольствие. Позже один из свидетелей рассказывал, что «пролитая на рыночной площади кровь покрывала весь Керамик до самых Дипилонских ворот; а многие даже говорят, что она вытекала из них, затопляя предместье»^[270]. Только после отчаянной мольбы как греков, так и римских друзей, Сулла позволил убедить себя прекратить насилие.

После захвата Афин он все свое внимание сосредоточил на Пирейском порту. Легионы опрокинули его защитников, а флот Архелая вынудили выйти в открытое море. Затем Сулла приказал снести знаменитые пирейские доки и разрушить их стены. Стремясь закрепить победу, он решил завоевать всю остальную Грецию и только после этого выступить против армий Мария.

Находившийся в Риме Цинна все последние дни 87 г. до н. э. готовил свое переизбрание на консульский пост. Стараясь придать своему правлению конституционный облик, он разрешил проводить выборы, но при этом, вероятно, воспользовался данной ему консульской властью, чтобы отстранить от них всех других кандидатов. В полном соответствии с достигнутыми ранее договоренностями, единственным человеком, которого к ним допустили, стал Гай Марий.

В январе 86 г. до н. э. Марий, наконец, в седьмой раз стал консулом, утверждая, что это ему предназначила сама судьба.

Разделение обязанностей при правлении Цинны и Мария видится ясным. Марию следовало возглавить легионы в войне против Митридата. Он планировал набрать войско, отправиться в Грецию и отстранить от командования Суллу. Цинна тем временем останется в Риме и займется вопросами политического и экономического урегулирования в Италии. Если все пойдет хорошо, Суллу можно будет отстранить от власти, Марий выиграет войну, вернется домой, где установился дружественный ему режим, разделит с Цинной трофеи и они станут пожизненными властелинами Рима.

К несчастью для них, на деле все вышло иначе. Сколько Марий это ни отрицал, он ведь и правда был уже человек в возрасте и обладал слабым здоровьем. Незадолго до этого перенес операцию по лечению варикоза вен, а буквально через несколько недель после вступления в должность заболел пневмонией. Не успел еще никто осознать всю серьезность создавшегося положения, как Гай Марий скончался. Всего через семнадцать дней после своей седьмой инаугурации на высшем государственном посту, Гай Марий, глядя на разложенные перед ним на столе карты Греции и планируя решающий поединок с Суллой, умер одной из так хорошо известных в истории смертей, которые не позволяют дожидаться развязки и приносят одни разочарования.

В римской истории Гай Марий был одной из основополагающих фигур и в начале своей карьеры представлял собой лишь «нового человека» италийского происхождения. Но, благодаря настойчивости и упорству, двигался по «пути чести» все дальше и дальше. А по мере своего восхождения все больше выпускал на волю силы популяров, бросивших вызов господству сената. Он наладил связи с торговцами-публиканами, дружил с италийцами, покровительствовал обедневшим ветеранам своих легионов. Выиграл войны против Югурты и кимвров, а на пике могущества его чествовали как Третьего Основателя Рима. Его эффектная карьера стала примером для амбициозных представителей грядущих поколений, пусть и не всегда положительным. Под конец жизни Марий воплотил в себе темные стороны неумных амбиций: «как следствие, можно сказать, что он в равной степени спасал государство как солдат и вредил ему как гражданин, сначала кознями, затем революционными действиями»^[271].

Прежде всего, Марий был человеком, никогда не способным удовлетворить свои амбиции, ведь хотя он «первым в седьмой раз избрался консулом, хотя обладал домом и богатствами, которых хватило бы на несколько царств, это не мешало ему сетовать на судьбу, наславшую на него смерть, так и не дав реализовать до конца все желания»^[272].

Теперь Цинна остался единовластным правителем. Присутствие Мария в созданной им коалиции всегда доставляло ему неудобства. Смерть старика принесла долгожданное облегчение. Теперь Цинна мог претендовать на звание Мария без оглядки на него самого. Сторонники последнего были значимой опорой коалиции Цинны, которая теперь включала купцов-публиканов и сенаторов умеренного крыла, стремившихся сохранить мир. Но первой своей опорой он считал италийцев, которым и был обязан своей властью. Из них, в основном, состояла захватившая Рим армия, во главе которой встал человек, пообещавший им всестороннее политическое равенство. Установленный Цинной режим в самом прямом смысле этого слова представлял собой победу италийцев в Союзнической войне.

Укрепляя свою власть в Риме, Цинна одновременно занялся пересмотром внешней политики. После смерти Мария ему требовался новый лидер для военного похода на восток. В итоге консул разделил армию Мария, при его жизни единую, на две части. Первую из них получил под командование Луций Корнелий Сципион Азиатский, вторую Луций Валерий Флакк. Затем он убедил сенат назначить первого в провинцию Македония, провел через Народное собрание избрание второго консулом и приказал отправляться в Азию.

Но Цинну больше заботила не война на востоке, а ситуация в самой Италии. Экономика страны лежала в руинах, а после убийства Азеллиона три года назад стало еще хуже. С востока по-прежнему не поступали подати, способные пополнить казну, поместья по всей Италии все так же были разорены. Поэтому перед отправлением на восток Флакк провел через Народное собрание закон об аннулировании трех четвертей всех невыплаченных долгов. Без такого лекарства было не обойтись. Пока Рим не вернет Азию, пока в Италии вновь не начнется хождение денег, ничего другого в арсенале средств не имелось. Но в его законе имелось несколько ключевых пунктов,

спасавших кредиторов от полного разорения. Во-первых, законодательный акт гарантировал публиканам-банкирам, что они получают *хоть что-то*, хотя до этого казалось, что им не достанется *ничего*. Во-вторых, у них и самих имелись долги, бремя которых снималось с них так же, как и со всех остальных.

Когда летом 86 г. до н. э. Флакк и Луций Азиатский выступили на восток, Цинна предпринял для стабилизации экономики еще один шаг. Массовая подделка монет во время Союзнической войны подорвала веру общества в денежное обращение. Семьи всячески придерживали настоящие деньги, стараясь не пускать их в оборот, что еще больше уменьшало их долю на рынке. Чтобы восстановить доверие к денежной системе, создали комиссию, поставив перед ней цель учредить единые пробы металлов, обменные тарифы и методы проверки подозрительных монет. Об этом нам стало известно по той причине, что одним из членов комиссии стал другой племянник Гая Мария – Марк Марий Гратидиан. Не успела комиссия обнародовать полученные совместно результаты, как Гратидиан похитил подготовленный ею план, взобрался на роstrу и выдал всю эту историю за свою личную инициативу. Новая система привела всех в восторг, и пока остальные члены комиссии изрыгали слова протеста, которых никто не слышал, город вспылал к Гратидиану любовью.

К весне 86 г. до н. э. Сулла уже узнал о смерти своего старого врага Мария и не без некоторого облегчения переключил внимание на Архелая. Покинув Афины, понтийская армия, наконец, сошла на берег на северо-востоке Греции. Высадившись с войском в составе 120 000 человек, Архелай двинулся в глубь территории. Бросившись вперед, чтобы его перехватить, Сулла ловко заманил его под Херонею, где два войска, наконец, сошлись в бою. Несмотря на численное превосходство врага, его легионы разбили понтийское войско, даже не вспотев. Чтобы дать вам представление о масштабах преувеличений, встречающихся в древних источниках, можно привести слова самого Суллы, утверждавшего, что в ходе битвы при Херонее погибло сто тысяч понтийских солдат, в то время как сам он потерял всего четырнадцать человек. Это, конечно же, откровенная ложь, хотя из нее еще не следует, что он не одержал удивительную победу. Самому Архелаю удалось бежать, но в отсутствие армии, которой он мог бы командовать,

кратковременная понтийская оккупация Греции Понтом, по-видимому, подошла к концу.

После одержанной победы Сулла переключил внимание на запад. Флакк к этому времени уже перебросил в Грецию два легиона, однако его намерения оставались неясными. Перед выступлением он отправил через Адриатическое море свой авангард, но тот после первого же контакта с легионами Суллы перешел на сторону противника. Поэтому теперь, оказавшись в Греции лично, он опасался далеко отпустить своих людей из страха, что на них подействует волшебная притягательность Суллы. И вместо того, чтобы сразу дать бой, Флакк продолжал двигаться дальше на Геллеспонт. Тем временем Луций Азиатский со своими двумя легионами вышел к македонской границе и встал там лагерем. Пока Сулла увяз в борьбе с Архелаем, Флакк с Луцием Азиатским вполне могли бы перехватить у него инициативу, ринувшись в Азию и победив Митридата.

Несмотря на потери под Херонеей, черноморская империя понтийского царя еще позволяла ему пополнять резерв живой силы. Когда Архелай опять отплыл в Грецию во главе *другой* армии численностью в 120 000 человек, Сулле пришлось начать новую военную кампанию. Войска сошлись в бою под Орхоменосом, и на этот раз его легионы в начале сражения дрогнули. Но он преградил одной из отступавших когорт путь и закричал: «О римляне, мне здесь уготована почетная смерть; но когда вас спросят, где вы предали своего полководца, не забудьте сказать, что это случилось под Орхоменосом»^[273]. Пристыженные солдаты воспылали жадой действия, повернули, вступили в бой и вновь нанесли понтийскому войску сокрушительный удар. Ресурсов сформировать *еще одну* армию в 120 000 человек не было даже у Митридата. Битва при Орхоменосе ознаменовала собой окончание войны в Греции.

Тем временем стоявший у Геллеспонта Флакк умер насильственной смертью от руки своего легата Гая Флавия Фимбрии. На какой почве они поссорились, остается загадкой, но когда легионы подошли к городу, Фимбрия уже вовсю готовил мятеж. Чтобы добиться расположения солдат, он разрешил им на марше грабить окрестности и сквозь пальцы смотрел на нарушения в лагере дисциплины. Покончив с приготовлениями, Фимбрия поднял бунт. Флакк попытался бежать, но его выследили, убили и армию, в конечном итоге, возглавил Фимбрия.

Взяв в свои руки бразды правления, он повел легионы в Азию и в наказание взялся ее грабить. Он не собирался входить в провинцию как полководец освободительной армии, а решил наказать азиатские города, выступившие против Рима. Видя свирепый разгул его армии, Митридат, потерявший в Греции почти все свои войска, волей-неволей бежал из Пергама в Питану, но Фимбрия даже там его чуть не поймал. В этот самый момент в Эгейское море во главе флота вошел куда-то было запропавший Лукулл. Он мог без труда блокировать Питанскую гавань и не позволить понтийскому царю бежать морским путем, но, оставаясь верным легатом, не мог допустить, чтобы враг Суллы присвоил себе заслугу поимки Митридата. И поэтому двинулся дальше, позволив ему беспрепятственно уплыть.

Понтийский царь хоть и бежал, но при этом понимал, что вокруг него все больше смыкаются стены. Рассчитав, что от Суллы можно добиться более благоприятных для него условий, он через своего генерала Архелая вышел с ним на связь. Его полководец сделал римлянину заманчивое предложение: если Сулла оставит Азию Понту, Митридат окажет ему поддержку в гражданской войне. Но тот лишь расхохотался и выдвинул собственные условия: Азия возвращает себе статус провинции Рима, Каппадокией и Вифинией правят ручные цари, а Митридат возвращается в Понт. Но поскольку просто сохранить *статус кво до войны* ему казалось недостаточным, Сулла потребовал возмещения за все причиненные Митридатом бедствия: семьдесят кораблей и груды серебра, вероятно для финансирования его похода против врагов в Италии. Если вспомнить, каким страшным преступлением было истребление италийцев, для Митридата это была невероятно щедрая сделка.

В начале 85 г. до н. э. Сулла и Митридат, наконец, встретились лично на одном из островов в северной части Эгейского моря. В начале их разговора они посостязались в воле – ни один, ни другой не желал первым взять слово. Наконец, Сулла нарушил молчание и сказал: «Первым надлежит говорить просителю – победителю больше подобает молчать». После этого понтийский царь пустился в пространные и совершенно лживые рассуждения о том, как Аквиллий и другие римляне своими кознями втянули его в войну. Сулла перебил рассказ царя, выпалив перечень его собственных преступлений, поставив на первое

место убийство восьмидесяти тысяч италийцев. Не в состоянии их отрицать, в отсутствие армии, за которой можно было бы спрятаться, понтийский царь согласился на все его условия. Заключив с Митридатом соглашение, Сулла позволил ему вернуться в Понт, где царь взялся возрождать свое могущество и планировать следующий ход, «подобно тому, как с новой силой разгорается не до конца погасший огонь»^[274].

Узнав об условиях соглашения, войска Суллы ушам своим не поверили. Когда Югурта когда-то подкупил нескольких престарелых сенаторов, его в наказание провели по улицам Рима в цепях, бросили нагим в сырую темницу и до смерти заморили голодом. Митридат же был повинен в вопиющей агрессии и массовых убийствах. Но раз так, то почему этот человек *не* вышагивал впереди триумфальной процессии Суллы? С какой стати ему позволили вернуться домой? Почему он так и остался царем? Все это было возмутительно.

Объяснить столь вольготные условия, выдвинутые Суллой, не составляет никакого труда. Благодаря им он мог полностью переключить свое внимание на врагов в Риме. После встречи с Митридатом Сулла тут же двинул свои войска на борьбу с азиатскими легионами Фимбрии. Во время их марша через Геллеспонт он обнаружил неприятеля и тоже разбил неподалеку лагерь. С учетом превосходящих сил противника, два легиона Фимбрии не намеревались вступать в бой. Если Суллу считали великим воителем и завоевателем, то Фимбрию – легатом-отступником и убийцей. Когда офицеры сообщили ему, что не будут драться, Фимбрия согласился сложить с себя командование, уехал в Пергам и там покончил с собой.

Теперь, когда война закончилась, Сулла взялся за реорганизацию Азии. Система, существовавшая ранее, своими корнями уходила в завещание царя Аттала III, в соответствии с которым многие города освобождались от уплаты податей. Сулла это требование отменил. В наказание за сотрудничество с Митридатом вольных городов больше не осталось и платить теперь пришлось *всем*. Более того, для возмещения собственности, которую у него отняли, Сулла назначил компенсацию в размере подати за целых пять лет. Сразу такую сумму выплатить никто не мог, и с учетом того, что система публиканов-откупщиков была разрушена, всю зиму 85–84 гг. до н. э. римские солдаты собирали все, что только могли, для финансирования грядущей кампании в Италии.

В Риме было спокойно, город погрузился в тревожную тишину. Еще несколько лет назад он был зоной боевых действий; после яростных уличных боев лежал в руинах форум. Теперь все затихло. В период правления Цинны юный Марк Туллий Цицерон, закончив службу в легионах под командованием Помпея Страбона, обосновался в Риме изучать риторику и ораторское искусство. Позже он скажет, что «в последующие три года в городе не было вооруженных беспорядков».

На тот момент практически не было дела, за которое стоило бы сражаться. Италийцы теперь получили все, что хотели. Хотя источники на этот счет не высказываются ясно и определенно, можно почти с уверенностью сказать, что Цинна выполнил обещание и распределил их по тридцать одной сельской трибе. Хотя *полностью* италийцев включают в списки граждан только после гражданской войны, именно в годы правления Цинны их стали вносить туда на постоянной основе. С благодарными италийцами за спиной, Цинна мог рассчитывать на их преданность и поддержку, когда вернется Сулла – если вернется вообще. В их глазах Сулла был тем самым человеком, который двинул свою армию на Рим как раз для того, чтобы *помешать* им стать равными. И хотя в Италии теперь царило спокойствие, после его возвращения домой старые фронты Союзнической войны могли вспыхнуть с новой силой.

Однако к концу 85 г. до н. э. окутывавшая страну пелена тревоги стала понемногу рассеиваться после того, как режим Цинны впервые вступил в контакт с триумфатором Суллой. Сделав вид, что его никто не объявлял вне закона, тот прислал в Рим пространный отчет о своих военных походах, а также о дипломатических и финансовых достижениях. В результате этого его шага сенат оказался в неудобном положении. Он послал к Сулле делегацию встретиться с ним и выслушать его намерения. Тем временем Цинна и Карбон опять выиграли выборы консулов 84 г. до н. э., поставив их под свой контроль, и приступили к мобилизации италийцев на войну.

Сенатским посланникам Сулла ответил гневно, но прямо. Он заклеил позором бесчестное отношение к нему врагов. Перечислил свои победы, рассказал о заслугах. Он только что отвоевал Азию! И что получил в благодарность? Объявление вне закона. Захват и уничтожение его владений. Изгнание жены и детей. Но он, как человек

с большим сердцем, предлагает простые условия: сенат и народ Рима должны восстановить его поправное достоинство и вернуть собственность. Не более того. Еще он добавил, что по возвращении в Рим может и не пощадить своих врагов – но если их защитой озаботится сенат, он уважительно отнесется к его решению.

Пока делегация ездила в Азию, Цинна с Карбоном продолжали набирать армию. Сенат приказал им прекратить подготовку к войне и дожидаться возвращения послов, но консулы попросту кивнули головами и вернулись к прерванному занятию. Сидеть и спокойно дожидаться, когда их заклятый враг возвратится в Рим во главе пяти ветеранских легионов было бы верхом глупости. В действительности теперь они собирались остановить его еще на подходах к Италии.

Поскольку полуостров только-только начал приходить в себя после разрушительного разгула Союзнической войны, Цинна планировал переправить армию через Адриатическое море и вступить с Суллой в схватку в Греции. В Македонии у него уже было два легиона под командованием Сципиона Азиатского. Если все пойдет как надо, Сулле, когда он, наконец, решит вернуться домой, преградит дорогу колоссальное войско безжалостных, ненавидящих его италийцев, готовых до последнего вздоха защищать свои гражданские и избирательные права. Однако безудержное желание консулов побыстрее выдвинуть людей на позиции повлекло за собой роковые последствия. По непонятным причинам, которые история покрыла мраком тайны, Цинна не пожелал дожидаться весны, чтобы отправить через Адриатику своих новобранцев, и погрузил их на корабли в первые месяцы зимы 84 г. до н. э.

Первая партия войск пересекла море без происшествий, но вот второй конвой застиг ужасный шторм, в результате которого многие корабли пошли ко дну, а вместе с ними и половина личного состава. Выбравшись на берег, оставшиеся в живых тут же подняли мятеж. Этот инцидент бросил остальные легионы армии Цинны в дрожь, и подразделение, расквартированное в городе Анконе, отказалось выходить в море. Консулу пришлось ехать туда лично, чтобы встретиться с бунтовщиками лицом к лицу и напомнить, что он требует от них только одного – подчинения. Однако напуганные новобранцы встретили его гневно и враждебно.

Прибыв на место, Цинна объявил общий сбор, чтобы обратиться к войскам. Но когда он вклинился в толпу собравшихся солдат, один из них отказался уступить ему дорогу и тут же получил удар от одного из его личных стражей. Воин дал сдачи, и Цинна велел его арестовать. Этот приказ еще больше распалил толпу. Сначала она забросала его ругательствами, а потом и камнями. Чтобы избежать этого внезапного нападения, Цинна попытался вырваться из толпы, но его схватил какой-то озлобленный центурион. Перепуганный консул якобы предложил ему перстень, если он его отпустит, но воин хмуро на него глянул и сказал: «Я пришел сюда не обеспечивать безопасность, а наказать порочного, незаконного тирана»^[275]. А затем, без дальнейших разговоров, выхватил меч и, не сходя с места, рубанул им Цинну. Вынырнув всего три года назад из исторического небытия, Цинна канул в Лету столь же внезапно, как и появился.

Выйдя на публичную сцену, Цинна стал первым лицом в жесткой коалиции, три года правившей Римом. Да, он пренебрежительно относился к республиканским нормам, но ничем в этом плане не отличался от других. Несмотря на неустанные нападки со стороны таких, как Цицерон, называвший его «жестоким чудовищем»^[276], Цинна в своем беззаконии и порочности отнюдь не превосходил всех остальных, кто играл в смертельно опасную новую игру под названием «политика насилия». И, конечно же, совсем не был скучным диктатором, прибегавшим к жестокости единственно для удовлетворения своих мелких капризов и удовольствий. Режим Цинны попытался справиться с царившей в Италии экономической разрухой, начал процесс полноценной интеграции италийцев, заложил основу для возвращения мира. В грядущей конфронтации Сулла мог и не выйти победителем, и возможность того, что будущее республики определяли бы не его сторонники, а Цинны, была весьма реальной. Но защиту созданного им режима он так и не возглавил – его в разгар перепалки убил случайный солдат. Историк Веллей Патеркул заключал, что «такой человек заслуживал смерти по приговору триумфаторов-врагов, но не от рук его разъяренных солдат. Можно смело сказать, что он строил дерзкие планы, на которые не решался ни один благонравный гражданин; что свершил то, что было под силу только самому смелому; что, безрассудный в замыслах, в их реализации он был настоящим мужчиной»^[277].

Глава 12. Гражданская война

Таким образом, подстрекатели переходили от раздоров и распрей к убийствам, а от убийств к открытой войне... И ничто больше не сдерживало насилие, – ни стыд, ни уважение к законам, институтам и стране^[278].

Аппиан

После внезапной смерти Цинны, Карбон отменил планы драться в Греции. Если война действительно разразится, то сражаться с врагом придется в Италии. Возвратившись в Рим, Карбон надавил на сенат, чтобы ничего такого не допустить. Продолжая призыв в армию, он попытался перехитрить врага, предложив *обеим* сторонам распустить легионы, тем самым выставляя себя миротворцем, а Суллу агрессором^[279]. В Риме на Карбона оказывали давление, чтобы проголосовать за нового консула на замену Цинне. Но он успешно отложил решение этого вопроса до плановых выборов следующего года. Вакансия Цинны так и осталась незаполненной.

Весь 84 г. до н. э. Карбон, теперь единовластный консул, собирал армию. Несмотря на бунт в Анконе, призыв рекрутов давался без особого труда. Под руководством Цинны сенат уже принял закон о наделении италийцев равными гражданскими и избирательными правами. Вербовщики недвусмысленно давали понять, что если вернется Сулла, всем этим достижениям придет конец. Италийцы хоть и мало интересовались механикой высокой римской политики, но при этом единодушно соглашались, что гражданские и выборные права заслуживают того, чтобы их защищать. До тех пор, пока Сулла выступал против равенства италийцев, после возвращения на полуостров ему было суждено сталкиваться все с новыми и новыми волнами сопротивления.

Но по приезде домой его ждали не только толпы италийцев – на стороне созданной против него коалиции, беспрестанно набиравшей силу, выступили и римские плебеи. Городской плебс, упорно сопротивлявшийся идее предоставления италийцам гражданства,

отнюдь не прельщала мысль примкнуть к лагерю Цинны. Просто у него не было выбора. Вернувшись в Рим, Сулла наверняка не проявит себя столь благосклонно, как в прошлый раз. Убийство его друзей и разрушение владений гарантировало в наказание жестокий ответ. К тому времени в Италию уже просочились слухи о разграблении Афин. Опасаясь, что с ними обойдутся не лучше, городские плебеи приняли сторону Карбона, на тот момент занятого выстраиванием обороны Италии. Поэтому когда Сулла отплыл домой, Карбон сумел собрать войско численностью в 150 000 человек, мобилизовав богатства и ресурсы всей западной империи.

Годы правления в Риме позволили режиму Цинны расставить на ключевых постах по всей империи верных ему людей. Сципион Азиатский со своими двумя легионами по-прежнему стоял на македонской границе. Верный сторонник Цинны по имени Адриан обеспечивал контроль над Африкой, а потом приступил к мобилизации людей и налаживанию снабжения. Серторий обладал значительными связями в Цизальпинской Галлии, которые тоже можно было использовать для дела. В то же время остров Сицилия давно оказался в руках старого и стойкого приверженца популяров Гая Норбана. Став в 103 г. до н. э. трибуном, тот на пару с Сатурнином вдохновлял бунты, результатом которых стало изгнание Цепиона и Маллия. Пережив кровавую чистку 100 г. до н. э., он продолжил общественную карьеру, по всей вероятности избрался претором и получил назначение на Сицилию. Но вскоре после его прибытия вспыхнула Союзническая война и сенат продлил полномочия всех провинциальных чиновников. На посту Норбан оставался до самого ее окончания, а когда в Риме установился режим Цинны, с радостью принес ему клятву в верности. К весне 84 г. до н. э. Норбан правил Сицилией как минимум семь лет, держа в своих надежных руках неоценимые хлеб и человеческие ресурсы.

В роли джокера во всей этой истории выступал сын Помпея Страбона Гней Помпей, которому на тот момент исполнился двадцать один год. Для должности магистрата этот молодой человек, вошедший в историю как Помпей Великий, был еще слишком молод, но это не помешало ему после смерти отца зимой 87–86 гг. до н. э. стать главой семейства. Согласившись взять в свои руки власть, Помпей получил контроль над обширной сетью клиентов, созданной отцом на севере

Италии, которую он, будучи гораздо популярнее отца, еще больше укрепил, благодаря своей амбициозной харизме. По словам Цицерона, Помпей «рожденный превосходить всех и во всем, снискал бы немалую славу, благодаря своему красноречию, если бы в погоне за ней не поддавался ослеплению воинских подвигов»^[280]. Едва достигнув совершеннолетия, Помпей уже обращал на себя внимание, поэтому добиться его лояльности каждая из противоборствующих сторон считала одним из своих высших приоритетов.

После года тщательной подготовки, возможной благодаря тому, что Сулла задержался в Азии, Карбон, наконец, провел новые консульские выборы. Вместо того, чтобы самому занять этот пост, он срежиссировал избрание в 83 г. до н. э. двух близких союзников режима: Сципиона Азиатского и Гая Норбана. Хотя этих двух человек порой изображают умеренными членами партии Цинны, в действительности они были самыми непримиримыми противниками Суллы и выбор пал на них как раз благодаря их способности вести гражданскую войну, не жаждая замирения, в отличие от увядших стариков из сената. Сам Карбон тем временем сложил с себя консульские полномочия и стал проконсулом Цизальпинской Галлии – благополучного региона на севере полуострова, располагающего значительными человеческими и материальными ресурсами. Превратившись из консула Рима в проконсула Цизальпинской Галлии, Карбон озарил тот самый путь, по которому за ним потом последуют Юлий Цезарь и Марк Антоний.

По окончании выборов Карбон уладил формальный вопрос, убедив сенат принять *сенатусконсульт*. Этот шаг наделил новых консулов неограниченной властью предпринимать любые необходимые шаги ради защиты государства, на которую претендовал не только Сулла, но и сторонники Цинны: «симпатии населения, скорее, склонялись в пользу консулов, ибо Сулла, выступивший против своей страны, действовал как враг, в то время как консулы хоть и преследовали собственные интересы, но все же радели за республику, пусть даже только для видимости». Когда Сципион Азиатский и Норбан вооружились особым решением сената, Италия превратилась для них в консульскую провинцию. Поскольку за ними была вся западная империя, в 83 г. до н. э. они вошли, высоко оценивая свои шансы похоронить Суллу вместе с его хваленными легионами.

Тот по другую сторону тоже занимался приготовлениями. Урегулирование ситуации в Азии подразумевало не только восстановление римского господства: ему надо было получить в свое распоряжение все ее богатства. Собирая всю зиму подати, Сулла набил свои ларцы, и теперь мог позволить себе что угодно – какая судьба ни уготовила ему будущее. Кроме того, для доставки своего войска в Италию он построил флот из тысячи кораблей, а также наладил бесперебойное снабжение из Азии и Греции. Если сторонники Цинны задействовали все ресурсы запада, то он то же самое проделал с востоком.

Но если его враги уповали на волны новых рекрутов, то сам он рассчитывал на мощь своих пяти ветеранских легионов, следовавших за ним со времен Союзнической войны. Весной 83 г. до н. э. они представляли собой самую опытную и хорошо обученную армию во всем Средиземноморском регионе. Но из этого еще не следовало, что Сулла мог им безоговорочно доверять. Они уже так долго служили, снося все солдатские тяготы, что по возвращении в Италию вполне могли потребовать их демобилизовать. Однажды Сулла уже повел их на Рим и они за ним пошли. Но то, что они ему тогда подчинились, в значительной степени объяснялось жаждой славы и богатств, ждавших их на востоке. Пойдут ли они с ним на Рим сейчас, когда у них было уже и то и другое? Поэтому, готовясь к отплытию домой, он вырвал у своих людей клятву верно сражаться бок о бок с ним, пока он их не отпустит, – но сколько из них ее сдержат, сказать не мог.

Весной 83 г. до н. э. Сулла, наконец, пересек Адриатику и высадился в Италии. В порту Брундизий его ждало первое предвестие того, что все может получиться. Во время переговоров с сенатом он намекнул, что по возвращении примет гражданские и выборные права италийцев без дальнейших разговоров. И поэтому, оказавшись на месте, в продолжение темы заявил, что тем нечего бояться, потому как идею предоставить им в республике место он поддерживал точно так же, как и его враги. Жителей города эта новость привела в восторг, и любые ростки сопротивления ему тут же увяли. Вместо того, чтобы дать первый бой в долгом и трудном походе на Рим, Сулла вышел на Аппиеву дорогу, даже не выхватив из ножен меча.

Но помимо самого непосредственного влияния на ход гражданского конфликта, прибытие Суллы в Брундизий также

ознаменовало собой окончание затянувшейся Союзнической войны между римлянами и италийцами. За последние пятьдесят лет вопрос предоставления последним гражданства неизменно представлял собой запретную тему римской политики. Вехами этого противостояния, своими корнями восходившего к аграрному закону Тиберия Гракха, стали законодательные инициативы Фульвия Флакка и Гая Гракха, возвышение Мария, революция Сатурнина, законопроект Красса и Сцеволы о выдворении италийцев из Рима, убийство Друза. Пятьдесят лет ожесточения и враждебности вылились в кровопролитную, разрушительную Союзническую войну, кульминацией которой стал захват Рима Цинной с помощью италийского войска. Маячившая на горизонте война с Суллой выглядела продолжением этого давнего конфликта. Выступи он в вопросе гражданства италийцев с враждебных позиций, лавина их сопротивления наверняка поглотила бы все его тренированные легионы. Но он, как тонкий политик, не собирался рисковать жизнью ради выдуманной чистоты римского гражданства. Заявив весной 83 г. до н. э. об отсутствии намерений выступать против гражданских и выборных прав италийцев, он закончил Союзническую войну. Независимо от того, кто выйдет победителем в предстоящем конфликте, италийцы войдут в состав республики на равных правах.

Двигаясь маршем по Аппиевой дороге, Сулла продолжал демонстрировать свои благие намерения. Грабить и терроризировать окрестности его солдатам было запрещено. Кроме того, он, чтобы погасить любые очаги сопротивления, раздуваемые в последние годы, трубил об уважении гражданских прав италийцев. И где бы он ни проходил, города и веси оказывали ему радушный прием – даже Апулия и Самний, два самых непримиримых антиримских региона во время Союзнической войны.

Хотя пропагандистские речи Суллы и мирный подход свели вооруженное сопротивление на нет, его собственный гражданский статус по-прежнему вызывал сомнение. Формально он с 87 г. до н. э. командовал войсками нелегально. По закону ему следовало передать командование Флакку и отправиться в изгнание. Сенаторы, готовые пойти на компромисс с ним, беспокоились по поводу легальности его пребывания на посту главнокомандующего, в то время как

исполнительная власть, сенат и Народное собрание по-прежнему считали его вне закона.

Но когда к Сулле, неспешной процессией двигавшемуся по Аппиевой дороге, стали присоединяться могущественные, но до последнего времени сохранявшие нейтралитет отряды, отчаяние этих нервных политиков, не знающих, чью сторону принять, пошло на спад. Из вновь примкнувших самым значимым его союзником был Метелл Пий. Покинув Италию, он бежал на юг и укрылся в Африке, не мешая ни Цинне, ни Сулле. Но по зрелом размышлении пришел к выводу, что Сулла в этом конфликте представляет более легитимную сторону – даже с учетом того, что возвращавшегося на родину проконсула объявили врагом государства. Поэтому тот, ведя свои войска по Аппиевой дороге, пришел в восторг, увидев, что в его ряды влился Пий. Зная, насколько это повышает его шансы, он оказал Пию в своем лагере самый радушный прием, осыпал всеми мыслимыми почестями и чуть даже не назначил его командовать вместе с ним армией.

Но помимо Пия, почти такого же политического тяжеловеса, как он сам, Сулла также заручился лояльностью двух молодых людей, которые на тот момент набирали влияние и авторитет. Как и Метелл, ни один из них не был таким уж ярым сторонником Суллы, поэтому присоединились они к нему лишь под давлением обстоятельств. Со временем этим молодым людям предстояло сыграть главную роль в падении республики. Звали их Помпей Великий и Марк Лициний Красс.

Помпей, которому на тот момент было немногим больше двадцати лет, совершал действия и поступки, выходившие далеко за рамки его статуса. Он никогда не служил магистратом и на тот момент не занимал в армии никакой официальной должности, но, благодаря обширной клиентской базе своей семьи, слыл в Италии могущественной силой. В отсутствие Суллы сторонники Цинны пытались привлечь молодого Помпея в свой альянс, но к их вящему ужасу, тот, собрав собственную армию, повел ее на соединение не со Сципионом Азиатским и Норбаном, а с Суллой. Помпей был человек заносчивый и дерзкий, однако Сулла, желая укрепить его лояльность, потакал юноше и вел себя так, словно тот был великий человек, – вплоть до того, что вставал, когда он входил в комнату. Переметнувшись на сторону Суллы, Помпей нанес по Карбону и другим старым приверженцам Цинны

серьезный удар: они не только лишились имевшихся в его распоряжении сил, но и потеряли северо-восток Италии, превратившийся из надежной базы во враждебно настроенную к ним передовую.

Кроме того, к двигавшемуся неспешным маршем Сулле присоединился человек, который через несколько лет станет главным соперником Помпея. Марк Лициний Красс, в то время мужчина немного за тридцать, был младшим братом Красса-Оратора, правда, не родным, но что еще важнее, сыном одного из тех, кого во времена Мариева террора объявили вне закона и отправили в изгнание. Но если его отцу и старшему брату пришлось покончить с собой, то ему самому удалось ускользнуть. После бегства из Рима Красс поехал в Испанию, где стараниями его родителя у их семьи была создана обширная клиентская сеть. Спрятавшись у верного друга семьи, он восемь месяцев жил в пещере на берегу моря, в то время как благодетели не только снабжали его едой и другими необходимыми припасами, но даже приставили двух девушек-рабынь. После смерти Цинны Красс вышел из своего убежища и, подобно Помпею, взялся собирать личный легион, дабы помочь Сулле, готовившемуся к неизбежной войне. Погрузив свое небольшое войско на корабли, Красс отплыл в Италию и предстал перед командующим. В лагере Суллы и началось легендарное противостояние между Крассом и Помпеем. Если с последним главнокомандующий обращался чуть ли не как с равным, то к первому относился как к подчиненному офицеру – и Красса это зрелище выводило из себя. Когда Сулла снарядил его на север продолжить воинский набор, Красс попросил дать ему конвой охраны, на что главнокомандующий ответил: «Я даю тебе для охраны отца, брата, друзей и родню. Всех их несправедливо и незаконно предали смерти, их убийц я и преследую»^[281]».

Сулла не только расположил к себе предводителей, до этого сохранявших нейтралитет, но и перетаскил на свою сторону бывших врагов, которым теперь хотелось обеспечить местечко в лагере победителя. Да, он мог затаить лютую обиду, но при этом не менее страстно выставлял напоказ свое умение прощать. Из Рима, чтобы примкнуть к Сулле, уехал бывший консул Марций Филипп, в последний раз заявивший о себе в 91 г. до н. э. критикой оптиматов. Главнокомандующий не только не наказал его за сотрудничество с

Цинной, но и назначил на высокую должность в своей армии. Его небывалое милосердие на этом позднем этапе распространялось даже на членов близкого окружения Мария. Публий Корнелий Цетег входил в дюжину тех, кого Сулла после первого похода на Рим назвал врагами государства. От патрулей тогда ему удалось ускользнуть, но теперь он сам явился к главнокомандующему в надежде пережить новый кризис. Тот использовал его мольбы в качестве шанса продемонстрировать свою доброту и умение прощать. Причем это был не пустой звук, когда началась война, он назначил Цетега на весьма ответственный пост. Но время, когда его благожелательность сменится более суровым отношением к закоренелым врагам, было уже не за горами.

В то же время под знаменами Суллы собрались далеко не все, а консулы Норбан и Сципион Азиатский по-прежнему возглавляли крупные армии. Зная, что Сулла движется с севера, они развернули свои силы в Кампании, перекрыв две главные дороги на Рим. Поскольку юг уже и без того пребывал под его контролем, они преследовали цель организовать в Кампании оборону и, в конечном счете, не допустить его похода на Рим.

Сначала легионы Суллы вступили в бой с армией Норбана на Аппиевой дороге у подножия горы Тифата. Еще накануне сражения он толком не знал, как его люди отреагируют на приказ сражаться. Но на следующее утро те с лихвой доказали свою преданность ему. Воюя с той же стойкостью, что и против войск Митридата, легионы Суллы разбили Норбана, заставили его убраться в Капую и укрыться за ее надежными стенами. Позже Сулла скажет, что после битвы при Тифате он понял, что выиграет эту войну и что его люди пойдут за ним куда угодно.

Пока Норбан отсиживался, запершись в Капуе, Сципион Азиатский повел наступление на Суллу с севера. Но если воины Суллы демонстрировали свою непоколебимую верность по отношению к нему, то людей Сципиона все больше грызли сомнения по поводу того, стоит ли ввязываться в бой по приказу их командира. Обещание Суллы уважительно относиться к правам итальяцев уже получило широкую известность. А если добавить сюда и слухи о его победе при Тифате, то вооруженное противостояние с ним выглядело насколько бесполезным, настолько и опасным. Понимая, что лояльность его войск оставляет

желать лучшего, Сципион Азиатский встал лагерем недалеко от Суллы и предложил ему прийти к какому-то соглашению. Тот, вполне естественно, согласился, стороны объявили о перемирии, обменялись заложниками и каждая из них выделила для участия в переговорах по три человека: Сципиона почти наверняка сопровождал его главный легат Серторий, а Суллу Метелл Пий.

Внешне могло показаться, что цель их встречи сводилась к урегулированию политических разногласий, чтобы избежать открытой войны. Но Сулла начал переговоры «не потому, что надеялся или хотел прийти к соглашению, а потому что хотел посеять раздор в и без того уже приунывшей армии Сципиона»^[282]. Расположившись в шатре для переговоров, Сулла послал своих людей покрутиться среди вражеских солдат, рассказать, какой он великий и как всегда держит слово, поведать, что он отнюдь не стремится развязать войну, а лишь хочет уладить дела с некоторыми личными врагами. Ни против Рима, ни против Италии он враждовать не собирается. Помимо прочего, люди Суллы не забыли упомянуть, что совсем недавно разбили армию Норбана. В итоге солдаты Сципиона Азиатского вполне обоснованно подпали под манящее влияние ветеранов Суллы.

Серторию столь близкое общение противоборствующих сторон совсем не понравилось – он, вполне возможно, проник в истинные намерения врага. Поэтому когда Сципион отправил Сертория проинформировать Норбана о ходе переговоров и спросить у коллеги мнение, тот преднамеренно заехал по пути в Капую. Незадолго до этого город Суесса присягнул на верность Сулле, но Серторий вошел в него и оккупировал силой, ввявную нарушив перемирие. Узнав об этом, Сулла объявил, что с переговорами покончено. Стороны освободили заложников и стали готовиться к сражению – чего, собственно, и добивался Серторий.

Но было уже слишком поздно. После провала переговоров Сципион Азиатский приказал солдатам готовиться к войне, но те вместо этого решили сдаться. Когда армия Суллы повела наступление на занятые им позиции, его солдаты, как и подобает, двинулись ей навстречу. Но стоило им выстроиться в боевом порядке, как по его команде войска Сципиона преодолели разделявшее их расстояние, после чего новый командующий оказал им самый радушный прием. Сципиона, который ничего не мог поделать с этой массовой изменой,

обнаружили в командном шатре и взяли в плен. Стараясь на каждом шагу демонстрировать свою доброту, Сулла допросил его и отпустил на все четыре стороны. Получив весть о том, что Сулла успешно переманил в свой лагерь целую консульскую армию, Карбон сказал, что «воюя в лице этого человека с лисой и львом, он больше опасался лисы»^[283].

Затем пополнившаяся новыми легионами армия Суллы переключила внимание на засевшего в Капуе Норбана. Он и ко второму консулу послал делегацию, предлагая провести переговоры, но тот, прекрасно осведомленный обо всем, что случилось с коллегой, отослал ее обратно, не дав никакого ответа. После чего Норбан покинул Капуу и до конца войны старался избегать с противником контакта, чтобы его люди не переметнулись на другую сторону.

Борьба с Норбаном и Сципионом Азиатским ознаменовала собой резкий поворот в отношении к врагам. До этого он радушно принимал в свой лагерь всех бывших врагов и избегал в наказание грабить окрестные края. Теперь, когда боги через массовый переход армии Сципиона на его сторону недвусмысленно продемонстрировали свою к нему благосклонность, его великодушию наступил предел. Все, кто остался по ту сторону, потеряли всякую надежду и относиться к ним он будет не как к потенциальным союзникам, которых следует перетянуть на свою сторону, а как к подлежащим уничтожению врагам.

Полагая, что время играет на него, Сулла не торопился дать решающий бой. Вместо этого он продолжал набирать в свою армию все новых солдат, а по пути всюду занимался политикой, чтобы переманить в свой лагерь всех и каждого на юге Италии. Стараясь помешать ему в этой деятельности, в июле 83 г. до н. э. Карбон вернулся в Рим и убедил сенат объявить всех присоединившихся к Сулле врагами государства. За лето обе враждующие стороны рассыпались по городам и весям Италии, каждая агитируя за себя. Посланцы Суллы всячески подчеркивали свои недавние победы, рассказывали, как на их сторону перешли неприятельские войска и сколько выдающихся государственных мужей принесли ему клятву в верности. Но самым важным их пунктом было непостижимое обещание проявлять уважение к гражданству италийцев. Если же говорить об агентах Карбона, то они заявляли, что Сулла снискал себе славу человека жестокого и

коварного. О его беспощадных походах против гирпинов и самнитов во время Союзнической войны было хорошо известно. Кроме того, движущей силой череды событий, вылившейся в первый противозаконный поход Суллы на Рим, стала как раз его враждебная позиция в вопросе предоставления италийцам гражданства. В большинстве своем жители страны не знали кому верить: «В итоге им приходилось бросаться из стороны в сторону и потворствовать тому, кто на тот момент был ближе»^[284].

Особенно жаркой выдалась борьба за контроль над Пиценом, где посланцы Карбона всячески пытались умалить ущерб, нанесенный переходом Помпея на сторону врага. Но так как большинство тамошних правителей к тому времени уже примкнули к молодому генералу, тот сумел набрать для Суллы еще два легиона. Чтобы воспрепятствовать этим его усилиям, Карбон отправил отряд своих легатов, но тех попросту вышвырнули с территории, которая теперь окончательно оказалась в руках Помпея. Серторию, отправившемуся набирать рекрутов в Этрурию, издавна слывшую оплотом Мария, повезло больше, поэтому по возвращении Сципиона, отпущенного Суллой на свободу, он смог предоставить в его распоряжение четыре новых легиона.

Тот во главе этого войска отправился в Пицен, чтобы напрямую выступить против Помпея, но потерпел столь же позорное поражение, что и от Суллы. Когда его войска встали лагерем недалеко от расположения армии Помпея, подчиненные ему солдаты мгновенно сговорились с неприятельскими и опять поддались на посулы противоположной стороны. Поэтому Сципион, проснувшись утром, снова обнаружил, что его люди переметнулись к врагу. В эпоху, когда стороны в конфликтах возглавляли предводители, к которым солдаты питали беспрецедентную преданность, – Марий, Сулла, Помпей, Пий, Серторий, – Сципион оказался напрочь неспособен кого-либо вдохновить, в итоге целых две его армии накануне сражения примкнули к врагу. После этого он бежал в Галлию и больше оттуда уже не вернулся. Суллу тем временем произошедшее впечатлило даже больше, чем Помпея, «который хоть и был еще чрезвычайно молод, но уже сумел увести у врага огромную армию, в то время как те, кто был старше него и пользовался гораздо большим авторитетом, едва могли удержать в подчинении своих собственных слуг»^[285].

Что касается Сертория, то потеря Сципионом Азиатским легионов, только что набранных им самим, убедила его в необходимости что-то решать. Растеряв все иллюзии относительно государственных мужей, возглавлявших противоборствующие Сулле силы, он пришел к выводу, что Италия, по всей видимости, потеряна и если речь уж зашла о выживании, то сейчас самое время благоразумно отступить. Избравшись в том году претором и получив назначение в Испанию, Серторий покинул Италию и отправился туда набрать новую армию. После победы Суллы в гражданской войне и ликвидации им всех врагов, испанские легионы Сертория останутся единственной во всем мире силой, способной ему противостоять. Сам же он заявит о себе как о главном предводителе оппозиции его грядущему режиму. В армию Сертория из Рима бежали очень многие, стремясь обрести в ней безопасность, и ему без малого десять лет удавалось избежать поражения, озадачивая городскую власть, делавшую вид, что все вопросы улажены и жизнь вернулась в нормальное русло.

Но хотя Сулла становился все сильнее и вел стремительное наступление, до окончания войны было еще далеко. Большая часть севера и центра Италии все еще пребывала в оппозиции к нему и скептически оценивала его конечные замыслы. Примечательно, что Сулла совсем не хотел рисковать, ввязываясь в бой, потому что мог его проиграть. Поэтому осенью 83 г. до н. э. Рим по-прежнему оставался в руках его врагов.

Так как Норбан и Сципион продемонстрировали неспособность справиться с задачей победить Суллу, Карбон возвратился в Рим принять участие в выборах консулов 82 г. до н. э. Стараниями Народного собрания он в третий раз занял эту должность, в то время как его коллегой стал сын Мария – Гай Марий Младший. Подбираясь к тридцати годам, этот молодой человек до этого не пребывал ни на одном общественном выборном посту, но Карбон ухитрился обеспечить его участие в кампании, потому как и честь семьи, и личные предпочтения предопределили ему роль жестокого – даже безжалостного – врага Суллы. К тому же на высший пост его избрали отнюдь не за какие-то особые таланты полководца или способности в политике. По признанию самого Карбона, он стал консулом только потому, что имя Мария по-прежнему что-то да значило.

Зима 83–82 гг. до н. э. выдалась особенно суровой, и обе стороны приостановили боевые действия. Наступившая весна ознаменовала собой первую годовщину гражданской войны. Здесь важно не забывать, что несмотря на все речи Суллы, он не просто высадился в Брундизии, двинулся маршем на Рим и захватил его. Этому предшествовала долгая борьба за умы, сердца и мечи италийцев. Даже теперь, когда конфликт длился уже целый год, его конечный результат все так же оставался неясным.

К началу военной кампании 82 г. до н. э. старая стратегия Цинны контролировать армии и поставки в Галлии, Африке, Сицилии, Италии и Македонии сошла на нет и оставшиеся члены коалиции против Суллы заняли оборону, взяв низкий старт перед решающим сражением на северо-западе Италии. Карбон возвратился на север защитить Этрурию, Умбрию и Цизальпинскую Галлию от нападения Помпея. Тем временем, Марий Младший повел восемь легионов в доказательство того, что Италия отнюдь не растаяла в его руках, стоило ему там появиться, что бы потом ни говорила его пропаганда.

Зная о выдвижении Мария, Сулла выступил маршем и заставил его отступить к неизвестному населенному пункту, известному под непонятным названием «Сакрипорт». Командующий приказал своим людям броситься за ним в погоню, но когда та затянулась на целый день, легаты убедили своего генерала скомандовать отбой и разбить на ночь лагерь. Сулла неохотно согласился. Но едва его солдаты взялись за дело, как Марий Младший проявил толику инициативы: вместо того чтобы сидеть сложа руки и ждать, когда его припрут к стенке, он приказал своим воинам атаковать легионы врага, пока тот располагался на привал. Сам по себе этот план, может, был и не плох, но солдаты Суллы, когда их заставили побросать лопаты и схватиться за мечи, пришли в ярость. Движимые гневом, они сами напали на врага, смяли его строй, а потом гнали до самого города Пренесте (ныне Палестрина).

Граждане города ненавидели Суллу и были готовы принять Мария у себя, но рисковать ради этого головой не собирались. Так как войско первого было уже на подходе, они отказались убрать оборонительные сооружения и открыть ворота. Мария с небольшой группой офицеров втащили на веревках, но большую часть войска он бросил на пыльной равнине у подножия городских стен. Когда легионы Суллы прибыли на место, началась кровавая резня. Прямо на глазах у Мария его воинов

прижимали к стенам и безжалостно атаковали. И только когда пролилось достаточно крови, чтобы утолить жажду победителей, солдаты Суллы позволили выжившим сдаться.

Появившись на поле брани, сам он действовал с показной, расчетливой жестокостью. Он велел привести пленных, отобрал из толпы всех самнитов и согнал их в одну сторону. По его приказу их окружили, разоружили и безжалостно убили. Затем он повелел войскам приступить к осаде Пренесте. Теперь, поймав в ловушку Мария, Сулла контролировал весь юг Италии, а его разведчики не обнаружили армий, отделявших его от Рима. Он решил, что для него, наконец, пришло время возвращаться домой.

В Риме поражение Мария Младшего повергло всех в ужас. Большинство сторонников Суллы к тому времени город уже покинули, теперь в нем оставались лишь враги да предводители, сохранявшие нейтралитет и по-прежнему намеревавшиеся прийти к мирному соглашению. В число последних входила и группа видных сенаторов, никогда не встававших на сторону ни Мария, ни Цинны, но никуда не уезжавших из Рима за все время существования учрежденного ими режима. Поскольку Рим остался практически беззащитен, Марий Младший разослал всем оставшимся противникам Суллы предписание покинуть город и двинуться на соединение с Карбоном в Этрурию, где тот готовил последний оплот. Но при этом не забыл приложить к нему перечень тех, с кем следовало разобраться перед отъездом.

Вооружившись этим списком, один из преторов под надуманным предлогом созвал сенат, а когда его члены собрались внутри здания, спустил на них свору убийц. Двух сенаторов убили на месте, в том числе и двоюродного брата Карбона, заподозрив, что он вошел в тайный сговор со сторонниками Суллы. Второй попытался бежать, но у двери его настигли и убили ударом кинжала. Однако большей части фигурантов списка чуть было не удалось спастись бегством. Публий Муций Сцевола принадлежал к последнему поколению старых оптиматов. Он дружил со Скавром, Крассом, Антонием и присутствовал в доме Красса на той судьбоносной дискуссии об ораторах накануне Союзнической войны.

Когда Цинна захватил Рим, он остался в городе и ему, как потенциальному союзнику, которого полагалось лелеять и холить, предоставили широкую свободу действий. Теперь, попав в смертельный список, Сцевола избежал резни в здании Сената и укрылся в храме Весты. Тот представлял собой неприкосновенное святилище, но убийцы все равно ворвались внутрь, нашли Сцеволу и убили. Трупы, по обыкновению, сбросили в Тибр.

После этой расправы оставшиеся члены коалиции против Суллы покинули Рим и отправились на север. Когда они отправились в путь, в городе остался лишь перепуганный плебс. Жители Рима лишь недавно присоединились к коалиции против Суллы, причем единственно из страха перед его потенциальными действиями после возвращения. Теперь им предстояло узнать, что представляет собой его кара. Легионы показались на дороге и методично окружили город. Наконец, появилось окружение самого Суллы, прошло по городу и выдвинулось на Марсово поле – граждане Рима, решив, что голодная смерть хуже быстрой гибели от меча, открыли им ворота.

Но городской плебс ждал приятный сюрприз. Они собрались с духом в преддверии кровавой чистки, но вместо этого им сообщили, что Сулла объявляет всеобщий сбор, чтобы обратиться к народу Рима с речью и разъяснить свои цели. Когда все собрались на Марсовом поле, Сулла сказал, что собирается выступить в ипостаси хирурга, но не мясника. Да, он действительно потребует отнятую у него собственность и накажет несколько избранных врагов, но остальным его нечего бояться. После этого он оставил в городе небольшой гарнизон с несколькими верными ему офицерами во главе, а сам выступил на север – с той же стремительностью, с какой появился.

Его первый приезд в Рим преследовал цель утолить страх, чтобы убедить народ вести себя смирно и не бунтовать. И до последнего времени в его карьере не было ничего такого, что говорило бы о его неискренности. Как писал Плутарх, «сначала Сулла использовал ниспосланные судьбой блага умеренно, как и подобает государственному мужу, демонстрируя себя представителем знати и при этом благодетелем простого люда»^[286]. Но вот его возвращение в Рим по окончании войны, когда больше никто не мог оспорить его власть, – уже совсем другая история. «Своим поведением он обеспечил

верховную власть, заявив, что она не дает человеку оставаться собой, делая его капризным, суетным и жестоким»^[287].

На севере продолжалась война, и ситуация, опять же, складывалась не в пользу Карбона и остатков его сил. Пока Сулла двигался на север по Латинской дороге, Метелл Пий и Помпей перешли в наступление на побережье Адриатики, чтобы взять под контроль родной для Помпея Пицен. Переманив на свою сторону легионы Сципиона Азиатского, генералы Суллы послали одну армию на север, в Цизальпинскую Галлию, а вторую в Этрурию, дабы сломить последние цитадели Карбона.

Но хотя вокруг него все больше сгущался мрак, у Карбона оставалось еще достаточно сил, чтобы держаться в одиночку. Создав на адриатическом побережье оплот, он попытался пресечь попытку Пия захватить Равенну, но в отсутствие подходящего флота так и не смог ничего поделать. Поэтому он двинулся дальше в глубь территории и вскоре столкнулся с самим Суллой, двигавшимся на север после короткой остановки в Риме. Так как в армии Карбона собрались его самые закаленные недруги, о том, чтобы переманить ее на свою сторону, речь уже не шла. Поэтому Сулле, вместо очередной бескровной победы, пришлось драться. Легионы Карбона не только не отступили, но и без всякой поддержки продержались целый день и с наступлением ночи победитель так и не определился. Война по-прежнему продолжалась.

Но ее динамика уже претерпела изменения. Первоначально Цинна планировал мобилизовать все ресурсы Италии, чтобы сокрушить Суллу и его пять легионов, лишить его возможности получать подкрепление и тем самым вынудить сдать позиции. Теперь роли сторон поменялись местами – к лету 82 г. до н. э. Сулла мог набирать новых рекрутов, а Карбон оказался в изоляции. Когда Красс с Помпеем захватили Умбрию, Карбону пришлось послать туда несколько подразделений для укрепления тамошних баз. Но те попали в засаду, устроенную войском Суллы. Карбону это обошлось в пять тысяч человек, которых он не мог позволить себе потерять.

Однако подлинным крахом коалиции против Суллы стала потеря Марием Младшим легионов на юге. Карбон планировал навалиться на врага сразу по двум фронтам, но в итоге сам оказался в окружении.

Признавая необходимость снять с Пренесте осаду, он отошел к адриатическому побережью и послал на подмогу городу несколько подразделений, жизненно важных для него самого. Если они добьются успеха, чаша весов войны может опять качнуться в другую сторону. Но первое подкрепление до Пренесте так и не дошло, по дороге на него набросился Помпей и разбил. Поверженные солдаты разбежались в разные стороны, и большинство из них потом уже не вернулись.

После того как сопротивление Сулле сошло на нет, самниты объединились с луканами и собрали последнюю крупную армию. Не проиграв ни одной битвы в Союзнической войне, эти люди питали к нему особую ненависть. Действуя преимущественно по собственной инициативе, они, чтобы снять с Пренесте осаду, мобилизовали десять тысяч человек. Сулла не хуже Карбона знал, как много зависело от того, сможет ли неприятель выволить город из кольца осады, и поэтому расположил в его окрестностях собственную армию. Несмотря на яростный натиск самнитов и луканов, его легионы отбили предпринятую ими попытку и осада Пренесте продолжилась.

На севере в распоряжении Карбона еще оставалось целых сорок тысяч человек, но на фоне нарастающей череды неудач один из его подручных тайком вышел на связь с Суллой и в обмен на снисходительное к нему отношение пообещал «сделать кое-что важное»^[288]. Для реализации этого «важного» плана он пригласил на ужин группу офицеров Карбона, в том числе и бывшего консула Норбана. Тот, заподозрив предательство, никуда не пошел, однако остальные приглашение приняли. Но когда пришли, их арестовали и казнили. После этого предатель бежал в лагерь Суллы, а Норбан, отчаявшись победить, поднялся на борт корабля, отплывавшего в греческий город Родос.

Карбон тем временем посылал в Пренесте все новые и новые войска, но до города те не доходили. Пока он сосредоточил усилия на юге, Метелл Пий, Помпей и Красс за его спиной заняли всю Цизальпинскую Галлию. Эта старинная провинция Карбона, служившая ему последним оплотом и надеждой, теперь оказалась в руках врага. Проиграв войну в Италии, он решил бежать, спрятаться там и каким-то образом прекратить войну на периферии империи. Серторий был уже в Испании, только что бежал в Грецию Норбан. Карбон подумал, что если отправится через Сицилию в Африку, то еще

сможет одержать победу. А затем, передав северную армию под объединенное командование своих офицеров, бежал из Италии. И какие бы военные соображения он ни приводил в оправдание своего отъезда, теперь его в равной степени заботил как выигрыш в войне, так и спасение собственной жизни.

После разгрома в битве с Помпеем, объединенное командование, которое вместо себя оставил Карбон, решило, что в этой ситуации можно сделать только одно – полностью вывести армию с севера. Это даст ей возможность двинуться на Пренесте и продолжить войну в Самнии – регионе, известном своим враждебным отношением к Сулле. Северная армия прошла маршем на юг и соединилась с независимым войском самнитов и луканов, теперь возглавляемым самнитским полководцем Телезином. В начале ноября 82 г. до н. э. их объединенные силы предприняли последнюю попытку выбить врага из-под Пренесте. Но фортификационные сооружения, заблокировавшие все дороги, попросту оказались им не по зубам и заставили отступить. Так как все разумные стратегии на тот момент себя уже исчерпали, противникам Суллы оставалось только одно – предпринять еще одну отчаянную попытку спастись в этой войне. Хотя всю Италию заполонили неприятельские войска, Телезин обратил внимание, что на тот момент никакая армия между ним и Римом не стояла. Учитывая, что приближалась зима, а легионы Суллы все больше подходили к их позициям, он предложил сняться глубокой ночью с лагеря, ринуться в Рим и захватить его, пока им в этом не смог помешать Сулла.

Когда на следующее утро забрезжил рассвет, народ Рима обнаружил, что у Коллинских ворот встала лагерем сорокатысячная армия. Новообращенные сторонники Суллы собрали войско, которое выступило из города в надежде рассеять врага на тот случай, если все происходившее было блефом, направленным на запугивание города. Но это оказался не блеф. Выехавшие в ворота отряды больше не вернулись. После этого в Риме началась паника. Так как армия Телезина состояла в основном из самнитов и луканов, если ей удастся пробить в стенах брешь, пощады не будет никому. Пока легионы стояли у Коллинских ворот, их главнокомандующий и в самом деле произнес перед ними пламенную речь: «Для римлян наступил смертный час... эти волки, с таким неистовством попиравшие италийскую свободу, исчезнут только после того, как мы вырубим лес, в котором они прячутся»^[289].

Сулла был недалеко. Узнав, что минувшей ночью враг снялся с лагеря и двинулся на Рим, он утром бросился за ним вдогонку. Около полудня его авангард добрался до Рима, а когда подтянулись основные силы, тут же протрубили сигнал к бою. Невзирая на успехи последних полутора лет, весь остаток дня Сулла ничуть не сомневался в собственном поражении. Он лично возглавил левый фланг армии, постепенно уступавший напору самнитов. И в пылу сражения подумал, что Фортуна, наконец, ему изменила. Он даже послал в Пренесте одного за другим несколько гонцов приказать снять осаду города и прислать подкрепление его потрепанным врагом легионам. Но ему было неведомо другое: что Красс ударил по неприятелю с другого фланга, разгромил его и захватил лагерь. Лишь несколько часов спустя он понял, что выиграл, — только после того, когда Красс прислал к нему гонца с просьбой выделить дополнительный провиант для пропитания своих победоносных войск. Когда после сражения улеглась пыль, стало ясно, что они не только одержали победу, но и совершили последний в этой войне поход: пятьдесят тысяч врагов сложили головы, еще восемь тысяч попали в плен. Среди прочих на поле брани нашли и раненого Телезина. Его убили, а голову насадили на копье.

Когда легионы Суллы, вернувшись в Пренесте, принесли с собой головы самнитских полководцев, жители города капитулировали и отворили врата. Марий Младший попытался бежать через подземный ход, но обнаружил, что выходы из него охраняются врагом, и покончил с собой, дабы избежать пленения. Прибыв в город лично, Сулла приказал разделить всех его обитателей на три группы: римлян, самнитов и пренестинцев. Затем сказал, что римляне заслуживают смерти, но он как полководец-триумфатор пощадит их и простит. А самнитов с пренестинцами приказал окружить и всех до последнего убить. Затем разрешил осаждавшим город войскам безжалостно его разграбить. Голову Мария Младшего доставили в Рим. А когда ее водрузили на форуме, она стала наглядным доказательством недомыслия юности. Хохочущие римляне цитировали Аристофана: «Перед тем, как становиться к рулю, сначала надо научиться грести»^[290].

Теперь, одолев всех своих врагов, Сулла возвратился в Рим. По прибытии в город его обитатели увидели в нем совсем не того человека,

который за несколько месяцев до этого к ним обращался. Вот что позже писал историк Кассий Дион:

«До победы над самнитами... его считали человеком в высшей степени гуманным и благочестивым... Но после этих событий он настолько изменился, что складывается впечатление, будто былые и нынешние деяния совершал совсем не один и тот же человек. Таким образом, может показаться, что он не выдержал испытания счастливой судьбой. Ведь сейчас он повторял те же поступки, которые сам порицал в других, когда был слаб, и множество других, еще более возмутительных. В итоге Сулла, сразу после покорения самнитов, хоть и положил войне конец... но сошел с избранного им же пути, оставил себя прошлого, с позволения сказать, за городскими стенами на поле брани, а потом решил превзойти Цинну с Марием и их преемников вместе взятых»^[291].

Глава 13. Диктатор на всю жизнь

*Республика – ничто. Одно лишь название, без
плоти или формы*^[292].

Юлий Цезарь

После решающей победы у Коллинских ворот Сулла расквартировал свой штаб на Марсовом поле. Будучи фактическим повелителем Рима, официальную должность он на тот момент не занимал и не служил ни консулом, ни претором, ни легатом, ни даже квестором. Основание претендовать на государственный суверенитет у него было только одно – былой приказ, согласно которому ему, как проконсулу, поручалась война с Митридатом. Этому назначению исполнилось уже пять лет, в том конфликте он давно вышел победителем, но ничего другого у него больше не имелось. С точки зрения закона его владычество над вверенной провинцией заканчивалось в тот момент, когда он пересекал священный Померий и возвращался в Рим. Пока империя следовала рутинным курсом, заступать на пост и уходить с него было чистой воды формальностью, но Сулла из-за подобного порядка вещей оказался в ловушке за пределами городских стен. Стоило ему пересечь черту Рима, как он тут же потерял бы все полномочия верховного правителя.

Хотя во время первого марша на Рим традициями Померия он самым бесцеремонным образом пренебрег, теперь ему было предпочтительнее поддерживать этот фасад щепетильного отношения к принципам государственного устройства. Поэтому он, чтобы не пересекать священный рубеж, созвал сенат в храме Беллоны за пределами городских стен. А когда его члены собрались, не стал устраивать дискуссии по поводу гражданской войны, а предоставил отчет о своих действиях против Митридата, затем перечислил все свои достижения на востоке, а под конец испросил разрешения войти с триумфом в город – будто в последние два года ничего такого вовсе не случилось.

Проблема лишь в том, что фоном для всего этого притворства служили весьма мрачные события. Перед тем, как обращаться к сенату,

Сулла согнал на соседнем Цирке Фламиния шесть тысяч пленных самнитов. Им сказали, что с ними поступят, как с военнопленными, но прошло совсем немного времени и им открылась истина. Когда Сулла стал зачитывать перед сенатом рапорт о войне с Митридатом, его люди окружили шесть тысяч самнитов на Цирке Фламиния и стали методично их убивать. Спрятаться от их криков в храме Беллоны было нельзя, и ошеломленные сенаторы пришли в ужас. Но выступающий попросил их не отвлекаться, слушать дальше его речь и «не переживать по поводу того, что происходит снаружи, потому как там всего лишь увещевают некоторых преступников»^[293].

Когда резня закончилась и взволнованные сенаторы разошлись, Сулла объявил открытый митинг, чтобы обратиться к народу Рима. Затем еще раз повторил, что бояться его гнева надо только врагам. Но при этом впервые подчеркнул, что водоразделом стал переход на его сторону армии Сципиона Азиатского. Все, кто, проявив мудрость, примкнули к нему до этого момента, могли рассчитывать на покой и его дружбу. Но тех, кто и после этого не сложил оружия, следует ликвидировать как врагов государства. Под конец он открыто заверил городской плебс и простых солдат, что им его нечего бояться. Сулла честно признал, что они попросту пошли за нечестивыми лидерами и что платить должны как раз эти предводители, а не те, кто к ним примкнул.

Когда беспокойство в богатых кварталах города достигло предела, к Сулле, жаждающая хоть какого-то утешения, отправилась небольшая депутация сенаторов. Они сказали: «Мы не просим тебя избавить от наказания тех, кого ты решил убить, но избавь от тревожного ожидания тех, кого ты определил пощадить»^[294]. А когда Сулла ответил, что еще не знает, кого пощадит, один из сенаторов попросил: «Тогда назови тех, кого ты намерен наказать»^[295]. Если всем станет известно, кого он относит к числу своих смертельных врагов, обитатели Палатинского холма во многом успокоятся. Приняв их слова близко к сердцу, Сулла потом всю ночь обговаривал этот вопрос со своими ближайшими советниками. Уничтожению, вполне естественно, подлежали все, кто при Цинне служили магистратами или занимали высшие командные посты, а также все сенаторы, активно сотрудничавшие с режимом, но не принимавшие участия в боевых действиях. На следующее утро Сулла вывесил табличку с восьмьюдесятью именами. Всех, кто вошел в

этот список, разрешалось убить на месте, а их собственность конфисковать. Так Сулла начал свои проскрипции.

Поначалу перечень врагов, объявленных им вне закона, появился, чтобы избавить невинных от тревоги и страха. Но когда его обнародовали, сложилось впечатление, что хирург Сулла вновь взялся за работу. Да, по сравнению с первым перечнем, который он назвал после своего первого похода на Рим, он вырос в семь раз, но и событий с тех пор тоже произошло немало. Недруги Суллы объявили его врагом государства, захватили его имущество, отправили в изгнание семью, убили друзей и вынудили его начать гражданскую войну. Названные восемьдесят человек выглядели чем-то вроде сделки, способной все это как-то загладить. И хотя из Рима удалось ускользнуть лишь немногим из них, большинство уже знали, что пощады им ждать нечего. Карбон, Норбан и Серторий в списке тоже присутствовали. Каждый из них уже бежал. Так как на Мария Сулла обрушить свой гнев не мог, потому как тот уже лежал в могиле, он довольствовался тем, что снес все монументы в его честь, выкопал труп последнего заклятого врага и разбросал его кости.

Но проснувшись на следующий день, народ Рима увидел, что первоначальный перечень подвергся пугающему пересмотру. Ночью Сулла вывесил на форуме его новый вариант, добавив к нему 220 новых имен. Многих из тех, кто накануне облегченно вздохнул, теперь ждала смерть. А еще через день его обновили *опять* и число его фигурантов превысило пятьсот человек. Теперь буквально каждый жил в страхе, что его вот-вот объявят вне закона. Как-то раз один из тех, кого в первоначальном варианте пощадили, явился на форум и обнаружил в новом списке свое имя. Увидев, что его приговорили к смерти, он попытался прикрыть руками лицо и уйти, но его узнали, набросились и убили на месте. Еще один в первые дни массовых убийств предавался буйному веселью и поднимал на смех тех, кто умер страшной смертью. А на следующий день в перечень включили и его самого, убили и конфисковали имущество. Помимо тех, кого Сулла, объявил вне закона, немедленной казни подлежали и все, кто так или иначе укрывал беглецов. Все эти проскрипции не только не снизили градус напряженности, но, напротив, погрузили Италию в царство террора.

Так как убийства продолжались, обещание Суллы ограничить число жертв своими личными врагами развеялось как дым. Он не только выплачивал премию за каждую принесенную ему голову, но и выделял убийцам долю имущества их жертв. В итоге политические репрессии самым отвратительным образом объединились с личной выгодой, побуждая всех обладателей черствых сердец и пустых кошельков рассыпаться по всему полуострову, дабы добраться до богатых врагов Суллы и отправить их на тот свет. Поскольку официальный перечень преступников постоянно менялся, человек мог запросто появиться в нем только потому, что был богат и владел значительной собственностью. Завидев в нем свое имя, эквит по имени Квинт Аврелий посетовал, что «фигурирует в нем только из-за альбанского имени»^[296].

В италийской глубинке обнародованный Суллой список служил чем-то вроде базового принципа, отнюдь не лишавшего сановников возможности импровизировать. Одним из тех, кого туда послали, стал Марк Лициний Красс, герой битвы у Коллинских ворот. В сопровождении алчного и жестокого молодого офицера по имени Гай Веррес, Красс объехал всю Италию, собирая у местных жителей сведения о врагах Суллы, затесавшихся в их ряды. Базовый принцип теперь гласил, что каждую семью, оказывавшую его врагам материальную помощь, – будь то местные торговцы, банкиры или магистраты, – следовало схватить и убить. В то же время местные сановники из числа сторонников Суллы зачастую не упускали возможности поквитаться с личными недругами, и поэтому доносили не на его врагов, а на своих. Почему называли того или иного человека, было все равно, но наказание неизбежно следовало одно и то же: казнь с последующей конфискацией имущества. Красс с Верресом быстро стали экспертами в деле такого скоропостижного и выгодного правосудия. Начав подобным образом свою постыдную, садистскую карьеру в сфере недвижимости, Красс, по приезде в Бруттий, приказал казнить человека только ради того, чтобы захватить его привлекательное имение.

Помимо официальных представителей Суллы, теперь по улицам шастали и самозванные шайки убийц. Профессиональные проскрипции превратились в прибыльный бизнес, стоивший того, чтобы им заниматься. К этим бандам примкнул еще один молодой человек с

жестокой душой, которого звали Луций Сергей Катилина, больше известный просто как Катилина. Двадцать лет спустя ему предстояло оказаться в гуще еще одного цикла революционных беспорядков, однако тогда он был лишь молодым сторонником Суллы, жаждавшим наживы и славы. Стремясь заполучить владения одного свойственника, Катилина убил его и завладел правом собственности на землю. Затем тщательно прочесал сословие эквитов, пробиваясь убийствами вперед, и таким образом включил в свой послужной список приличное количество жертв. А в завершение своих злодейств нацелился на другого свойственника – по случаю, того самого Марка Мария Гратидиана, племянника Мария, который при режиме Цинны реализовал меры по гарантированию денежного обращения. Ложно обвинив Гратидиана в убийстве Катуга во время устроенного Марием террора, Катилина приволок его на могилу последнего и безжалостно прикончил.

С крушением всех правил, проскрипции будто продолжались сами по себе, без постороннего вмешательства, ведь новых жертв всегда можно было найти без особого труда. Один человек сложил голову только за то, что возмутился смертью друга. Другого вольноотпущенник Суллы убил, дабы свести личные счета, а потом включил его имя в список задним числом. Еще одного притащили уже к самому полководцу, узнав, что он укрывал скрывавшегося беглеца. К своему изумлению, Сулла узнав в нем своего бывшего соседа, обитавшего этажом выше над ним в те времена, когда он, еще до начала общественной карьеры, жил в нанимаемой квартире. Этого соседа он приказал сбросить с Тарпейской скалы.

Так как многие враги Суллы бежали с полуострова, вскоре проскрипции выплеснулись за пределы Италии. Когда в Родосе обнаружили Норбана, агенты Суллы потребовали у города выдать его, чтобы избежать серьезных последствий. Пока те совещались, как поступить, Норбан оказал всем услугу, отправившись на рыночную площадь и покончив с собой. Кроме того, Сулла снарядил Помпея, приказав ему лично поймать Карбона. Располагая полученными от шпионов сведениями о том, что Карбон затаился на островке у берегов Сицилии, Помпей тотчас туда отправился. А по прибытии собрал суды и приказал им без всяких присяжных выявить и казнить всех врагов Суллы. Когда же жители Мессаны запротестовали, обвинив суды в

нелегитимности, Помпей огрызнулся: «Хватит ссылаться на закон перед теми, кто опоясан мечами»^[297]. Вскоре Карбона выследили и приволокли в суд. Хотя формально он все еще оставался римским консулом, неприкосновенность его должности Помпей напрочь проигнорировал. Гнея Папирия Карбона, трижды консула Рима, он приказал казнить на месте.

На последнем этапе проскрипций убийства совершались уже без разбора. И поскольку это был не наш цифровой век, а Древний Рим, никто толком не знал, как в действительности выглядит объявленный вне закона человек. Не в состоянии выследить истинную жертву, банда гонителей хватала на улице первого попавшегося. Затем эти безымянные головы выдавали Сулле в качестве подлинного фигуранта списка. Тот лишних вопросов не задавал и всегда платил премию. По поводу отсутствия в этих гонениях какой-либо рациональности или морали ходила жестокая шутка: «Все государство погрузилось в хаос... алчность подавала повод для бессердечия; масштаб преступлений человека определялся количеством его имущества; богатые машинально превращались в злодеев и в каждом таком случае за их голову назначалась премия. Одним словом, все, что приносило прибыль, больше не казалось бесчестным»^[298].

Когда прошло несколько недель, а убийства так и не прекратились, Сулла, наконец, предпринял усилия, чтобы их остановить. Он заявил, что после 1 июня 82 г. до н. э. его перечень больше не будет пополняться новыми именами. А тем временем его фигуранты, если у них были влиятельные друзья, могли прибегнуть к их помощи, чтобы их оттуда *исключили*. Самым известным случаем такого рода стал девятнадцатилетний Гай Юлий Цезарь – *тот самый* Гай Юлий Цезарь. Молодой человек не только совершил преступление, родившись племянником Мария, но и впоследствии женился на дочери Цинны. Сулла приказал Цезарю развестись с женой, но тот ответил отказом. В итоге его имя попало в проскрипционный список, вынудив его прятаться. В то же время, в самом близком окружении Суллы у молодого человека оказались друзья, которые через пару недель выхлопотали ему прощение. Впрочем, правитель даровал его с оговорками и сказал ходатаям так: «Будь по-вашему, берите его себе; но знайте, что человек, с таким рвением вами спасаемый, в один прекрасный день нанесет делу аристократии, которое вы вместе со

мной отстаивали, смертельный удар, ведь этот Цезарь стоит не одного Мария»^[299].

После наступления конечного срока, назначенного Суллой на 1 июня, разгул террора пошел на спад. Виновных по-прежнему преследовали и убивали, но худшее уже было позади. Подвести точный итог уже не удастся никогда, но за время проскрипций Суллы погибли как минимум сто сенаторов и не меньше тысячи эквитов. Что касается общего количества жертв, то оно может доходить до трех тысяч человек. Вместе с тем, низшие сословия Италии Сулла со своими убийцами, верный своему слову, не трогал, причем не только из благородных побуждений, но и потому, что у них не было имущества, в обязательном порядке переводившего их в категорию «виновных». Когда убийства сошли на нет, для Суллы настал час приступить к обновлению республики, которое теперь, после чистки в рядах врагов, стало вполне возможным.

Пока по улицам в поисках добычи рыскали его агенты, сам Сулла пока так и не изыскал способ войти в Рим, не потеряв свою конституционную власть. Наилучший вариант заключался в новых выборах консула, но с формальной точки зрения эту должность в тот год по-прежнему занимали Марий Младший и Карбон. Если учесть, что голова первого гнила на форуме, а второго убили на Сицилии, объявить кампанию по избранию на эти должности других они не могли. Поэтому надо было придумать что-нибудь поизобретательнее.

Пока Сулла, раздражаясь все больше, переживал по поводу своих властных полномочий, жалкое охвостье сената предприняло ряд шагов с тем, чтобы придать его действиям законную силу. Они приняли его отчет о войне с Митридатом и одобрили все решения, принятые им в Азии. Затем аннулировали постановление о признании его врагом государства и даже приказали установить на форуме его огромную статую, снабдив им же самим придуманной надписью: Луций Корнелий Сулла Феликс. Термин «Феликс» ввела в обиход его официальная пропаганда, в переводе с латыни Феликс означает Счастливый. Но все эти постановления все равно не позволяли ему войти в стены города. И тогда он предложил радикальное решение: возродить древний диктаторский режим.

В последний раз Рим вверял себя диктатору 120 лет назад. От этой меры, на раннем этапе существования республики представлявшей собой самое обычное дело, отказались в победоносную эру республиканской империи. Возрождение этой практики не спровоцировали ни недавние экзистенциальные бедствия, наподобие Кимврской и Союзнической войн, ни ожесточенные восстания Гракхов и Сатурнина. Сидя в штабном шатре на Марсовом поле, Сулла сочинил сенату длинное письмо, предложив назначить его диктатором. Он написал, что Италия разорена, что республику выжег изнутри огонь ожесточенной гражданской войны. В жизни Рима не осталось ни одного общественного, политического или экономического аспекта, который не перевернулся бы с ног на голову за последнее десятилетие. И если Сулла намеревался совершить предначертанное судьбой и вернуть республике былую славу, консульской власти ему было мало. Ему требовалась власть абсолютная и неоспоримая.

Предложение Суллы представляло собой шокирующий отход от любых правил и норм, но что еще оставалось делать сенату? Ответить отказом? Но тогда с тем же успехом в 137 г. до н. э. можно было обратиться к окруженным в Нуманции легионам и спросить, не желают ли они, чтобы их перебили. Поэтому требование Суллы сенат выполнил. Дабы восполнить конституционный пробел, возникший после смерти обоих действующих консулов, сенаторы возродили существовавший издавна *interrex*, т. е. практику назначения временного правителя. Время от времени республика прибегала к ней для обеспечения контроля над выборами, если оба консула были мертвы или настолько больны, что не могли приехать в Рим. И поскольку это бы как раз такой случай, означенный временный правитель созвал Народное собрание и представил законопроект, назначавший Суллу *dictator legibus faciendis et reipublicae constitutinae*, т. е. «диктатором для написания законов и устроения конституции». Комиций законодательную инициативу одобрил единогласно.

Имея под рукой огромное количество советников-правоведов, Сулла, помимо прочего и сам прекрасно разбиравшийся в конституционном законодательстве, позаботился о том, чтобы этот титул сопровождался всеми необходимыми полномочиями, обеспечивая ему возможность действовать без всяких ограничений. В ипостаси диктатора он имел право казнить или миловать любого римлянина. Мог

единолично объявлять войну и провозглашать мир. Был волен назначать и снимать сенаторов, по первому желанию конфисковывать чужую собственность, основывать новые города и колонии, наказывать и разрушать уже существующие, за ним всегда оставалось последнее слово в любых вопросах касательно провинций, казны и судов. Но что еще важнее, любое постановление диктатора автоматически приобретало силу закона. И стоило Сулле произнести хоть слово, как от невероятного конституционного могущества Народного собрания не осталось бы и следа.

Хотя диктатором Сулла стал непривычным путем, его назначение, в основном, согласовывалось со всеми древними властными атрибутами этой должности. Следуя традиции, он даже взял себе *магистра-экви́та*, т. е. «начальника конницы», исполнявшего обязанности заместителя диктатора и отвечавшего только перед ним и *ни перед кем другим*. Но в процедуре назначения его диктатором зияла огромная законодательная брешь: срок истечения полномочий. Раньше диктаторы никогда не оставались в этой должности больше полугода — эта строка была вписана в закон, который, собственно, и учреждал диктатуру. Но Сулла без всяких усилий эту норму проигнорировал. Намекнув Сенату, что шести месяцев для восстановления республики ему может не хватить, он дал понять, что его надо назначить на неограниченный срок. В отсутствие налагаемых законом обязательств рано или поздно сложить с себя широчайшие властные полномочия, Луций Корнелий Сулла стал Диктатором На Всю Жизнь.

Какие конституционные реформы он ни намеревался представить для восстановления надлежащего строя Старой Республики, все традиционные правила республиканского правления блекли на фоне примера одного человека, на неограниченный срок сосредоточившего в своих руках неограниченную власть. Причем это будет диктатура не Республики Суллы, а его самого — человека, который никогда не сложит с себя полномочия.

Многое из того, что планировалось им сделать для республики, Сулла открыл еще во время своего первого похода на Рим. Перед тем как уехать воевать с Митридатом он провел законы, предусматривавшие расширение власти сената, в том числе передачу голосования не столь демократичным центуриатным комициям, увеличение численного состава палаты, а также обязательное

требование получить одобрение сената перед передачей законопроекта в Народное собрание. Цинна, взяв Рим, все эти законы отменил, но теперь они вновь обрели силу и стали частью задуманного Суллой окончательного конституционного урегулирования. К первоначальному ядру своих реформ диктатор Сулла присовокупил пакет новых законов, призванных вернуть сенату главную роль в жизни республики.

А так как для швыряния в сенат бомб то и дело использовались трибуны, Сулла значительно урезал их власть. Изначально задуманная с целью защищать личностные права плебеев, эта должность превратилась в опасный инструмент демагогов и тиранов. Поэтому Сулла не только обязал трибунов получать от сената разрешение, прежде чем представлять тот или иной законопроект, но и отменил их всемогущее вето, использовавшееся по поводу и без повода. Теперь трибун мог налагать вето только в вопросах, касающихся личных просьб о снисхождении. Но еще важнее этих процедурных ограничений было его решение, перекрывающее трибунам дальнейший путь к должностям каких-либо магистратов. Данный запрет гарантировал, что молодые и амбициозные лидеры больше никогда не будут стремиться заполучить этот пост, который раньше считался трамплином в политику, а теперь превратился в тупик.

Обуздав трибунов, Сулла привел в порядок весь перечень республиканских магистратур. Если раньше неписанные правила продвижения по «пути чести» от квестора до консула всегда были расплывчаты и туманны, то он придал им конкретную форму. Кроме того, его стараниями был расширен список офицерских рангов; вдвое, до двадцати, увеличилось число квесторов, а также появились два новых претора. Рим долго тянул с введением новых административных должностей, соответствовавших разросшейся империи. Кроме того, Сулла постановил, что магистрат, прежде чем вторично баллотироваться на любую общественную должность, должен ждать два года, а на один и тот же пост — десять лет. И никакие консулы несколько раз подряд в республике больше избираться не будут.

Не хотел он и повторного назначения наместников. Поскольку теперь ежегодно в должность вступали два консула и восемь преторов, необходимость оставлять человека на посту правителя провинции больше одного-двух лет отпала. Причем к улучшению управления территориями это не имело никакого отношения. Назначение в

провинцию обеспечивало доступ к богатствам, связям и власти. Поэтому постоянная ротация чиновников в них никак не помогала их жителям, но зато способствовала поддержанию баланса власти в сенате. Само собой разумеется, что назначения всех провинциальных чиновников теперь тоже контролировал сенат, Народное собрание к этому процессу не допускалось.

Чтобы соответствовать «пути чести», который теперь стал заметно длиннее, Сулла также удвоил состав сената с трехсот до шестисот человек. Как диктатор, он, разумеется, обладал полной свободой назначить заново всех его членов. Поскольку после гражданской войны их в любом случае осталось в живых не больше двухсот человек, он, за время своего пребывания на посту диктатора, регулярно продвигал в палату верных ему офицеров и хороших друзей. Но так как четыреста достойных кандидатов не знал даже Сулла, он, прислушавшись к рекомендациям разных партий, создал целую когорту благодарных сенаторов, верных не только ему лично, но и созданной им новой, реформированной республике.

Назначив всех членов расширенного сената, Сулла теперь мог вернуть себе контроль над судами. Споры, имевшие место во времена Гракхов, теперь будут урегулированы раз и навсегда. Жюри присяжных для постоянных судов будут набираться исключительно из сенаторов. Решение расширить сенат частично преследовало цель обеспечить численный состав, достаточный для отправления правосудия во всех постоянных судах, ныне учрежденных Суллой.

Первым на постоянной основе римляне еще в 149 г. до н. э. создали суд по делам о вымогательстве и получении взяток. Впоследствии учреждались и другие, обеспечивавшие различные нужды: почти наверняка суд по рассмотрению нарушений в ходе выборов и самый знаменитый суд по делам об измене, учрежденный Сатурнином в 103 г. до н. э. Теперь же Сулла предложил подчистить и упорядочить мешанину судебных инстанций, создав на постоянной основе семь судов по рассмотрению дел об убийствах, подлогах и фальшивомонетничестве, нарушениях в ходе выборов, растратах и хищениях, предательстве, личных оскорблениях и вымогательствах в провинциях. Некоторые из них существовали уже тогда, другие были созданы с нуля, третьи после предыдущих воплощений претерпели те или иные изменения. Учрежденный Сатурнином суд по делам о

предательстве, первоначально больше напоминавший революционный трибунал, теперь ограничивался лишь немногочисленными, очевидными преступлениями. Революционным трибуналам в республике Суллы было не место.

Свою диктаторскую власть он также употребил для решения извечного и жизненно важного вопроса о распределении земли. После хаоса гражданских войн – и одержанной Суллой окончательной победы – в Италии впервые за тридцать лет появилось множество новых земель, пригодных для заселения. Из-за потрясений нескольких последних лет в стране остались без хозяев огромные пространства, кроме того, Сулла, не скупясь, сурово наказал регионы, выступавшие против него. Свои усилия он сосредоточил на Этрурии, Умбрии и Самнии – неиссякаемых источниках, из которых черпали силы его враги, – в массовом порядке конфискуя там собственность и раздавая ее ветеранам его легионов.

Пакет реформ Суллы преследовал целью вернуть республику к ее корням, в полной мере восстановив ключевую роль аристократии сената, который теперь остался источником практически всей власти. Полномочия трибунов отняли, а Народное собрание в огромной степени потеряло свою независимость. Эквитов и публиканов низвели обратно до ранга вторичной политико-экономической силы, отведенного им с самого начала. Сулла даже попытался провести пакет законов по ограничению расходов на игры, банкеты и личные пышные наряды, но это, как обычно, ни к чему не привело, потому как он и сам то и дело выходил за рамки установленных для него пределов. Но утверждать, что диктатор мысленно застрял в прошлом, было бы несправедливо: он полагал, что учреждает режим для решения насущных проблем, изводящих республику в настоящем, чтобы с помощью реформ избежать их в будущем.

Одним из животрепещущих вопросов, которые нельзя было решить, оглядываясь назад, была судьба италийцев. Обращая взор в прошлое, следовало вернуться к старой конфедеративной иерархии гражданств, но он и не думал нарушать данное когда-то слово чтить их гражданские и избирательные права. Следующий ценз выявил, что количество граждан республики удвоилось, и с этого момента италийский вопрос больше не поднимался. В полном соответствии с опасениями, коренные римляне в значительной мере утратили влияние,

в то время как итальянцы получили гораздо больше голосов. Ну и что из этого? Причин относиться к уроженцу Лация не так, как к человеку, родившемуся в Пицене, больше не было; мнение римских граждан с добавлением новых голосов не потерялось, а лишь приобрело новую окраску. Рим теперь принадлежал всем.

Сулла хоть и получил на постоянной основе диктаторские полномочия, но сохранять их пожизненно не собирался. Да, он считал себя уникальным и незаурядным законотворцем, однако в душе был республиканцем, но никак не царем. И сделать намеревался только то, что обещал, выдвигая себя на роль диктатора: ввести законы и разработать конституцию. В отличие от мелких тиранов, Сулла даже не думал без конца откладывать свой уход, когда вопрос с конституцией будет объявлен «улаженным». Он пришел сделать дело, которое, по его мнению, ему поручили боги, а потом сложить с себя полномочия.

Процесс постепенной передачи власти Сулла начал примерно через год после вступления в должность. В середине 81 г. до н. э. он объявил о намерении баллотироваться в консулы наряду с Метеллом Пием. По-прежнему относясь во всем к этому человеку почти как к равному, сотрудничество Пия с его режимом он считал одним из величайших примеров благосклонности к нему судьбы. Пий мог доставить диктатору множество проблем, но ничего такого делать не стал, вместо этого согласившись на обещанные тем перемены. Намерение Суллы разделить с ним консульский пост не только было знаком их крепкой дружбы, но и залогом того, что Сулла не собирается оставаться диктатором до самой смерти.

Но хотя для Суллы все складывалось просто замечательно и он уже опять собирался вновь взять на себя роль республиканца, один из его подчиненных влез не в свое дело и создал проблему. Выборы 80-го года до н. э. диктатор намеревался превратить в театральную постановку, однако какой-то претор вбил себе в голову мысль обязательно стать консулом. Сулла тихонько дал тому знать, что запрещает подобные безумства, но по какой-то необъяснимой браваре тот все равно внес свое имя в список кандидатов. И даже когда ему напрямую велели отступить, непонятливый претор все равно отправился на форум собирать голоса. И Сулле не оставалось ничего другого, кроме как убить его на месте.

Покончив с этим неприятным делом, диктатор объявил массовый митинг и обратился ко всем гражданам Рима. Как и много раз до этого, он был готов поделиться своими планами, чтобы скрепить всех искренними узами взаимного доверия. Он вышел на трибуну, объявил о сложении с себя полномочий диктатора, сказал, что теперь стоит перед ними в качестве простого римского гражданина, выразил готовность ответить на все их вопросы и претензии. Затем распустил личную стражу и вышел на улицу. Из диктатора Рима он теперь превратился в гражданина Суллу. Но забавным венцом его добровольного отречения от власти стал какой-то мальчишка, последовавший за ним, когда он ушел с форума, и обрушившийся на него с яростной бранью. Войдя в дом и оставив глумливые насмешки позади, Сулла колко бросил: «Из-за таких, как этот юнец, в будущем обладатели диктаторских полномочий не захотят их с себя слагать»^[300].

Впрочем, сам он к отречению от власти отнесся всерьез. В 80 г. до н. э. их с Пием избрали консулами, и Сулла, отслужив этот год уже в новой, не диктаторской должности, намеревался двигаться дальше. Когда в 79 г. до н. э. Народное собрание продлило срок его консульских полномочий еще на год, он отказался, принял почетное предложение отправиться проконсулом в Цизальпинскую Галлию. Но в провинцию так и не отправился, поехал на свою загородную виллу в Кампании, завел двор, как и полагается знатному сельскому вельможе, и зажил прежней беспечной жизнью, которую так любил раньше. Принимал в своем театральном сообществе старых друзей, интеллектуалов со всего Средиземноморья, а также видных политических деятелей из любых уголков света. Сулла всегда пристально следил за римскими политиками – как и они за ним, – но его эра, по правде говоря, уже подошла к концу.

Фракцию Суллы в Риме, по большей части, объединяли проводимые им конституционные реформы, но из этого еще не следует, что они были близки по своей сути. Их преданность друг другу проистекала из совместной преданности Сулле и теперь, когда он решил уйти, каждый из них был волен бросить в огород фракции свой собственный камень. Метелл Пий был слишком властен. Помпей слишком надменен. Красс жаден. На политической арене созданная Суллой республика могла сдерживать всю эту полемику в рамках здорового компромисса, но это еще не означало гармонии и согласия.

В перерывах между возлияниями, большую часть времени Сулла сочинял грандиозные мемуары, объясняя и оправдывая в них все свои поступки и слова. Заполнял их подробными отчетами о каждой проведенной им военной кампании, о службе в каждой достававшейся ему должности, детально разбирал общественные дела, которыми занимался, рассказывал, почему дружил со своими друзьями и враждовал с врагами. Цель этого опуса сводилась к тому, чтобы недвусмысленно выставить себя избранником Фортуны, которого можно было обвинить единственно в храбрости, верности и патриотизме. Этот конечный искусный план поставить под контроль события всей своей жизни увенчался невероятным успехом, ведь историки более позднего периода пользовались его мемуарами в качестве одного из основных первоисточников. Да и наше понимание Суллы две с лишним тысячи лет после его смерти в огромной степени зиждется на *его собственной* версии событий.

Когда Сулла сошел с политической сцены, ему еще не было и шестидесяти лет — человек, конечно, уже далеко не молодой, но и не старик на пороге смерти. Закончив мемуары, он наверняка предвкушал еще как минимум десятилетие наслаждаться почетной отставкой. Его жена Метелла недавно умерла, но он женился опять и новая супруга собиралась вскоре подарить ему ребенка. Вместе с тем, он предчувствовал скорый конец. Сулла описывал сон, в котором «ему явился покойный сын... умоляя отца позабыть о заботах и отправиться вместе с ним к его матери Метелле, чтобы жить с ней в мире и покое»^[301]. Однако даже эти тревожные грезы не помешали ему продолжать работу над мемуарами и заниматься текущими делами.

Но когда Сулла в 78 г. до н. э. решал очередной общественный вопрос, его неожиданно хватил удар. Незадолго до этого одного из местных магистратов уличили в краже денег из городской казны, Сулла устроил вору разнос, но в этот момент в его организме что-то лопнуло и изо рта хлынула кровь. Сулла, наверняка став жертвой отказа печени или огромной язвы желудка, рухнул на землю грудой желчи, крови и плоти, после его отнесли домой, где он провел «ужасную ночь»^[302]. К утру Луций Корнелий Сулла был мертв.

Когда весть о смерти диктатора достигла Рима, тут же разразились бурные дебаты о том, как на нее реагировать. Некоторые считали, что

пришло время покрыть позором всю его карьеру и отказать в праве на посмертные почести. Сулла убивал сограждан и превратился в тирана. Но тут вперед вышел Помпей и возразил, что такой великий человек, как Сулла, вполне заслуживает пышных всенародных похорон и в этом вопросе, на его взгляд, двух мнений быть не может. И погребение действительно устроили с большой помпой. Но это было только начало дебатов о наследии Суллы. В последующие годы то, что человек думал о Сулле, лучше любых слов описывало его характер.

Пепел Суллы захоронили в семейном склепе, а на Марсовом поле в его честь воздвигли монумент. На нем навсегда запечатлели его вечное кредо: «Ни один друг не превзошел его в доброте, как ни один враг в зле»^[303].

Принятая Суллой конституция долго не прожила. В первые годы нового режима верховные правители Рима – в том числе Метелл Пий, Помпей и Красс – ее строго придерживались. Но когда память о диктаторе стала меркнуть, они стали жертвовать его решениями в угоду принципу целесообразности. В конечном итоге, окончательное «урегулирование», автором которого стал Сулла, стало лишь очередной вехой на пути республики к гибели.

Одной из причин, по которым его конституция принесла столь плачевный результат, сводилась к тому, что сторонники поддерживали ее вяло, но ненавистники ненавидели яростно и в полную силу. Проскрипции Суллы породили целый сонм его врагов. Когда резня закончилась, Сулла запретил сыновьям и внукам жертв претендовать на общественные посты. Среди таких семей оказались самые прославленные в Риме, и после того, как им перекрыли путь к публичным должностям, это вызвало непреходящее негодование и обиду. Многие из них участвовали в неудачной попытке мятежа против конституции Суллы, предпринятой в 78 г. до н. э. консулом Лепидом. Бунт быстро подавили, но он наглядно продемонстрировал, насколько хрупким в действительности был установившийся мир. Даже когда с опальных семейств сняли этот запрет и позволили вернуться к общественной жизни, о былом благоговении перед республиканской моралью, и уж тем более об уважительном отношении к конституции Суллы, речь в их случае больше не шла.

Закон, ограничивавший власть трибунов, едва продержался десять лет. Невзирая на все усилия Суллы, путь популяров по-прежнему представлял весьма действенный способ вхождения во власть, и в 70-е годы политики добивались расположения народа посулами полностью восстановить трибунов в их правах. Выгоду из этих расхожих обещаний, в конечном итоге, извлекли Помпей и Красс, вернувшие в полном объеме трибунам былую власть в 70 г. до н. э., когда их обоих избрали консулами. В том же году претор Луций Аврелий Котта провел решение об отмене законов Суллы касательно судов, вновь разрешив набирать в жюри присяжных не только сенаторов, но и эквитов. Попытка бывшего диктатора перераспределить в Италии земли тоже особого успеха не принесла. Как и в случае с программой Гракхов, не успело еще смениться поколение, как его ветераны продали богатым магнатам почти все свои земли, и крупные землевладения на полуострове, в конечном итоге, стали преобладать, как никогда раньше. Решение ограничивать срок пребывания чиновников в должности тоже оказалось несостоятельным. Несмотря на то, что Сулла расширил перечень магистратур, Римской империей по-прежнему управляли порядка ста человек. Созданные им кратковременные администрации, коррумпированные и не отвечавшие требованиям времени, удалось привести в нормальное состояние после решений Августа о создании некоего подобия постоянного штата чиновников.

Если кто-то и был виновен в провале конституции Суллы, то в первую очередь это сам Сулла. Факты его биографии были красноречивее громогласных рассуждений о государственном устройстве. В юности он, домогаясь славы, попирал традиции уважения и преданности. Когда ему нанесли оскорбление, повел легионы на Рим. В чужих краях вел личные военные кампании и предпринимал собственные дипломатические шаги. А после того, как Рим попытался оспорить его власть, начал гражданскую войну, объявил себя диктатором, расправился с врагами, после чего отошел от дел, дабы бражничать в великолепии и роскоши. Конституцию Суллы зачеркнула его же собственная карьера, и те, кто за ним шел, больше обращали внимание не на то, что *должно* сделать, а на то, что *сделать можно*.

В конечном итоге, все попытки Суллы восстановить республику были обречены из-за его ошибочной оценки проблемы. В его

представлении политическая дестабилизация, сотрясавшая Рим в период с его рождения в 138 г. до н. э. до смерти в 78-м, стала результатом утраты сенатом своего господствующего положения. Но он не понимал, что доминирование сената, на котором он вырос, возникло совсем недавно и по сути, представляло собой не решение, но *корень* проблемы. Сулла считал, что своими действиями вернул конституционный баланс власти в естественное состояние. Но в действительности лишь переставил немного назад время на таймере бомбы.

Как и предрекала конституционная теория Полибия, восстановление господства сенатской олигархии спровоцировало демагогов-популяров, что в 40–30-х гг. до н. э. привело к череде еще более кровопролитных войн. Впрочем, эта теория Полибия продержалась недолго. Падение сенатской олигархии ускорилось усилиями напыщенных популистов, никогда, впрочем, не ставивших перед собой цель установить демократию, которая за этим и не последовала. Вместо этого римляне, утомившись от гражданских войн, затянувшихся на целое поколение, вверили себя прямо в руки просвещенного монарха. Только вот Август, заполучив единоличную власть, в отличие от Суллы не стал слагать с себя полномочия. Поэтому конституция Суллы, в конечном счете, привела к долговременному триумфу не аристократии, а, скорее, монархии. Впрочем, другого царя в Риме уже не будет, вместо него властвовать будут императоры. При чем властвовать очень и очень долго.

Костяк коалиции, впоследствии объединившейся вокруг кесарей, своими корнями уходил в старый, созданный еще Гракхами союз крестьян, городского плебса, торговцев-публиканов и ренегатов-аристократов. Дополняя риторику популяров прямыми призывами к своекорыстию, сторонники кесарей, задействовав эти силы, смогут окончательно уничтожить сенатскую аристократию. Однако это еще не означало, что добычу все распределят между собой поровну.

Из всех сословий Гракхи первым делом обратили свой взор на сельскую бедноту. Усилия по реформированию небольших крестьянских хозяйств легли в основу еще самого первого *Lex Agraria*, предложенного Тиберием. Гракхи старались возродить класс мелких земледельцев, перераспределяя в пользу бедных граждан общественные

земли. Но не успело еще даже смениться поколение, как все наделы опять скупили богатеи. Гай Марий для решения этой проблемы набирал безземельный плебс в легионы, а после увольнения выделял им наделы в тех провинциях, где они воевали. Таким образом, он создал колонии в Африке, Галлии и на Сицилии. Сулла после этого предпринял еще одну, последнюю попытку перераспределения в Италии земли, но она, как мы только что видели, тоже провалилась. Поэтому экономический импульс к развитию *латифундий* к тому времени принял неотвратимый характер. Проблема мелких крестьянских хозяйств в Италии нашла свое решение только когда все они уже были мертвы.

Городской плебс тем временем становился все многочисленнее и приобретал силу. На фоне беспрестанных неурядиц на сельских просторах Италии началась целенаправленная миграция населения в города. К наступлению эры Августа население Рима взлетело до 750 000 человек. А во время золотого века империи в 100-х гг. н. э. и вовсе перевалило за миллион. Такой рост числа жителей частью объяснялся увеличением доли субсидируемого зерна. Поставки хлеба по контролируемой государством цене стали постоянным атрибутом муниципальной политики Рима еще при Гае Гракхе. Однако здесь важно не забывать, что право на такую долю распространялось исключительно на граждан-мужчин и что ее хватало лишь для того, чтобы не умереть с голоду. Поэтому несмотря на частые жалобы на лень городских плебеев, если бы они действительно ленились, это неизбежно привело бы их к гибели. Для остальной республики в течение всего имперского века стабильные поставки городскому плебсу дешевого зерна представляли собой рутину муниципального управления. Субсидируемый хлеб обеспечивал стабильность – в равной степени желанную как для правителей, так и для тех, кем они правили.

Больше других выгоды из триумфа кесарей извлекали для себя эквиты. После смерти Суллы Рим продолжил экспансию, постоянно создавая все новые возможности для деловой активности. В качестве главной торговой силы самой могущественной державы Средиземноморья, эквиты контролировали несметные богатства. Введя для урегулирования ситуации в 20-х гг. до н. э. свои новшества, Август воспользовался эквитами для заполнения штата провинциальных чиновников. А в Египте даже дошел до того, что не назначил ни одного сенатора. При режиме Августа правителю этой провинции в

обязательном порядке требовалось принадлежать к рядам эквитов. Управлять империей этому сословию предстояло целых пятьсот лет.

Одним из столпов, на которые с самого начала опиралась коалиция Гракхов, были италийцы, к тому времени уже праздновавшие триумф. Окончательно италийский вопрос нашел свое решение весной 83 г. до н. э., когда Сулла безоговорочно признал их гражданские и избирательные права. Теперь каждый италиец стал равным, полноценным гражданином, неотличимым с точки зрения закона от римлянина. И процветающие италийские эквиты превратились в не менее процветающих эквитов римских. Точно так же могущественные италийские предводители превратились в не менее могущественных правителей римских. Хотя элитизм как общественное явление разумеется, никуда не делся. Для гордецов с Палатинского холма Цицерон, к примеру, навсегда останется италийским *novus homo*. Подобный снобизм просуществует еще тысячу лет, только вот с точки зрения закона он уже лишился смысла. Рим был Италией, Италия была Римом.

В роли второсортных граждан Рима на смену италийцам теперь пришли жители иноземных провинций. Правители республики по-прежнему выкачивали оттуда средства, значительная часть которых шла на финансирование входивших в их фракции политиков в Риме. Эту проблему удалось решить только благодаря решениям Августа, принятым в 20-х гг. до н. э. После того, как Август предъявил права на проконсульскую верховную власть за пределами Италии, его провинции возглавили постоянные команды управленцев из числа эквитов, подчинявшиеся лично ему. Признавая, что провинциалы не меньше италийцев заслуживают хороших правителей, Август искоренил практику бессистемной эксплуатации и добился продолжительного баланса между авторитетом власти и милосердием. Позже император Тиберий в знак порицания чрезмерной ретивости выскажет в адрес одного правителя такие слова: «Хорошему пастуху больше пристало стричь свое стадо, а не сдирать с него шкуру»^[304].

Самое странное, вопрос о гражданстве провинциалов больше никогда не ложился в основу конфликта. После объединения Италии другие провинциальные центры в Испании, Греции и Африке попросту остались подданными Рима. Той же модели Рим придерживался и после новых территориальных приобретений в Галлии и Сирии. В то

же время отдельные лица могли получить в награду гражданство (самым проторенным путем к которому стали легионы), поэтому вскоре появились римские граждане испанского, галльского, африканского, греческого и сирийского происхождения. Но предоставление гражданства в массовом порядке стало предметом рассмотрения лишь в III веке н. э., правда и тогда решение об этом спустили сверху. С учетом того, что многие из тех, у кого не было римского гражданства, освобождались от ряда податей, в 211 г. н. э. император Каракалла постановил предоставить его всем без исключения. Как сказал историк Кассий Дион, «формально он оказал им честь, хотя в действительности его цель сводилась к увеличению собственных доходов»^[305]. Поэтому в массовом порядке жители провинций получили гражданские права только после того, как оно из привилегии превратилось в бремя.

После смерти Суллы все эти группировки обратно влились в исторический поток и возобновили привычные маневры на пути к власти. Непродолжительное восстание 78 г. до н. э., во главе которого встал консул-популяр Лепид, напомнило всем, сколь хрупкой оставалась ситуация. Испанские провинции по-прежнему представляли собой открытую рану. Бежавший из Италии Квинт Серторий создал в Иберии оплот и продолжал войну против сторонников Суллы даже когда головы всех его единомышленников выставили гнить на форуме. Объединившись с другими приверженцами Мария, тоже избежавшими проскрипций, он еще десять лет раздувал огонь этой войны. Ни Метелл Пий, ни Помпей его одолеть не смогли. Когда Помпея затошнило от этого испанского болота, он, дабы выбраться из него, в 72 г. до н. э. организовал убийство Сертория, что стало последним отблеском пожара Союзнической войны, вспыхнувшего почти двадцать лет назад.

Тем временем между победителями из лагеря Суллы наметился раскол. Метелл Пий, Помпей и Красс уединились каждый в своем углу, занимаясь собственными делами. Особенно ненавидели друг друга Красс и Помпей. Когда Спартак поднял последнее крупное восстание рабов, разрушительным вихрем промчавшееся по Италии в 73–72 гг. до н. э., обуздал его, в конечном итоге, Красс. Но под самый конец из Испании примчался Помпей, разгромил остатки мятежных рабов и присвоил себе всю славу *победителя* в данном конфликте, чем привел

Красса в ярость. Ожесточенная борьба между ними в последующие двадцать лет в значительной мере определяла всю римскую политику.

В то же время на их фоне набирал силу молодой аристократ, которому предстояло затмить и того и другого: Гай Юлий Цезарь. Пережив проскрипции, в 70-х гг. до н. э. он заявил о себе как о молодом политическом даровании. В 69 г. до н. э. устроил нечто вроде провокации, в открытую оплакивая смерть своей тетушки Юлии – супруги Гая Мария. А на похоронах в открытую демонстрировал изображения Мария – впервые с тех пор, как Сулла стал диктатором. Это рассердило сенатских оптиматов, зато породило волну народных симпатий к Марию, которого когда-то величали Третьим Основателем Рима, что позволило выставить дорожку к отмене решений об изгнании опальных семей. А тех, кто испытал унижение проскрипций на собственной шкуре, объединили незримые узы и совместная тяга к политике популяров. И Цезарь очень даже ловко воспользовался их обидами в своих интересах.

Пока в рядах знати велась борьба, Рим прирастал все новыми территориями. Война с Митридатом в действительности так и не закончилась. Оправившись после первых поражений, он начал целую череду крупных конфликтов с Римом, продолжавшихся до самой его смерти от рук Помпея Великого в 63 г. до н. э. Когда понтийский царь наконец был окончательно разгромлен, Помпей устроил легионам продолжительное турне по Восточному Средиземноморью, с целью организовать в тех краях систему ручных царств, которые выступали бы союзниками Рима. А когда вернулся домой, Цезарь уже успешно примирил Помпея с Крассом и они втроем сформировали тайный союз, получивший название Первого триумvirата, которому предстояло главенствовать в Риме следующие десять лет. Этот триумvirат выделил в награду ветеранам Помпея земли, одобрил войну с Сирией, послав туда Красса, а Цезаря назначил проконсулом Галлии. И пока Помпей оставался в Риме, последний успешно покорял территорию всей нынешней Франции. Что касается Красса, то он в Сирии попал в западню и в 53 г. до н. э. умер ужасной смертью.

Его гибель разрушила союз Цезаря и Помпея, и в 40-х гг. до н. э. политические фракции вновь перегруппировались для решающего сражения. Если Помпей объединился с сенатскими оптиматами, то Цезарь опирался на созданную им когорту сторонников популяров и

верных ему ветеранов. Перейдя в 49 г. до н. э. Рубикон, Цезарь одолел всех своих врагов и, в свою очередь, тоже объявил себя пожизненным диктатором. В насмешку говоря, что Сулла «не смыслил ровным счетом ничего, если сложил с себя полномочия»^[306], он явно не собирался отказываться от диктаторской власти, за что в 44 г. до н. э. его и убила шайка сенаторов во главе с Брутом и Кассием. После Мартовских ид его преемники Октавиан и Марк Антоний^[307] объединили усилия, чтобы разгромить остатки Сената, а потом развязали между собой гражданскую войну за контроль над империей. Одолев всех врагов, в 27 г. до н. э. Октавиан переименовал себя в Августа, и Римская республика превратилась в Римскую империю.

В качестве предпосылки для образования империи Августа, вся верховная власть была сосредоточена в руках одного-единственного человека. Центуриатный комиций избрал его консулом, в итоге ему досталась положенная по этой должности власть. Одновременно с этим Плебейский комиций своим голосованием назначил его трибуном, в итоге он узурпировал и эти полномочия. Обладая такой полнотой власти, он мог наложить вето на любую законодательную инициативу и гарантировать себя от физических посягательств. Вдобавок ко всему, сенат наделил его проконсульскими полномочиями во всех провинциях, сделав главнокомандующим почти всех вооруженных сил Рима. Со временем он также стал главой коллегии понтификов, получив контроль над храмами и жрецами. Республиканский фасад Август поддерживал весь период своего правления. Каждый год проводились выборы, заседало Народное собрание. Кроме того, он регулярно встречался с членами высшего сенатского совета, создавая видимость равного участия в работе этого органа. И никогда не вводил новую должность «императора» – это не более чем ярлык, который римляне навесили на него позже, подчеркивая *фашистский* характер высшей власти, если она вся без исключения сосредоточена в одних руках. Сам Август предпочитал называть себя *принцепсом* – первым гражданином среди равных.

Однако за внешней стороной республиканских ритуалов постоянно праздновала победу монархия, предусмотренная конституцией Полибия. Но в противовес выдвинутой им теории, триумф кесарей совсем не обязательно вызывал реакцию аристократии. Созданная Августом система имперского управления вошла в режим,

обеспечивавший ей чуть ли не вечную жизнь. Провинциалы и эквиты при новом порядке процветали, а если пара сенаторов и потеряла свою власть, так что из того? В недрах сената еще теплилась надежда на возрождение Старой Республики, но случиться этому было уже не суждено. Сулла умер в 78 г. до н. э., веря, что смог вдохнуть в нее новую жизнь. Однако все его достижения хоть и могли показаться зарей новой эры, но в действительности стали лишь последними мгновениями света перед тем, как звезда Римской республики закатилась за горизонт.

Благодарности

Выражения признательности, каким бы ни был их перечень, в обязательном порядке надо начать с моей жены Бранди, которой я и без того уже посвятил эту книгу. Когда я встал на этот путь, она сопровождала меня на каждом шагу, выступая в роли неистощимого источника силы, поддержки и любви. Кроме того, я хотел бы поблагодарить своих детей, Эллиота и Оливию, которые все время, пока я писал книгу, вели себя просто замечательно. Надеюсь, когда они научатся читать, результат им понравится. Невероятную помощь, причем не только во время написания книги, но и всю жизнь, мне оказывали родители, Дуг и Лиз Дункан. Без них этот труд никогда бы не увидел свет. Мой успех – их успех.

Этой книги не было бы и без моего литературного агента Рэйчел Воджел, которая позвонила мне в один прекрасный день и спросила, не думал ли я когда-либо заняться писательским трудом. А затем нянчила эту идею с пеленок, пока та окончательно не вызрела, и вела меня вперед по длинному и извилистому пути написания книги, ее продвижения и продажи. О лучшем поводе по книгоиздательскому миру, нередко трудному и непостижимому, нечего и мечтать.

Кроме того, мне очень повезло попасть к моему редактору Колин Лори из издательского дома *PublicAffairs*. Она не только с самого начала одобрила этот проект, но и осуществляла профессиональное руководство, давая квалифицированные советы по поводу рукописи, с того дня, когда та представляла собой всего лишь лист чистой бумаги, и до окончательного завершения. Вся остальная команда издательства тоже оказалась поистине фантастической, особенно для автора, публикующегося в первый раз. Заведующая редакцией Кэти Хайглер, специалист по рекламе Кристина Фаццаларо, литературный редактор Билл Уорхоп, дизайнер Линда Марк, координатор по маркетингу Мигель Сервантес и директор по маркетингу Линдси Фрадкофф – работать с этими людьми было сплошное удовольствие. Их стараниями книга стала лучше.

Что касается исследовательской части моей работы, я невероятно признателен Висконсинскому университету, представляющему собой настоящий бастион просвещенного приобщения общественности к

знаниям. Для жителей штата широко открыты двери всех его библиотек, он обеспечивает неограниченный доступ к академическим ресурсам, которые в противном случае больше нигде было бы найти. Без всего этого мое дело было бы обречено на провал. Предложенная университетом идея создать единую образовательную сеть с участием ученых, государственных служащих и простых граждан представляется одним из самых благородных начинаний за всю историю западной цивилизации. В 1905 г. президент этого учебного заведения, Чарльз Ван Хайз, сказал: «Я буду доволен только когда благотворное влияние скажется на каждой семье штата». За всех говорить не стану, но лично на мне это благотворное влияние сказалось точно.

Помимо прочего, я в неоплатном долгу перед сообществом авторитетных ученых и обычных энтузиастов, создавших в Сети базы данных античных источников – доступных без ограничений и обеспечивающих все возможности поиска. В первую очередь, мне служили опорой Цифровая библиотека «Персей» при Университете Тафтса, Джон Лендеринг и ресурс Livius.org, Билл Тейлер и его архивы LacusCurtius, а также Эндрю Смит и его Attalus.org. Без их усилий все мои потуги были бы напрасны.

Наконец, я хочу сказать спасибо всем слушателям подкастов «История Рима» и «Революции», благодаря которым все это стало возможно. Я всегда буду благодарен вам за то, что вы позволили мне превратить страсть к истории в карьеру историка. Надеюсь, книга вам понравилась.

Примечания

Все книги о Древнем Риме базируются на собрании дошедших до нас античных литературных текстов (критичные пробелы в которых впоследствии заполнили археология, нумизматика и эпиграфия). Писать на эту тему книгу сродни собиранию мозаики из фрагментов плитки, смешавшихся в беспорядочную, хаотичную кучу после двух тысяч лет восхитительного, но ненадлежащего хранения. Мозаика, охватывающая период со 146 по 78 г. до н. э., зиждется на четырех главных авторах: Аппиане, Плутархе, Саллюстии и Цицероне. В то же время, жизненно важные детали, которых недостает этим источникам, были восполнены другими греческими и римскими историками, учеными и толкователями. Чтобы дать читателю четкое представление о том, как из этих кусочков собирается наше знание о Древнем мире, мы под конец сосредоточили свои усилия на античных литературных трудах. Ниже вы найдете исчерпывающий перечень тех, что использовались для написания каждой главы. Надеемся, это подтолкнет читателя познать радость самостоятельного изучения древних летописцев.

Литература

Аппиан, «Война с Ганнибалом»;
Аппиан, «Войны римских царей»;
Аппиан, «Войны в Испании»;
Аппиан, «Войны с самнитами»;
Аппиан, «Гражданские войны»;
Аппиан, «Македонские войны»;
Аппиан, «Пунические войны»;
Веллей Патеркул, «Римская история»;
Диодор Сицилийский, «Историческая библиотека»;
Дионисий Галикарнасский, «Римские древности»;
Кассий Дион, «Римская история»;
Луций Анней Флор, «Эпитомы римской истории»;
Орозий, «История против язычников»;
Павсаний, «Описание Эллады»;
Плутарх, «Гай Марий»;
Плутарх, «Катон Старший»;
Плутарх, «Кориолан»;
Плутарх, «Лукулл»;
Плутарх, «Нума»;
Плутарх, «Попликола»;
Плутарх, «Ромул»;
Плутарх, «Фабий Максим»;
Плутарх, «Фламиний»;
Плутарх, «Цезарь»;
Полибий, «Всеобщая история»;
Саллюстий, «Заговор Катилины»;
Саллюстий, «Югуртинская война»;
Страбон, «География»;
Тацит, «Анналы»;
Тит Ливий, «История Рима от основания города. Периохи»;
Ульпиан, «Дигест Юстиниана»;
Фест, «Бревиарий деяний римского народа»;
Цицерон, «В защиту Флакка»;
Цицерон, «О государстве»;

Цицерон, «О законах»;
Цицерон, «О земельном законе»;
Цицерон, «Об обязанностях»;
Цицерон, «Об ответах гаруспиков»;
Цицерон, «Письма к Аттику»;
Цицерон, «Письма к друзьям»;
Цицерон, «Речь против Гая Верреса»;
Цицерон, «Филиппики».

ГЛАВА 1. ЗВЕРИ ИТАЛИИ

Авл Геллий, «Аттические ночи»;
Аппиан, «Войны в Испании»;
Аппиан, «Гражданские войны»;
Валерий Максим, «Примечательные поступки и изречения»;
Варрон, «Сельское хозяйство»;
Веллей Патеркул, «Римская история»;
Гораций, «Оды»;
Диодор Сицилийский, «Историческая библиотека»;
Дионисий Галикарнасский, «Римские древности»;
Евтропий, «Бревиарий от основания города»;
Катон Старший, «О земледелии»;
Кассий Дион, «Римская история»;
Луций Анней Флор, «Эпитомы римской истории»;
Макробий, «Сатурналии»;
Орозий, «История против язычников»;
Плиний Младший, «Письма»;
Плиний Старший, «Естественная история»;
Плутарх, «Гай Гракх»;
Плутарх, «Гай Марий»;
Плутарх, «Тиберий Гракх»;
Полибий, «Всеобщая история»;
Псевдо-Плутарх, «Изречения римлян»;
Саллюстий, «Югуртинская война»;
Страбон, «География»;
Тацит, «Анналы»;

Тацит, «Диалог об ораторах»;
Тит Ливий, «История Рима от основания города. Периохи»;
Цицерон, «Брут»;
Цицерон, «В защиту Марка Целия Руфа»;
Цицерон, «В защиту Милона»;
Цицерон, «В пределах добра и зла»;
Цицерон, «Об обязанностях»;
Цицерон, «Об ораторе»;
Цицерон, «Об ответах гаруспиков»;
Цицерон, «О дружбе»;
Цицерон, «О законах»;
Цицерон, «О земельном законе»;
Цицерон, «О государстве»;
Цицерон, «О дивинации»;
Цицерон, «Речь в защиту Публия Сестия»;
Цицерон, «Речь в защиту Скавра»;
Цицерон, «Речь против Гая Верреса»;
Ювенал, «Сатиры»;
Юстин, «История Филиппа».

ГЛАВА 2. ПАСЫНКИ РИМА

Аппиан, «Войны в Испании»;
Аппиан, «Гражданские войны»;
Аппиан, «Митридатовы войны»;
Аппиан, «О войнах в Сицилии и на остальных островах»;
Атеней, «Пир мудрецов»;
Валерий Максим, «Примечательные поступки и изречения»;
Варрон, «О латинском языке»;
Веллей Патеркул, «Римская история»;
Диодор Сицилийский, «Историческая библиотека»;
Евтропий, «Бревиарий от основания города»;
Кассий Дион, «Римская история»;
Луций Анней Флор, «Эпитомы римской истории»;
Орозий, «История против язычников»;
Плиний Старший, «Естественная история»;

Плутарх, «Гай Гракх»;
Плутарх, «Помпей»;
Плутарх, «Римские вопросы»;
Плутарх, «Ромул»;
Плутарх, «Тиберий Гракх»;
Плутарх, «Эмилий Павел»;
Плутарх, «Фламиний»;
Псевдо-Плутарх, «Изречения римлян»;
Полибий, «Всеобщая история»;
Саллюстий, «История. Фрагменты»;
Саллюстий, «Югуртинская война»;
«Свод латинских надписей»;
Страбон, «География»;
Тацит, «Диалог об ораторах»;
Тит Ливий, «История Рима от основания города. Периохи»;
Ульпиан, «Дигест Юстиниана»;
Фронтин, «Стратегемы»;
Цицерон, «Брут»;
Цицерон, «В защиту законопроекта Манилия»;
Цицерон, «В защиту Милона»;
Цицерон, «В защиту Флакка»;
Цицерон, «Об обязанностях»;
Цицерон, «О дружбе»;
Цицерон, «О государстве»;
Цицерон, «О законах»;
Цицерон, «О консульских провинциях»;
Цицерон, «Письма к брату Квинту»;
Цицерон, «Письма к друзьям»;
Цицерон, «Речь в защиту Гнея Планция»;
Цицерон, «Речь в защиту Мурены»;
Цицерон, «Речь о своем доме»;
Цицерон, «Речь против Гая Верреса»;
Цицерон, «Тускуланские беседы»;
Цицерон, «Филиппики»;
Юстин, «История Филиппа».

ГЛАВА 3. КИНЖАЛЫ НА ФОРУМЕ

Авл Геллий, «Аттические ночи»;
Аммиан Мерцелин, «Деяния»;
Аппиан, «Гражданские войны»;
Аппиан, «Митридатовы войны»;
Асконий, «Комментарии к пяти речам Цицерона»;
Валерий Максим, «Примечательные поступки и изречения»;
Веллей Патеркул, «Римская история»;
Диодор Сицилийский, «Историческая библиотека»;
Евтропий, «Бревиарий от основания города»;
Кассий Дион, «Римская история»;
Луций Анней Флор, «Эпитомы римской истории»;
Плиний Старший, «Естественная история»;
Плутарх, «Гай Гракх»;
Плутарх, «Тиберий Гракх»;
Плутарх, «Цезарь»;
Псевдо-Цицерон, «Риторика для Геренния»;
Орозий, «История против язычников»;
Саллюстий, «История. Фрагменты»;
Саллюстий, «Югуртинская война»;
Тацит, «Анналы»;
Тит Ливий, «История Рима от основания города. Периохи»;
Фест, «Бревиарий деяний римского народа»;
Цицерон, «Брут»;
Цицерон, «В пределах добра и зла»;
Цицерон, «Дивинация против Квинта Цецилия»;
Цицерон, «Об ответах гаруспиков»;
Цицерон, «Об обязанностях»;
Цицерон, «Об ораторе»;
Цицерон, «О дивинации»;
Цицерон, «О государстве»;
Цицерон, «О законах»;
Цицерон, «Письма к друзьям»;
Цицерон, «Речи против Катилины»;
Цицерон, «Речь в защиту Авла Клуенция Габита»;
Цицерон, «Речь в защиту Гая Рабирия»;
Цицерон, «Речь в защиту Гнея Планция»;
Цицерон, «Речь в защиту Публия Сестия»;

Цицерон, «Речь в сенате по возвращении из изгнания»;
Цицерон, «Речь о своем доме»;
Цицерон, «Речь против Гая Верреса»;
Цицерон, «Филиппики».

ГЛАВА 4. ПРОДАЖНЫЙ ГОРОД.

Аммиан Мерцелин, «Деяния»;
Аппиан, «Войны в Испании»;
Асконий, «Комментарии к пяти речам Цицерона»;
Валерий Максим, «Примечательные поступки и изречения»;
Веллей Патеркул, «Римская история»;
Диодор Сицилийский, «Историческая библиотека»;
Евтропий, «Бревиарий от основания города»;
«Капитолийские фасты»;
Кассий Дион, «Римская история»;
Луций Анней Флор, «Эпитомы римской истории»;
Орозий, «История против язычников»;
Павсаний, «Описание Эллады»;
Плутарх, «Гай Гракх»;
Плутарх, «Гай Марий»;
Плутарх, «Римские вопросы»;
Плутарх, «Цезарь»;
Полибий, «Всеобщая история»;
Псевдо-Аврелий Виктор, «О знаменитых людях»;
Саллюстий, «Югуртинская война»;
Страбон, «География»;
Тацит, «История»;
Тит Ливий, «История Рима от основания города. Периохы»;
Фронтин, «Стратегемы»;
Цицерон, «Брут»;
Цицерон, «Об обязанностях»;
Цицерон, «Об ораторе»;
Цицерон, «О законах»;
Цицерон, «Речь в защиту Авла Клуенция Габита»;
Цицерон, «Речь в защиту Бальба»;

Цицерон, «Речь против Гая Верреса»;
Цицерон, «Речь в защиту Гнея Планция»;
Цицерон, «Речь в защиту Скавра»;
Цицерон, «Филиппики».

ГЛАВА 5. ПОБЕДНЫЕ ТРОФЕИ

Авл Геллий, «Аттические ночи»;
Аммиан Мерцелин, «Деяния»;
Аппиан, «О войнах с галлами»;
Асконий, «Комментарии к пяти речам Цицерона»;
Валерий Максим, «Примечательные поступки и изречения»;
Веллей Патеркул, «Римская история»;
Диодор Сицилийский, «Историческая библиотека»;
Евтропий, «Бревиарий от основания города»;
Кассий Дион, «Римская история»;
Луций Анней Флор, «Эпитомы римской истории»;
Орозий, «История против язычников»;
Плиний Старший, «Естественная история»;
Плутарх, «Гай Гракх»;
Плутарх, «Гай Марий»;
Саллюстий, «Югуртинская война»;
Страбон, «География»;
Тацит, «Германия»;
Тит Ливий, «История Рима от основания города. Периохи»;
Фронтин, «Стратегемы»;
Цицерон, «Брут»;
Цицерон, «Об обязанностях»;
Цицерон, «Об ораторе»;
Цицерон, «Письма к друзьям»;
Цицерон, «Речь в защиту Бальба»;
Цицерон, «Речь против Гая Верреса»;
Цицерон, «Речь в защиту Гнея Планция»;
Цицерон, «Речь в защиту Публия Сестия».

ГЛАВА 6. ЗОЛОТАЯ СЕРЬГА

Авл Геллий, «Аттические ночи»;
Асконий, «Комментарии к пяти речам Цицерона»;
Валерий Максим, «Примечательные поступки и изречения»;
Веллей Патеркул, «Римская история»;
Граний Лициниан, «История Рима»;
Диодор Сицилийский, «Историческая библиотека»;
Еврипид, «Финикиянки»;
Евтропий, «Бревиарий от основания города»;
Кассий Дион, «Римская история»;
Луций Анней Флор, «Эпитомы римской истории»;
Орозий, «История против язычников»;
Плиний Старший, «Естественная история»;
Плутарх, «Гай Марий»;
Плутарх, «Камилл»;
Плутарх, «Римские вопросы»;
Плутарх, «Сулла»;
Плутарх, «Цезарь»;
Псевдо-Цицерон, «Риторика для Геренния»;
Саллюстий, «Югуртинская война»;
Страбон, «География»;
Тацит, «Германия»;
Тит Ливий, «История Рима от основания города. Периохии»;
Фронтин, «Стратегемы»;
Цицерон, «Брут»;
Цицерон, «Об ораторе»;
Цицерон, «Об ораторском искусстве»;
Цицерон, «Письма к Аттику»;
Цицерон, «Речь в защиту Бальба»;
Цицерон, «Речь в защиту Гнея Планция»;
Граний Лициниан, «История Рима»;
Цицерон, «Речь в защиту Мурены»;
Юлий Цезарь, «Записки о Галльской войне»;
Юстин, «История Филиппа».

ГЛАВА 7. МАРИЕВЫ МУЛЫ;

Асконий, «Комментарии к пяти речам Цицерона»;
Валерий Максим, «Примечательные поступки и изречения»;
Веллей Патеркул, «Римская история»;
Граний Лициниан, «История Рима»;
Диодор Сицилийский, «Историческая библиотека»;
«Капитолийские фасты»;
Кассий Дион, «Римская история»;
Луций Анней Флор, «Эпитомы римской истории»;
Орозий, «История против язычников»;
Плиний Старший, «Естественная история»;
Плутарх, «Гай Марий»;
Плутарх, «Лукулл»;
Плутарх, «Римские вопросы»;
Плутарх, «Серторий»;
Плутарх, «Сулла»;
Плутарх, «Цезарь»;
Псевдо-Аврелий Виктор, «О знаменитых людях»;
Псевдо-Цицерон, «Риторика для Геренния»;
Страбон, «География»;
Тит Ливий, «История Рима от основания города. Периохии»;
Фронтин, «Стратегемы»;
Цицерон, «Брут»;
Цицерон, «Дивинация против Квинта Цецилия»;
Цицерон, «Об обязанностях»;
Цицерон, «Об ораторе»;
Цицерон, «Об ответах гаруспиков»;
Цицерон, «О дивинации»;
Цицерон, «О земельном законе»;
Цицерон, «О консульских провинциях»;
Цицерон, «О природе богов»;
Цицерон, «Речь в защиту Мурены»;
Цицерон, «Речь в защиту Публия Сестия»;
Цицерон, «Речь в защиту Скавра»;
Цицерон, «Речь против Гая Верреса».

ГЛАВА 8. ТРЕТИЙ ОСНОВАТЕЛЬ РИМА;

Аппиан, «Гражданские войны»;
Асконий, «Комментарии к пяти речам Цицерона»;
Валерий Максим, «Примечательные поступки и изречения»;
Веллей Патеркул, «Римская история»;
Диодор Сицилийский, «Историческая библиотека»;
Евтропий, «Бревиарий от основания города»;
Кассий Дион, «Римская история»;
Луций Анней Флор, «Эпитомы римской истории»;
Орозий, «История против язычников»;
Плиний Старший, «Естественная история»;
Плутарх, «Гай Марий»;
Псевдо-Цицерон, «Риторика для Геренния»;
Страбон, «География»;
Тит Ливий, «История Рима от основания города. Периохии»;
Фронтин, «Стратегемы»;
Цицерон, «Брут»;
Цицерон, «Об ораторе»;
Цицерон, «Об ответах гаруспиков»;
Цицерон, «О консульских провинциях»;
Цицерон, «Речь в защиту Бальба»;
Цицерон, «Речь в защиту Публия Сестия»;
Цицерон, «Речь в защиту Гая Рабирия Постума»;
Цицерон, «Речь в защиту Гнея Планция»;
Цицерон, «Речь против Гая Верреса»;
Цицерон, «Речи против Катилины»;
Цицерон, «Филиппики».

ГЛАВА 9. ИТАЛИЯ

Авл Геллий, «Аттические ночи»;
Аппиан, «Гражданские войны»;
Аппиан, «Митридатовы войны»;
Асконий, «Комментарии к пяти речам Цицерона»;
Валерий Максим, «Примечательные поступки и изречения»;
Веллей Патеркул, «Римская история»;
Диодор Сицилийский, «Историческая библиотека»;

Евтропий, «Бревиарий от основания города»;
Кассий Дион, «Римская история»;
Луций Анней Флор, «Эпитомы римской истории»;
Орозий, «История против язычников»;
Плиний Старший, «Естественная история»;
Плутарх, «Гай Марий»;
Плутарх, «Деметрий»;
Плутарх, «Катон Младший»;
Плутарх, «Римские вопросы»;
Плутарх, «Серторий»;
Плутарх, «Сулла»;
Псевдо-Цицерон, «Риторика для Геренния»;
Саллюстий, «История. Фрагменты»;
Страбон, «География»;
Тит Ливий, «История Рима от основания города. Периохи»;
Фест, «Бревиарий деяний римского народа»;
Фронтин, «Стратегемы»;
Цицерон, «Брут»;
Цицерон, «В защиту законопроекта Манилия»;
Цицерон, «В защиту поэта Архия»;
Цицерон, «Об обязанностях»;
Цицерон, «Об ораторе»;
Цицерон, «О законах»;
Цицерон, «О природе богов»;
Цицерон, «Письма к Аттику»;
Цицерон, «Письма к брату Квинту»;
Цицерон, «Речь в защиту Бальба»;
Цицерон, «Речь в защиту Гая Рабирия Постума»;
Цицерон, «Речь в защиту Гнея Планция»;
Цицерон, «Речь в защиту Публия Сестия»;
Цицерон, «Речь в защиту Скавра»;
Цицерон, «В защиту Милона»;
Цицерон, «Речь о своем доме»;
Цицерон, «Речь против Пизона».

ГЛАВА 10. РУИНЫ КАРФАГЕНА

Аппиан, «Гражданские войны»;
Аппиан, «Митридатовы войны»;
Асконий, «Комментарии к пяти речам Цицерона»;
Валерий Максим, «Примечательные поступки и изречения»;
Веллей Патеркул, «Римская история»;
Граний Лициниан, «История Рима»;
Диодор Сицилийский, «Историческая библиотека»;
Евтропий, «Бревиарий от основания города»;
Кассий Дион, «Римская история»;
Луций Анней Флор, «Эпитомы римской истории»;
Орозий, «История против язычников»;
Плутарх, «Гай Марий»;
Плутарх, «Деметрий»;
Плутарх, «Лукулл»;
Плутарх, «Помпей»;
Плутарх, «Римские вопросы»;
Плутарх, «Серторий»;
Плутарх, «Сулла»;
Псевдо-Цицерон, «Риторика для Геренния»;
Саллюстий, «История. Фрагменты»;
Страбон, «География»;
Тацит, «Анналы»;
Тит Ливий, «История Рима от основания города. Периохи»;
Фест, «Бревиарий деяний римского народа»;
Фронтин, «Стратегемы»;
Цицерон, «Брут»;
Цицерон, «В пределах добра и зла»;
Цицерон, «Об ораторе»;
Цицерон, «Об ответах гаруспиков»;
Цицерон, «О дружбе»;
Цицерон, «О законах»;
Цицерон, «Речь в защиту Гая Рабирия»;
Цицерон, «Речь в защиту Гнея Планция»;
Цицерон, «В защиту законопроекта Манилия»;
Цицерон, «Речь в защиту Публия Сестия»;
Цицерон, «Речи против Катилины»;
Цицерон, «Речь против Пизона»;

Цицерон, «Филиппики»;
Юстин, «История Филиппа».

ГЛАВА 11. БОТИНКИ С ШИПАМИ

Аппиан, «Гражданские войны»;
Аппиан, «Митридатовы войны»;
Валерий Максим, «Примечательные поступки и изречения»;
Веллей Патеркул, «Римская история»;
Граний Лициниан, «История Рима»;
Евтропий, «Бревиарий от основания города»;
«Капитолийские фасты»;
Кассий Дион, «Римская история»;
Луций Анней Флор, «Эпитомы римской истории»;
Орозий, «История против язычников»;
Павсаний, «Описание Эллады»;
Плиний Старший, «Естественная история»;
Плутарх, «Гай Марий»;
Плутарх, «Лукулл»;
Плутарх, «Марк Антоний»;
Плутарх, «Марк Красс»;
Плутарх, «Серторий»;
Плутарх, «Сулла»;
Саллюстий, «Заговор Катилины»;
Саллюстий, «История. Фрагменты»;
Страбон, «География»;
Тит Ливий, «История Рима от основания города. Периохи»;
Фронтин, «Стратегемы»;
Цицерон, «Брут»;
Цицерон, «В защиту Флакка»;
Цицерон, «Об обязанностях»;
Цицерон, «Об ораторе»;
Цицерон, «О законах»;
Цицерон, «О природе богов»;
Цицерон, «Письма к друзьям»;
Цицерон, «Речь в защиту Гнея Планция»;

Цицерон, «Речи против Катилины»;
Цицерон, «Тускуланские беседы»;
Цицерон, «Филиппики».

ГЛАВА 12. ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА

Аппиан, «Гражданские войны»;
Валерий Максим, «Примечательные поступки и изречения»;
Веллей Патеркул, «Римская история»;
Граний Лициниан, «История Рима»;
Диодор Сицилийский, «Историческая библиотека»;
Евтропий, «Бревиарий от основания города»;
Кассий Дион, «Римская история»;
Луций Анней Флор, «Эпитомы римской истории»;
Орозий, «История против язычников»;
Плиний Старший, «Естественная история»;
Плутарх, «Катон Младший»;
Плутарх, «Марк Красс»;
Плутарх, «Нума»;
Плутарх, «Помпей»;
Плутарх, «Серторий»;
Плутарх, «Сулла»;
Плутарх, «Цезарь»;
Плутарх, «Римские вопросы»;
Саллюстий, «История. Фрагменты»;
Светоний, «Юлий Цезарь»;
Страбон, «География»;
Тит Ливий, «История Рима от основания города. Периохи»;
Цицерон, «Брут»;
Цицерон, «В защиту законопроекта Манилия»;
Цицерон, «О законах»;
Цицерон, «О консульских провинциях»;
Цицерон, «О природе богов»;
Цицерон, «Письма к друзьям»;
Цицерон, «Речь против Гая Верреса»;
Цицерон, «Филиппики»;

Фронтин, «Стратегемы».

ГЛАВА 13. ДИКТАТОР НА ВСЮ ЖИЗНЬ

Авл Геллий, «Аттические ночи»;
Аммиан Мерцелин, «Деяния»;
Аппиан, «Гражданские войны»;
Аппиан, «Митридатовы войны»;
Асконий, «Комментарии к пяти речам Цицерона»;
Валерий Максим, «Примечательные поступки и изречения»;
Веллей Патеркул, «Римская история»;
Граний Лициниан, «История Рима»;
Диодор Сицилийский, «Историческая библиотека»;
Евтропий, «Бревиарий от основания города»;
Кассий Дион, «Римская история»;
Луций Анней Флор, «Эпитомы римской истории»;
Орозий, «История против язычников»;
Павсаний, «Описание Эллады»;
Плиний Старший, «Естественная история»;
Плутарх, «Гай Марий»;
Плутарх, «Катон Младший»;
Плутарх, «Лукулл»;
Плутарх, «Марк Красс»;
Плутарх, «Помпей»;
Плутарх, «Римские вопросы»;
Плутарх, «Серторий»;
Плутарх, «Сулла»;
Плутарх, «Цезарь»;
Псевдо-Цезарь, «Африканская война»;
Саллюстий, «Заговор Катилины»;
Саллюстий, «История. Фрагменты»;
Светоний, «Август»;
Светоний, «Тиберий»;
Светоний, «Юлий Цезарь»;
Страбон, «География»;
Тацит, «Анналы»;

Тит Ливий, «История Рима от основания города. Периохи»;
Цицерон, «В защиту Секста Росция из Америи»;
Цицерон, «Об обязанностях»;
Цицерон, «О законах»;
Цицерон, «О земельном законе»;
Цицерон, «Письма к Аттику»;
Цицерон, «Письма к друзьям»;
Цицерон, «Речь в защиту Авла Клуенция Габита»;
Цицерон, «Речь в защиту Гая Рабирия»;
Цицерон, «Речь в защиту Гнея Планция»;
Цицерон, «Речь против Гая Верреса»;
Цицерон, «Речь в защиту Скавра»;
Цицерон, «Филиппики»;
Юстин, «История Филиппа».

ИЗБРАННЫЕ СОВРЕМЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ

- А. Е. Остин. «Сципион Эмилиан». Оксфорд: Clarendon Press, 1967.
- Эрнст Бэдиен. «Чужеземные клиенты, 264–70 гг. до н. э.». Оксфорд: Clarendon Press, (1958) 1984.
- Эрнст Бэдиен. «Публиканы и грешники: частное предприятие на службе Римской республики». Итака, штат Нью-Йорк: Cornell University Press, 1972.
- Эрнст Бэдиен. «Римский империализм на позднем этапе существования республики», Оксфорд: Basil Blackwell, 1968.
- Дж. П. Бейкер. «Сулла Счастливый». Нью-Йорк, Barnes & Noble, 1967 г. Первая публикация: University of Michigan Press, 1927.
- Элвин Бернштейн. «Тиберий Семпроний Гракх: традиция и отступничество», Итака и Лондон: Cornell University Press, 1978.
- Джордж Уиллис Ботсфорд. «Римские Народные собрания: от происхождения до заката республики». Нью-Йорк: MacMillan Company, 1909.
- Питер Брант. «Человеческие ресурсы Италии в 225 г. до н. э. – 14 г. н. э.». Оксфорд: Clarendon Press, 1971.
- Питер Брант. «Социальный конфликт в Римской республике». Нью-Йорк и Лондон: W. W. Norton, 1971.

Томас Карни. «Биография Гая Мария». Ассен, Нидерланды: Royal VanGorcum, 1961.

Джессика Кларк. «Триумф в поражении: военные потери и Римская республика». Нью-Йорк: Oxford University Press, 2014.

«Кембриджская история Древнего мира». Т. IX. Редакторы Дж. Крук, Э. Линтотт и Э. Роусон, Кембридж: Cambridge University Press, 1994.

Кристофер Дарт. «Союзническая война, 91–88 гг. до н. э.». Фарнем: Ashgate, 2014.

Д. Эрл. «Политическая мысль Саллюстия». Кембридж: Cambridge University Press, 1961.

Д. Эрл. «Тиберий Гракх: монография на тему политики». Т. LXIV. Брюссель: Collection Latomus, 1963.

Артур Экштейн. «Сенат и генерал: принимаемые лично решения и международные отношения Рима, 261–194 гг. до н. э.». Беркли: University of California Press, 1987.

Ричард Эванс. «Гай Марий: политическая биография». Претория: University of South Africa Press, 1994.

Эмилио Габба, «Республиканский Рим: армия и союзники», Беркли, University of California Press, 1976.

Дэниел Гаргола. «Земля, законы и боги: роль магистратов и церемоний в регулировании обращения общественных земель в республиканском Риме». Чапел-Хилл: University of North Carolina Press, 1995.

Эдриен Голдсуорси. «Армия Рима в 100 г. до н. э. – 200 г. н. э.». Оксфорд: Clarendon Press, 1996.

Эрих Груэн. «Последнее поколение Римской республики». Беркли: University of California Press, 1974.

Эрих Груэн. «Римская политика и уголовные суды, 149–78 гг. до н. э.». Кембридж, штат Массачусетс: Harvard University Press, 1968.

Эрин Хилдингер. «Мечи против сената: подъем римской армии и падение республики». Бостон: Da Capo Press, 2002.

Карл-Йоаким Хелькескамп. «Воссоздание Римской республики: античная политическая культура и современные исследования». Вудсток: Princeton University Press, 2010.

Артур Кивни. «Роль армии в римской революции». Нью-Йорк: Routledge, 2007.

Артур Кивни. «Сулла: последний республиканец». 2-е изд. Нью-Йорк: Routledge, 2005. Первая публикация: Croom Helm, 1982.

Эндрю Линтотт. «Конституция Римской республики». Оксфорд: Clarendon Press, 1999.

Эндрю Линтотт. «Правовая и земельная реформы в Римской Республике». Кембридж: Cambridge University Press, 1992.

Эндрю Линтотт. «Насилие в республиканском Риме». Оксфорд: Oxford University Press, 1999.

Мишель Ловано. «Эпоха Цинны: горнило Рима на позднем этапе существования Республики». Historia: Einzelschriften No. 158. Штутгарт: Franz Steiner, 2002.

Кристофер Маккей. «Крах Римской Республики: от олигархии до империи». Нью-Йорк, Cambridge University Press, 2009.

Эдриен Мейер. «Царь, любивший яды: жизнь и легенда Митридата». Принстон: Princeton University Press, 2010.

Фергюс Миллар. «Роль толпы в Риме на позднем этапе существования республики». Анн-Арбор: University of Michigan Press, 1998.

Фергюс Миллар. «Рим, эллинский мир и Восток. Т. 1: Римская республика и революция Августа». Под ред. Харры Коттон и Ги Роджерса. Чапел-Хилл, Лондон: University of North Carolina Press, 2002.

Теодор Моммсен. «История Рима: новое издание». Merriam Books, 1958.

Хенрик Моурицен. «Плебс и политика на последнем этапе существования Римской республики». Кембридж: Cambridge University Press, 2001.

О. Ф. Робинсон. «Уголовное право в Древнем Риме». Балтимор: Johns Hopkins University Press, 1995.

Джонатан Рос. «Логистика армии Рима в военное время, 264 г. до н. э. – 235 г. н. э.». Бостон: Brill, 1998.

Гарет Сэмпсон. «Римский кризис: Югуртинская война, войны на севере и взлет Мария». Барнсли: Pen & Sword, 2010.

Г. Скаллард. «От Гракхов до Нерона: история Рима от 133 г. до н. э. по 68 г. н. э.». Первая публикация: 1982. Переиздание: Лондон, Нью-Йорк: Routledge, 2002.

«Кризис Римской республики». Под ред. Робина Сигера. Нью-Йорк: Barnes & Noble, 1969.

Брент Шоу. «Спартак и восстания рабов: краткая история с документальными свидетельствами». Бостон: Bedford, 2001.

Дэвид Стоктон. «Гракхи». Оксфорд: Clarendon Press, 1979.

Рональд Сайм. «Саллюстий». Беркли: University of California Press, 2002. Первая публикация: University of California Press, 1964.

Рональд Сайм. «Римская революция». Изд. переработ. и дополн., Оксфорд: Oxford University Press, 2002.

Лили Росс Тэйлор. «Партийная политика во времена Цезаря». Беркли: University of California Press, 1961.

Лили Росс Тэйлор. «Голосование в Народных собраниях Рима в период с Ганнибаловой войны до диктатуры Цезаря». Анн-Арбор: University of Michigan Press, 1966.

Рэйчел Фейг Вишня. «Государство, общество и народные лидеры во времена расцвета Римской республики, 241–167 гг. до н. э.». Нью-Йорк: Routledge, 1996.

«Кембриджская история Древнего мира». Т. VII. Под ред. Ф. Уолбэнк, А. Е. Остин, М. Фредериксен и Р. Огилви. Кембридж: Cambridge University Press, 1990.

«Полибий». Под ред. Ф. Уолбэнк, А. Е. Остин, М. Фредериксен и Р. Огилви. Беркли: University of California Press, 1972.

Шервин Уайт. «Римское гражданство». Оксфорд: Clarendon Press, 1973.

Т. П. Вайзман. «“Новые люди” в римском сенате, 139 г. до н. э. – 14 г. н. э.». Оксфорд: Oxford University Press, 1971.

Примечания

Ныне французский город Экс-ан-Прованс. – *Прим. пер.*

Ныне французский Нарбонн. – *Прим. пер.*

Ныне итальянский город Асколи-Пичено. – *Прим. пер.*

Полибий, «Всеобщая история», I, 1.

Аппиан, «Гражданские войны», I, 1.

Можно перевести как «путь старших», «обычаи предков», «наследственные обычаи». – *Прим. пер.*

Тит Ливий, «История от основания города. Периохы», XXXVIII, 32.

Плутарх, «Катон Старший», 27.

Павсаний, «Описание Эллады», VII, 14, 6.

Полибий, «Всеобщая история», XXXVIII, 21.

Полибий, «Всеобщая история», XXXVIII, 21.

Катон Старший, «Фрагменты римских ораторов».

Тит Ливий, «История от основания города. Периохи», XXXVII, 7.

Валерий Максим, «Примечательные поступки и изречения», IV, 4.

Веллей Патеркул, «Римская история», II, 2.

Цицерон, «Об ответах гаруспиков», 19, 41.

Тит Ливий, «История от основания города. Периохи», XXXIV, 4.

Плиний, «Естественная история», 33, 53.

Саллюстий, «Югуртинская война», 41.

Аппиан, «Гражданские войны», I, 7.

Плутарх, «Тиберий Гракх», 8.

Аппиан, «Войны в Испании», XIII, 78.

Веллей Патеркул, «Римская история», II, 1.

Аппиан, «Гражданские войны», I, 9.

Диодор Сицилийский, «Историческая библиотека», XXXIV–XXXV. 6.

Диодор Сицилийский, «Историческая библиотека», XXXIV–XXXV. 6.

Плутарх, «Тиберий Гракх», 9.

Плутарх, «Тиберий Гракх», 9.

Плутарх, «Тиберий Гракх», 9.

Плутарх, «Тиберий Гракх», 10.

Диодор Сицилийский, «Историческая библиотека», XXIV, 83.

Аппиан, «Гражданские войны», I, 12.

Плутарх, «Тиберий Гракх», 13.

Луций Анней Флор, «Эпитомы римской истории», I, 35, 20.

Полибий, «Всеобщая история», VI, 13.

Полибий, «Всеобщая история», VI, 13.

Полибий, «Всеобщая история», VI, 13.

Плутарх, «Тиберий Гракх», 19.

Аппиан, «Гражданские войны», I, 16.

Аппиан, «Гражданские войны», I, 17.

Плутарх, «Тиберий Гракх», 20.

Веллей Патеркул, «Римская история», II, 3.

Веллей Патеркул, «Римская история», II, 3.

Диодор Сицилийский, «Историческая библиотека», XXXIV–XXXV, 2, 33.

Закон Двенадцати таблиц, XII, 11.

Валерий Максим, «Примечательные поступки и изречения», V, 3,
2.

Луций Анней Флор, «Эпитомы римской истории», I, 34, 18.

Диодор Сицилийский, «Историческая библиотека», XXXIV–XXXV, 7.

Веллей Патеркул, «Римская история», II, 4.

Веллей Патеркул, «Римская история», II, 4.

Диодор Сицилийский, «Историческая библиотека», XXXIV–XXXV, 2, 1–3.

Диодор Сицилийский, «Историческая библиотека», XXXIV–XXXV, 2, 1–3.

Диодор Сицилийский, «Историческая библиотека», XXXIV–XXXV, 2, 22.

Луций Анней Флор, «Эпитомы римской истории», I, 35, 20.

Луций Анней Флор, «Эпитомы римской истории», I, 35, 20.

Луций Анней Флор, «Эпитомы римской истории», I, 35, 20.

Диодор Сицилийский, «Историческая библиотека», V, 38.

Аппиан, «Гражданские войны», I, 19.

Аппиан, «Гражданские войны», I, 19.

Веллей Патеркул, «Римская история», II, 4.

Плутарх, «Римские вопросы», 2.

Саллюстий, «История. Фрагменты», I, 12.

Цицерон, «О дивинации», I, 56.

Плутарх, «Гай Гракх», 2.

Плутарх, «Тиберий Гракх», 2.

Плутарх, «Тиберий Гракх», 2.

Цицерон, «Об ответах гаруспиков», 41.

Плутарх, «Гай Гракх», 1.

Плутарх, «Гай Гракх», 1.

Аппиан, «Гражданские войны», I, 21.

Цицерон, «Об обязанностях», III, 47.

Цицерон, «Об обязанностях», III, 47.

Тит Ливий, «История от основания города. Периохи», XXVII, 10.

Псевдо-Цицерон, «Риторика для Геренния», IV, 22, 37.

Псевдо-Цицерон, «Риторика для Геренния», IV, 22, 37.

Авл Геллий, «Аттические ночи», XV, 12.

Плутарх, «Гай Гракх», 3.

Плутарх, «Гай Гракх», 3.

Веллей Патеркул, «Римская история», II, 6.

Цицерон, «Речь в защиту Публия Сестия», 103.

Аппиан, «Гражданские войны», I, 23.

Цицерон, «Об ораторе», III, 213.

Цицерон, «Филиппики», VIII, 14.

Плутарх, «Гай Гракх», 15.

Плутарх, «Гай Гракх», 15.

Диодор Сицилийский, «Историческая библиотека» XXXIV–XXXV,
7, 27–29.

Плутарх, «Гай Гракх», 17.

Цицерон, «Об ораторе», II, 170.

Цицерон, «Об ораторе», II, 170.

Плутарх, «Гай Гракх», 19.

Плутарх, «Гай Гракх», 19.

Плутарх, «Гай Гракх», 19.

Саллюстий, «Югуртинская война», 41.

Саллюстий, «Югуртинская война», 41.

Саллюстий, «Югуртинская война», 42.

Цицерон, «О законах», III, 20.

Плутарх, «Гай Гракх», 17.

Цицерон, «Речь в защиту Гая Верреса», II, 5, 126.

Веллей Патеркул, «Римская история», II, 11.

Саллюстий, «Югуртинская война», 63.

Плутарх, «Гай Марий», 3.

Плутарх, «Гай Марий», 6.

Цицерон, «Об ораторе», II, 283.

Цицерон, «Об ораторе», I, 214.

Саллюстий, «Югуртинская война», 15.

Цицерон, «Об ораторе», I, 365.

Цицерон, «Об ораторе», I, 364.

Цицерон, «Об ораторе», I, 364.

Саллюстий, «Югуртинская война», 6.

Саллюстий, «Югуртинская война», 7–8.

Саллюстий, «Югуртинская война», 7–8.

Саллюстий, «Югуртинская война», 9.

Саллюстий, «Югуртинская война», 14–15.

Саллюстий, «Югуртинская война», 14–15.

Саллюстий, «Югуртинская война», 13–15.

Саллюстий, «Югуртинская война», 13–15.

Саллюстий, «Югуртинская война», 13–15.

Саллюстий, «Югуртинская война», 26.

Саллюстий, «Югуртинская война», 29.

Саллюстий, «Югуртинская война», 28.

Саллюстий, «Югуртинская война», 31.

Саллюстий, «Югуртинская война», 31.

Саллюстий, «Югуртинская война», 31.

Саллюстий, «Югуртинская война», 31.

Саллюстий, «Югуртинская война», 31.

Саллюстий, «Югуртинская война», 35.

Саллюстий, «Югуртинская война», 35.

Саллюстий, «Югуртинская война», 5.

Диодор Сицилийский, «Историческая библиотека», XXXVII, 1.

Страбон, «География», II, 3, 6.

Луций Анней Флор, «Эпитомы римской истории», I, 39, 4.

Саллюстий, «Югуртинская война», 40.

Плутарх, «Гай Гракх», 18.

Луций Анней Флор, «Эпитомы римской истории», I, 38, 3.

Диодор Сицилийский, «Историческая библиотека», 37.

Саллюстий, «Югуртинская война», 62.

Плутарх, «Гай Марий», 7.

Плутарх, «Гай Марий», 8.

Саллюстий, «Югуртинская война», 64.

Саллюстий, «Югуртинская война», 64.

Саллюстий, «Югуртинская война», 72.

Саллюстий, «Югуртинская война», 82.

Цицерон, «Об обязанностях», III, 79.

Саллюстий, «Югуртинская война», 85.

Саллюстий, «Югуртинская война», 85.

Саллюстий, «Югуртинская война», 85.

Саллюстий, «Югуртинская война», 85.

Саллюстий, «Югуртинская война», 86.

Еврипид, «Финикиянки», 532.

Саллюстий, «Югуртинская война», 95.

Плутарх, «Сулла», 2.

Плутарх, «Сулла», 1.

Саллюстий, «Югуртинская война», 96.

Псевдо-Цицерон, «Риторика для Геренния», IV, 34.

Цицерон, «Об ораторе», I, 225.

Авл Геллий, «Аттические ночи», III, 9, 7.

Юстин, «История Филиппа», XXXII, 3.

Саллюстий, «Югуртинская война», 102.

Плутарх, «Сулла», 3.

Саллюстий, «Югуртинская война», 104.

Луций Анней Флор, «Эпитомы римской истории», I, 36, 1.

Плутарх, «Гай Марий», 10.

Плутарх, «Сулла», 12.

Плутарх, «Гай Марий», 16.

Плутарх, «Гай Марий», 16.

Плутарх, «Гай Марий», 18.

Не имеет никакого отношения к Луцию Кассию Лонгину, погибшему в 107 г. до н. э. в битве с тигуринами.

Цицерон, «Об обязанностях», II, 73.

Цицерон, «Об обязанностях», II, 73.

Диодор Сицилийский, «Историческая библиотека», 12.

Цицерон, «Брут», 224.

Диодор, «Историческая библиотека», XXXVI, 9.

Диодор, «Историческая библиотека», XXXVI, 9.

Плутарх, «Гай Марий», 18.

Орозий, «История против язычников», V, 16.

Орозий, «История против язычников», V, 16.

Цицерон, «В защиту Луция Лициния Мурены», 36.

Плутарх, «Сулла», 4.

Плутарх, «Гай Марий», 23.

Плутарх, «Гай Марий», 23.

Плутарх, «Гай Марий», 23.

Орозий, «История против язычников», V, 16.

Аппиан, «Гражданские войны», I, 33.

Цицерон, «Брут», 224.

Цицерон, «Брут», 224.

Цицерон, «Брут», 224.

Диодор Сицилийский, «Историческая библиотека», XXXVI, 15.

Диодор Сицилийский, «Историческая библиотека», XXXVI, 15.

Плутарх, «Гай Марий», 24.

Плутарх, «Гай Марий», 25–27.

Тит Ливий, «История Рима от основания города. Периохи», 68.

Диодор Сицилийский, «Историческая библиотека», XXXVI, 11.

Диодор Сицилийский, «Историческая библиотека», XXXVI, 11.

Плутарх, «Гай Марий», 28.

Плутарх, «Гай Марий», 28.

Плутарх, «Гай Марий», 29.

Орозий, «История против язычников», V, 17.

Веллей Патеркул, «Римская история», II, 11.

Плутарх, «Гай Марий», 2.

Луций Анней Флор, «Эпитомы римской истории», II, 6, 18.

В ходе этого визита произошла печально известная история: пытаясь убедить четырехлетнего Катона Младшего в необходимости предоставить италийцам гражданство, Силон схватил его и свесил с окна, угрожая бросить вниз. Карапуз Катон был против. См. Плутарх, «Катон Младший».

Диодор Сицилийский, «Историческая библиотека», XXXVII, 10.

Авл Геллий, «Аттические ночи», X, 2.5, 2.9.

Цицерон, «О Манилиевом законе», 14.

Диодор Сицилийский, «Историческая библиотека», XXXVII, 10.

Веллей Патеркул, «Римская история», II, 14.

Луций Анней Флор, «Эпитомы римской истории», II, 5, 17.

Луций Анней Флор, «Эпитомы римской истории», II, 5, 17.

Дядя *того самого* Юлия Цезаря.

Цицерон, «Об ораторе», I, 213.

Цицерон, «Об ораторе», III, 8, перевод Ф. Петровского.

Диодор Сицилийский, «Историческая библиотека», XXXVII, 10.

Диодор Сицилийский, «Историческая библиотека», XXXVII, 13.

Веллей Патеркул, «Римская история», II, 14.

Веллей Патеркул, «Римская история», II, 11.

Двоюродный старший брат *того самого* Цезаря.

Диодор Сицилийский, «Историческая библиотека», XXXVII, 18.

Диодор Сицилийский, «Историческая библиотека», XXXVII, 18.

Диодор Сицилийский, «Историческая библиотека», XXXVII, 18.

Диодор Сицилийский, «Историческая библиотека», XXXVII, 18.

Плутарх, «Гай Марий», 33.

Плутарх, «Гай Марий», 33.

Диодор Сицилийский, «Историческая библиотека», XXXVII, 2, 3.

Цицерон, «В защиту поэта Архия», 7.

Дядя Катона-младшего.

Орозий, «История против язычников», V, 18.

Орозий, «История против язычников», V, 18.

Да, это ТЕ САМЫЕ Помпеи. – *Прим. авт.*

Орозий, «История против язычников», V, 18.

Аппиан, «Гражданские войны», I, 54.

Аппиан, «Гражданские войны», I, 57.

Аппиан, «Митридатовы войны», 112.

Плутарх, «Гай Марий», 31–32.

Плутарх, «Гай Марий», 34.

Диодор Сицилийский. «Историческая библиотека», XXXVII, 2, 12.

Веллей Патеркул, «Римская история», II, 18.

Плутарх, «Сулла», 6.

Плутарх, «Сулла», 8.

Цицерон, «Речь об ответах гаруспиков», 41.

Плутарх, «Сулла», 8.

Аппиан, «Гражданские войны», 53.

Плутарх, «Сулла», 6.

Аппиан, «Гражданские войны», I, 58.

Орозий, «История против язычников», V, 19.

Плутарх, «Сулла», 10.

Плутарх, «Гай Марий», 36.

Веллей Патеркул, «Римская история», II, 19.

Веллей Патеркул, «Римская история», II, 19.

Аппиан, «Гражданские войны», I, 61.

Плутарх, «Гай Марий», 39.

Веллей Патеркул, «Римская история», II, 19.

Саллюстий, «О заговоре Катилины», 11.

Аппиан, «Гражданские войны», I, 65.

К тому же они страшно злились на Суллу за то, что он их бросил.

Диодор Сицилийский, «Историческая библиотека», XXX/XXXV,
102.

Диодор Сицилийский, «Историческая библиотека», XXX/XXXV,
102.

Сын Лукулла, который так позорно вел себя во время Второго восстания рабов. Возможно, тот самый неназванный квестор, который остался с Суллой, когда тот повел на Рим свои легионы.

Луций Анней Флор, «Эпитомы римской истории», II, 9, 21.

Отец *того самого* Марка Красса. – *Прим. авт.*

Диодор Сицилийский, «Историческая библиотека», XXXVIII, 1.

Аппиан, «Римская история», I, 70.

Аппиан, «Римская история», I, 70.

Аппиан, «Римская история», I, 70.

Аппиан, «Римская история», I, 70.

Веллей Патеркул, «Римская история», II, 22.

Диодор Сицилийский, «Историческая библиотека», XXX/XXXV,
102.

Плутарх, «Гай Марий», 43.

Плутарх, «Гай Марий», 43.

Плутарх, «Сулла», 12.

Плутарх, «Сулла», 13.

Тит Ливий, «История Рима от основания города. Периохи», 80.

Плутарх, «Гай Марий», 45.

Плутарх, «Сулла», 21.

Луций Анней Флор, «Эпитомы римской истории», 40, 5.

Аппиан, «Гражданские войны», I, 78.

Цицерон, «О природе богов», III, 81.

Веллей Патеркул, «Римская история», II, 24.

Аппиан, «Гражданские войны», II, 60.

Ту же уловку в 44 г. до н. э. применил против Юлия Цезаря Помпей.

Цицерон, «Брут, или О знаменитых ораторах», 239.

Плутарх, «Красс», 6.

Аппиан, «Гражданские войны», I, 85.

Плутарх, «Сулла», 28.

Диодор Сицилийский, «Историческая библиотека», XXXVIII, 13.

Диодор Сицилийский, «Историческая библиотека», XXXVIII, 10.

Плутарх, «Сулла», 30.

Плутарх, «Сулла», 30.

Аппиан, «Гражданские войны», I, 91.

Веллей Патеркул, «Римская история», II, 29.

Аппиан, «Гражданские войны», I, 94.

Кассий Дион, «Римская история», XXX/XXXV, 109.

Светоний, «Божественный Юлий», 77.

Плутарх, «Сулла», 30.

Плутарх, «Сулла», 31.

Плутарх, «Сулла», 31.

Плутарх, «Сулла», 31.

Плутарх, «Помпей», 9.

Веллей Патеркул, «Гражданские войны», II, 22.

Светоний, «Божественный Юлий», 1.

Аппиан, «Гражданские войны», I, 104.

Плутарх, «Сулла», 37.

Плутарх, «Сулла», 37.

Плутарх, «Сулла», 38.

Светоний, «Тиберий», 32.

Диодор Сицилийский, «Историческая библиотека», XXXVIII, 9.

Светоний, «Цезарь», 77.

Внук Марка Антония, впоследствии ставшего знаменитым.